902.1
П55

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

П. Д. ЛИБЕРОВ

ПЛЕМЕНА СРЕДНЕГО ДОНА В ЭПОХУ БРОНЗЫ

БИБЛИОТЕКА
Волгоградского
краеведческого музея
№ 9808

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1964

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

В. И. Марковин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Территория Среднего Дона до последнего времени археологически была очень слабо изучена. Из памятников эпохи бронзы здесь были известны лишь отдельные поселения и курганы. Однако и сведения о них содержатся лишь в заметках отчетного характера.

По этим более чем скудным данным невозможно, понятно, установить картину исторического развития и взаимоотношений древних племен, бытовавших на территории Среднего Дона в эпоху бронзы; нельзя правильно поставить и изучение памятников эпохи раннего железа, поскольку именно в эпоху бронзы закладывались экономические основы первобытного общества — скотоводство, земледелие, металлургическое производство — и создавалась развитая форма племенных отношений. Именно поэтому хорошо известные по своему богатству и художественной выразительности памятники типа урочища «Частые курганы» и у с. Мастюгино не находили своего места среди многих других памятников эпохи раннего железа. Неудивительно, что историки и археологи, занимавшиеся изучением памятников эпохи раннего железа на Среднем Дону, не решились со сколько-нибудь достаточным основанием определить их историческое место[1].

Г. В. Подгаецкий, специально занимавшийся изучением предскифского периода, о памятниках типа «Частые курганы» писал, что скифские курганы и отдельные многочисленные находки скифских предметов в большинстве своем являются поздними, не имеют генетической связи ни с предшествовавшими, ни с современными им этапами в развитии местной культуры и представляют собой инородное явление[2]. Вместе с тем Г. В. Подгаецкий высказал и другое предположение о том, что некоторые типы найденной здесь

---

[1] М. И. Ростовцев. Воронежский серебряный сосуд. МАР, 1914, № 34; А. А. Спицын. Курганы скифов пахарей. ИАК, 1918, вып. 65, стр. 132—133; Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, 1911, вып. 43, стр. 47—78; С. Н. Замятнин. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем. СА, 1946, вып. VIII, стр. 9—50; В. А. Городцов. Раскопки «Частых курганов» близ Воронежа в 1927 году. СА, 1947, вып. IX, стр. 5—27; А. Ф. Шоков. Скифы на Среднем Дону. Воронеж, 1952.

[2] Г. В. Подгаецкий. Предскифский период на Среднем Дону. КСИИМК, 1946, вып. XIII, стр. 137, § 19.

керамики относятся ко второму периоду эпохи бронзы и непосредственно примыкают к эпохе раннего железа. На этом основании он прослеживал связь эпохи бронзы с эпохой раннего железа [3].

Таким образом автор, с одной стороны, устанавливал преемственную связь между памятниками эпохи бронзы и раннего железа, с другой — отрицал такую связь и местное происхождение важнейших находок эпохи раннего железа. Такие противоречивые высказывания даже одного и того же автора относительно интересующего нас вопроса вполне обусловлены существовавшим в то время уровнем археологических знаний. Эту загадку можно было решить только путем широких археологических исследований и накопления нового материала. Но такие исследования стали возможны лишь после второй мировой войны. Они начались в 1954 г. с раскопок курганов в урочище «Частые курганы».

Среди раскопанных здесь курганов были обнаружены и курганы эпохи бронзы. По счастливой случайности в некоторых из них удалось открыть такой погребальный обряд, который повторялся в погребениях скифского времени. Мы имеем в виду ритуальные ямки, названные В. А. Городцовым «бофрами» [4]. Открытие ритуальных ямок в погребениях эпохи бронзы на Среднем Дону имело принципиально важное значение. Оно побудило Воронежскую Лесостепную экспедицию расширить исследование памятников эпохи бронзы, изучить архивные материалы раскопок дореволюционного времени.

И к большому удовлетворению наши поиски увенчались огромным успехом. Удалось открыть ряд новых, весьма интересных, поселений, организовать раскопки курганов и поселений, разыскать очень важные архивные источники о прошлых раскопках, которые подняли завесу, скрывавшую от нас действительный процесс исторического развития племен и их культуры на Среднем Дону.

Описанию результатов этих исследований и посвящена настоящая книга. Разумеется, на данной стадии изучения памятников эпохи бронзы невозможно охватить и тем более решить многие важные вопросы интересующей нас эпохи. В ней лишь поставлены и частично решены некоторые вопросы взаимосвязи и хронологии культур эпохи бронзы, намечены некоторые элементы связи их с памятниками эпохи раннего железа и в том числе с памятниками типа «Частые курганы». Наша работа одновременно заполняет существующий пробел в освещении развития срубной культуры на Среднем Дону во втором ее периоде, который в силу недостаточности материала почти не был отражен в специальном труде О. А. Кривцо-

---

[3] Г. В. Подгаецкий. Поселения эпохи бронзы на Среднем Дону. КСИИМК, 1939, вып. II, стр. 18—19.

[4] В. А. Городцов. Указ. соч., стр. 17 и сл.

вой-Граковой, уделившей особое внимание изучению памятников первого периода срубной культуры на этой же территории [5].

Раскопки шести курганов в урочище «Частые курганы», давшие разнообразный и богатый материал катакомбной, срубной и абашевской культур по существу и определили дальнейшее направление работы экспедиции в плане сочетания исследований памятников эпохи раннего железа с изучением памятников эпохи бронзы. За исследованием курганов в 1955—1956 гг. последовали поиски поселений по левому берегу р. Дона, примыкающему к урочищу «Частые курганы». Эти поиски привели к открытию ряда поселений эпохи бронзы и раннего железа. В одном из них — поселении № 1 у с. Подгорное — обнаружен весьма важный материал, относящийся к позднему периоду эпохи бронзы и синхронный материалу курганного могильника.

Этим памятникам посвящен основной и наиболее трудоемкий раздел нашей работы. Сложность изучения материала поселения у с. Подгорное определяется его многослойностью и значительным перемещением культурного слоя. Тем не менее тщательная обработка и изучение керамического материала позволили выделить керамику катакомбной, срубной и абашевской культур и некоторые новые формы керамики позднего периода, возникшие в результате сочетания элементов керамики разнородных культур. Успешности изучения материалов поселений в значительной степени содействовал очень важный архивный материал из дореволюционных раскопок А. И. Мартиновича, А. И. Дольского и М. П. Юргенсон у сел Нижняя Ведуга и Кондрашевка [6]. Он значительно пополнил наши представления о древних культурах на Среднем Дону.

В результате дополнительных раскопок и широких разведок, произведенных за 1958—1962 гг., нам удалось собрать новый материал, позволивший поставить специальные исследования по катакомбной и абашевской культурам на Среднем Дону.

В связи с тем, что памятники этих культур известны теперь на широкой территории Среднего Дона и его притоков, мы определили, насколько позволяет материал, хронологические рамки и роль этих культур в сложении культуры более позднего периода. Абашевской культуре в нашей работе уделено особое место. Это и понятно. Абашевские памятники в старых публикациях почти не упоминаются, хронология их не выяснена. Поэтому интерпретация имеющегося материала имеет огромное значение. Поиски абашевских памятников путем широко поставленных разведок и раскопок в 1962 г. дали новый материал, который позволил по-новому поставить вопрос о данной культуре в области Среднего Дона.

---

[5] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 1955, № 46, стр. 83 и сл.

[6] М. П. Юргенсон. Отчеты за 1911—1913 гг. Архив ЛОИА АН СССР, № 250, 1913, д. 1/363.

В предлагаемой книге меньше внимания уделено памятникам срубной культуры, так как вопросы, связанные с этой культурой, частью нашли свое отражение в упоминавшемся уже специальном археологическом труде О. А. Кривцовой-Граковой [7]. И лишь поздний период эпохи бронзы в силу ряда причин и прежде всего в силу недостаточности материала не получил еще до сих пор должного освещения. Наши исследования в определенной степени заполняют образовавшуюся лакуну.

В приложении к нашей книге мы помещаем три статьи В. И. Гуляева, Г. И. Корнюшина, А. Н. Москаленко и А. Д. Пряхина, в которых освещаются некоторые дополнительные вопросы, связанные с нашей темой.

Мы попытались кратко изложить основные этапы и сущность археологических исследований памятников эпохи бронзы. В начальном периоде работ Воронежская Лесостепная экспедиция не ставила перед собой задачи изучения памятников такой древности, поскольку главным предметом исследований были памятники эпохи раннего железа. Однако мы не жалеем тех усилий, которые пришлось потратить на изучение памятников эпохи бронзы, ибо в процессе работы мы убедились, что без изучения памятников этого периода в области Среднего Дона невозможно решить многие вопросы конкретно-исторического развития племен в эпоху раннего железа.

---

[7] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.

КУРГАНЫ И ПОСЕЛЕНИЯ В УРОЧИЩЕ «ЧАСТЫЕ КУРГАНЫ»

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Курганный могильник в урочище «Частые курганы» известен в археологической науке уже с дореволюционного времени по раскопкам Воронежской Ученой архивной комиссии [8]. Эти раскопки дали исключительно важные, а иногда и уникальные вещи, показывающие высокий уровень материальной культуры племен, населявших территорию Среднего Дона в эпоху раннего железа; они в течение ряда последующих десятилетий служили предметом пристального внимания многих специалистов-археологов и историков, посвятивших им специальные научные труды [9]. В итоге такого изучения стали известны некоторые особенности погребального ритуала, могильных сооружений и инвентаря, присущие только памятникам лесостепного Подонья. Вместе с тем в основном определились и хронологические рамки курганного могильника.

Однако остались невыясненными происхождение этих памятников, этнический состав племен, создавших их, характер занятий и быта древнего населения и другие вопросы.

Для их решения необходимы были более широкие исследования курганов и поселений, особенно поселений, которые вплоть до последнего времени не только не изучались, но почти не были известны. Но и этого было мало. Наши работы в урочище «Частые курганы» показали, что наряду с курганами эпохи раннего железа в могильнике встречаются курганы эпохи бронзы. Естественно, что без изучения погребений этой эпохи и связанных с ними поселений невозможно было ни ставить, ни тем более решать интересующие нас вопросы. Следовательно, напрашивался сам собой вопрос о постановке раскопок в более широком плане, чем это предполагалось в самом начале наших работ. Поэтому Воронежская Лесостепная экспедиция, начавшая с 1954 г. систематические раскопки в урочище «Частые курганы», поставила перед собой задачу двоякого рода:

---

[8] С. Н. Замятнин. Указ. соч., стр. 9 и сл.

[9] М. И. Ростовцев. Указ. соч.; А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 132—133.

Рис. 1. План курганного могильника в урочище «Частые курганы»
а — курганы эпохи бронзы

с одной стороны, полностью завершить раскопки могильника с другой,— исследовать поселения эпохи бронзы и раннего железа обнаруженные близ курганной группы.

Курганный могильник в урочище «Частые курганы» расположен на высоком плато с широким обзором местности в сторону поймы р. Дона северо-западной части города Воронежа. В дореволюционное время курганный могильник находился на расстоянии 4—5 км от г. Воронежа. Ныне кварталы города подошли вплотную к могильнику (рис. 1) [10], а на территории могильника находится аэродром. Северная и северо-западная сторона плато полого опускается к реке, образуя низкую и широкую надпойменную террасу, переходящую в широкую богатую травой пойму, прорезанную возле левого берега озерами, оставшимися от древнего русла Дона. Ныне река отступила местами до 2-х км к правому берегу.

[10] На план нанесены, по-видимому, не все курганы, так как многие сильно распаханы или уничтожены во время Великой Отечественной войны.

Вся эта местность заключена между большими селами — Подгорное и Подклетное, находящимися одно от другого на расстоянии около 5 км. Села расположены на высоком коренном берегу, а местность, лежащая между ними, представляет низину, примыкающую к широкой пойме. Легко можно представить себе, насколько был удобен для расселения и благоприятен для занятий земледелием, скотоводством и рыбной ловлей этот уголок в эпоху бронзы и раннего железа. Именно здесь надо было ожидать положительных результатов в поисках древних поселений.

Из предварительных бесед с сотрудником Воронежского областного краеведческого музея Д. Д. Леоновым нам стало известно, что вдоль надпойменного левого берега р. Дона, между названными селами, находили обломки лепной керамики. Ее сборы производились еще до начала первой мировой войны. Однако места таких находок нигде не были отмечены, а собранный материал погиб. Имеются лишь отдельные указания относительно мест находок керамики. Так, в 1904 г. А. И. Милютин писал, что на песках у подошвы курганов (?) встречена масса мелких черепков от круговой и лепной керамики, что такие же черепки попадались, но в гораздо меньшем количестве, в лесу на самих курганах и на продолговатых возвышенностях близ Дона [11].

Уже из этих не совсем ясных сведений можно было заключить, что в урочище «Частые курганы» возможно обнаружение поселений, синхронных курганной группе.

Тщательное обследование местности между селами Подгорное и Подклеточное в 1955 г. привело к открытию шести поселений (рис. 2).

Обратимся к краткой характеристике этих поселений.

Поселение № 1 расположено на самой южной окраине с. Подгорное, непосредственно за оврагом, отделяющим село от древнего поселения. Оно находится на высоком коренном берегу, отвесно обрывающимся в пойму. Поселение, судя по находкам лепной керамики, тянется вверх по пологому склону узкой полосой вдоль левой стороны оврага. Здесь была собрана керамика эпохи бронзы, отчасти раннего железа и позднего средневековья. Особенно много ее собрано близ обрыва берега в пойму. Несомненно это место использовалось людьми в самые различные эпохи.

---

[11] А. И. Милютин. Следы древнего поселения близ с. Подклетное Воронежского уезда. Сообщения ВУАК, 1904, вып. II, стр. XIX—XXI. Указание А. И. Милютина, мы полагаем, относится к поселению № 5 близ с. Подклетное, расположенного на песках, где культурный слой местами задернован, но в значительной части подвергся разрушению в результате передвижки песков или засыпки ими. Что касается курганов в лесу, то автор имеет в виду, вероятно, не основную курганную группу, расположенную на плато, а вторую группу в количестве до 10 насыпей, действительно заросших лесом, примыкающих к с. Подклетное с южной стороны.

Нами эти курганы обследованы, но осуществить раскопки их мешает густой лиственный лес, покрывающий насыпи.

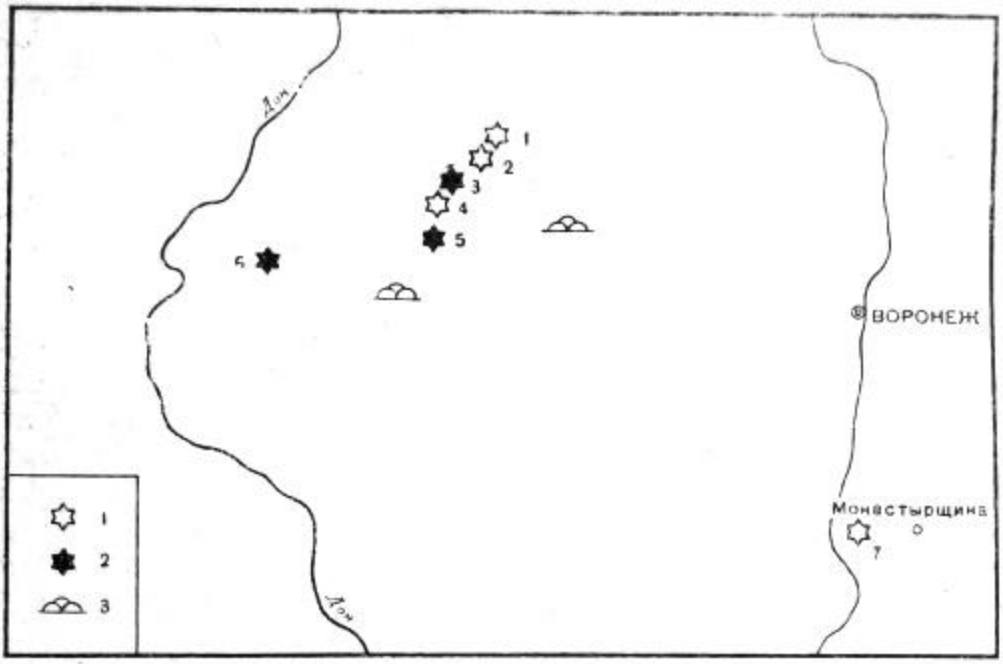


Рис. 2. Карта расположения памятников в урочище «Частые курганы»

1 — поселения эпохи бронзы; *2* — поселения эпохи раннего железа; *3* — курганные могильники

Поселение № 2 расположено ниже, примерно в 1 км к югу от первого поселения, также на высоком берегу. Оно задернованно и не распахивается — удалось собрать только несколько невыразительных обломков лепной керамики, на основании которых поселение трудно датировать. Однако керамика эпохи бронзы среди находок несомненна.

Поселение № 3 расположено на еще более низком надпойменном берегу высотой до 5—8 м, на расстоянии до 3 км от с. Подгорное. Здесь старица р. Дона в виде глубокого, но узкого озера поворачивает к пойме перпендикулярно берегу, образуя прямоугольный мыс, на котором и расположено поселение. На пашне был собран значительный материал из лепной керамики скифского времени и отчасти эпохи бронзы. Размеры поселения определяются примерно 50 × 100 м.

Поселение № 4 расположено к югу и недалеко от поселения № 3, на правой стороне оврага близ выхода его в пойму. Подъемный материал в виде обломков лепной керамики эпохи поздней бронзы был собран в оползнях берега в овраг. В этом месте надпойменный берег постепенно начинает повышаться в сторону с. Подклетное.

Поселение № 5 расположено рядом с поселением № 4 на длинном высоком мысу, образованном с одной стороны оврагом, с другой — поймой. Основная часть мыса задернована, а ниж-

няя и более высокая сторона покрыта надувными песками. Культурный слой местами оголен. В этих местах главным образом и встречается подъемный материал: лепная керамика, пряслица, иногда обломки остродонных амфор, кости животных. Здесь же был найден и бронзовый трехгранный наконечник стрелы.

Поселение № 6 расположено на приусадебных участках с. Подклетное, начиная от самых крайних домов верхнего конца до нижнего на протяжении до 2 км. В местах этого поселения была обнаружена керамика позднего средневековья и эпохи бронзы и, быть может, скифского времени. Керамика эпохи бронзы и скифского времени найдена в самом нижнем конце села, в том месте, где дорога из села спускается в пойму в сторону с. Семилуки.

Надо полагать, что внимание А. И. Милютина было обращено именно к этим двум последним поселениям — № 5 и № 6 у с. Подклетное.

Таким образом, разведками выявлены разновременные, а иногда и многослойные поселения. Их раскопки являлись столь же важной задачей, как и завершение исследования курганной группы.

Раскопки курганов и поселений

Среди многочисленных курганов урочища «Частые курганы» было вскрыто шесть насыпей, относящихся к эпохе бронзы,— курганы № 14, 21, 33, 35, 36 и 41 (рис. 1). Они отчасти расположены в центре курганной группы, но большинство уходит в северо-западную часть могильника, образуя довольно компактную группу.

Курган № 14, разрушенный военными траншеями, расположен близ южной группы и удален от других курганов эпохи бронзы. Центр кургана приблизительно определен по еле заметным полам насыпи. В процессе раскопок на разных глубинах было найдено несколько обломков лепной керамики и небольшая кремневая ножевидная пластина (рис. 3, *5*). В южной части раскопа на глубине второго штыка найдено несколько предметов: лепной горшок (рис. 3, *6*), песчаниковый пест (рис. 3, *3*) и песчаниковый камень со следами использования (рис. 3, *4*). Ниже этих вещей лежало каменное пряслице, сделанное из серого песчаника (рис. 3, *2*). Найденный сосуд имел широкое горло и небольшое плоское дно. Венчик сильно отогнут наружу под тупым углом; обрез венчика украшен насечками; стенки сплошь орнаментированы: ниже шейки и на плечиках штампом в елочку, а тулово вплоть до дна—полосками, образующими как бы заштрихованные треугольники, обращенные основаниями поочередно вверх и вниз.

В северо-восточной части раскопочной траншеи на глубине второго и третьего штыков обнаружен выкид светло-желтой глины в форме полумесяца. Рядом с ним к западу расчищена яма, разрушенная небольшим блиндажом военного времени (рис. 3, *1*).

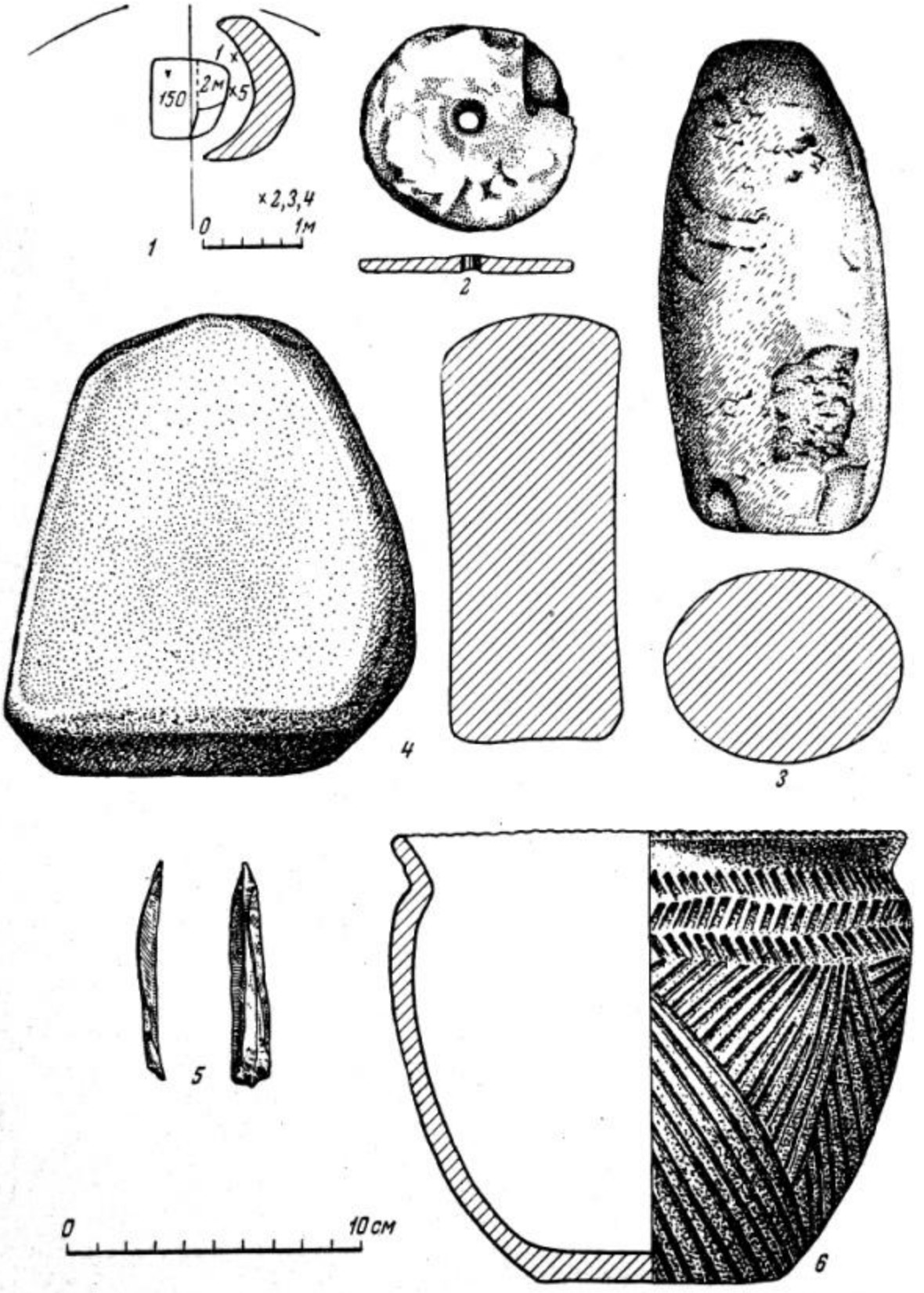


Рис. 3. Комплекс вещей из кургана № 14

1 — план кургана № 14; *2—6* — вещи из кургана № 14; × *1* — находка 1 (штык 1); × *2*, *3*, *4* — находки *2*, *3*, *4* (штык 2); × 5 (находка 5 (штык 3)

По-видимому, в пределах этого блиндажа находилась могильная яма, откуда были выброшены все описанные вещи.

К у р г а н № 21 высотой до 0,5 *м* и диаметром до 20 *м* сильно распахан. Имел лепешкообразную, мало заметную форму. Насыпь исследовалась круговыми траншеями диаметром в 16 *м*. В насыпи на глубине первого штыка найдено несколько обломков лепной керамики. Среди них имеется обломок венчика остроребер-ного лощеного сосуда, украшенного гребенчатым штампом в виде

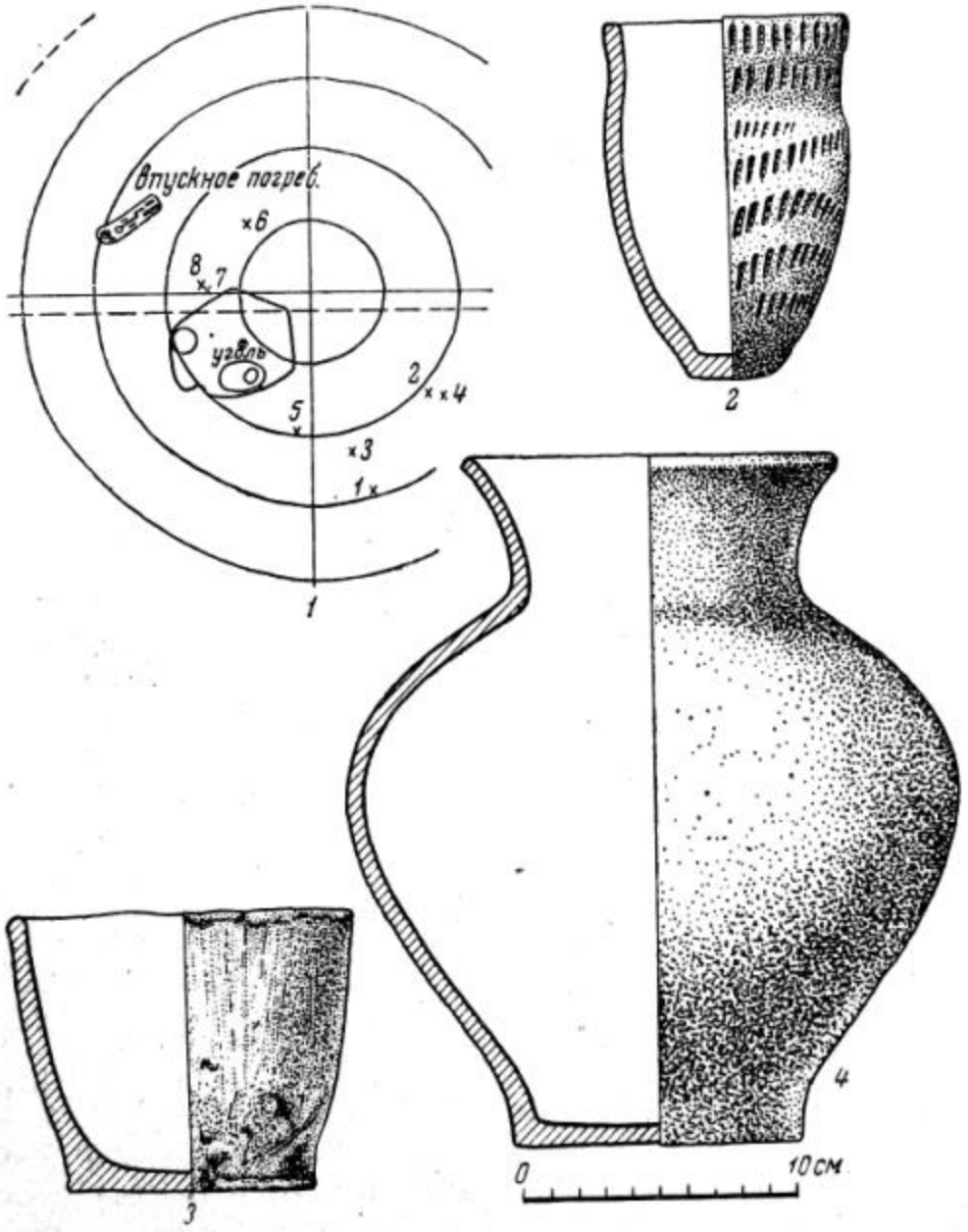


Рис. 4. Комплекс вещей из кургана № 21

1 — план кургана № 21; *2—4* — керамика из кургана №21; × *1—3* — находки керамики (штык 1); × *4, 7* — находки керамики (штык 2); × *5* — зуб животного (штык 3); × *6—8* — находки керамики (штык 3)

двух горизонтальных полос сверху и снизу, а пространство между ними занято рядом парных фигур типа «уточек», идущих горизонтально друг за другом (рис. 22, *17*). Во втором штыке найден небольшой лепной сосудик (рис. 4, *2*), зуб лошади, скопление угля, диаметром до 0,15 м и глубиной до 0,1 м. Особый интерес представляет маленький сосудик из второго штыка. Он украшен гребенчатым штампом, расположенным зонально. Горло у него широкое, тулово длинное, яйцевидной формы, дно несколько уплощено.

На уровне грунта под курганной насыпью определились две могильные ямы. Первая яма расположена в северо-западном секторе. В ней было впускное погребение. Могила ориентирована на северо-восток — юго-запад, шириной до 0,6 м, длиной 2 м, глубиной до 0,5—0,6 м. Дно немного углублено в грунт. Могила имеет неправильную прямоугольную форму — углы в северо-восточном конце закруглены, а юго-западный конец немного изогнут на запад (рис. 4, *1*). Обнаруженный скелет лежал в вытянутом положении, на спине, с руками вдоль туловища, с головой, обращенной на юго-запад (кости очень плохой сохранности. Рис. 5). В головах погребенного стояло два лепных сосуда — слева большой, узкогорлый с выпуклыми боками и красной поверхностью (рис. 4, *4*), справа — маленький, баночный с прямыми стенками, широким горлом и дном (рис. 4, *3*). Оба сосуда без орнамента. Судя по положению костяка и керамики, погребение было впускным в курган эпохи бронзы и датируется наиболее ранним периодом эпохи раннего железа.

Второе погребение расположено к юго-западу от центра. Оно было основным. Вероятно, к нему и относятся обломки керамики и небольшой сосудик, найденные в насыпи. Могильная яма значительных размеров имела неправильную, почти трапециевидную, форму размерами с северо-востока на юго-запад в 3,4 м, с северо-запада на юго-восток в 2,7 м и глубиной 1,1 м от уровня горизонта (рис. 4, *1*). Человеческие кости не сохранились. В засыпке ямы встречались угольки, а в восточной части близ бровки — два обломка лепной керамики, сходные с обломками из насыпи. На дне могилы были обнаружены ямы. Одна ямка расположена под южной стенкой. Она имела овальную форму длиной (по линии восток — запад) 1,1 м, шириной (север—юг) около 0,75 м и глубиной до 0,5 м от края могилы. В восточной половине этой ямы была вторая небольшая ямка диаметром до 0,4 м и глубиной до 0,65 м от дна могилы. В северо-западном (точнее, в западном) углу могилы расчищена еще одна ямка диаметром 0,6 м и глубиной в 0,3 м от дна могилы. Описанные ямки, как увидим дальше, представляют большой интерес, но происхождение их пока недостаточно ясно. Однако вряд ли можно допустить, что они могли появиться в результате работы кладоискателей или являются остатками столбовых сооружений. Скорее всего, это следы погребального ритуала, возникшего уже в эпоху бронзы на Среднем Дону.

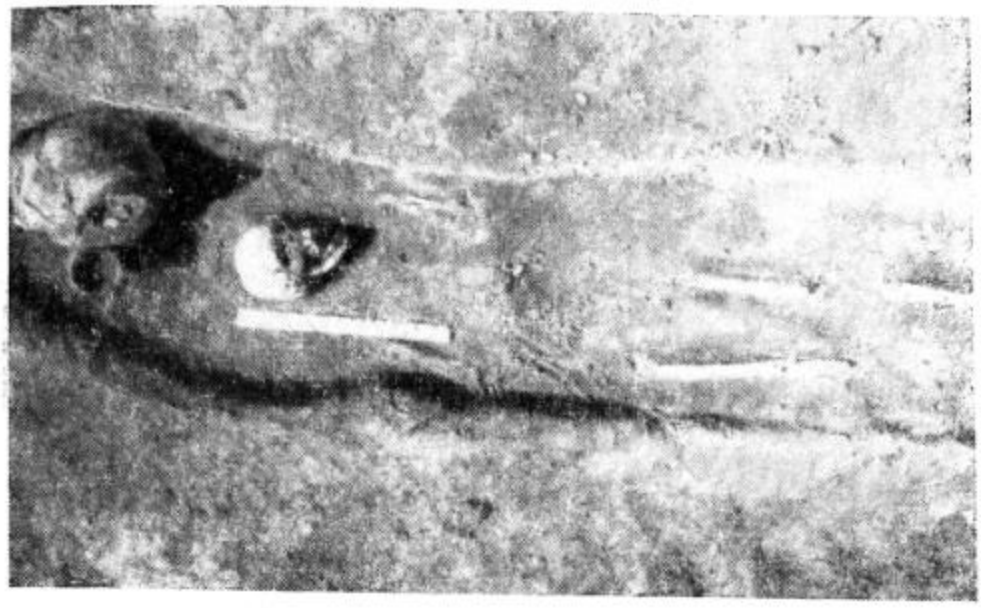


Рис. 5. Погребение 1 в кургане № 21

Курган № 33 высотой до 0,15 м и диаметром до 14 м от окружающей местности выделялся насыпью из серого песка и более редкой травой на ее поверхности. Исследовалась центральная часть кургана диаметром 10 м. На глубине третьего штыка найдено несколько обломков лепной керамики со штриховкой в разных направлениях. Поверхность керамики желтоватая, глина в изломе темная с примесью песка. В грунте обнаружены два могильных пятна, расположенных одно — к северу, второе — к западу от центра (рис. 6, *3*). Пятна имели овальную или почти овальную форму с закругленными углами. Первое пятно ямы, расположенное к северу от центра, как можно думать, не было могилой, так как никаких следов человеческих костей и вещей в яме не оказалось. Устройство ямы, ориентированной с запада на восток, было весьма оригинальным (длина 1,5 м, ширина — 1,15 м). При выборке засыпки ямы обнаружилось, что в ее восточной части на глубине 5 см был сделан уступ шириной 0,5 м, идущий к центру ямы. Вся западная большая часть ямы находилась ниже уступа на 0,3 м. В центре ямы, непосредственно под уступом, обнаружена почти круглая ямка диаметром 0,4 × 0,5 м и глубиной 0,25 см от дна ямы.

Второе пятно принадлежало могильной яме. Она имела ту же ориентацию (длина 1,65 м, ширина 1,25 м и глубина 0,20 м от дна раскопа). На дне могилы сохранились только кости ног, находившиеся в скорченном положении. Очевидно, костяк лежал скорченно, коленями направо, на правом боку или может быть на спине с поднятыми вверх ногами, позже свалившимися вправо. В могиле вещей не оказалось, поэтому погребение датировать невозможно.

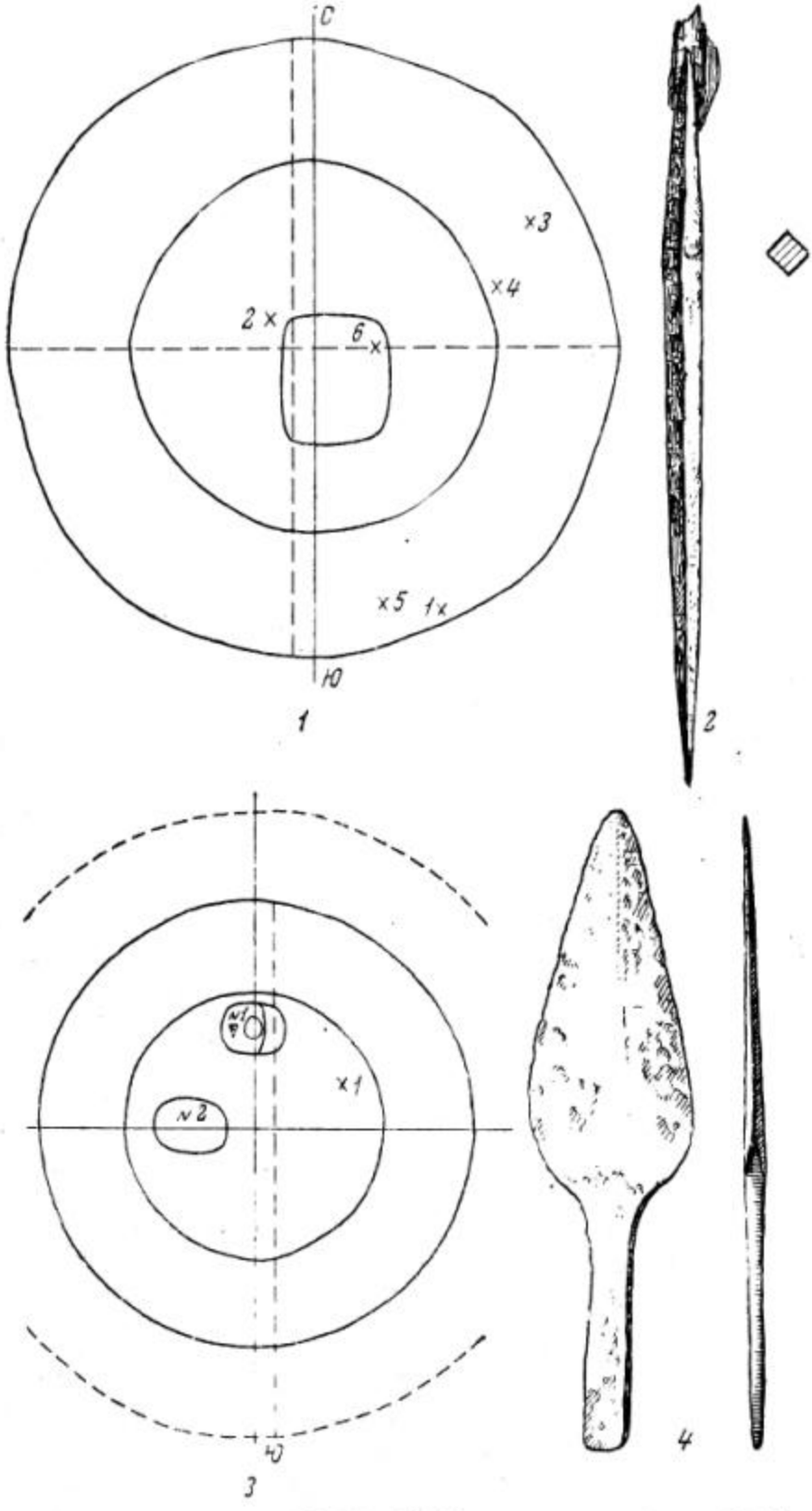


Рис. 6. Планы курганов № 36 и № 33 и вещи из кургана № 36

1 — план кургана № 36; *2, 4* — вещи из кургана № 36; *3* — план кургана № 33

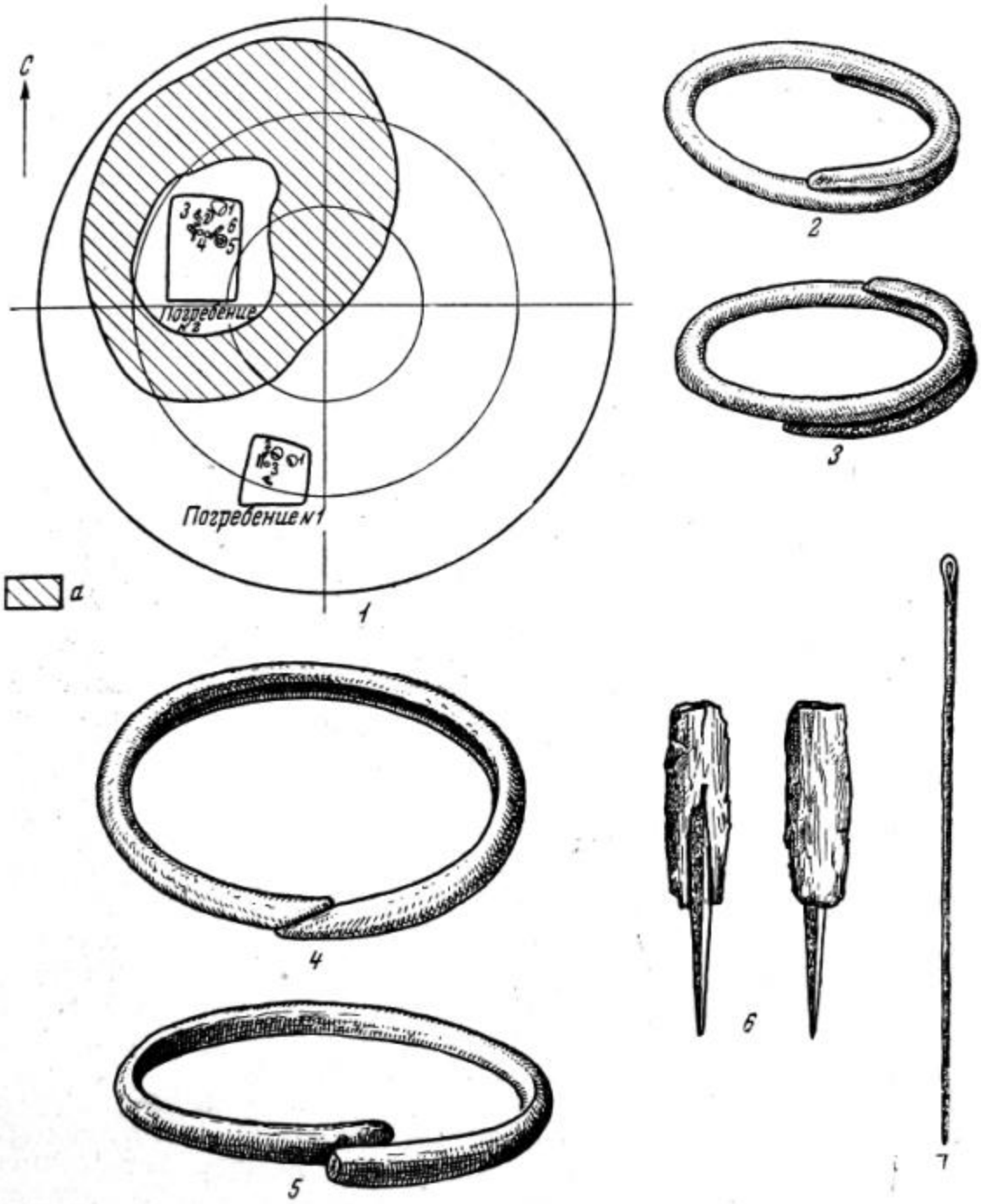


Рис. 7. План кургана № 35 и вещи из погребений

1 — план кургана № 35; *2, 3* — вещи из погребения 1; *4—7* — вещи из погребения 2; *а* — выкид из могильной ямы

БИБЛИОТЕКА
краеведческого
№ 9808

Курган № 35 раскопан в 1956 г. Насыпь его почти незаметна, размеры не определены. Диаметр раскопа взят в 12 м, глубина раскопа доведена до 0,6—0,7 м.

Уже на глубине первого штыка в северо-западной части появился выкид из могильной ямы; он частично прослеживался и во втором штыке. На глубине второго штыка около центра найдена кость лошади. На уровне грунта обнаружились два пятна от могильных ям (рис. 7, *1*). Первая яма имела трапециевидную форму длиной с севера на юг в 1,1 и 1,35 м, шириной 1,1 и 1,2 м и глубиной 0,6 м от дна раскопа. Под северной стенкой могильной ямы лежали остатки потревоженного детского костяка (челюсть и ноги). На костях находились два бронзовых браслета, согнутые из толстого прута в полтора оборота (рис. 7, *2*, *3*). Несколько к востоку от костей стояли два лепных сосуда баночного типа (рис. 8, *4*, *5*). Предположительно можно считать, что костяк лежал в скорченном положении головой на юг.

Вторая могильная яма ориентирована также по линии север—юг. Западная стенка ее имела длину 2,15 м, восточная — 2 м, северная — 1,4 м и южная—1,5 м, при глубине в 1 м от дна раскопа. Форма этой ямы напоминает первую яму.

В северной части могилы обнаружены остатки человеческого костяка (череп и кости ног). На частично сохранившихся длинных костях ног найдены два бронзовых массивных браслета из толстых круглых прутьев. У одного браслета концы пригнаны, у другого — тупые и заходили один на другой (рис. 7, *4*, *5*).

Под северной стенкой могилы, ближе к северо-восточному ее углу лежал на боку большой лепной сосуд баночной формы с венчиком, откинутым наружу. Под шейкой сосуда нанесен зерновидный орнамент. В тесте имеется примесь толченой ракушки (рис. 8, *6*). Под этим сосудом, с его западной стороны, лежали бронзовые шило и игла с ушком (сделано из раскованной части стержня. Рис. 7, *6*, *7*). Эти предметы лежали в слое каких-то древесных остатков, вероятно, деревянной коробочки. При расчистке их в лаборатории удалось сохранить деревянную рукоятку шила (рис. 7, *6*).

Второй лепной сосуд лежал под восточной стенкой могилы, ближе к центру. Он имел остроребернную форму и отогнутый наружу венчик по типу первого сосуда (рис. 8, *7*). На верхней половине сосуда между ребром и шейкой нанесен резной орнамент в виде углов, обращенных вершинами попеременно вверх и вниз. К северо-западу от этого сосуда лежал кусок истлевшей древесины неопределенного назначения. Положение остатков человеческих костей и вещей позволяет предположить, что костяк был обращен головой на юг.

Курган № 36 раскопан в 1955 г. Он имел высоту не более 0,3 м и диаметр до 14 м. Площадь раскопа — диаметром в 10 м. В насыпи на глубине первого и второго штыков найдены невыразительные обломки венчиков и стенок лепного сосуда.

В центре кургана, на глубине 0,95 м, было обнаружено могильное пятно прямоугольной формы с закругленными углами (рис. 6, *1*). Могильная яма ориентирована с севера на юг (длина 2,1 м, ширина 1,8 м, глубина до 1,3 м). Стенки у нее отвесные. В засыпке, на глубине 0,6 м, были встречены мелкие крапинки алой краски. От человеческого костяка сохранились только обломки: в центре — части трубчатых костей ног, вытянутых в направлении на юг — юго-запад; в юго-западном углу лежал обломок плечевой кости и около нее — каменная плиточка, под костью прослеживались следы красной краски. За камнем близ угла могилы лежало большое бронзовое четырехгранное шило с остатками сгнившей деревянной рукоятки (рис. 6, *2*). На рукоятке шила лежал значительной величины кусок красной краски. Несколько далее лежала совершенно истлевшая кость наподобие стержня, взять которую из-за ветхости не представлялось возможным. Не была ли это костяная булавка типа булавок катакомбной культуры? В самом углу могилы найден бронзовый нож с широким лезвием и длинным прямоугольным черешком (рис. 6, *4*).

В средней части могилы обнаружена ямка диаметром 0,15 *м*, глубиной 0,25 *м*. Была ли ямка ритуального характера или логовище зверька, сказать невозможно. Однако по аналогии с ямками в могилах курганов № 21 и № 33 можно предположить, что она оказалась здесь не случайно.

К у р г а н № 41 раскопан в 1956 г. Он настолько сильно поврежден окопами и блиндажами, что только тщательное изучение остатков кургана позволило установить его былое существование. В предполагаемом центре была заложена траншея площадью в 24 м^2. Позднее эта траншея была расширена к югу и востоку до 80 м^2 (рис. 9, *1*). Насыпь оказалась перекопанной и могилы обнаружить не удалось, вероятно потому, что она была неглубокой и разрушенной. В ходе раскопок на разной глубине и на значительной площади были найдены обломки нескольких лепных сосудов (рис. 9, *2—5*, *8*), которые частично удалось реставрировать (рис. 8, *1—3*). Вместе с керамикой были найдены бронзовый ножичек (рис. 9, *6*), четырехгранное маленькое шило (рис. 9, *7*) и железный наконечник стрелы (рис. 9, *9*). Все эти находки представляют большой интерес в связи с их культурной принадлежностью. В частности, следует подчеркнуть особенности всего комплекса керамики (рис. 8). Даже при беглом взгляде на формы и орнаментику сосудов, на качество отделки и принимая в соображение наличие примеси толченых раковин в их тесте, можно с уверенностью сказать, что эта керамика не имеет ничего общего с керамикой срубной культуры, а находит прямые аналогии в керамике абашевской культуры.

Таким образом, раскопанные курганы эпохи бронзы дали небольшой, но разнообразный и очень интересный материал. Попытки выяснить его некоторые особенности и определить его культурную принадлежность привели нас к следующим соображениям.

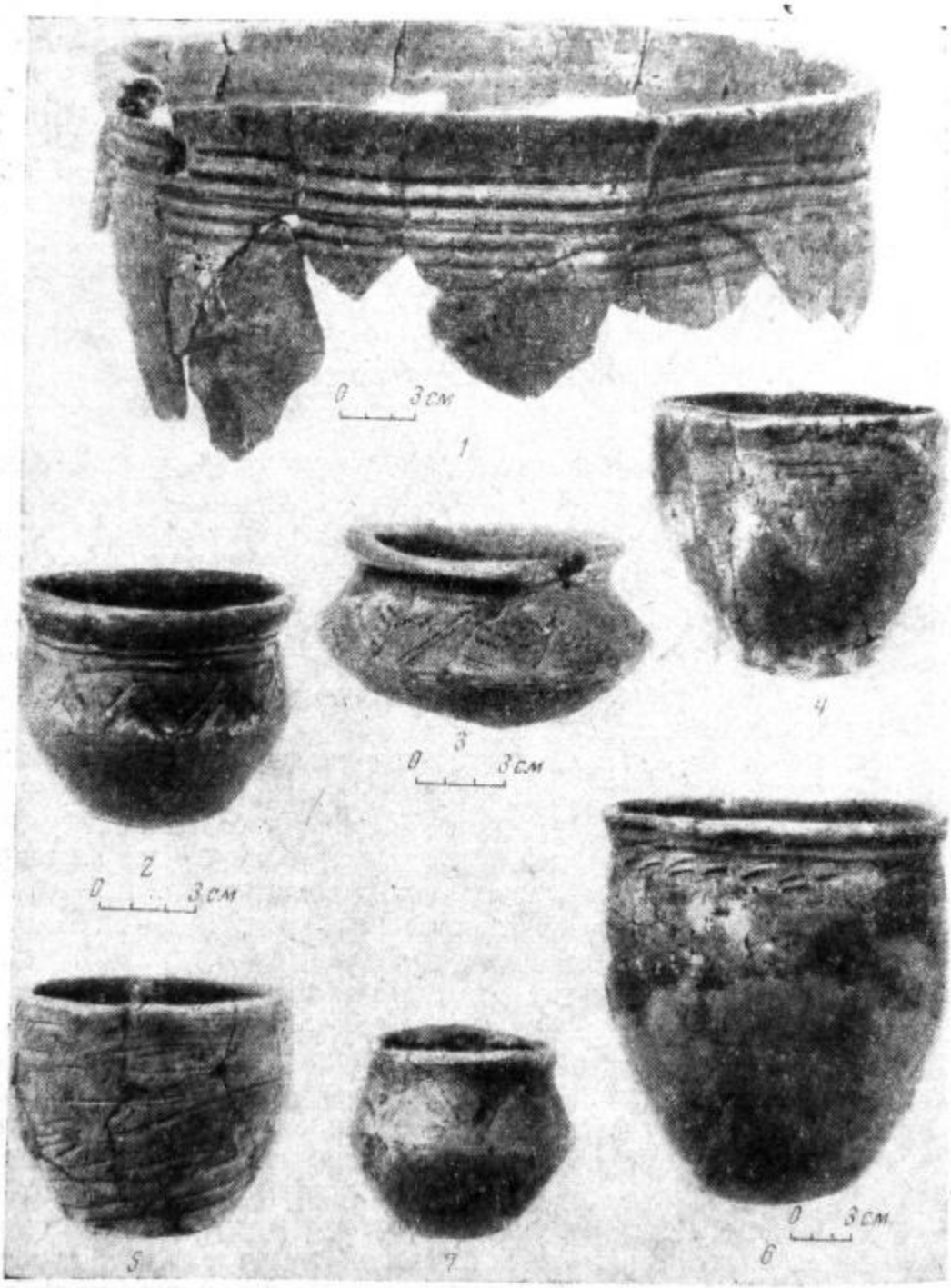


Рис. 8. Керамика из курганов № 41 и № 35

1, 2, 3 — керамика из кургана № 41; *4, 5* — керамика из кургана № 35 (погребение 1); *6, 7* — керамика из кургана № 35 (погребение 2)

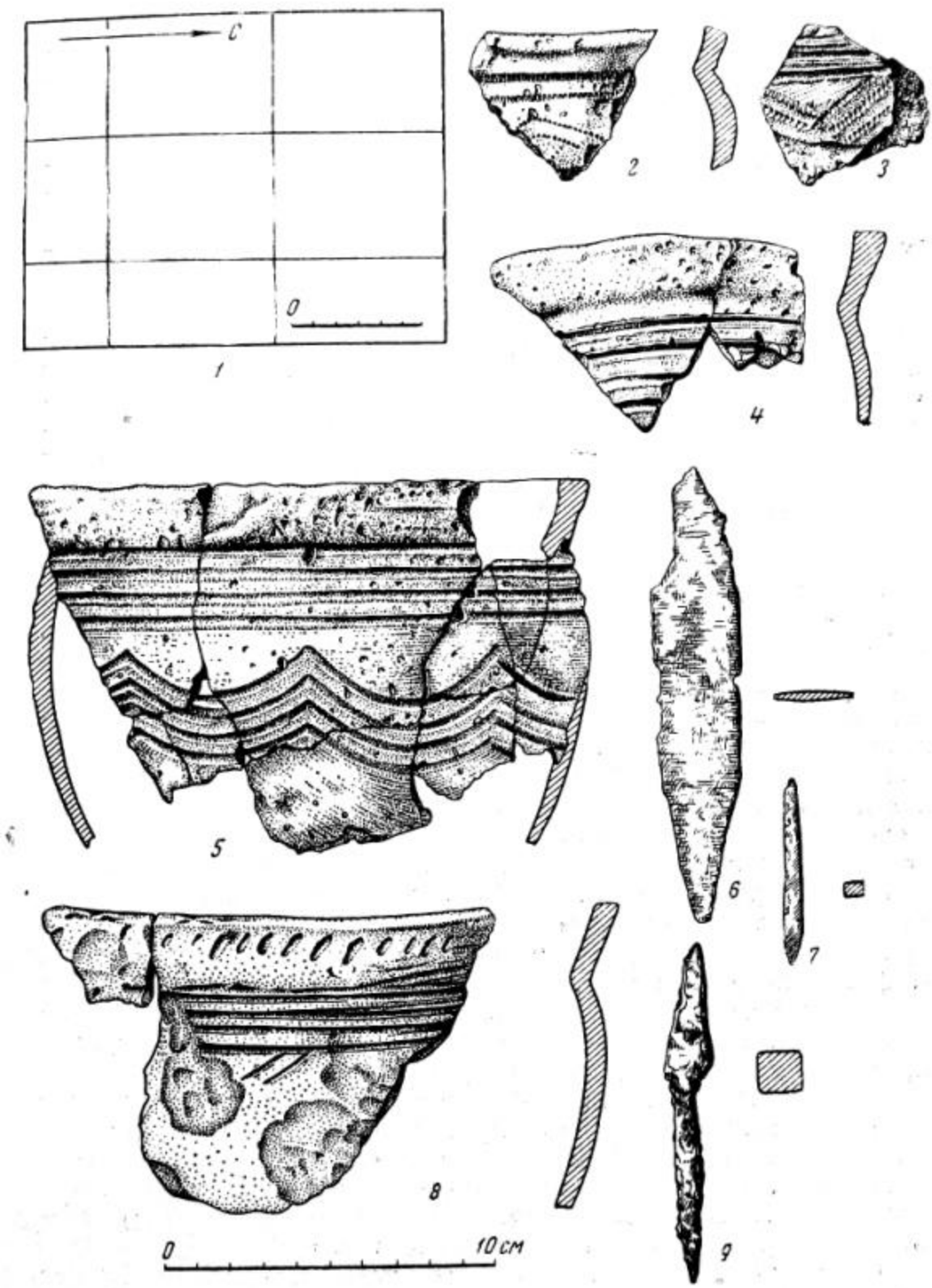


Рис. 9. План раскопа кургана № 41 и вещи из кургана № 41

1 — план раскопа кургана № 41; *1—3* — находки керамики (штык 2); *4* — лепной сосуд и бронзовое шило (штык 2); *5* — железный наконечник стрелы (штык 3); *2—9* — вещи из кургана № 41

1. Керамический материал по своему происхождению неоднороден. Как нам представляется, в нем имеется керамика катакомбной, срубной и абашевской культур.

Керамика катакомбной культуры представлена одним сосудом из кургана № 14. Он имеет широкое горло и небольшое дно — черты, характерные для керамики этой культуры; отличие проявляется в особой форме отгиба венчика и сплошной орнаментации стенок в виде штампа в елочку и треугольников, составленных из разных линий.

Керамика срубной культуры представлена в наиболее ярко выраженной форме только одним обломком венчика остроребер-ного лощеного сосуда из насыпи кургана № 21, украшенного орнаментом из гребенчатого штампа в виде так называемых уточек, обрамленных парными горизонтальными линиями (рис. 22, *17*).

И, наконец, третья группа керамики, наиболее многочисленная, представляет посуду абашевской культуры. К ней относится керамика из кургана № 41 и, может быть, один сосуд из насыпи кургана № 21 (рис. 4, *2*) и из кургана № 35. В основе своей эта керамика отлична от керамики катакомбной и срубной культур широкогорлостью сосудов, своеобразной орнаментацией, необычной остроребернностью и примесью толченой ракушки в тесте.

2. Обращает на себя внимание большой и разнообразный набор металлических вещей. К нему относятся бронзовые ножные браслеты, ножи, иглы, шилья. Особый интерес представляет железный наконечник стрелы из кургана № 41, найденный наряду с бронзовыми предметами и керамикой абашевской культуры [12]. Этот наконечник находился на глубине третьего штыка (0,6 м) от поверхности. Он имел четырехгранное толстое и длинное острие и особенно длинный стержень для насада на древко; форма его необычно грубая.

3. В погребальном обряде занимают особое место ямки — «бофры», прослеживаемые уже в могилах эпохи бронзы. Особенно ярко этот обряд выражен в яме № 1 кургана № 33. Следовательно, «бофры», отмеченные В. А. Городцовым в курганах эпохи раннего железа, как нам кажется, не являются чем-то неожиданным, появившимся извне, а имеют прямую связь с погребальным обрядом предшествующего периода.

Исследование поселений эпохи бронзы производилось в течение 1956—1958 гг. От разведочных шурфов в 1956 г., производившихся с целью выяснения насыщенности культурного слоя, стратиграфии и предварительной датировки поселений, был сделан переход к раскопкам большими площадями на тех поселениях, где культурный слой представлял наибольший интерес.

П о с е л е н и е № 1. Шурфовка показала, что это поселение многослойное и что в нем представлена керамика от эпохи бронзы — раннего железа до позднего средневековья. Однако в основе своей —

[12] Описание металлических вещей см. ниже.

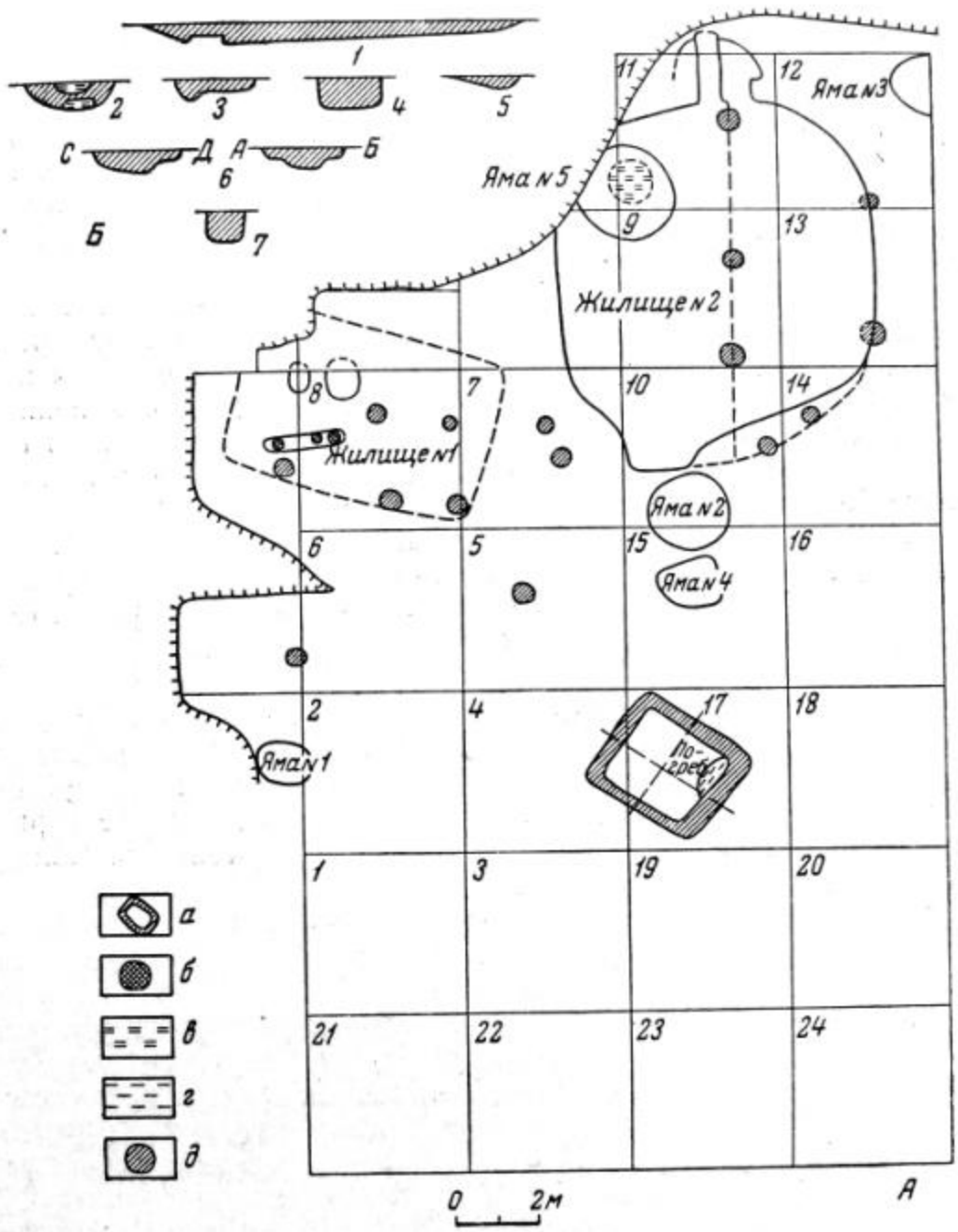


Рис. 10. План раскопа на поселении № 1 у с. Подгорное

А — план раскопа; *Б* — разрезы; *1* — разрез жилища № 2; *2—7* — разрезы ям; *а* — гумус; *б* — ямка; *в* — очаг из обожженной глины; *г* — глина; *д* — столбовые ямки

это поселение эпохи бронзы. Древний керамический материал оказался многочисленным и интересным по содержанию. Выявлению его было уделено основное внимание.

Как показали раскопки, наибольшая часть находок сосредоточена на мысу, расположенном над обрывом высокого берега в пойму и на краю оврага, отделяющего поселение от с. Подгорное. Здесь в 1956 г. было заложено два шурфа общей площадью в 80 м². В последующие два года эта площадь была расширена до 442 м² (рис. 10). В результате раскопок был собран очень большой керамический, вещевой и остеологический материал, а также вскрыто два жилища полуземляночного типа.

Мы прилагаем специальную таблицу (табл. 1), которая показывает количество находок в культурном слое и позволяет проследить соотношение керамики эпохи бронзы со средневековой керамикой. Таблица показывает также, что на площади, раскопанной в 1956 г. (квадраты 1—4), встречены только лепная керамика и остеологический материал. Круговая средневековая керамика (не больше 10%) была найдена только в первом штыке.

Следовательно, на указанной площади не было активной жизни в средневековое время, и керамика наслаивалась на поверхность поселения постепенно без особого перемещения культурного слоя. Таким образом, культурный слой эпохи бронзы сохранился непотревоженным.

На площади, расположенной в северной части раскопа (квадраты 5—8), количество керамики возрастает почти вдвое. Это увеличение происходит особенно сильно за счет поздней, круговой, керамики. Лепная керамика встречается уже на глубине первого штыка, а средневековая даже глубже, что указывает на сильную передвижку культурного слоя.

Среди керамического материала на этой площади найдено три обломка греческих остродонных амфор — явное свидетельство присутствия здесь элементов культуры эпохи раннего железа.

Наконец третья площадь, исследованная в 1958 г. (квадраты 9—24), дает еще более интересные данные. Круговая керамика здесь абсолютно преобладает над лепной. Ее больше всего встречается на глубине второго штыка, довольно много ее еще в третьем штыке и частично она уходит в четвертый — последний штык культурного слоя. Эта керамика встречалась даже в слое жилища № 2, лежащем ниже поверхности грунта. Ясно, что передвижка культурного слоя в эпоху средневековья в этой части раскопа была особенно велика. Однако основная масса круговой керамики находилась в северной половине раскопа и меньше всего этой керамики было в южной.

Таким образом, на основании территориального и стратиграфического расположения круговой керамики можно заключить, что, во-первых, на месте поселения эпохи бронзы было небольшое поселение XVIII столетия; оно находилось главным образом в самом углу

Таблица 1

Находки на поселении № 1 у с. Подгорное

№ квадрата	№ штыка	Аморфный материал	Круговая средневековая керамика	Лепная керамика				Пряслица	Глиняные поделки	Кости животных	Точильные камни	Простые камни
				венчики сосудов	стенки сосудов	днища сосудов	целые сосуды					
1,2,3,4 за 1956 г.	1	—	69	13	—	5	—	—	—	2	—	—
	2	—	—	28	174	11	—	—	—	4	—	—
	3	—	—	14	85	4	—	—	—	13	—	—
	Яма	—	—	35	100	6	—	—	—	—	—	—
Итого . .	—	—	69	90	359	26	—	—	—	19	—	—
5,6,7,8 за 1957 г.	1	3	330	2	42	1	—	—	—	2	—	26
	2	—	84	44	183	13	—	1	—	46	—	57
	3	—	6	35	315	21	—	—	—	118	—	55
	4	—	—	18	85	6	—	—	—	91	—	—
Итого . .		3	420	99	625	41	—	1	—	257	—	138
9—24 за 1958 г.	1	—	802	18	176	9	—	—	1*	13	—	106
	2	—	1014	31	193	9	—	1	2**	44	1	128
	3	—	375	48	262	19	—	1	2***	50	—	69
	4	—	59	25	193	11	1	1****	1	30	—	56
	Жилище 2-е	—	56	43	191	8	1	—	2*****	73	—	69
	Яма № 2—3	—	54	4	17	—	—	—	—	20	—	3
	очаг	4	12	2	27	1	—	—	1******	—	—	—
	погреб	—	22	—	—	—	—	—	—	14	—	1
Итого . . .		4	2394	206	1059	57	2	3	9	244	1	432
Всего . . .		7	2883	395	2043	124	2	4	9	520	1	570

* Обломок глиняной ручки. ** Глиняная фигурка, грузило для невода. *** Обломок колеса и грузило для невода.
**** Плоское прясло. ***** Обломок литейной формы и обломок глиняной обмазки. ****** Обломок колесика.

мыса; во-вторых, круговая керамика с поверхности проникла глубоко в культурный слой эпохи бронзы. Отсутствие следов жилого комплекса средневекового времени объясняется, вероятно, тем, что жилища располагались за пределами раскопа или исчезли от времени бесследно. На существование здесь жилища эпохи средневековья указывает погреб (квадрат 17), в котором была найдена круговая керамика [13]. Дата средневекового поселения определяется не только керамикой, но и монетой Екатерины II 1764 г., найденной в 1957 г. на глубине первого штыка.

Анализ вещевого материала из поселений эпохи бронзы

Обратимся к описанию отдельных находок и лепной керамики. Отдельные предметы найдены в небольшом числе. К ним можно отнести глиняную обожженную фигурку (рис. 11, *1*), несколько глиняных пряслиц и их заготовок (рис. 11, *2*, *3*, *4*), одно плоское и круглое глиняное «колесо» (рис. 11, *5*), глиняную литейную формочку (рис. 11, *6*), песчаниковый брусок (рис. 11, *7*) и маленький вотивный лепной сосудик (рис. 11, *8*). Некоторые вещи особенно интересны и потому рассмотрим их отдельно.

Глиняная фигурка оказалась сильно попорченной. У нее сколота обратная сторона головы и верхней части туловища, обломана левая нога. Фигурка сделана схематически и грубо, по форме архаична, голова не выделена, конечности рук и ног представлены в виде коротких отростков, тесто сильно обожжено.

Размеры фигурки: высота до 6 см, ширина по плечам до 3,5 см, толщина сохранившейся части до 1,6 см. Фигурка найдена на глубине второго штыка в квадрате 18, т. е. там, где культурный слой достигает мощности не более 60 см.

Второй интересной находкой является глиняный предмет, напоминающий колесо; диаметр около 6 см, толщина в центре до 1,5 см, край немного утолщен, отверстие диаметром в 0,7 см. Предмет состоит из двух обломков. Один обломок найден в яме второго жилища [14] (квадраты 9, 11), другой — на глубине третьего штыка (квадрат 12), вероятно, также в жилище. Глина предмета прокалена слабо. По своим размерам он не может быть ни пряслицем, ни грузилом. Одной из ближайших аналогий этому предмету является круглая поделка из раскопок Г. В. Подгаецкого, найденная в 1936 г. на поселении Монастырщина [15]. Она сохранилась также частично,

---

[13] П. Д. Либеров. Отчет Воронежского отряда Лесостепной скифской экспедиции за 1958 г. Архив ИА АН СССР (далее — Отчет... за 1958 г.).

[14] Описание жилищ дано ниже.

[15] Архив ЛОИА, № 1 26742, фото; «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.» Краткие отчеты и исследования. М.— Л., 1941, стр. 156 и сл.— публикация Г. В. Подгаецкого.

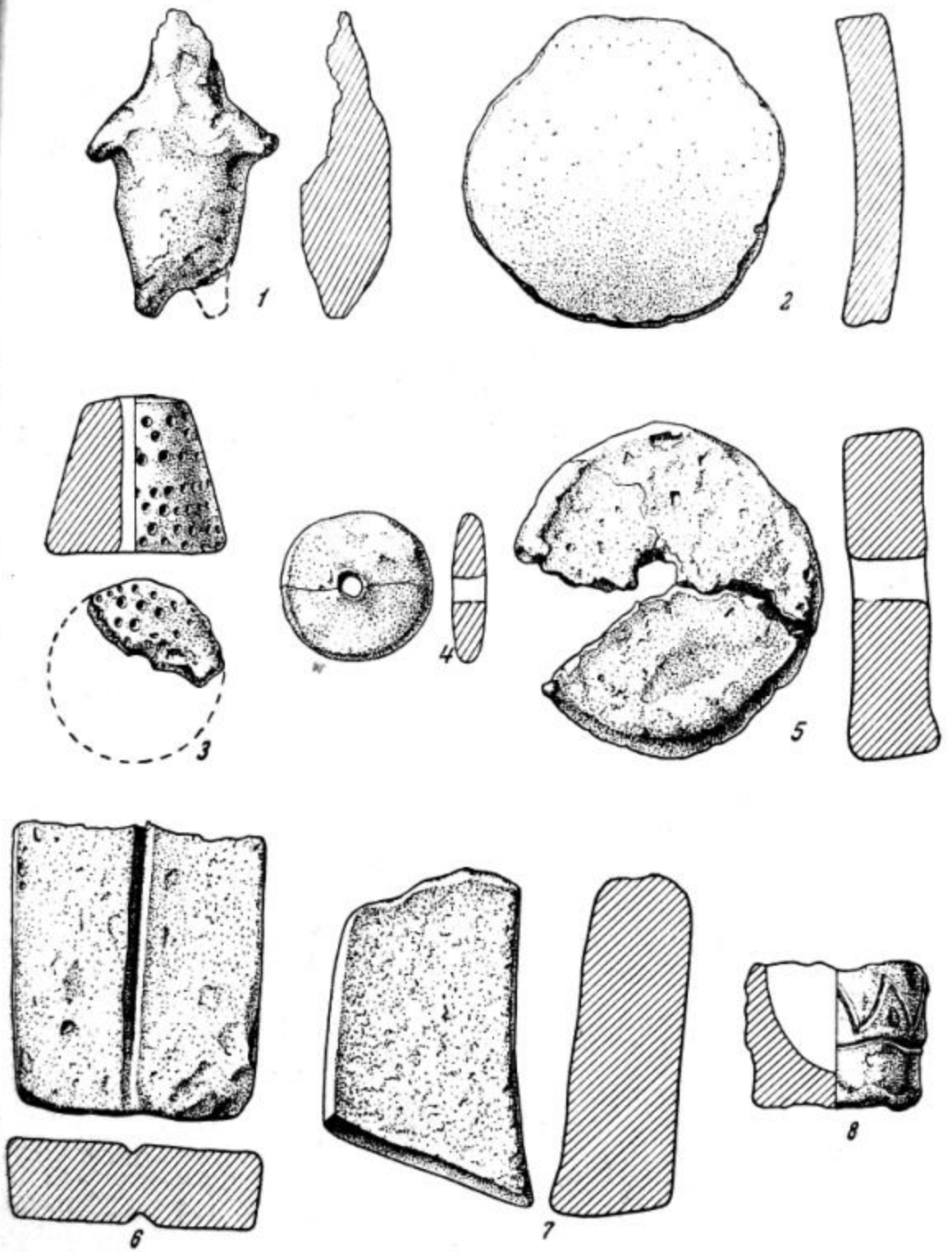


Рис. 11. Вещи из поселения № 1 у с. Подгорное

1—6, 8 — глина; *7* — камень

ее диаметр до 5 см, толщина неизвестна, центральное отверстие величиной до 0,5 см, вокруг него имеется небольшой валик диаметром до 2 см. Следовательно, форма и размеры обоих предметов настолько близки, что можно допустить однообразное целевое их назначение — модель колеса повозки, хотя наш предмет и не имеет валика в центре.

Третья вещь — глиняная литейная форма. Она найдена в первом штыке жилища № 2 и сохранилась лишь в обломке. Поверхность серая с желтыми пятнами, в изломе черная, с обеих сторон вдоль центра идут желобки треугольной формы, возможно, для отливки четырехгранных предметов типа шильев, известных по курганным находкам.

Глиняные пряслица. Одно из них представлено в обломке. Оно найдено на глубине третьего штыка в квадрате 9, имеет коническую форму, поверхность его сплошь покрыта наколами, высота до 3 см, диаметр вверху 1,9 см, внизу более 3, 4 см.

Второе пряслице — уплощенно-круглое, с отверстием в середине (диаметр до 2,8 см, толщина до 0,6 см, отверстие около 0,4 см). Оно найдено на глубине четвертого штыка в квадрате 13.

Третий предмет представляет заготовку пряслица из стенки лепного сосуда (диаметр около 6 см, толщина до 0,9 см). Найден на глубине третьего штыка в квадрате 16.

Керамический материал довольно обилен. Он представлен нами на рисунках специально для того, чтобы показать стратиграфические особенности керамики [16]. В характеристике керамики учитывается орнамент, цвет, содержание теста и размеры сосудов и их частей.

При анализе керамики встречается много трудностей, вытекающих из неоднородности ее происхождения. Попытаемся прежде всего разобраться в стратиграфии находок керамики. Как уже было сказано, культурный слой из раскопок 1958 г. оказался значительно перемешанным. Однако и в этом случае анализ керамики по глубине залегания ее в культурном слое будет полезным. Возьмем, например, керамику, изображенную на рис. 12. Керамика собрана на глубине до 40 см от поверхности. Как видим, орнамент керамики довольно разнообразен: встречаем горизонтальную и вертикальную гофрировку поверхности сосудов (рис. 12, *1*, *3*; рис. 17, *8*; рис. 21, *8*), узоры, нанесенные гребенчатым штампом, в виде горизонтальных и вертикальных поясков (рис. 12, *2*) или сплошной гребенчатой штамповки (рис. 12, *16*), различный орнамент в виде треугольников, сопровождающихся иногда кружочками и зерновидными ямками (рис. 12, *4*, *5*, *6*, *8*, *14*, *17*; рис. 19, *14*), орнамент в виде защипов по венчику и по шейке сосуда (рис. 12, *12*), сопровождающийся горизонтальным заглаживанием (рис. 12, *10*, *12*, *13*; рис. 20, *1*; рис. 21, *2*), орнамент в виде наколов снаружи (рис. 12, *15*; рис. 18, *5*, *6*)

[16] Таблицы отражают главным образом находки 1958 г.

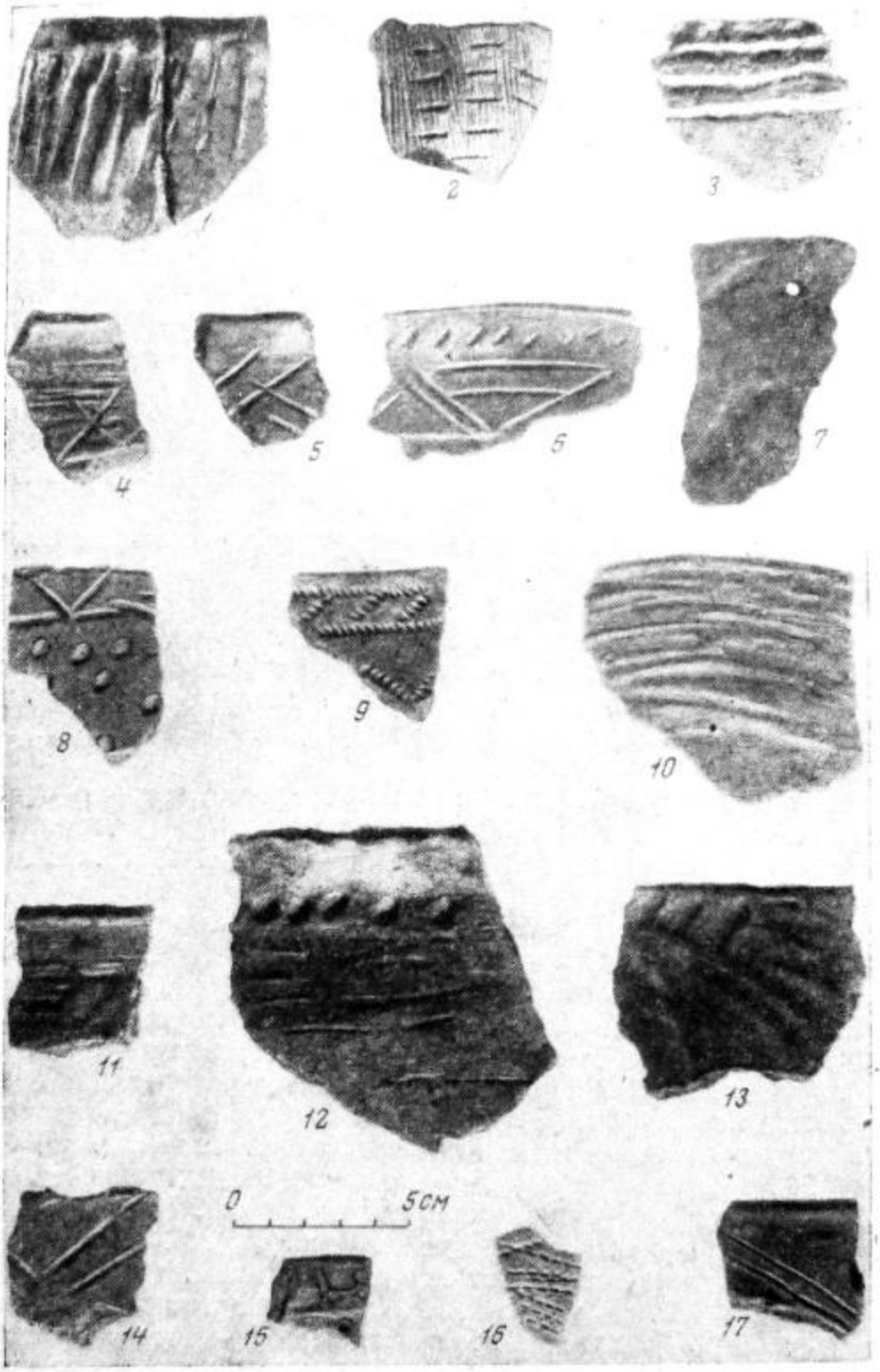


Рис. 12. Керамика с поселения № 1

1—5 — на глубине первого штыка; *6—17* — на глубине второго штыка

и шнурового штампа (рис. 12, *9*; рис. 18, *7*). Представленная керамика различна и по своим формам. Среди нее мы видим керамику баночного типа, у которой венчик сосуда еще совершенно не отделился от стенки или только немного отогнут наружу (рис. 12, *1*; рис. 17, *8*), или такую керамику, венчик которой вместе с туловом отогнут внутрь (рис. 12, *9* и рис. 18, *7*); имеется также керамика, венчик которой вместе с туловом отходит наружу (рис. 12, *6*, *7*; рис. 19, *12*, *14*), приобретая иногда коническую форму; как разновидность всех предшествующих форм можно рассматривать обломки посуды, венчик которой сильно отогнут наружу, давая весьма характерный профиль (рис. 12, *12*; рис. 20, *1*, *2*, *3*, *4*, *6*); наконец, имеется совершенно особый тип керамики в виде глубокой чашки (рис. 12, *3*, *10*; рис. 21, *2*, *3*, *4*, *5*, *6*, *8*, *10*).

Таким образом, керамика этого штыка по орнаменту и формам весьма разнообразна и, вероятно, в основе этого разнообразия лежит не только культурная ее принадлежность, но и разница во времени изготовления.

На рис. 13 представлена керамика из третьего штыка (глубина культурного слоя до 60 см). По орнаменту и формам это такая же керамика, лишь зерновидный орнамент на ней встречается несколько чаще и появляется в нем новый узор в виде наколов углом палочки (рис. 13, *4*; рис. 21, *1*) и гребенчатый штамп в елочку (рис. 13, *13*). Среди глубоких чаш встречаются некоторые новые формы — более глубокие и архаические по виду (рис. 13, *2*, *4*; рис. 17, *4*; (рис. 21, *1*).

На той же глубине (до 60 см от поверхности) собраны обломки венчика остроребериого сосуда прекрасной работы, украшенного гребенчатым штампом в виде треугольников (рис. 18, *3*). Он найден в квадрате 8.

На рис. 14 представлена керамика из четвертого штыка (глубина культурного слоя до 80 см). Она также не дает принципиально новых элементов орнамента и форм сосудов. Следует лишь выделить небольшой обломок лепного сосуда с овальным валиком, обрамленным с обеих сторон неглубокими круглыми наколами (рис. 14, *15*). Он по форме напоминает посуду позднего периода эпохи бронзы.

В слое встречаются остроребериые сосуды, орнаментированные гребенчатым штампом и разными треугольниками (рис. 14, *6*, *14*; рис. 18, *2*). На этой же глубине в квадрате 8 найден оригинальный небольшой сосудик бочковидной формы с высокими плечиками и невысоким прямо стоящим венчиком (рис. 20, *14*). По форме этот сосуд отличается от керамики срубной культуры.

На рис. 15 и 16 дана керамика из первого и второго штыков полуземлянки № 2. Как видим, это та же керамика, которая встречалась раньше. Новым здесь является только орнамент, состоящий из полуовальных ямок, расположенных в два ряда ниже венчика. С таким узором обнаружены сосуды банкообразной формы и типа мисок (рис. 15, *5*, *6*, *7*; рис. 21, *6*, *9*).

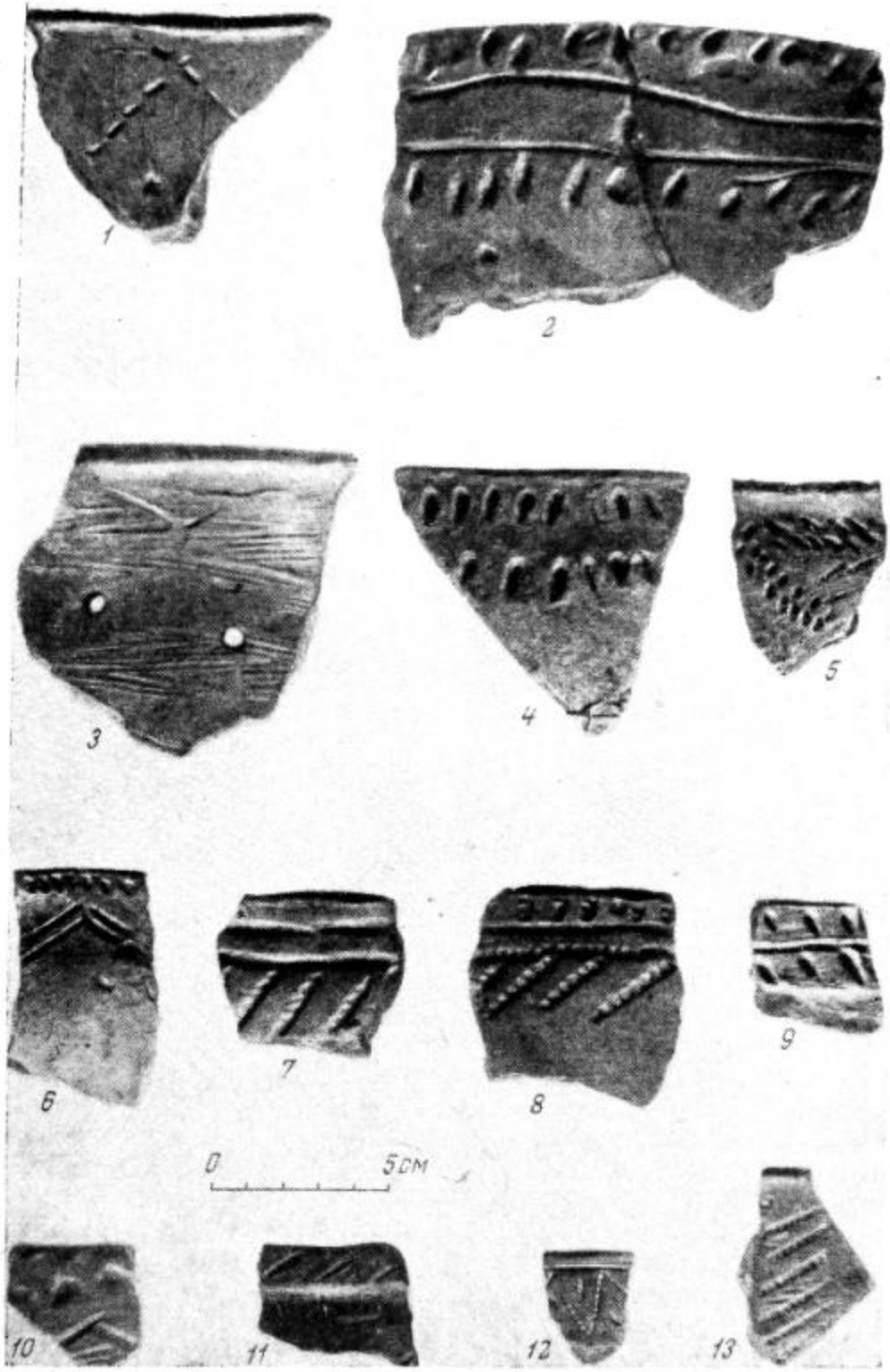


Рис. 13. Керамика с поселения № 1 (на глубине третьего штыка)

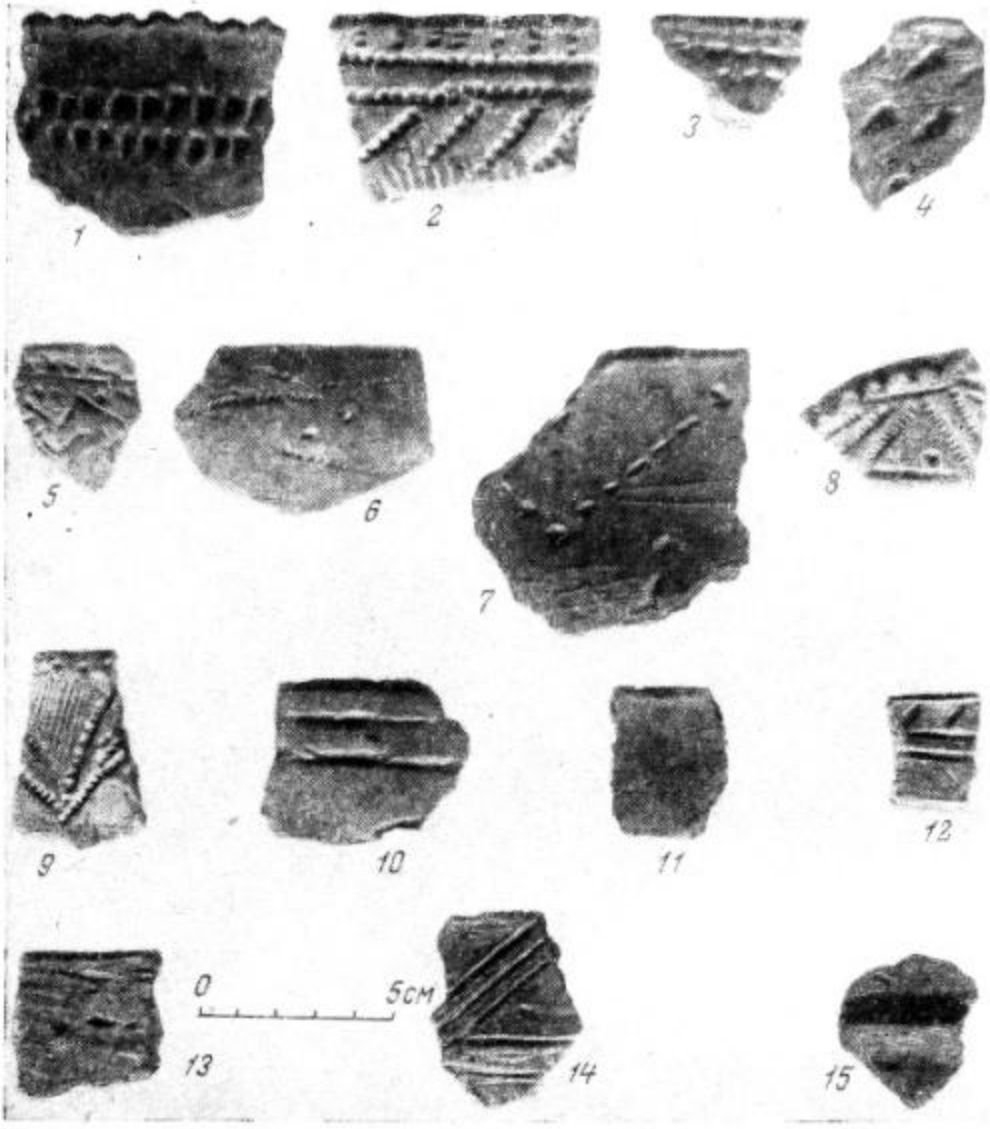


Рис. 14. Керамика с поселения № 1 (на глубине четвертого штыка)

Особенно часто встречается среди найденной керамики орнамент, состоящий из ряда углов, штампованных гребенкой, линий в два и три ряда (рис. 15, *8*, *9*, *10*, *13*; рис. 16, *1*, *7*, *10*). Встречаются также обломки венчиков с орнаментом, состоящим из горизонтально расположенных кружочков (рис. 16, *8*).

Типологически керамика также разнообразна. Здесь мы видим значительное число больших по диаметру и глубоких чаш (рис. 15, *1*, *5*, *7*, *8*, *9*; рис. 21, *3*, *6*, *7*, *10*), более резко профилированную керамику с отогнутым наружу венчиком (рис. 16, *1*, *2*, *5*, *11*; рис. 20, *2*, *3*, *5*, *6*), остроребериые сосуды (рис. 15, *10*; рис. 16, *4*, *6*; рис. 19, *3*; рис. 18, *1*, *4*). Среди остроребериых сосудов выделяется обломок венчика (рис. 15, *10*, рис. 19, *3*), который по своей форме

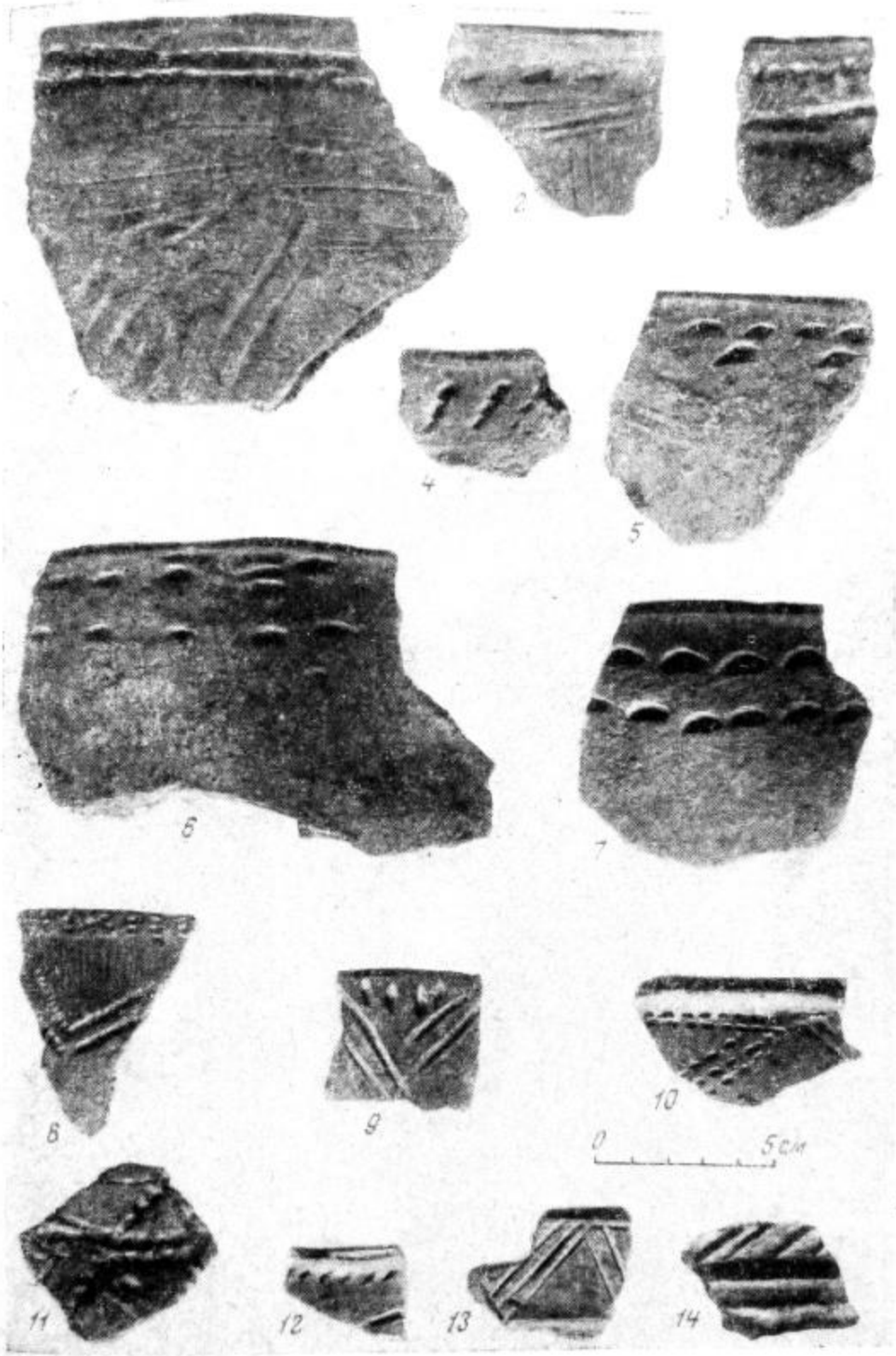


Рис. 15. Керамика с поселения № 1 — жилище № 2 (штык 1)

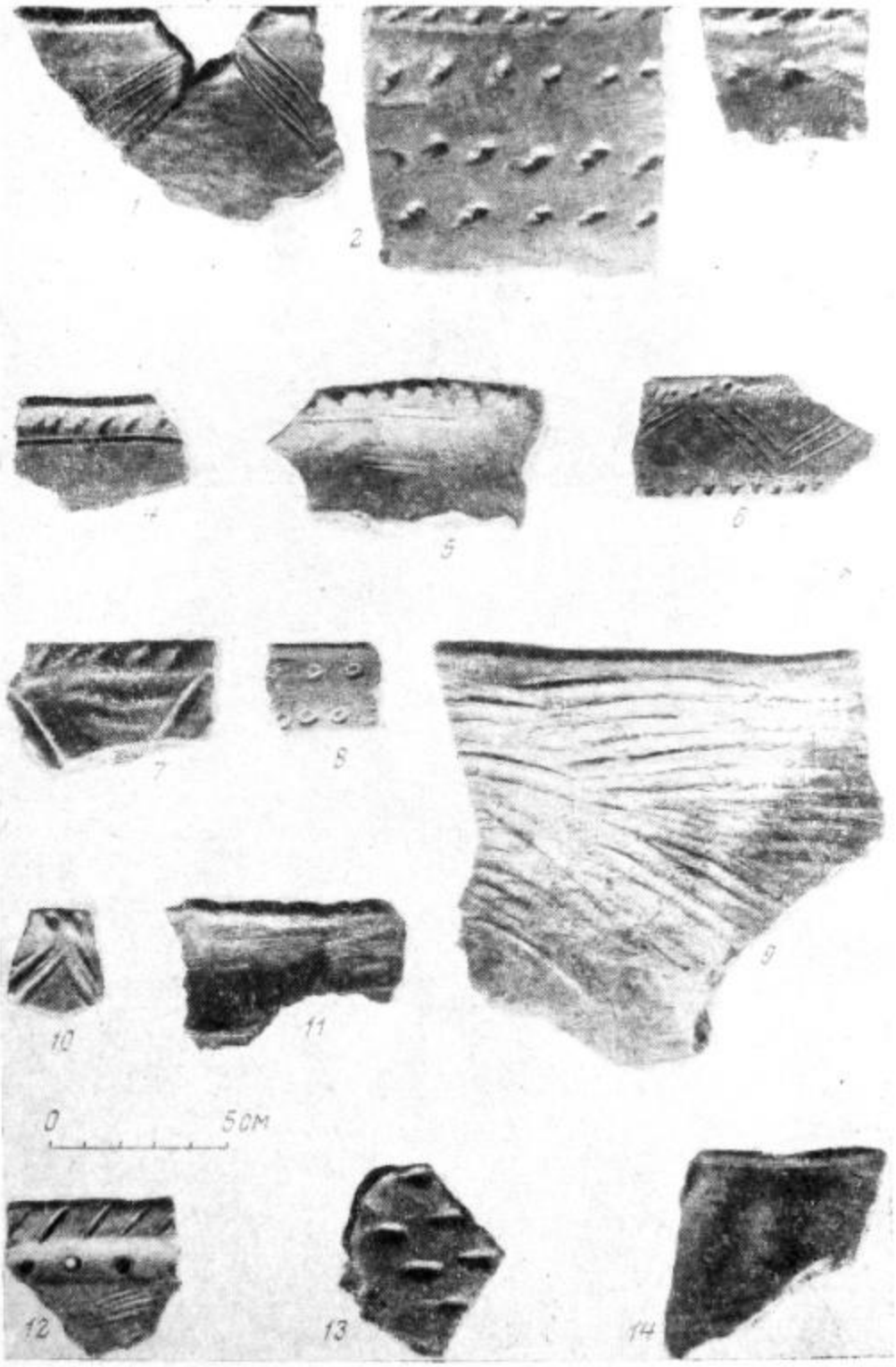


Рис. 16. Керамика с поселения № 1 — жилище № 2 (штык 2)

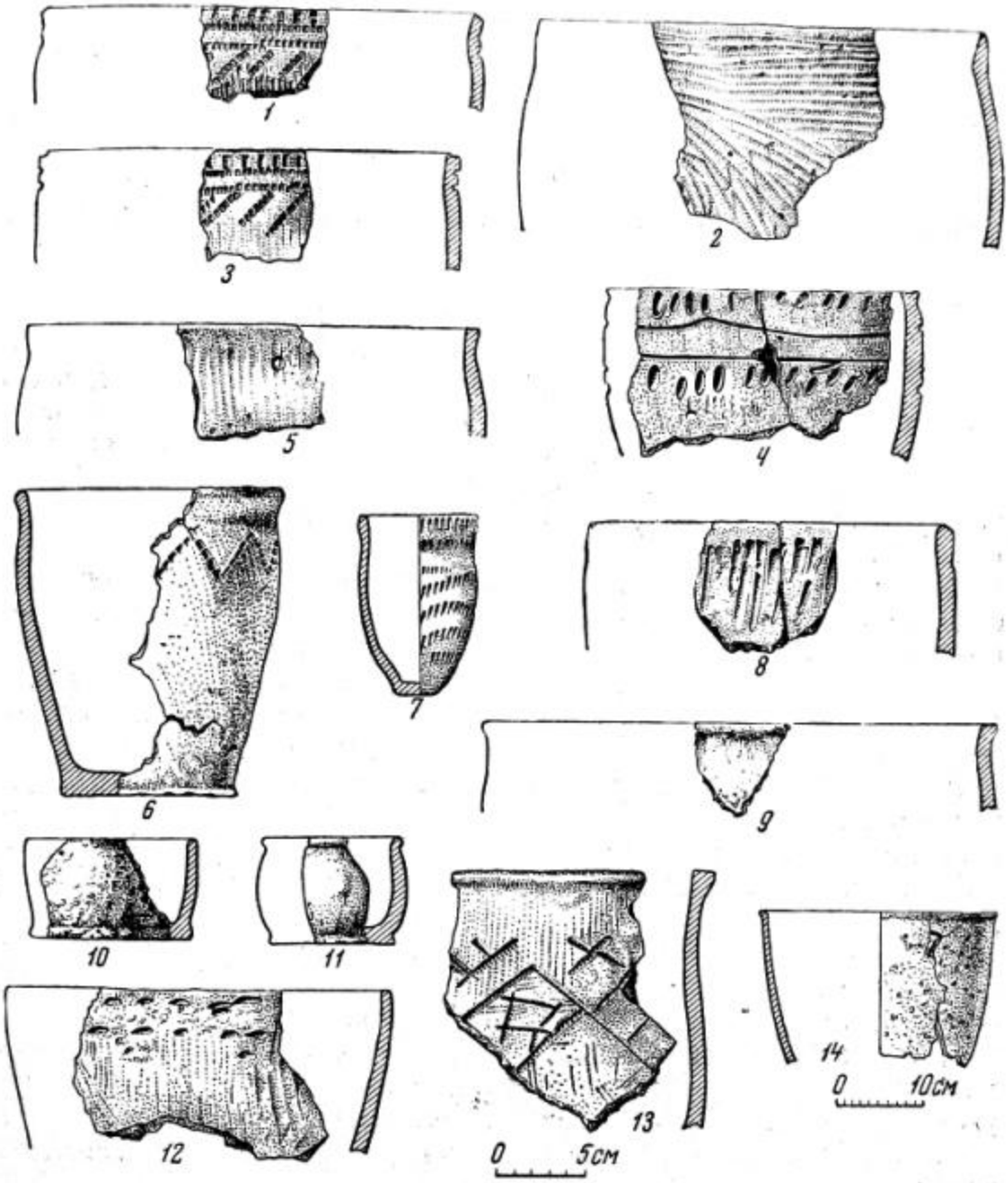


Рис. 17. Керамика с поселения № 1

1 — из штыка 4; *3*, *4*, *5*, *9*, *14* — из штыка 3; *2* — из ямы № 3; *6* — из ямы № 1; *7* — из насыпи кургана № 21; *10*, *11*, *12* — из штыка 1, жилища № 2; *8* — из штыка 1; *13* — из штыка (?)

отличается от остроребериой керамики срубной культуры и более всего напоминает остроребериый сосуд из кургана № 41, относящийся к посуде абашевской культуры (рис. 19, *2*).

Другой обломок имеет прямостоящий венчик и орнаментику, также необычную для керамики срубной культуры (рис. 15, *3*; рис. 20, *16*).

Следует также остановиться на некоторых стратиграфических наблюдениях. Так, например, во втором штыке жилища № 2 были найдены обломки венчиков от сосудов с отвернутым наружу венчиком (рис. 16, *1*, *5*, *11*; рис. 20, *2*, *3*, *6*). Один из них украшен резным орнаментом в виде треугольников, второй — в виде насечек по внешнему краю венчика, третий — в виде защипов по обрезу венчика. Венчик сосуда с подобными защипами был найден во втором штыке на стыке квадратов 13 и 14 (рис. 12, *12* и рис. 20, *1*).

Аналогичный последнему обломок венчика был найден также в квадрате 7, на глубине третьего штыка (рис. 22, *3*). Следовательно, керамика, найденная на полу жилища № 2, по времени должна соответствовать второму и третьему штыкам культурного слоя.

Вероятно, к этой же группе керамики относятся обломки венчика одного и того же сосуда, украшенного крупногребенчатым штампом по краю венчика и по шейке в виде горизонтальных поясков (рис. 16, *2*, *3*; рис. 20, *5*).

Среди этой керамики встречаются широкогорлые баночные сосуды с наметившимся, но не выделенным венчиком. Венчик у них прямой или несколько отогнут, а изнутри в том месте, где намечается шейка, имеется сильное утолщение стенки, образующее тупой угол (рис. 16, *9*; рис. 17, *2*). Несколько аналогичных обломков было найдено на глубине третьего-четвертого штыков (рис. 22, *7*, *9*). Орнамент этих сосудов несложен. Это — штриховка поверхности в разных направлениях и зерновидный орнамент, сочетающийся с достаточно выразительным мелким заглаживанием стенок. Зерновидный орнамент располагается под венчиком в один или два ряда.

Некоторый интерес представляет еще один обломок венчика, найденный в последнем слое жилища № 2 (рис. 16, *12*; рис. 18, *6*). Это был, по-видимому, сосуд баночного типа; венчик у него выделен, только несколько утолщен и украшен снаружи продолговатыми насечками и наколами (иногда сквозными). Такие венчики уже встречались во втором и третьем штыках культурного слоя (рис. 12, *15*; рис. 13, *11*). Все они, вероятно, относятся к разным сосудам.

Таким образом, послойный анализ керамики позволяет прийти к заключению, что на поселении наблюдается многообразие типов и орнамента керамики, вызванное не столько этапами развития керамического производства на базе какой-либо одной этнокультурной племенной группы, сколько разнородностью ее происхождения. Несмотря на сильную передвижку культурного слоя, главным образом в эпоху средневековья, затрудняющую изучение стратиграфии поселения, анализ типов и орнамента керамики позволяет определить их культурно-этническую принадлежность, а также их вероятную хронологическую последовательность — от эпохи бронзы и раннего железа до средневековья.

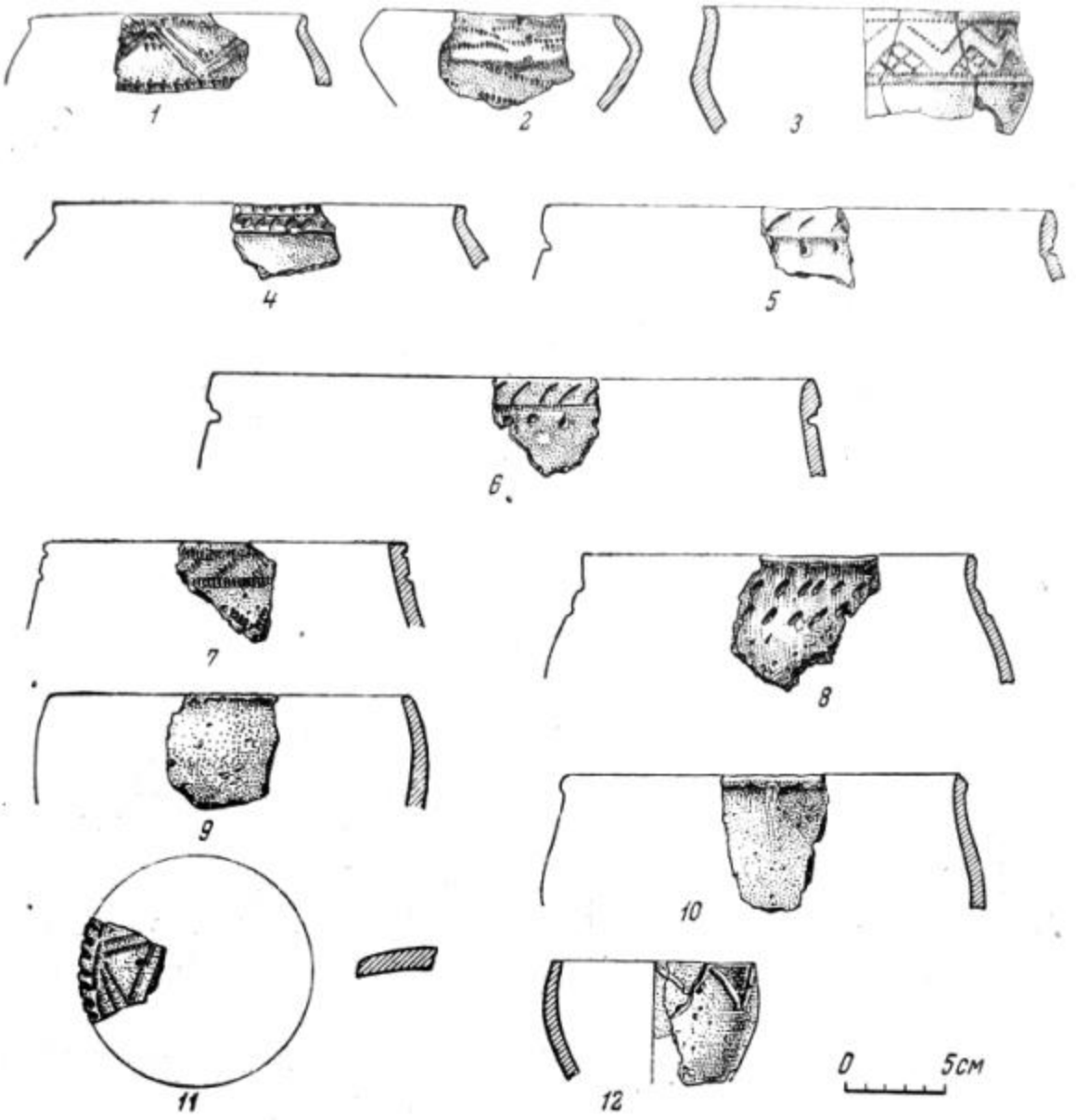


Рис. 18. Керамика с поселения № 1

1, 4 — из штыка 2, жилища № 2; *2, 9, 11* — из штыка 5; *3, 5, 6, 8* — из штыка 3; *7, 12* — из штыка 2

Для подтверждения этих выводов обратимся к анализу керамики, подобранной по типам и орнаменту на рисунках 17—22. Основной особенностью керамики, представленной на рис. 20, является выпуклость стенок — бочковидность и сравнительно четкая профилировка шейки и венчика сосудов. Из всей этой керамики выделяются лишь два сосуда (рис. 20, *13*, *14*). Один из них (№ 13) найден в кургане № 14 с определенным комплексом вещей [17]. Второй небольшой сосудик (№ 14) реставрирован неполностью. Он

[17] Описание комплекса см. ниже.

найден на поселении № 1 в основании культурного слоя, имеет высокие плечики и короткий, прямо стоящий венчик. Оба эти сосуда отличаются от всей остальной керамики нашей таблицы и не могут быть объединены с ними в одну группу. Нам кажется, что эти сосуды хронологически наиболее ранние и принадлежат к местной катакомбной культуре. Что касается всей остальной керамики, то время ее бытования также может быть определено. Возьмем к примеру обломки венчиков (рис. 20, *1*, *2*, *3*, *6*) с защипами на обрезе венчика и на шейке сосуда, а также с вдавлениями палочки по внешнему обрезу венчика и резными треугольниками на плечиках сосуда. Типы и орнамент этой керамики представляются довольно поздними. Но она и найдена в ряде случаев на глубине второго штыка, в жилище № 2 и в яме № 3. Кроме этого, аналогичные обломки венчиков были найдены в квадрате 8 в пределах жилища № 1 на глубине второго и третьего штыков (рис. 22, *3*, *4*, *5*). Таким образом, типы керамики, характер орнамента и его бедность позволяют датировать эту керамику довольно поздним временем эпохи бронзы. Близки к этой керамике по типу и все остальные обломки венчиков этой таблицы. К какой культуре ближе всего стоит такого рода керамика, в настоящее время решить довольно сложно. Однако наиболее близкие аналогии формам этих сосудов мы находим в керамике абашевской культуры, опубликованной А. Х. Халиковым [18]. Некоторые различия в орнаменте и тесте могут быть объяснены хронологическими изменениями в технологии других культур.

Наиболее четко выделяется керамика, представленная на рисунках 19 и 21. Мы объединяем две таблицы в одну группу, невзирая на несходство типов керамики, по их культурно-этническому единству.

На таблицах представлена керамика из кургана № 41 (рис. 19, *1*, *2*, *5—9*), № 35 (погребение 2 — рис. 19, *4*) и из поселения № 1 (рис. 19, *3*, *10—15*; рис. 21, *1—10*).

Остроребериые сосуды (рис. 19, *1*, *2*, *3*, *4*) необычны для срубной культуры, но довольно характерны для абашевской культуры на Чувашском, Стерлитамакском и Магнитогорском ее этапах [19]. Особенно близки абашевским сосуды с орнаментом, состоящим из резных линий по плечикам и гирлянд по тулову. Таковы фрагменты из кургана № 41 (рис. 19, *5—9*). К этой же группе памятников могут быть отнесены и другие фрагменты (рис. 19, *10—15*) от широкогорлых сосудов, орнаментированные наколами палочкой. Такие наколы необычны для абашевской культуры и, по-видимому,

---

[18] А. Х. Халиков. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР. МИА, 1961, № 97, табл. I.

[19] К. В. Сальников. Абашевская культура на Южном Урале. СА, 1954, XXI, стр. 52, рис. 24, столбцы В, Г, Д.

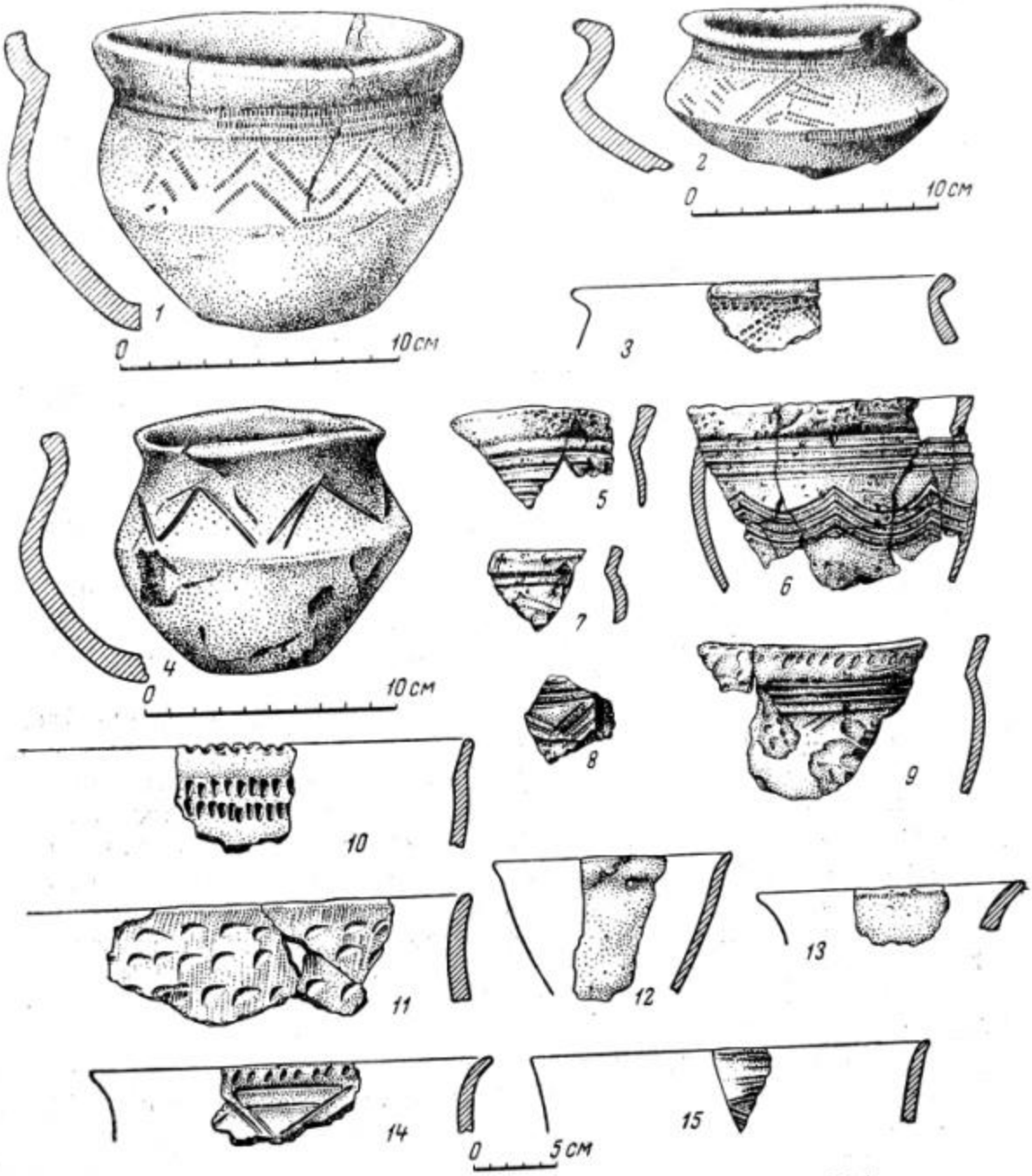


Рис. 19. Керамика из кургана № 41 и с поселения № 1

1, 2, 5, 6, 7, 8, 9 — из кургана № 41; *3* — с поселения № 1 (штык, жилище № 2); *4* — из кургана № 35 (погребение 2); *10, 11* — с поселения № 1 (штык 4); *12, 14* — с поселения № 1 (штык 2); *13* — с поселения № 1 (штык 1); *15* — с поселения № 1 (штык 3)

являются результатом заимствования, что нередко наблюдается в эпоху поздней бронзы (рис. 19, *10*, *11*). Особенно интересной представляется керамика в виде больших и глубоких чаш-мисок, которые, как нам кажется, являются прототипами близких по форме сосудов, обнаруживаемых в большом количестве среди керамики эпохи раннего железа на Среднем Дону [20]. Размеры этих чаш-мисок устанавливаются только по диаметру горла, глубина их и форма днищ, к сожалению, неизвестны. Это часто очень большие сосуды, достигающие 40 см в диаметре горла (рис. 21).

У племен срубной и андроновской культур территории Восточной Европы такого рода керамики как будто бы нет. Она наиболее характерна для абашевской культуры Баланбашского этапа [21], хронологически совпадающей с поздним Андроном и заимствующей часто орнамент, особенно меандр, этой культуры.

Обратим внимание на некоторые миски, изображенные на нашей таблице. Одна миска (рис. 21, *4*) найдена во втором штыке квадрата 3; она по своей форме является как бы копией миски, найденной на поселении Баланбаш, и отличается только орнаментом [22].

Вторая глубокая миска (рис.21, *2*) найдена во втором штыке квадрата 15; она уже типична для эпохи раннего железа и отличается лишь фактурой (штриховкой) поверхности. В эпоху раннего железа такие миски утрачивают штриховку поверхности, характерную для керамики эпохи поздней бронзы, приобретают заглаженность или даже лощение [23].

Из всех чаш-мисок, представленных в нашей таблице, наиболее ярко абашевский орнамент выражен на чаше, найденной в первом штыке культурного слоя в квадрате 18 (рис. 12, *3*). Все указанные чаши-миски были найдены за пределами жилища № 2 в первом и втором штыках культурного слоя. Этот факт имеет очень важное значение как для датировки поселения на его позднем этапе, так и времени пребывания здесь абашевских племен.

Таким образом, абашевская керамика расположена стратиграфически в известной мере в верхних пластах культурного слоя поселения и поэтому является хронологически более поздней среди другой керамики.

Третью группу керамики, относящейся преимущественно к срубной культуре, мы свели в две таблицы (рис. 17 и рис. 18), правда, на таблицах изображена и керамика, имеющая к ней

---

[20] Отчеты Воронежского отряда Лесостепной скифской экспедиции ИА АН СССР за 1957—1962 гг. Архив ИА АН СССР.

[21] «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», стр. 131 и сл.— публикация К. В. Сальникова.

[22] К. В. Сальников. Абашевская культура на Южном Урале, стр. 58, рис. 6, *2*, *3*.

[23] П. Д. Либеров. Отчет... за 1957 г. Архив ИА АН СССР, фотоальбом, табл. II, рис. 11.

Такие миски встречаются на Среднем Дону на городищах и поселениях скифского времени. Ср. миску, найденную в городище у с. Архангельское (Голышевка).

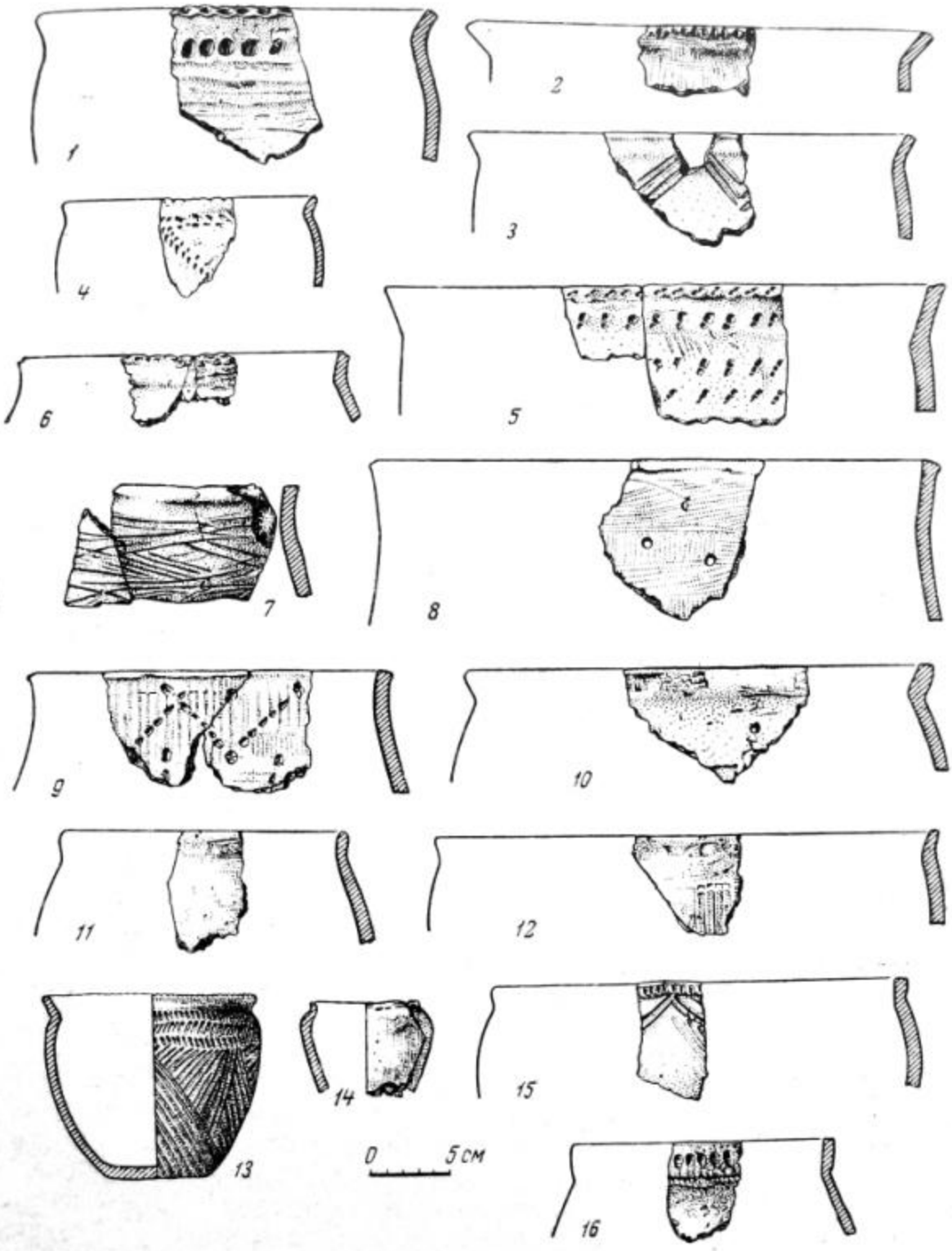


Рис. 20. Керамика с поселения № 1 и из кургана № 14

1 — с поселения № 1 (штык 2); *2, 5* — из жилища № 2 (штык 2); *3, 12, 16* — с поселения № 1 (жилище № 2, штык 1); *4, 8, 10, 11, 15* — с поселения № 1 (штык 3); *6* — из ямы № 3; *9, 14* — с поселения № 1 (штык 4); *8* — с поселения № 1; *13* — из кургана № 14

только косвенное отношение. Например, на рис. 17 многие сосуды достаточно твердо могут быть отнесены к срубной культуре, но некоторые (рис. 17, *2*, *4*, *7*) не характерны для данной культуры как по форме, так и по орнаменту. В частности, сосуд, изображенный на рис. 17, *2*, на поселении нередко встречающийся, имеет ближайшие аналогии в абашевской керамике Баланбашской и Магнитогорской групп [24]; орнамент сосуда, изображенный на рис. 17, *4*, также ближе стоит к абашевской керамике; по своей форме, несомненно, не является срубным и сосуд, представленный на рис. 17, *7*.

Среди этой керамики имеются какие-то промежуточные формы (рис. 18, *5—8*, *10*), которые частично напоминают скорее керамику баланбашевского этапа абашевской культуры [25], от которой наша керамика отличается лишь бедностью орнамента.

К срубной керамике могут быть отнесены остроребериые (рис. 18, *1*, *2*, *3*, *4*) и баночные (рис. 18, *9*, *12*) сосуды.

Однако остроребериая керамика на поселении найдена в небольшом количестве и главным образом в нижней части культурного слоя: два обломка в самом низу жилища № 2 (рис. 18, *1*, *4*), два на глубине третьего (рис. 18, *3*) и четвертого (рис. 18, *2*) штыков квадратов 8 и 12.

Для завершения анализа керамики остается дать некоторую ее характеристику по цвету, примесям в тесте и размерам сосудов. К сожалению, удалось изучить лишь небольшое число фрагментов венчиков и днищ. Однако эти данные весьма характерны.

Обратим прежде всего внимание на цвет керамики. Из 113 фрагментов венчиков желтый цвет имеют 55, или 48,7%, темно-желтый, серо-желтый и красно-желтый — 29, или 25,7%, серый — 18, или 16,0% и прочие оттенки (темный, темно-серый и черный) — 11, или 9,6%. В изломе у 110 фрагментов черный цвет преобладает. Он составляет 80%. Все остальные цвета излома — желтый (8), серый, темно-серый или темный составляют 20,0%.

Интересны данные и по примесям в тесте обломков. Так, из 106 фрагментов 64 фрагмента (или 60,3%) никаких примесей в глиняном тесте не имеют, примесь шамота имеет 21 фрагмент (или 20%), примесь песка — 11 фрагментов (или 10,3%) и только 10 фрагментов (9,4%) содержат примесь кварца, шамота и песка, сопутствующих друг другу.

Для определения размеров горла и дна сосудов не все имеющиеся обломки были пригодны. В частности, 94 фрагмента венчиков, подвергшихся измерению, дали средний диаметр горла около 23 см. Днища, их особенно мало, на 15 штук дали средний диаметр 9 см. Это значит, что керамика поселения отличается сосудами с очень широким горлом, а диаметр днища у сосудов в 2,5 раза меньше

---

[24] К. В. Сальников. Абашевская культура на Южном Урале, стр. 60, рис. 8, *1*, *3*, *5—7*; рис. 24, Г—*22*, Д — *23*, *30*.

[25] Там же, стр. 58, рис. 6, *1*.

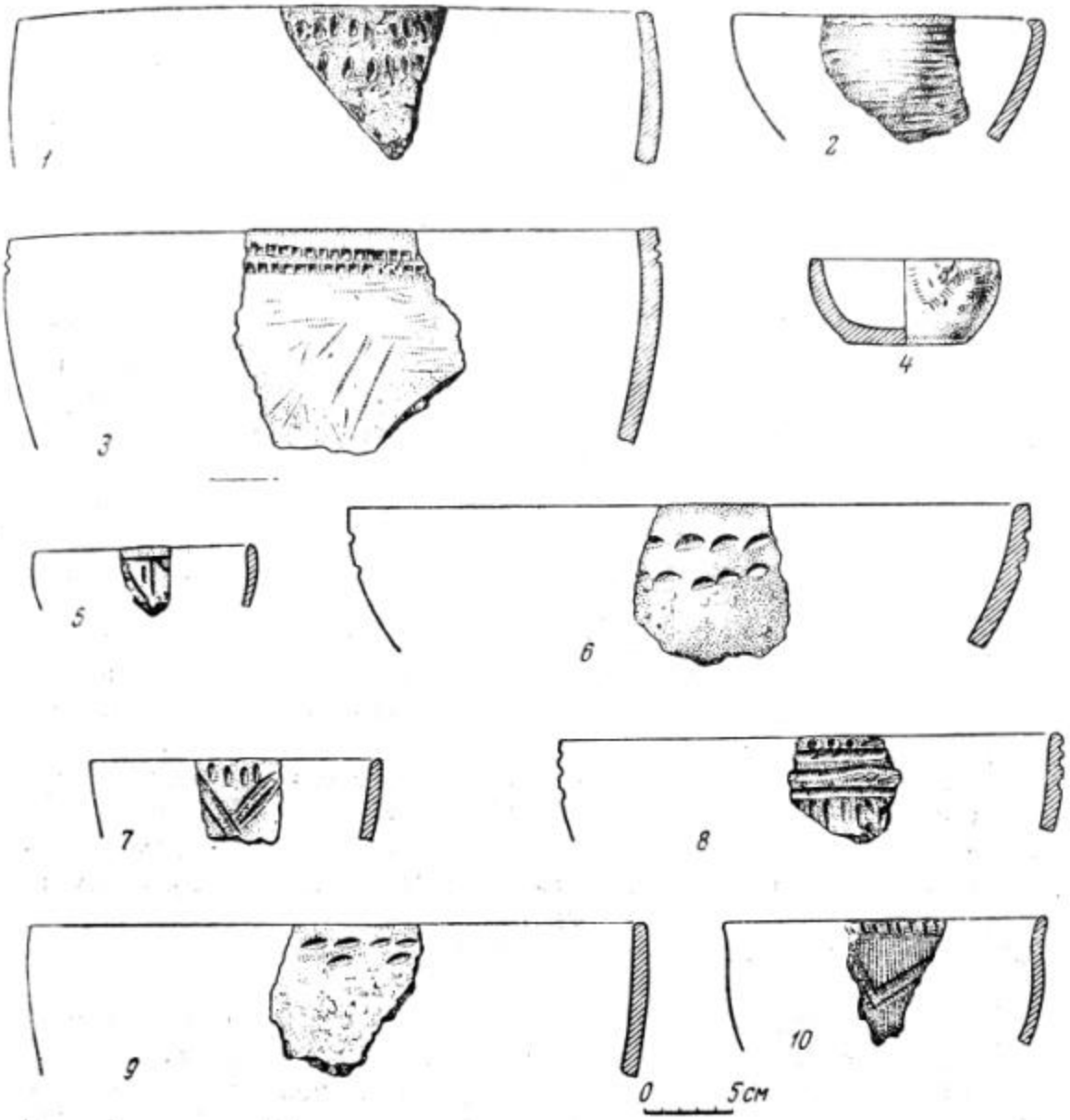


Рис. 21. Керамика с поселения № 1

1, *5* — с поселения № 1 (штык 3); *2*, *4* — с поселения № 1 (штык 2); *3*, *6*, *7*, *10* — из жилища № 2 (штык 1); *8* — с поселения № 1 (штык 1); *9* — из жилища № 2 (штык 2)

диаметра горла. Сопоставление днищ сосудов разных культур показывает, что керамика, которая может быть отнесена к срубной культуре, имеет больший диаметр днищ (рис. 17, *6*, *10*, *11*) и, наоборот, керамика, не обладающая этими признаками, имеет очень узкое дно. Чем же это объясняется? Выше было установлено, что на поселении имеется значительное количество керамики абашевского типа, которая очень часто является круглодонной. Может быть, в этом факте и надо искать ответ на поставленный вопрос.

При анализе примеси в тесте керамики мы почти не обнаружили примеси толченой ракушки. Но ведь толченая ракушка

особенно характерна для абашевской керамики. Не противоречит ли это нашему утверждению? Думается, что не противоречит. Дело в том, что керамика, найденная в кургане № 41 на урочище «Частые курганы» в количестве восьми разных сосудов, только в одном большом сосуде содержит значительную примесь толченой ракушки. Все остальные сосуды не дают этой примеси (рис. 19, *1*, *2*, *5—9*), хотя по своим типам они со всей определенностью могут считаться абашевскими.

Рассмотрев керамику поселения, мы можем заключить:

1. На поселении имеется керамика разных культур, разделить которую стратиграфически очень трудно. Однако бесспорным остается наличие срубной, абашевской и отчасти катакомбной керамики.

2. Нам кажется, что наиболее ранней керамикой данных памятников является керамика срубная (остроребериые сосуды и баночная керамика). К этому же времени относятся некоторые сосуды катакомбной культуры, по своей форме и орнаменту отличающиеся от керамики срубной и абашевской культур.

3. Следующая, более поздняя ступень жизни на поселении хорошо представлена керамикой абашевского типа. Она встречается по всему культурному слою поселения и особенно заметна в верхней его части.

4. Заключительный этап жизни на поселении, по-видимому, связан с развитием той своеобразной керамики, которая представлена на нашей таблице (рис. 20, *1—6*, *10*, *15*, *16*). Эта керамика содержит элементы, характерные для посуды трех названных культур с преобладанием в ней типов керамики абашевской культуры. Однако срубное влияние в ней, по-видимому, весьма значительнее катакомбного.

Таким образом, стратиграфическое изучение срубной и абашевской керамики показывает, что керамика срубной культуры появляется на поселении несколько раньше, чем абашевская, и что поселение существовало почти до конца эпохи поздней бронзы. На последнем этапе существования поселения появляются те черты орнамента и типы керамики, которые впоследствии воспринимаются племенами эпохи раннего железа: хорошо выраженная профилировка керамики, миски и защипный орнамент под венчиком и на венчике сосуда.

Жилища. На поселении были обнаружены остатки двух жилищ. В деталях они отличаются друг от друга.

Жилище № 1 имело небольшие размеры и сохранилось неполностью, так как северная сторона его была разрушена оползнем. Жилище расположено в западной части раскопа. Пол его находился на уровне грунта на глубине 0,8 м от поверхности (рис. 10). Контуры помещения с восточной и южной сторон определялись столбовыми ямками, а с северной и западной сторон, где такие ямки не были обнаружены, контуры определены по предполагаемому

Рис. 22. Керамика с поселения № 1 и из кургана № 21

1—14 — с поселения № 1; *15—18* — из кургана № 21

полу жилища, который отличался от окружающего грунта сухостью, цветом и глиняной коркой. Жилище было прямоугольным, ориентировано с запада-северо-запада на восток-юго-восток, длиной до 6,5 м, шириной до 4—4,5 м, общей площадью до 26—30 м². Вдоль южной стенки отмечены 3 ямки от столбов (№ 2, 3, 4) диаметрами в 30—45 см, глубиной не более 10—15 см; еще две таких ямки (№ 5, 6) расположены в восточной половине помещения, близ его середины.

Остановимся на некоторых деталях жилища, обнаруженных в ходе раскопок.

У юго-западного угла жилища расчищена канавка длиной около 2 м и шириной до 30 см, концы у нее закруглены, стенки сильно обожжены до кирпичного цвета. На дне канавки, протянувшейся с запада на восток, оказалось три круглых глубоких ямки. Две из них расположены в восточном конце: первая расположена в 10 см от конца канавки. Диаметр и глубина этой ямки до 30 см. Вторая ямка находится к западу от первой в расстоянии 10 см; ее диаметр 15—20 см, глубина до 55 см. Наконец, третья ямка находилась в 20 см от западного конца канавки, диаметр и глубина у нее до 20 см. Следовательно, центральная ямка имела наибольшую глубину и наименьший диаметр. Ближе к северо-западному углу жилища обнаружены два незначительных, овальных по форме углубления неясного назначения.

Таким образом, столбовая конструкция и глиняная обмазка пола доказывают, что нами раскрыты остатки жилища. Каково назначение канавки? На ближайших территориях аналогий таким канавкам мы не знаем. Более близкие, как нам кажется, уводят нас в Южное Зауралье к группе памятников типа поселения Садчиковка, исследованного О. А. Кривцовой-Граковой [26].

В одном из жилищ поселения Садчиковка была обнаружена аналогичная канавка, заполненная камнем, которая, по мнению автора, служила очагом [27].

Не является ли такая аналогия случайной? И может ли наше жилище иметь какое-либо отношение к памятникам уральской группы? На эти вопросы мы попытаемся ответить несколько позже.

Ж и л и щ е № 2 обнаружено рядом с первым, к востоку от него. Оно находилось на глубине 0,8 м от поверхности. Ориентировано с севера на юг, длина несколько более 8 м, ширина около 8 м. У жилища № 2 углы сильно закруглены и лишь западный угол несколько отходит в южную сторону. Посередине северной стенки был обнаружен вход в жилище.

Помещение углублено в грунт до 45 см. Восточная стена жилища углублена на 20 см. Западная стена сохранилась плохо в связи с

[26] О. А. К р и в ц о в а - Г р а к о в а. Садчиковское поселение. МИА, 1951, № 21, стр. 152 и сл.

[27] Там же, стр. 155.

подступившим обрывом. На большей части жилища пол проследить не удалось и лишь в юго-западной части и в северо-восточном углу (квадрат 7, раскоп 1957 г.) были обнаружены следы пола, состоящие из сухой глиняной обмазки. Пол слегка выгнут, имел ладьевидную форму. В 1958 г. во время выборки земли из жилища в юго-западном углу был отмечен слой песка, подвергшегося прокаливанию. По-видимому, здесь было очажное сооружение.

Основой жилища служила какая-то столбовая конструкция. По центру, с севера на юг шли в ряд 3 ямки: в северном и южном концах ямки диаметром от 50 до 60 см, глубиной до 30—35 см, в центре — ямка диаметром до 35 см и глубиной 10 см. С восточной и южной сторон жилища отмечено еще по две ямки диаметром от 40 до 60 см и глубиной от 15 до 30 см. С западной стороны таких ямок не было. Однако в стороне от юго-западного угла полуземлянки обнаружены еще две ямки, относящиеся, возможно, к этому же комплексу.

Вход в жилище—наклонный спуск—имел довольно сложную форму с заплечиками, судя по его восточной стене. Ширина входа доходила примерно до 1,5 м, длина — до 1,7 м.

В северо-западном углу на уровне пола (на глубине 0,8 м от поверхности) была расчищена большая почти круглая яма диаметром до 2,3 м, стенки ее покато опускались на глубину 70 см. Сразу же на поверхности засыпки ямы, в центре, находился глиняный очаг круглой формы диаметром 1,1 м, глубиной до 30 см.

На дне ямы, почти под ее северной стенкой и как раз под первым очагом, были найдены следы второго небольшого глиняного очага в виде распавшихся кусков обожженной глины площадью до 70 см и толщиной до 5 см. При зачистке ямы встречались обломки лепной керамики и даже несколько обломков остродонной амфоры, попавших сюда уже в эпоху раннего железа. Возможно, что верхний очаг относится к этому позднему времени, хотя в культурном слое никаких следов устройства жилища в эту эпоху не выявлено.

Жилище эпохи бронзы имело, вероятно, шатровую или продолговато-овальную форму с входом с северной стороны и двумя очагами в северо-западном углу в яме и в юго-западном углу на уровне пола. Можно думать, что хронологически оно следует за первым жилищем. Однако это лишь предположение, показать которое в настоящее время не представляется возможным.

Поселение № 3 исследовалось в течение 3 лет, на нем вскрыто 604 м². Общая глубина культурного слоя — три-четыре штыка. Местами он несколько глубже.

В основном поселение относится к эпохе раннего железа. Однако и на нем встречаются фрагменты лепной керамики эпохи бронзы, сильно перемещенные и перемешанные с керамикой скифского времени. На поселении не удалось найти следов культурного слоя эпохи бронзы. Лишь ряд фрагментов, которые дают право говорить о существовании поселения эпохи бронзы, собраны в

качестве подъемного материала и в слое главным образом на глубине второго штыка. Собранная керамика орнаментирована слабо. Это прежде всего налепные валики, расчлененные защипами и насечками (рис. 23, *1*, *2*, *3*), наколы концом палочки (рис. 23, *5*, *8*), штамп в виде елочки (рис. 23, *7*), штамп веревочкой (рис. 23, *4*, *13*), наколы изнутри, образующие снаружи горошины, сопровождаемые защипами ногтем с одновременным нанесением штампа гребеночкой (рис. 23, *10*) и, наконец, бессистемные ямки по поверхности сосуда (рис. 23, *11*). Фрагментарность этого материала затрудняет какое-либо высказывание относительно происхождения и хронологии находок.

Поселение № 4. В 1955 г. во время разведки на нем была собрана керамика эпохи поздней бронзы (рис. 24), в том числе и с налепными валиками (рис. 24, *11*, *12*, *13*, *14*). В 1956 г. здесь был заложен шурф площадью 64 $м^2$, на самом краю оврага, около того места, где в предыдущий год были проведены сборы керамики. Раскопки показали, что поселение имеет неглубокий, не более 40 см, и мало насыщенный культурный слой. Он состоял из желтого, слабо гумированного песка.

Поверхность задернована и не распахивается. В первом штыке найдено 122 фрагмента лепных сосудов, во втором — 173 фрагмента и 45 обломков костей животных, но настолько раздробленных, что удалось отобрать только семь костей. Они принадлежали особи крупного рогатого скота. Керамика преимущественно баночная, венчик профилирован очень слабо или совершенно не отделился от стенок. Изредка встречаются венчики, сильно откинутые наружу, с высокими плечиками. Один такой венчик дан на рис. 24,*8*. Орнамент его в виде треугольников под обрезом венчика нанесен концом палочки, а ниже шейки нанесены резные горизонтальные линии вокруг сосуда. Этот фрагмент очень схож с керамикой из курагана № 41 (рис. 9, *2*), с той лишь разницей, что на фрагменте из кургана орнамент нанесен гребенчатым штампом. Иногда венчик имеет утолщение снаружи, образуя как бы валик с орнаментом в виде ямок (рис. 24, *4*) или без них. Орнамент не столь богат, как на поселении № 1, но повторяет его. Это чаще крупнозубчатый штамп в елочку (рис. 24, *1*), зигзаг (рис. 24, *2*), или горизонтальная сдвоенная линия (рис. 24, *5*), а также в виде зерновидных ямок под венчиком и насечек на его обрезе (рис. 24, *6*), горизонтальной и вертикальной гофрировки (рис. 24, *3*, *4*, *13*) и валика (рис. 24, *10*, *12*). Цвет керамики чаще желтовато-серый, иногда желтый или серый; глина в изломе серая или темная, крупнозернистая, нередко рыхлая с примесью шамота.

Таким образом, керамика этого поселения во многом сходна с керамикой поселения № 1 и кургана № 41.

Керамика с валиками датирует это поселение несколько более поздним временем, чем срубная керамика поселения № 1. Не противоречит этому мнению и наличие керамики абашевского типа.

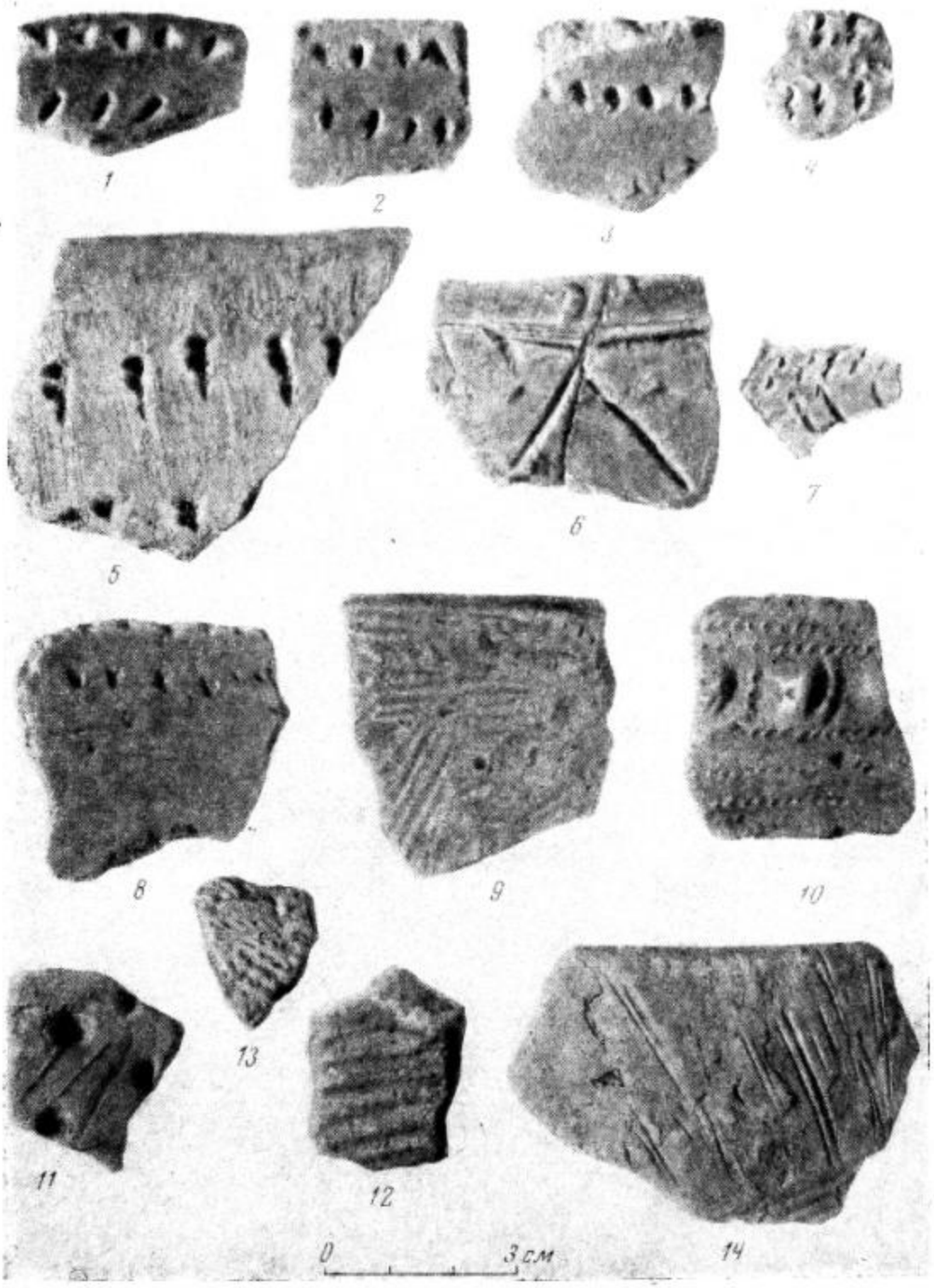


Рис. 23. Керамика с поселения № 3

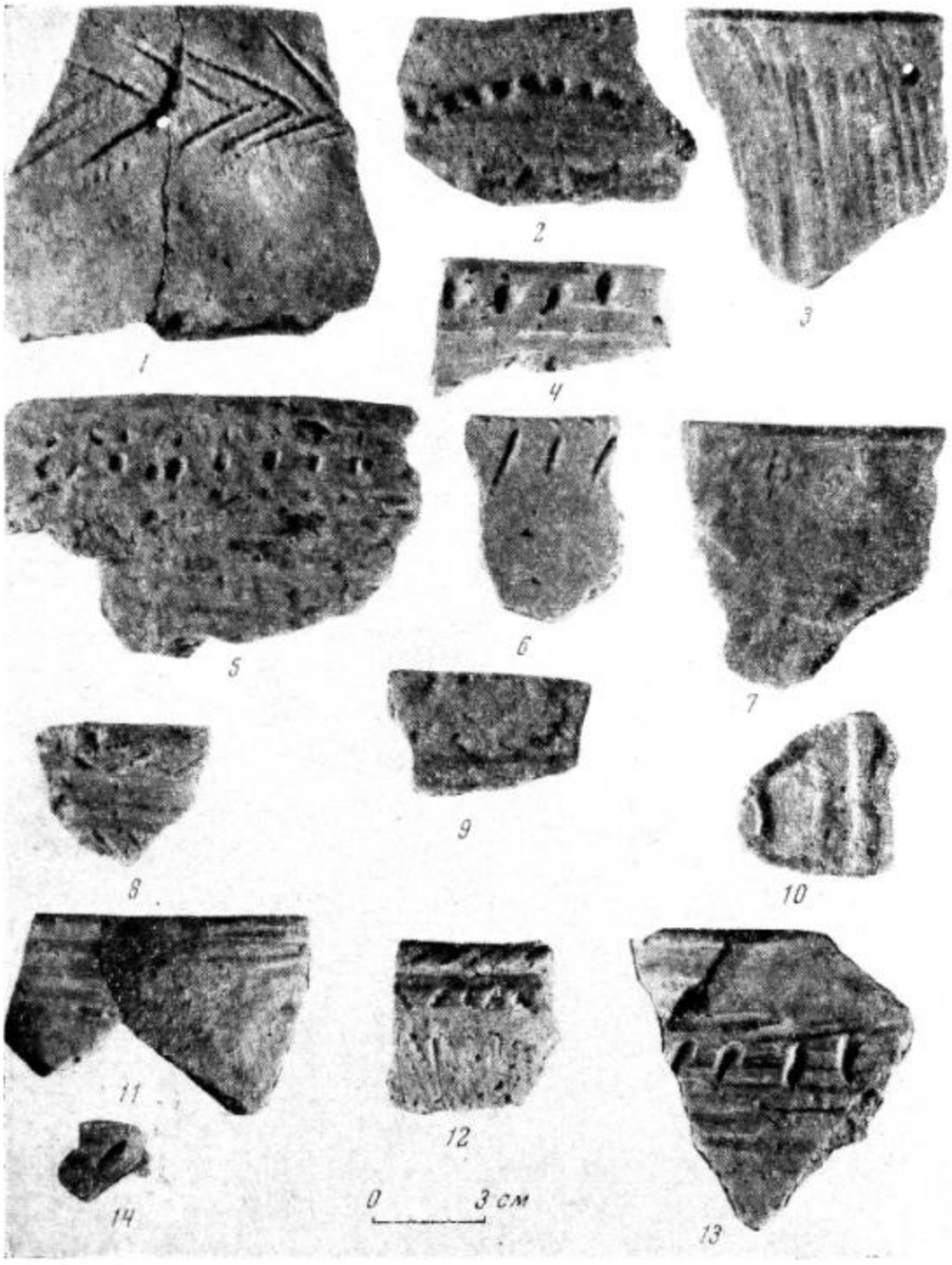


Рис. 24. Керамика с поселения № 4

Поселение № 5 исследовалось в 1956—1957 гг. В 1956 г. были заложены шурфы общей площадью в 160 м^2.

Культурный слой глубиной 30—40 см насыщен слабо и состоит из темно-коричневого гумированного песка.

Основной материал относится к эпохе раннего железа и синхронен основному материалу курганного могильника. Среди этого материала изредка встречается лепная керамика эпохи бронзы, но настолько невыразительная, измельченная и окатанная в песке, что на ней нет необходимости останавливаться. Таким образом, анализ вещевого материала из курганов и поселений урочища «Частые курганы» показывает неоднородность его происхождения. Как видно, основная масса материала, особенно из поселения № 1 у с. Подгорное, относится к срубной культуре, а затем уже идет керамика абашевской и катакомбной культур.

Однако недостаточная ясность в стратиграфии поселений создает ряд трудностей в интерпретации, хронологических построениях и, в конечном счете, исторической характеристике памятников.

Поэтому мы и решили дополнительно привлечь ряд памятников срубной культуры из раскопок прошлых лет, которые до сих пор не опубликованы, но имеют принципиально важное значение для изучения срубной культуры на Среднем Дону, особенно поздних ее этапов. К таким памятникам срубной культуры относятся курганы у с. Кондрашовка и поселение № 2 у хутора Сасовка.

Курганы у с. Кондрашовка

Курганная группа в количестве 30 насыпей находится в 1,5 км к западу от с. Кондрашовка, по обе стороны дороги от железнодорожной станции Курбатово на город Землянск, на большом мысу, образованном с одной стороны р. Ведугой, с другой — ее левым притоком — речкой Землянкой (рис. 39).

В 1912 и в 1913 гг. М. П. Юргенсон произвела здесь раскопки 10 курганов, из которых 7 курганов имеют отношение к срубной культуре (курганы № 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8) [28].

Курган № 2 имел высоту до 0,7 м, диаметр — около 30 м. Раскопки велись колодцем квадратной формы со сторонами в 5, 7 м. На уровне горизонта был прослежен деревянный настил и найдены человеческие кости (рис. 37, *3*). Несколько выше найдены следы

[28] М. П. Юргенсон. Отчеты за 1911—1913 гг. Архив ЛОИА, № 250 1912 г. Описание раскопок кургана № 1 мы опускаем, так как, за исключением могилы весьма интересной конфигурации (рис. 37, *4*), раскопки эти не дали никакого материала, который позволил бы отнести этот памятник к какой-нибудь определенной культуре и определить его хронологию. Остальные два кургана (№ 9 и 10) дали основной материал катакомбной культуры, и описание их дано в специальной главе настоящей книги.

дерева, лепной высокогорлый горшок на поддоне [29], кости лошади и барана.

Курган № 3 высотой 1,2 м, диаметром до 38 м. Раскопан так же, как и курган № 2. В насыпи встречены остатки дерева, отдельные обломки человеческих костей со следами зеленой окиси бронзы и обломки маленького лепного сосуда [30]. Могильная яма ориентирована на восток—запад, длиной 2,5 м, шириной 1,8 м, глубиной около 2,4 м. Человеческие кости совершенно истлели, вещей нет.

Курган № 4 высотой 0,7, диаметром около 30 м. Раскопки велись колодцем площадью 5,7 × 5,7 м. В насыпи на глубине 0,4 м обнаружены остатки дубового столба, а вокруг него на пространстве 1,4 м были следы хвороста или жердей; они располагались так, что образовали квадратные клетки шириной около 13 см. Это, вероятно, остатки шалаша. Несколько ниже возле столба лежали обломки человеческого черепа с остатками бронзового предмета, обломки костей, позеленевшие от окиси бронзы и обломки лепного сосуда (рис. 25,*1*) [31]. Все это лежало над уровнем древнего горизонта.

Курган № 5 высотой около 0,5 м, диаметром до 24 м. Раскопки велись траншеей по линии север — юг длиной в 8,5 м и шириной в 2,2 м. В насыпи встречались обломки лепной посуды. Могильная яма была обнаружена в центре, ориентирована с северо-востока на юго-запад. Длина ямы — 2,2 м, ширина 1,4 м при глубине около 1,1 м.

В могиле сохранились в беспорядке отдельные человеческие кости и обломки лепного остроребериого сосуда (рис. 25,*2*)[32].

Курган № 6 высотой 0,7 м, длиной 30 м. Раскопки велись траншеей, направленной с севера на юг, длиной около 8,5 м и шириной 2,2 м. В насыпи были прослежены следы обожженной глины, которая на глубине 0,9 м лежала сплошным слоем. Могильная яма ориентирована с востока на запад, длина ее 2,2 м, ширина 1,4 м, глубина 1,35 м. Человеческие кости найдены в беспорядке, среди них сохранились частично обломки лепного сосуда [33].

Курган № 7 высотой 0,7 м, диаметром свыше 30 м. Раскопки велись такой же траншеей, как и предыдущие курганы. В насыпи встречались обломки лепной керамики, из которых был восстановлен сосуд (рис. 25,*7*) [34]. Могильная яма ориентирована длинной осью на линии восток — запад, длина ее 2,2 м, ширина 0,9 м, глубина 0,9 м.

---

[29] М. П. Юргенсон. Отчеты за 1911—1913 гг. Архив ЛОИА, № 250, 1913 г., л. 36, рис. VII.

[30] Там же, л. 39, рис. IX.

[31] Там же, 1912 г., л. 41, рис. XI.

[32] Там же, л. 44, рис. XIII.

[33] Там же, 1912, л. 47, рис. XVI.

[34] Там же, л. 50, рис. XVII, XVIII.

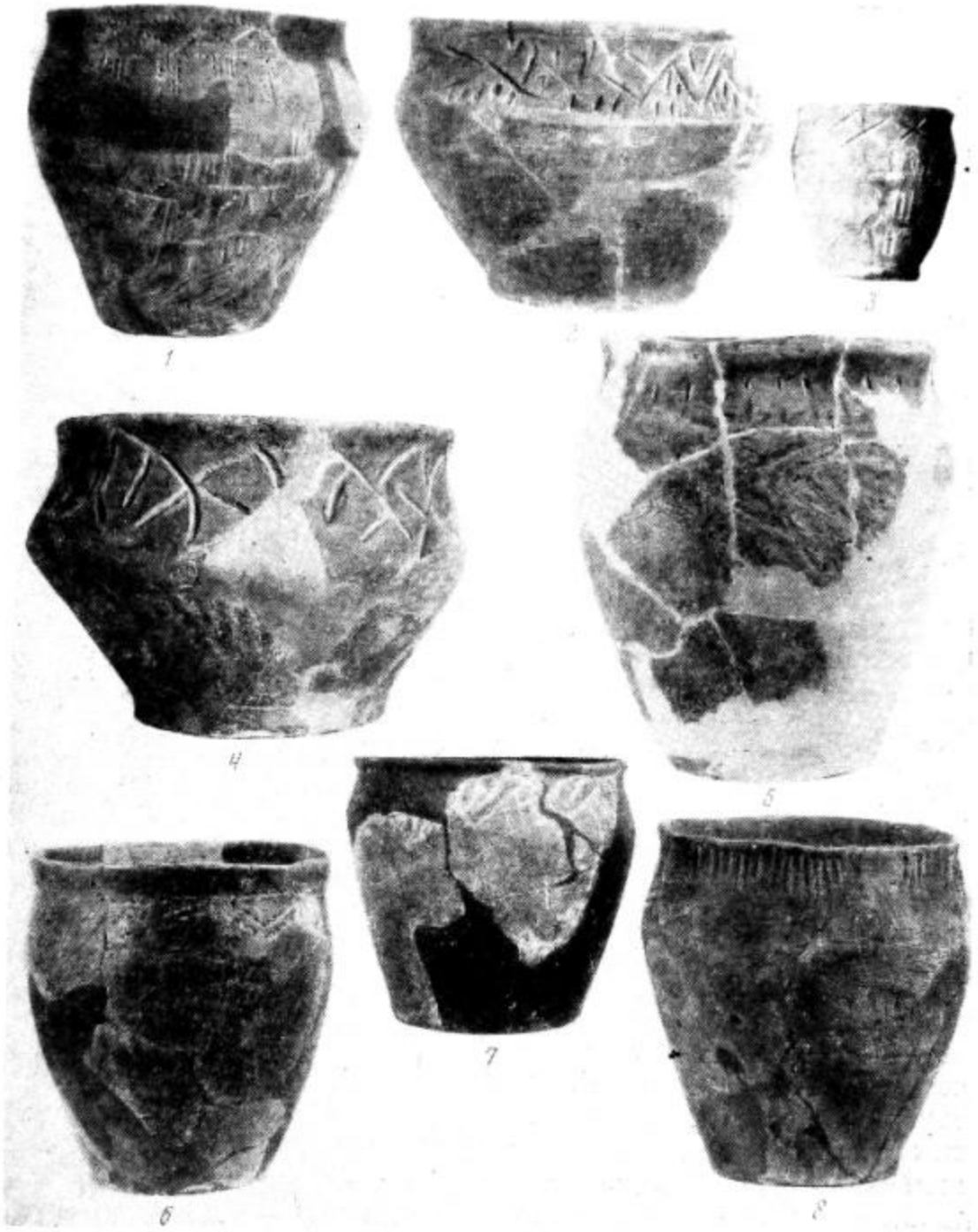


Рис. 25. Керамика из курганов у с. Кондрашовка. Раскопк М. П. Юргенсон

1 — из кургана № 4; *2* — из кургана № 5; *3—5* — из кургана № 8; *6* — из кургана № 10 (насыпь); *7* — из кургана № 7; 8 — курган не определен

На дне могилы найден слой песка толщиной в 18 см. Поверх этого слоя и под ним отмечены остатки дерева. Человеческие кости разбросаны и сохранились не все [35]. Под северной стеной могильной ямы лежали кости коровы; под западной стеной обнаружена круглая ямка диаметром около 0,5 м. Глубина ее не установлена, в ней лежал человеческий череп.

К у р г а н № 8 высотой около 0,5 м, диаметром до 30 м. Раскопан длинной траншеей с севера на юг (20 × 6 м). Найденные в кургане кости особей крупного рогатого скота, вероятно, находились на уровне древнего горизонта. Могила была ориентирована с востока на запад, длина ее 2 м, ширина 1,7 м, глубина около 1,6 м. Найденные в ней человеческие кости лежали в беспорядке. Однако костяк был обращен головой к востоку, поскольку череп лежал под восточной стеной, а ноги — под западной. В восточной половине могилы, слева от костяка, примерно на уровне плеч и перед грудью, находились два разбитых сосуда: один сосуд из серой глины имел баночную форму (рис. 25,*5*) [36], второй — из желтой глины, остроребериой формы с прочерченным, довольно замысловатым орнаментом на шейке (рис. 25,*4*) [37]. Между сосудами лежала серьга из воска (по мнению М. П. Юргенсон).

В северо-восточном углу, справа от черепа, находился бронзовый ножичек или копье листовидной формы [38]. В ногах под западной стеной, ближе к северо-западному углу лежал третий сосуд серой глины (рис. 25,*3*), орнаментированный по шейке резными косыми крестиками [39].

Как видим, не все курганы могут быть отнесены к срубной культуре. Однако культурная принадлежность большинства из них не вызывает никаких сомнений.

Для наглядности мы свели в одну таблицу 2 все раскопанные курганы у с. Нижняя Ведуга и с. Кондрашовка.

Таблица показывает, что из описанных выше семи курганов, пять достаточно твердо могут быть отнесены к памятникам срубной культуры (№ 2, 4, 5, 7, 8). В этих курганах ряд погребений находится на горизонте (курганы № 2, 4) и в насыпи. Но большая часть содержит грунтовые могильные ямы, ориентированные длинной осью с востока на запад. Все эти черты характерны для памятников срубной культуры. К сожалению, трудно говорить об ориентировке костяков, так как ни в одном случае костяки in situ не сохранились. Однако в могилах сохранился сопровождающий инвентарь, по преимуществу керамика (в могилах встречается от одного до

---

[35] Автор не указывает, где лежали человеческие кости — поверх слоя песка или под ним.

[36] М. П. Ю р г е н с о н. Отчеты за 1911—1913 гг. Архив ЛОИА, № 250, 1912 г., л. 56, рис. XXII.

[37] Там же, рис. XXIII.

[38] Там же, рис. XXI.

[39] Там же, л. 55, рис. XXV.

Таблица 2

Курганы у с. Нижняя Ведуга и у с. Кондрашовка Воронежской области

Место расположения могильника	№ кургана	Высота кургана, в м	Диаметр кургана, в м	Место погребения относительно горизонта	Ориентировка могилы	Размеры могилы (длина, ширина, глубина), в м	Количество костяков	Положение костяков: вытянут	скорчен	на спине	на левом боку	на правом боку	ориентировка	Устройство могилы: перегородка из глины	сруб	шалаш	грунтовое возвышение	перекрытие	деревянный настил	в могиле деревянный настил	на горизонте слой обожженной глины	с подбоем могилы под ЮЮВ стенкой	Погребальный обряд: бофры (ямки)	краска	мел	окраска костяка	кострище	уголь, зола	Вещи: керамика	металл	кость	камень	кости животных	Культура	Исследователь, год
у с. Нижняя Ведуга	1	1,3	Свыше 35	Насыпь	?	?	1	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	—	—	—	—	?	?	—	?	?	+	1	0	?	?	?	?	М. П. Юргенсон, 1912
	1	—	—	Грунт	СЗ—ЮВ	3,6 × 3 × 2	1	—	+	+	—	—	Ю	—	—	—	+		—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Катакомбная	То же
	2	2	Свыше 22	Грунт	СЗ—ЮВ	3,9 × 3,7 × 1,5	2	—	+	+	—	—	ЮЮВ-ЮВ	+	—	—	+	+	—	—	—	—	+	+	—	+	—	+	3	—	—	стр.	+	»	»
	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	+	+	—	—	Абашевская	А. И. Мавтинович, 1912
	2	—	—	—	—	—	1	—	+	—	+	—	—	—	—	—	—	2е	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	+	+	+	»	А. И. Дольский, 1912
	1	2	48	Насыпь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—	—	—	—	?	
	1	—	—	Грунт	С—Ю	2,9 × 2 × 1,8	?	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	?	
	2	0,7	30	Горизонт	—	—	1	?	?	—	—	—	?	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	+	Срубная	
	3	1,2	38	Насыпь	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	—	—	+	?	
	3	—	—	Грунт	В—З	2,5 × 1,8 × 2,4	?	?	?	—	—	—	?	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	?	
	4	0,7	30	Горизонт	—	—	1	?	?	—	—	—	?	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—	—	—	Срубная	
у с. Кондрашовка	5	0,5	24	Насыпь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	М. П. Юргенсон, 1913
	5	—	—	Грунт	СВ—ЮЗ	2,2 × 1,4 × 1,1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	Срубная	
	6	0,7	Свыше 30	Грунт	В—З	2,2 × 1,4 × 1,35	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	?	
	7	0,7	Свыше 30	Насыпь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	+	—	
	7	—	—	Грунт	В—З	2,2 × 0,9 × 0,9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	+	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	Срубная	
	8	0,5	30	Насыпь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+		
	8	—	—	Грунт	В—З	2,0 × 1,7 × 1,6	1	?	?	?	?	?	В(?)	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	+	—	—	—	Срубная	
	9	1,5	36	Грунт	В—З	3,4 × 1,8 × 2,2		?	?	?	?	?	З(?)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	3	—	—	—	—	Катакомбная	
	10	0,5	30	Насыпь	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	+	Срубная	
	10	—	—	Грунт	В—З	—	2	—	2	—	2	—	С	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	Катакомбная	
у с. Нижняя Ведуга	3	0,7	20	Насыпь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	+	—	—	—	+	Срубная,	
	3	—	—	Грунт Погреб 1	ВЗВ—ЮЗЗ	1,4 × 1,3 × 1,3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+	—	—	—	1	—	—	—	+	Абашевская, Катакомбная	П. Д. Либеров, 1959
	3	—	—	Грунт Погреб 2	СВ—ЮЗ	1,6 × 1,4 × 2,1	1	—	+	—	+	—	сев	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	+	—	+	+	2	+	—	—	+	Катакомбная	

трех сосудов). Эта керамика настолько выразительна, что в большинстве случаев не требует доказательств, подтверждающих ее принадлежность племенам срубной культуры (рис. 25). Но вместе с тем следует отметить, что эта керамика довольно своеобразна. Она отличается от керамики первого, раннего периода срубной культуры формами сосудов и бедностью орнаментации. В самом деле, помимо обычной остроребериой керамики, в этой группе мы видим керамику баночного типа с удлиненными пропорциями и с мягкой профилировкой стенок. Такая керамика близка керамике второго, не очень раннего периода срубной культуры, когда в орнаментике сосудов господствует резной орнамент, а гребенчатый штамп уже довольно редок. Важно еще подчеркнуть простоту и бедность орнамента, нередко даже отсутствие его, что совершенно не характерно для керамики срубной культуры раннего периода. Это позволяет нам считать, не вдаваясь в подробный анализ и поиски аналогий, что срубная керамика из могильников Нижняя Ведуга и Кондрашовка относится к позднему периоду срубной культуры.

Поселение № 2 у хутора Сасовка II Колбинского сельсовета Острогожского района Воронежской области

Поселение обнаружено нами в ходе разведки в 1959 г.[40] Оно расположено в 100—150 м вверх по течению р. Потудань, на ее низком надпойменном левом берегу. На оплывшем пологом берегу реки (рис. 26), образовавшемся в результате размыва надпойменной террасы, на протяжении до 100 метров найдено значительное количество обломков лепной керамики и костей животных, которые прослеживались также в обрыве берега. Тогда был собран значительный подъемный материал и произведена шурфовка в двух местах, показавшая наличие сравнительно толстого и насыщенного культурного слоя[41].

Более серьезное исследование этого поселения было организовано в 1961 г., когда по обрыву берега удалось заложить два небольших раскопа — первый площадью 64 м^2, второй, несколько выше по течению,—20 м^2 [42].

Все находки из культурного слоя обоих раскопов нами объединены в общую таблицу (табл. 3).

Таблица показывает сравнительно хорошую насыщенность культурного слоя керамикой и остеологическим материалом. Самая большая насыщенность в этом смысле наблюдается во втором

---

[40] Место поселения было показано нам местными колхозниками.

[41] Для выяснения мощности культурного слоя поселения в 1960 г. была произведена шурфовка.

[42] Раскопками руководил сотрудник Лесостепной скифской экспедиции В. А. Башилов.

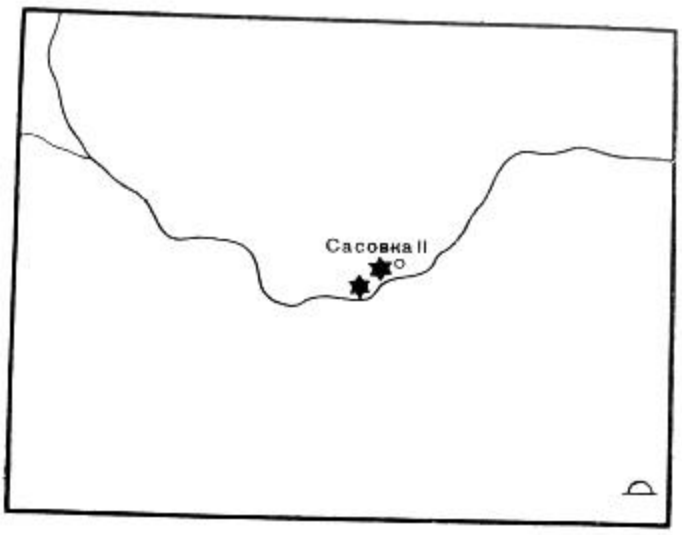


Рис. 26. Расположение поселений № 2 и № 3 у хут. Сасовка II

и третьем штыках, значительно меньше — в последнем (до глубины 0,8 м) и особенно мало находок в первом штыке [43]. В ходе раскопок никаких нарушений культурного слоя не наблюдалось, что имеет особенно важное значение для характеристики и хронологии вещественного материала.

Таблица 3

Находки на поселении № 2 у хут. Сасовка II

Глубина в штыках	Лепная керамика			Кости животных	Глиняные поделки
	венчики	стенки	днища		
1	4*/3	72/12	1/1	51/—	—
2	46/42	510/155	35/26	1077/—	2/2
3	79/65	422/51	25/19	964/—	—/—
4	21/20	144/9	6/3	194/—	—
Итого	150/130	1448/227	67/49	2286/703	2/2

В таблице в числителе показано количество найденных предметов, в знаменателе — количество взятых предметов.

[43] На поверхности распахиваемой и большей части задернованной площади поселения никаких находок керамики обнаружено не было.

Перейдем к характеристике керамического материала. Мы попытались разбить всю керамику по типам. В результате удалось выделить пять основных типов керамики [44]: 1) остроребериая керамика; 2) простые кухонные горшки с прямым неотделенным от стенки венчиком или иногда с венчиком, загнутым внутрь, а также немного отогнутым наружу; 3) горшки близких форм с прямо стоящим венчиком, но с высокими плечиками и бочковидным туловом; 4) сосуды типа мисок или чашек; 5) конусовидные сосуды.

Количественное соотношение типов керамики далеко не одинаково и, по-видимому, они неоднородны и по происхождению.

Остроребериая керамика, хотя и самая характерная для срубной культуры, на поселении встречается очень мало. Из многих десятков венчиков удалось отобрать только три венчика, относящихся к керамике этого типа. Один из них найден в третьем штыке культурного слоя (рис. 30,*14*) и два венчика обнаружены среди подъемного материала (рис. 27, *1*, *2*).

Второй и четвертый типы (кухонные банкообразные горшки и сосуды-чашки) представлены на всех наших таблицах (банкообразные горшки представлены на рис: 28, *7*, *9*, *11*, *14*, *15*; 27, *3*; 29, *6*, *7*, *12*, *14*; 30, *8*, *10*, *11*, *12* и др.; мискообразные даны на рис. 28, *1*, *10*; 29, *11*, *13* и, по-видимому, на рис. 16; 30, *2*, *4*, *6*). По своим формам эта керамика не одинакова, вероятно, в силу различного ее происхождения. Отметим еще, что обломки сосудов типа мисок и чашек встречались по всей толще культурного слоя.

Третий тип керамики встречается значительно реже. Обломки такой посуды обнаружены среди подъемного материала (рис. 28, *2*), во втором и третьем штыках культурного слоя (рис. 29, *15*; рис. 30, *7*).

Пятый тип представлен одним обломком. Он найден среди подъемного материала (рис. 28, *5*).

Особо следует отметить часть сосуда, составленного из нескольких фрагментов. Сосуд отнесен нами ко второму типу, но по форме нижней части выделяется из всей массы этого рода керамики (рис. 27, *5*). Он имеет некоторое сходство с керамикой бондарихинского типа, но лишен орнамента, поэтому нельзя с уверенностью говорить о его безусловной принадлежности к бондарихинской культуре.

Обращают на себя внимание обломки сосудов с днищами (рис. 27, *6*), собранные в россыпи среди подъемного материала. Они в большинстве своем имеют хорошо выраженные днища в виде слегка выступающего рантика, который присущ прежде всего керамике эпохи раннего железа и лишь изредка встречается на посуде эпохи бронзы.

---

[44] Разбивка керамики на пять типов произведена примерно, ибо некоторые типы могут быть подразделены на варианты, которые в силу своеобразия не укладываются в обычные типы керамики срубной культуры.

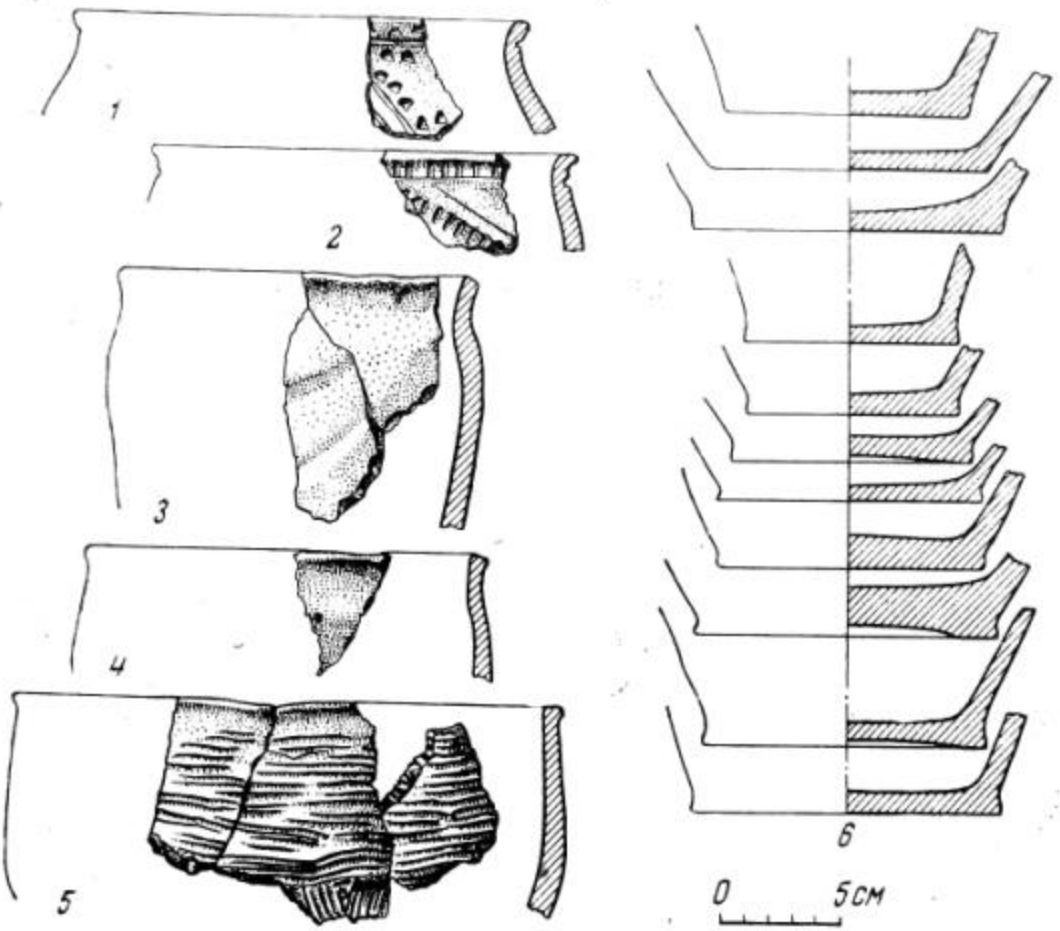


Рис. 27. Керамика с поселения № 2 у хут. Сасовка II

Общий подсчет диаметра горла на 61 фрагменте венчиков разных сосудов дал средний диаметр около 23,8 см, а днищ на 11 фрагментах — в среднем 11 см. Таким образом, диаметр горла превышает диаметр днищ более чем в два раза.

Среди керамики чаще встречаются фрагменты с поверхностью желтого и коричневого цвета (34,4%), затем серого тона (29%), все другие цвета единичны. Вместе с тем остается очень устойчивым для керамики эпохи бронзы черный цвет глины в изломе [45].

Особый интерес представляет состав глиняного теста. В частности, четвертая часть всей керамики сохраняет еще мелкозернистую структуру глины, 53 фрагмента не содержит примеси в тесте и только шесть фрагментов имеют примесь шамота, один фрагмент — песка и один — дресвы.

Поверхность керамики иногда залощена (особенно у остроребер-ных сосудов), заглажена и часто покрыта штриховкой (28 фрагментов). Реже встречается керамика с гладкой поверхностью (19 фрагментов) и с шероховатой (13 фрагментов).

[45] Подсчет производился на 61 фрагменте от разных сосудов.

Рис. 28. Керамика с поселения № 2 у хут. Сасовка II

Орнамент керамики не разнообразен и очень прост. Обычно это наколы, направленные снизу вверх, часто расположенные треугольником, встречаются также резные линии, идущие вокруг сосуда в виде треугольников в один или в два ряда, иногда в сочетании с круглыми или зерновидными ямками, реже можно видеть отдельные оттиски крупнозубчатого штампа. Если мы попытаемся сравнить керамику этого поселения с керамикой поселений абашевской культуры, например, хотя бы с керамикой поселения № 8 у с. Вознесенка (см. ниже), то получим весьма интересные данные, указывающие на существенные различия между сопоставляемой посудой (табл. 4).

Таблица 4

Характеристика керамики из поселений

Особенности керамики	Поселение № 8 у с. Вознесенка * (в %)	Поселение № 2 у хут. Сасовка II (в %)
Окраска поверхности		
Желтая	53,0	34,4
Серая	18,5	47,5
Красная и желто-красная	22,8	нет
Коричневая с оттенками	3,8	14,8
Остальные	1,9	3,3
Орнамент		
Штриховка	47,2	Подсчет не производился, но керамики с орнаментом, по-видимому, больше
Без орнамента	41,6	
С разным орнаментом	11,2	
Примесь в тесте		
Толченая ракушка	36,3	нет
Шамот	32,2	10,0
Дресва	4,3	3,0
Без примеси	25	87,0
Остальные примеси (меловая крошка)	2,2	—

*Керамика на поселении № 8 у с. Вознесенка взята в количестве 304 фрагментов, а на поселении № 2 у хут. Сасовка II — 61 фрагмент

Таким образом, керамика, взятая с разных по своему происхождению поселений, очень сильно отличается как по цвету поверхности, так и по примесям в тесте. Разумеется, такие же различия имеются и в формах сосудов.

Мы подчеркнули различия в керамике двух разных по происхождению поселений. Однако и на самом поселении у хут. Сасовка II керамика далеко не однородна. Это важно подчеркнуть.

Известно, что для посуды племен срубной культуры наиболее характерна керамика остроребериых и баночных форм. Последняя состоит не только из обычных прямостенных банок с неотделившимся венчиком, но также из кухонных горшков иногда вытянутой и нередко «пузатой» формы с мягко профилированными стенками и венчиком. Такие формы мы находим и на поселении у хут. Сасовка II.

Однако здесь встречается не только подобная керамика, характерная для срубной культуры. Имеются фрагменты иных форм, совершенно не характерных для керамики срубной культуры, но близких абашевской керамике, несмотря на то, что они не содержат примесей толченой ракушки, обычных для теста абашевской посуды. Чем объяснить этот факт, мы еще хорошо не знаем, но

думаем, что сказывается хронологическая разница, разделяющая указанные два поселения.

Чтобы наиболее наглядно представить эти различия в керамике поселения, а также чтобы показать наличие абашевских типов керамики почти на всей глубине культурного слоя, и следовательно, подчеркнуть контакты срубных и абашевских племен на протяжении длительного времени, мы попытаемся выделить такую керамику, которую можно отнести к абашевским типам.

Три сосуда (рис. 28, *1*, *3*, *5*), восстановленные по обломкам, найденным у обрыва среди подъемного материала, по своей форме совершенно не типичны для срубной культуры, но очень сходны с абашевской керамикой. Достаточно сравнить мискообразный сосуд с откинутым наружу венчиком (рис. 28, *1*) с сосудом из поселения № 8 у с. Вознесенка (рис. 50, *9*, *10*), чтобы убедиться в их идентичности. Характерен для абашевской керамики и второй сосуд конусообразной или колоколовидной формы (рис. 28, *3*, *5*).

На рисунке 29 представлена керамика из второго штыка культурного слоя. Это в основном срубная керамика, но и здесь некоторые формы чрезвычайно характерны для абашевской керамики позднего времени. Таковы, например, сосуды с откинутым наружу венчиком и сбегающими ко дну стенками (рис. 29, *3*, *5*).

То же самое мы наблюдаем и в керамике, найденной на глубине третьего штыка (рис. 30). И здесь среди обычных форм срубной керамики есть такие сосуды, которые по присущим им широким горлам и своеобразно откинутым наружу венчикам очень близки к абашевской керамике (рис. 30, *1*, *3*). Кроме того, следует подчеркнуть, что среди всей керамики есть один совершенно новый тип посуды — глубокие миски. Насколько известно, поздние поселения срубной культуры как на основной ее территории — в Поволжье, так и в Северном Причерноморье, не дают керамики в виде глубоких мисок. Откуда они появились в это время на поселениях срубной культуры в лесостепи? Естественно предположить возникновение этого типа керамики на основе абашевских форм. Ведь на поселениях абашевской культуры обломки мисок встречаются довольно часто. Укажем хотя бы на керамику поселения № 8 у с. Вознесенка [46]. Как было показано выше, керамика типа глубоких мисок встречалась по всей толще культурного слоя и на поселении у хут. Сасовка II (рис. 28, *1*, *10*, рис. 29, *10*, *11*, *13*, *16*, рис. 30, *4*, *6*).

Появление мисок и чаш является важным признаком для датировки памятника поздним периодом эпохи бронзы. Это общий признак для всех известных памятников лесостепной части Подонья.

[46] В керамике с поселения № 4 у с. Костенки из раскопок Н. А. Рогачева, ранее считавшейся срубной, можно видеть керамику абашевскую и, по-видимому, катакомбную. Встречается здесь и керамика типа мисок, по которой Г. В. Подгаецкий датировал поселение поздним периодом эпохи бронзы. С ней мы познакомились по фотографиям, любезно предоставленным нам автором раскопок. Сами коллекции хранятся на археологической базе в с. Костенки.

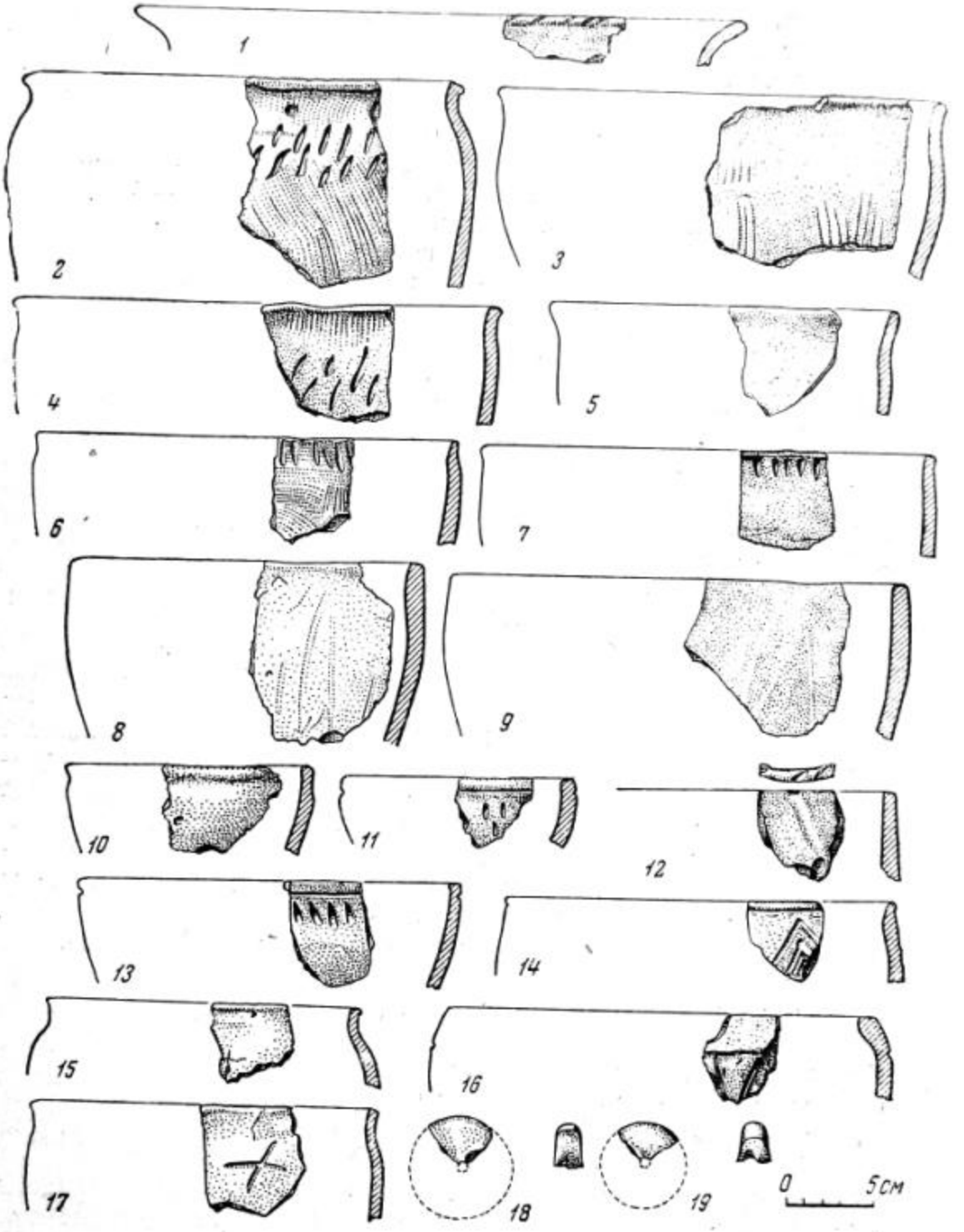


Рис. 29. Керамика с поселения № 2 у хут. Сасовка II, штык 2

Рис. 30. Керамика с поселения № 2 у хут. Сасовка II, штык 3

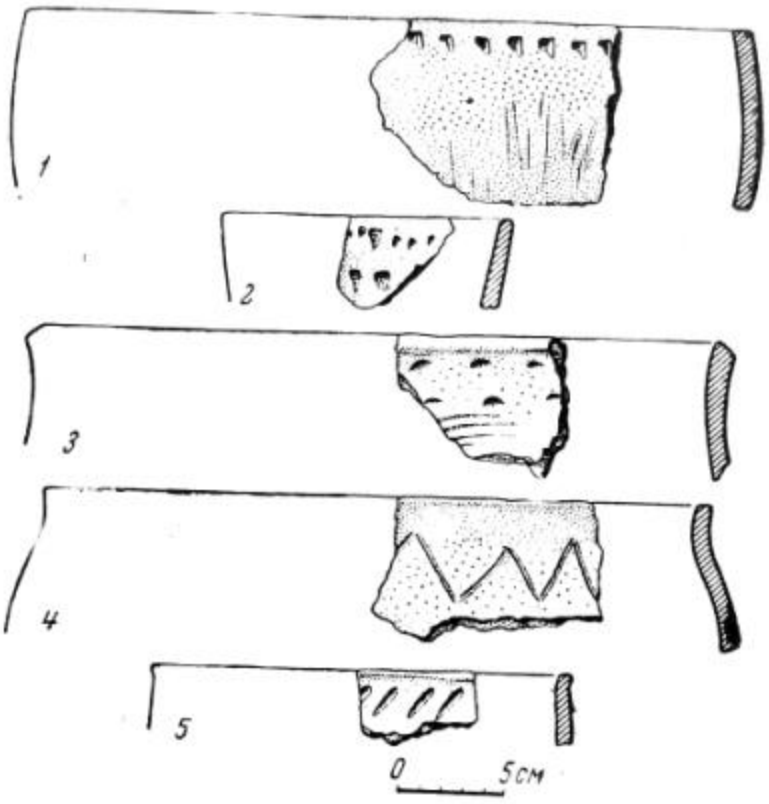


Рис. 31. Керамика с поселения № 2 у хут. Сасовка II

1, 2 — из штыка 3; *3—5* — из штыка 4

Не противоречит этому факту бедность декоративного убранства и своеобразие орнамента на керамике. Однако решающим фактором для датировки керамики являются украшающие ее налепные валики. В подъемном материале нам удалось найти лишь два венчика с налепными валиками. Это очень мало, если учесть, что мы располагаем до 150 фрагментами венчиков с этого поселения. Форма и расположение налепных валиков, а также отсутствие признаков расчленения их указывают не на ранний, а на поздний этап второго периода эпохи бронзы, т. е. период, непосредственно примыкающий к раннескифскому периоду [47]. Интересен и тот факт, что ближайшей аналогией керамике такого типа является керамика с поселения на р. Обиточная близ с. Пряслав, которая датируется VII в. до н. э.[48] На поселении № 2 у хутора Сасовка II мы уже не встречаем ранней валиковой керамики второго периода эпохи бронзы. Наблюдения показывают, что от валиковой керами-

[47] В основу датировки памятников эпохи бронзы на Среднем Дону по периодам мы положили хронологическую классификацию памятников срубной культуры, выработанную О. А. Кривцовой-Граковой. Она делит срубную культуру на Дону на два периода: первый период включает XV—XIII вв. до н. э., второй период — XII век до конца эпохи бронзы.

[48] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 151.

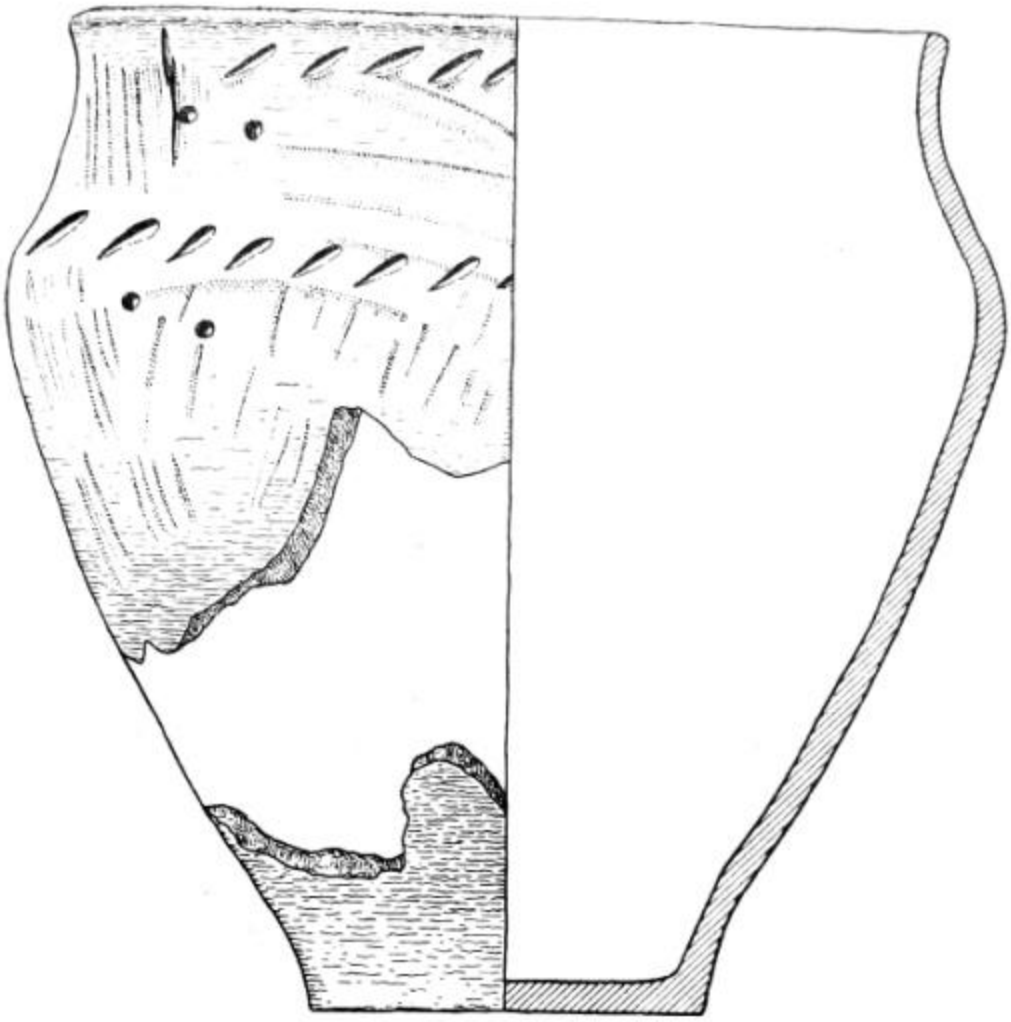


Рис. 32. Сосуд с поселения № 2 у хут. Сасовка II

ки этого типа остались лишь следы в виде горизонтально расположенных поясков зерновидных ямок, имитирующих валики (рис. 32).

Поэтому наше поселение, по-видимому, может быть датировано несколько более ранним временем, но не позднее первой четверти I тысячелетия до н. э.

Немаловажным подтверждением этой даты является орнамент на посуде, состоящий из косых наколов, круглых и зерновидных ямок, образующих треугольники или расположенных в ряд под венчиком (рис. 28,*6*, *13*, *14*; рис. 29,*6*, *7*, *11*, *13*; рис. 30,*1*, *2*, *5*, *7*, *14*). Такой орнамент имеется как на мисках абашевского типа, так и на срубной керамике. Аналогии этому орнаменту уводят также к памятникам бондарихинской культуры, с тем лишь различием, что формы сосудов нашего поселения совершенно отличны от бондарихинской керамики [49].

[49] В. А. Ильинская. Бондарихинская культура бронзового века. СА. 1961, № 1, стр. 26, рис. 1, 2 и 3.

Сходство орнамента и в то же время различие форм посуды объясняются, вероятно, синхронностью памятников, с одной стороны, и их различной этнокультурной принадлежностью, с другой.

Среди керамики обращает на себя внимание особый тип сосудов с прямо стоящим венчиком и широкими —«пузатыми»— стенками. Такая керамика имеется среди подъемного материала и из слоя — во втором штыке (рис. 28,*2*; рис. 29,*15*). Аналогии этому типу встречаются в керамике из поселения у с. Костенка, которое датируется О. А. Кривцовой-Граковой первым периодом эпохи бронзы [50]. Не оспаривая этой даты, мы можем лишь добавить, что подобная керамика, по-видимому, доживает и до позднего периода эпохи бронзы. На нашем поселении она найдена в ранних слоях. Однако формы и орнаментика этой керамики далеко не такие ранние: она не имеет гребенчатого штампа, характерного для первого периода срубной культуры, ее украшают только резные линии и треугольники или такие же треугольники из ямок. Остроребериая керамика с подобной орнаментикой, вероятно, доживает до второго периода эпохи бронзы, что не противоречит общей поздней дате поселения. Надо полагать, что к этому времени относятся и приведенные образцы днищ с хорошо выраженным рантиком.

Обычно к позднему времени относят и глиняные грузильца или массивные пряслица, также найденные на поселении на глубине второго штыка (рис. 29, *18*, *19*).

Но особенно выразительным и характерным для самого позднего периода эпохи бронзы является фрагмент, найденный также во втором штыке культурного слоя (рис. 29,*1*). Это был сосуд с резко отвернутым наружу венчиком и косыми насечками у его обреза. Учитывая лишь орнамент, его можно было бы датировать началом эпохи раннего железа, а поселение считать доживающим до этого времени, если бы этот фрагмент не был единственным.

Сочетание этого фрагмента сосуда с керамикой, украшенной налепными валиками, посудой с орнаментом бондарихинского типа и мисками позволяет нам в какой-то степени сближать поселение № 2 у хут. Сасовка II с эпохой раннего железа, хотя ясно, что поселение существовало не одно столетие.

ЗАНЯТИЯ И БЫТ ПЛЕМЕН ЭПОХИ БРОНЗЫ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Изучение занятий и быта древних людей по археологическим данным почти всегда сопряжено с большими трудностями, поскольку значительная часть вещественных памятников органического происхождения бесследно уничтожалась временем. Между тем,

---

[50] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 91, рис. 19, *9*.

накопление большого вещественного материала крайне необходимо для более достоверного и объективного восстановления исторического процесса во всех его проявлениях. В особенности же это необходимо для изучения занятий и быта первобытного человека.

В этом отношении исследование памятников эпохи бронзы на Среднем Дону в настоящее время позволяет сделать лишь некоторые предварительные выводы.

Раскопки на поселении № 1 у с. Подгорное показывают, что население, жившее в эпоху бронзы на Среднем Дону, умело строить прочные и долговременные жилища на столбовой каркасной основе. Это свидетельствует об оседлом образе жизни. Значительное количество костей домашних животных также свидетельствует об оседлом образе жизни и большой роли скотоводства в хозяйстве населения. По определению В. И. Цалкина, на основании исследования 166 обломков костей, принадлежавших 19 особям, главное место в стаде в интересующее нас время занимал крупный рогатый скот — 52,7%, лошади составляли 26,3% всего поголовья, мелкий рогатый скот — 15,7%, и, наконец, свиньи — 5,3%. Из диких животных найдены только кости бобра.

На основании столь небольшого числа костей, конечно, затруднительно решать вопрос о степени развития скотоводства. Однако то обстоятельство, что лошадь занимает среди поголовья стада второе место, а свинья — последнее, представляется достаточно выразительным; оно может служить указанием на то, что скотоводство этих племен находилось на грани перехода от оседлого образа жизни к кочевому.

Нам представляется, что не противоречит такому утверждению и остеологический материал с поселения у хутора Сасовка II. На этом поселении собрано 703 обломка костей. В. И. Цалкин определил из них 686 обломков, давших 38 особей домашних животных. одну — бобра. Крупный рогатый скот составил 50% всего поголовья, мелкий рогатый скот — 15,8%, свинья — 15,8%, лошадь— 18,4%.

Интересно сопоставить эти данные с остеологическим материалом с других поселений. Возьмем, к примеру, поселение Монастырщина, исследованное в 1936 г. Г. В. Подгаецким. Заранее подчеркиваем, что это поселение хронологически представляется более ранним сравнительно с нашим.

Г. В. Подгаецкий в двух раскопах на этом поселении собрал 2311 обломков костей домашних и диких животных, принадлежащих 76 особям домашних и 4 особям диких животных [51]. Из них

[51] «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», стр. 160 — публикация Г. В. Подгаецкого. Наши данные, взятые из отчета, хранящегося в Архиве ЛОИА (№ 287), несколько расходятся с опубликованными в этом издании, но это не меняет дела. Вывод остается тем же. Определение костей произвел В. Карачаровский.

занимают: крупный рогатый скот — 36 особей, или 50,7%; мелкий рогатый скот — 14 особей, или 19,7%; лошадь — 6 особей, или 8,5%; свинья — 15 особей, или 21,1%; собака — 4 особи, верблюд, лисица, слепец, хомяк — по одной особи.

Чтобы убедиться в различном соотношении видов скота в этом и изучаемых нами памятниках, достаточно сравнить место, которое занимают в них лошадь и свинья. На наших поселениях лошадь стоит на втором месте, на поселении Монастырщина — на четвертом, свинья в изучаемых нами поселениях стоит на последнем месте, здесь — на втором. Происходит смена мест, занимаемых в общем поголовье скота двумя основными видами животных — лошадью и свиньей. И это не только количественная, но и качественная разница, основанная, как нам представляется, на значительном хронологическом разрыве между тем и нашими поселениями и, несомненно, характеризующая степень развития скотоводства.

Однако возьмем еще один пример. На поселении эпохи поздней бронзы у хутора Войновка Красноосколького сельсовета Изюмского района Харьковской области, исследованном автором в 1956 г., найдены кости домашних животных, принадлежащих 112 особям. Из них лошадь занимает 16,4%, крупный рогатый скот — 48,2%, мелкий рогатый скот — 22,7% и свинья — 12,7%. Такое соотношение в стаде домашних животных у древнего населения весьма близко данным, полученным для поселения № 2 у хутора Сасовка II, подтверждая тем самым хронологическую их близость и одинаковый уровень хозяйства.

Следовательно, на основании остеологического материала устанавливается оседлый образ жизни населения и пастушеское скотоводство как на поселении Монастырщина, так и на других более поздних поселениях. Но степень этой оседлости и уровень скотоводства, видимо, были разными. С оседлым образом жизни связано и земледелие. Но какую роль играло земледелие, мы не знаем, так как никаких убедительных данных для этого у нас нет. Однако и земледелие и ткачество в эпоху бронзы на территории Среднего Дона бесспорно существовали. В частности, на уже упоминавшемся поселении Монастырщина были найдены литейные формы бронзовых серпов и глиняные прясла [52]. Местное металлургическое производство хорошо доказывается находками обломков литейных форм из глины на поселении у с. Подгорное (рис. 11,*б*) и особенно на поселении Монастырщина. На последнем поселении найдены литейные формы вислообушных топоров, серпов и шильев, а также медные и железные шлаки и тигли [53].

Следовательно, производство не только бронзовых, но и железных орудий на этих поселениях уже было освоено.

---

[52] «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», стр. 159—публикация Г. В. Подгаецкого.

[53] Там же.

СИНХРОННОСТЬ КУРГАНОВ И ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ И АНАЛОГИИ

Как показала характеристика материалов из курганов и поселений, во многих случаях наблюдается их сходство и единство.

Здесь мы напомним довольно большой керамический материал из поселения № 1, относящийся к абашевской культуре, который находит близкие аналогии в керамике кургана № 41. Прежде всего это сходство наблюдается в остроребериых сосудах, найденных в кургане № 41 (рис. 19, *2*) и на поселении № 1 (рис. 19, *3*). Оба имеют одинаковый профиль, одну и ту же орнаментацию гребенчатым штампом и прекрасную лощеную поверхность. Кстати, ни один из фрагментов остроребериых сосудов срубной культуры, найденных на поселении, не имеет такой профилировки (рис. 18, *1*, *2*, *3*, *4*).

Выше мы уже подчеркивали также сходство керамики поселения № 4 с керамикой из кургана № 41 (ср. рис. 9, *2* и рис. 24, *8*).

Наконец, устанавливается синхронность этих памятников по сходству керамики с орнаментом в виде зерновидных ямок. Так, например, в центральном погребении кургана № 21 были найдены фрагменты керамики с бессистемно разбросанными зерновидными ямками (рис. 22, *15*, *16*). Аналогичные фрагменты были обнаружены и на поселении № 1, в первом (рис. 22, *13*) и в третьем (рис. 22, *11*) штыках культурного слоя. Этот орнаментальный мотив встречается неоднократно и в других сочетаниях.

Сходство баночной и остроребериой посуды из кургана № 35 с керамикой поселения № 1 очевидно. Достаточно хотя бы сравнить один из четырех сосудов, найденных в кургане № 35 (рис. 8, *6*) с фрагментами венчиков из поселения (рис. 20), чтобы заметить их типологическую идентичность. Кстати, сосуд из кургана № 35 имеет явную примесь толченой ракушки, что характерно для абашевской керамики.

Таким образом, типологическое и орнаментальное сходство керамики позволяет говорить о синхронности курганов и поселений.

Анализ керамического материала позволил нам выделить элементы трех культур: катакомбной, срубной и абашевской. Однако стратиграфическое перемещение этого материала очень сильно осложняет его хронологическую классификацию. Ранее раскопанные поселения и курганы эпохи бронзы опубликованы очень слабо или ждут еще своей публикации, поэтому опираться на них в решении вопросов хронологии затруднительно. О. А. Кривцова-Гракова лишь обратила внимание на ряд памятников такого рода и не сочла возможным дать их более подробную характеристику [54]. Между тем

---

[54] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. Мы имеем в виду также исследования М. П. Юргенсон у с. Нижняя Ведуга и Кондрашовка в 1911—1913 гг. (Архив ЛОИА АН СССР, № 250) и раскопки курганов В. Н. Тевяшевым у с. Владимировка Острогожского района. Ср. также: Н. В. Валукинский. Материалы к археологической

ряд памятников из этих поселений и курганов является настолько важным для выяснения некоторых особенностей названных культур и установления их хронологии, что тщательное изучение и возможно полная их публикация настоятельно необходимы.

К таким памятникам прежде всего относится уже упоминавшееся нами поселение у Монастырщины. Г. В. Подгаецкий в 1936 г. произвел здесь раскопки и получил большой материал, относящийся к срубной культуре. Особый интерес этого поселения заключается в том, что оно в силу благоприятных стратиграфических условий, сохранило цельность и однородность культурного слоя с исключительным богатством вещественного материала. К большому сожалению, находки опубликованы очень неполно и схематично [55], что затрудняет решение интересующих нас вопросов. Некоторые материалы из этого поселения [56] нам удалось видеть и использовать в настоящей работе (рис. 33,34). Г. В. Подгаецкий, анализируя материал, датировал поселение 1500—1000 гг. до н. э.[57] Несколько позднее, в ходе подготовки публикации, он эту дату уточнил, высказавшись в том смысле, что поселение существовало в начале первого тысячелетия до н. э.[58]

При определении своей даты автор опирался на найденный им вещественный материал, оперируя лишь некоторыми аналогиями из других памятников. Весь керамический материал он разделил на три основные группы: большие банкообразные горшки с загнутыми внутрь венчиками (рис. 33, *8*), малые банкообразные сосуды (рис. 33, *10*, *11*)[59] и остроребериые сосуды (рис. 33, *9*). О других типах автор почти не говорит. Он упоминает только невысокие миски с носиком для слива. Но что представляют собой эти миски, мы не знаем, так как по сохранившимся фотографиям невозможно представить их форму. Однако, если исходить из того, что такие миски имеют широкое распространение в памятниках эпохи раннего железа, то уже один этот факт имеет важное значение для датировки поселения на его последнем этапе. К сожалению, мы не имеем сейчас данных о стратиграфическом положении такой керамики.

карте территории г. Воронежа. СА, 1948, X, стр. 293 и сл.; О н ж е. Разведки в Воронеже. СА, 1937, IV, стр. 308 и сл.; В. Н. Г л а з о в. Отчет о раскопках у с. Тюнино. Архив ЛОИА, № 68/1910; А. А. И е с с е н. Раскопки В. Н. Глазова у с. Тюнино в 1910 г. ПИДО, 1934, № 6, стр. 95; Л. Б. В е й н б е р г. Тюнинское селище. Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии. Воронеж, 1891, стр. 19—20; «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», стр. 156 и сл.— публикация Г. В. Подгаецкого.

[55] «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.»— публикация Г. В. Подгаецкого.

[56] Фотоархив ЛОИА, 0.1431/1—47; 0.722/1—29.

[57] Г. В. П о д г а е ц к и й. Отчет о раскопках поселения эпохи бронзы. Архив ЛОИА, № 287, 1936.

[58] «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», стр. 160 — публикация Г. В. Подгаецкого.

[59] Баночные сосуды такого типа встречаются и в абашевской керамике. Весьма подозрительным в этом отношении представляется сосудик с отверстием (рис. 33, *11*), которое на Среднем Дону присуще абашевской керамике.

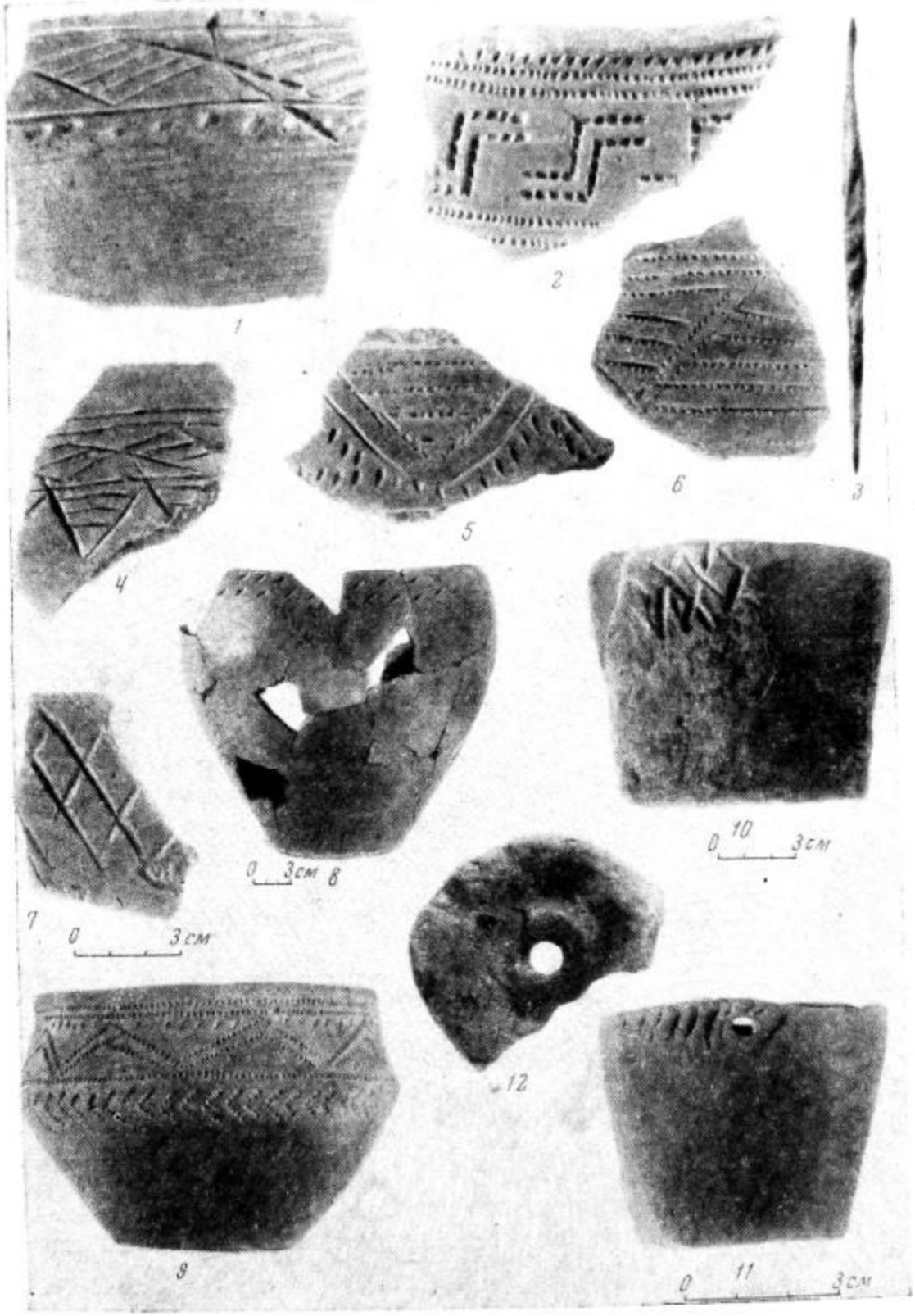


Рис. 33. Керамика и вещи с поселения Монастырщина

1, 2, 4—11 — керамика; *3* — шило железное; *12* — «колесо» глиняное

Важно отметить также, что на поселении встречалась и керамика с расчлененным валиком под венчиком (рис. 34, *13*). Не имеет значения количество такой керамики, поскольку она вообще слабо распространена на Среднем Дону даже во втором периоде эпохи бронзы; важен сам факт, что она имеется. Эта керамика показывает, что поселение Монастырщина, как и все другие памятники такого рода, доживают до последней четверти второго тысячелетия до н. э. Кроме того, обнаружение железных шлаков и железного шила (рис. 33, *3*) в верхней части культурного слоя служит серьезным основанием для датировки поселения более поздним временем, чем первый период эпохи бронзы. В этом отношении датировка Г. В. Подгаецкого, на наш взгляд, совершенно правильна.

Что касается нижней хронологической границы, то возможно, что ее следует несколько изменить, и вот почему. Судя по имеющимся данным, остроребериой керамики в поселении Монастырщина найдено было мало, жителями поселения использовалась она не очень широко. Орнамент также не столь богат, как это наблюдается на остроребериой керамике из курганов у с. Владимировка [60], которую О. А. Кривцова-Гракова считает возможным датировать первым периодом срубной культуры — в пределах XIV—XII вв. до н. э. Значительная часть керамики не орнаментирована или же ее орнамент очень прост: наблюдается главным образом резная линия, оттиски крупногребенчатого штампа, изображающие горизонтальные линии, треугольники и так называемые уточки, наколы ребром или углом палочки, полуовальные и зерновидные углубления.

Сравнение этого орнамента с орнаментом керамики из поселения № 1 у с. Подгорное обнаруживает много общих элементов, несмотря на то, что керамика этого поселения представляется несколько более поздней. В порядке сравнения мы можем указать на обломки венчиков из насыпи кургана № 21 с «уточками» (рис. 22, *17* и рис. 33, *2*), с косыми наколами палочкой снизу (рис. 13, *4*, рис. 14, *3* и рис. 34, *8*, а также рис. 34, *10*), с зерновидными ямками (рис. 22, *25*), с полуовальными ямками (рис. 15, *5*, *6*, *7* и рис. 34, *3*, *5*, *6*), а также на венчик с орнаментом в елочку (рис. 22, *1* и рис. 34, *7*).

Среди других предметов, указывающих на некоторую синхронность этих памятников, можно упомянуть также глиняные кружки или «колесики», найденные на поселениях у с. Подгорное и Монастырщина (рис. 11, *5*, рис. 33, *12*). Круглый предмет, найденный Г. В. Подгаецким, имеет диаметр 5 см и центральное отверстие диаметром до 0,6 см.

Для доказательства синхронности этих памятников немалое значение имеют находки глиняных литейных форм на обоих поселениях [61].

---

[60] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 88, рис. 17.

[61] «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», стр. 159 — публикация Г. В. Подгаецкого.

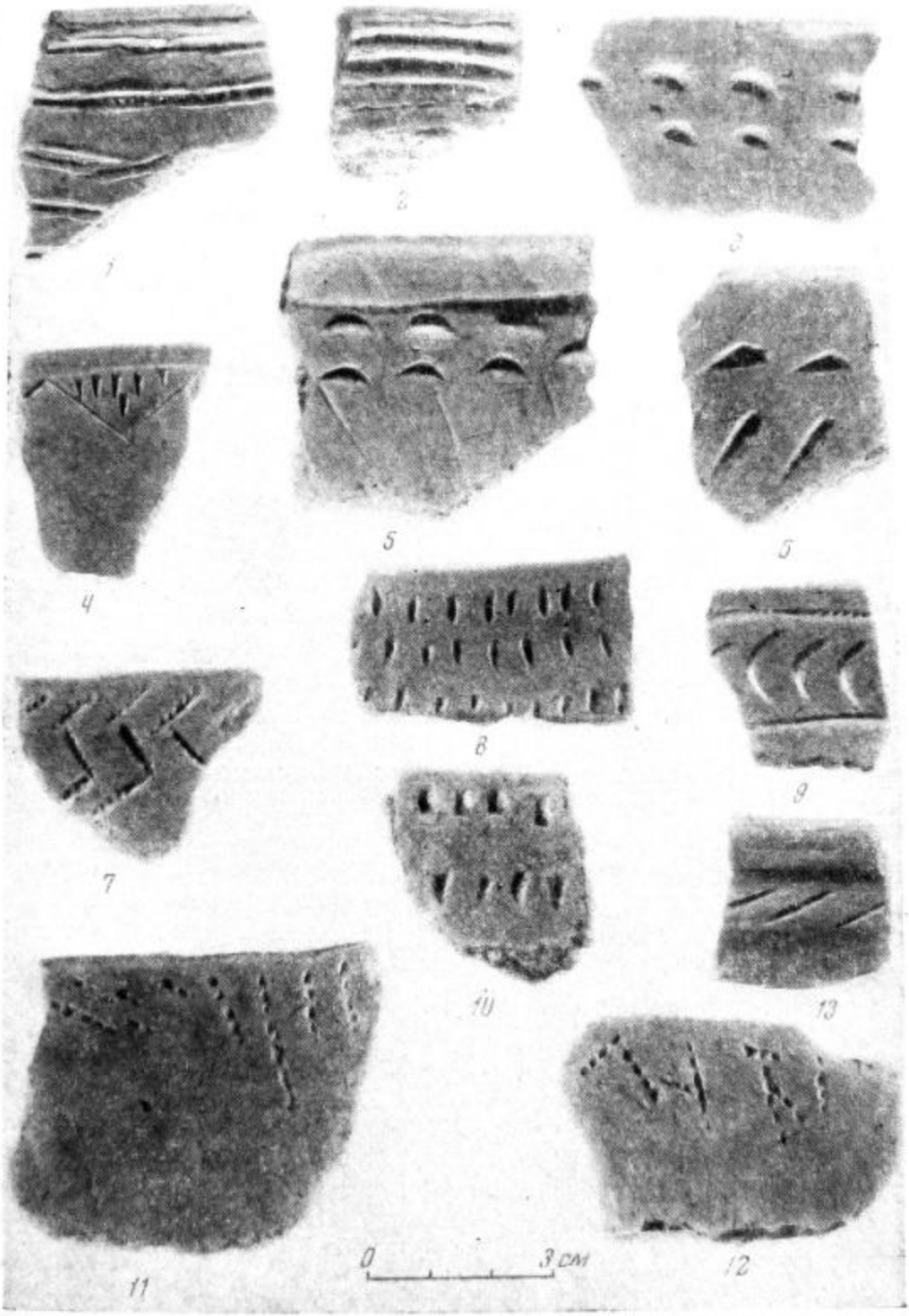


Рис. 34. Керамика с поселения Монастырщина

Единственное сомнение могло бы относиться к вопросу о принадлежности найденного Г. В. Подгаецким в поселении Монастырщина железного шила к комплексу керамики этого поселения. Поэтому автор в своем отчете специально подчеркнул, что хотя шило и найдено в верхнем горизонте культурного слоя, оно должно быть отнесено к поселению [62]. Нам кажется, что автор в признании этого факта глубоко прав, ибо наличие на поселении лепной керамики с валиком, относящейся ко второму периоду эпохи бронзы, не противоречит этому, а отсутствие лепной керамики эпохи раннего железа исключает случайное его появление. Более того, наличие железных шлаков в культурном слое доказывает единство всего комплекса поселения.

Поэтому мы считаем, что Г. В. Подгаецкий правильно определил верхнюю хронологическую границу поселения у Монастырщины началом первого тысячелетия до н. э. Вместе с этим мы не можем не признать ошибочность датировки железного шила серединой второго тысячелетия до н. э., датировки, предложенной Б. Н. Граковым [63]. По-видимому, Б. Н. Граков не учел ни комплекса вещей, ни места их находки.

Нам кажется, что против этой даты говорит и наличие глиняных литейных форм, появление которых в лесостепной части Европейской территории СССР в довольно позднее время уже доказано. А. И. Тереножкин утверждает, что в среднем Поднепровье на поселениях эпохи бронзы Белогрудовского этапа встречались только каменные литейные формы[64], а литейные формы из глины, изготовленные по восковой модели, в большом количестве появились уже на Чернолесском этапе в связи с возрастанием бронзолитейного дела [65].

Таким образом, существующая датировка глиняных литейных форм не только не противоречит дате, предлагаемой Г. В. Подгаецким, но, напротив, подтверждает ее. Однако все же не исключено, что глиняные литейные формы появились несколько раньше. Это покажут будущие исследования.

Мы уже видели, что поселение Монастырщина дает только три типа керамики, достаточно ясно представленные на наших двух рисунках, если не считать выделенную Г. В. Подгаецким четвертую не вполне ясную форму — миски с носиком для слива. Типологически керамика поселения № 1 и других памятников у с. Подгорное и хут. Сасовка II более разнообразна. Это разнообразие должно быть отнесено, с одной стороны, за счет неоднородной этно-

---

[62] Г. В. Подгаецкий. Отчет о раскопках поселения эпохи бронзы. Архив ЛОИА, № 287, 1936.

[63] Б. Н. Граков. Старейшие находки железных вещей в Европейской части территории СССР. СА, 1958, вып. 4, стр. 9.

[64] А. И. Тереножкин. Среднее Поднепровье в начале железного века. СА, 1957, вып. 2, стр. 48.

[65] Там же, стр. 53.

культурной принадлежности, с другой,— за счет хронологической разницы сопоставляемых памятников. Г. В. Подгаецкий считал, что поселение у с. Монастырщина принадлежит племенам срубной культуры, тогда как наши памятники дают керамику, характерную для населения катакомбной, срубной и абашевской культур.

Определенное сходство между материалом поселения у с. Монастырщина и изучаемыми поселениями объясняется культурной близостью и одновременностью их на каком-то этапе, а различие — разновременностью возникновения этих поселений и их исчезновения. Поселения у с. Подгорное и у хут. Сасовка II возникают, как нам кажется, несколько позднее, чем поселение Монастырщина, и существуют они до более позднего времени. Верхняя граница поселения у с. Подгорное представляется более поздней, чем та же граница поселения Монастырщина. Она проявляется, поскольку речь идет о керамике, в защипном орнаменте, в наколах изнутри или снаружи, образующих горошины на противоположной стороне сосудов[66], в гофрировке обреза венчика[67], в появлении мисок (рис. 21, *2*, рис. 12, *10*), типы которых довольно выразительно повторяются в эпоху раннего железа.

Произошло ли развитие интересующих нас мисок из больших баланбашского типа[68] сосудов или же они развились самостоятельно, покажут будущие исследования. Однако миски из нашего поселения, украшенные иногда орнаментом абашевской культуры (рис. 21, *8*), сопровождаются как на самом поселении, так и в курганах и другими сосудами, также типичными для абашевской культуры. Мы имеем в виду керамику из кургана № 41 (рис. 8, *1—3*, рис. 19, *1*, *2*, *5—9*) и из поселения у с. Подгорное (рис. 15, *10* и рис. 19, *3*). Нам кажется, что такое сочетание керамики не является случайным, что между мискообразной керамикой и керамикой, которая типична для абашевской культуры, существует органическая связь. Но если это так, то вся она должна датироваться поздним временем, может быть даже более поздним, чем баланбашско-стерлитамакская керамика, которую К. В. Сальников датирует началом первого тысячелетия до н. э.[69]

---

[66] Подобные проколы с горошиной на оборотной стороне сосуда О. А. Кривцова-Гракова относит ко второму периоду эпохи бронзы, или началу первого тысячелетия до н. э. Ср. керамику поселения близ с. Васищев в окрестностях Харькова (О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 93—94, рис. 20).

[67] Там же, стр. 93, рис. 20, *13*.

[68] «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», стр. 134, табл. XX — публикация К. В. Сальникова.

[69] Мы не считаем достаточно убедительной новую дату баланбашского типа памятников, предложенную К. В. Сальниковым на основе раскопок поселения у с. Береговское I («Башкирский Археологический сборник». Уфа, 1959, стр. 45). В этом отношении пока более обоснованной остается дата, установленная этим же автором несколько ранее («Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», стр. 131 и сл.; К. В. Сальников. Абашевская культура на Южном Урале, стр. 52 и сл.).

Почему более поздним временем? Потому что наша керамика значительно беднее украшена и редко встречается в ее тесте примесь толченой ракушки. Известно, что такая примесь в тесте сосудов с течением времени уменьшалась, пока на позднем этапе не исчезла вовсе.

Нам нет необходимости воспроизводить здесь историю развития этой керамики, достаточно полно разработанную специалистами [70].

До сих пор основное наше внимание было привлечено к керамическому материалу, что же касается изделий из металла, то они оставались за пределами нашего исследования. А между тем, не подлежит сомнению, что их изучение также имеет очень большое значение, поскольку дело идет о характеристике и хронологии памятников. Поэтому обратимся к их анализу.

В кургане № 41 среди абашевской керамики были найдены: бронзовый обоюдоострый нож, бронзовое шило и массивный железный наконечник стрелы (рис. 9, *6*, *7*, *9*). Бронзовый нож листовидной формы с параллельными режущими краями сохранился неполностью, особенно в черешковой части, и имел длину 9,5 см и ширину лезвия около 2 см. Подобные ножи среди предметов срубной культуры встречаются далеко не часто; они характерны для памятников иного культурного круга. Таков, например, бронзовый нож из центрального позднекатакомбного погребения кургана № 3 у с. Нижняя Ведуга [71]. Напоминает его и нож, найденный также в позднекатакомбном погребении у станицы Нижне-Чирская Каменской обл. [72], который О. А. Кривцова-Гракова сопоставляет с ножами эпохи поздней бронзы северо-западного Причерноморья [73].

Железный наконечник стрелы имеет общую длину 7,3 см, острие — квадратное, около 0,9 см ширины по сторонам в самой толстой части, длиной до 3 см, форма наконечника стрелы массивная, грубая. Такая форма могла иметь место только в начальный период железоделательного производства, и поэтому хронологически она не противоречит всему комплексу найденных в кургане вещей [74].

---

[70] О. А. Кривцова-Гракова. Абашевский могильник. КСИИМК, 1947, вып. 17; В. Ф. Смолин. Абашевский могильник в Чувашской республике. Чебоксары, 1928; А. Х. Халиков. Новые памятники абашевской культуры в Волго-Вятском междуречье. СА, 1959, вып. 2, стр. 148 и сл.

[71] П. Д. Либеров. Отчет о раскопках... за 1960 г. Архив ИА АН СССР. Ср. также настоящий том, рис. 9, *6*.

[72] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 139, рис. 34, *27*.

[73] Там же, стр. 143.

[74] Однако близкие по типу железные наконечники стрел встречаются в славянских памятниках. Таковы, например, наконечники стрел из сборов на городищах и поселениях: Старая Рязань X—XIII вв., Княжья Гора (Киев) — раскопки, произведенные Беляшевским, с которыми нас любезно по своим зарисовкам познакомил А. Ф. Медведев. Поэтому можно допустить, что железный наконечник стрелы в среду абашевских предметов попал случайно.

В кургане № 35 урочища «Частые курганы» вместе с керамикой баночного типа найдены изделия из бронзы: бронзовые ножные браслеты, шило и игла (рис. 8, *4*, *5*, *6*, *7* и рис. 7, *2—7*).

Керамика этого кургана настолько аморфна, что по ней трудно судить о культурной принадлежности инвентаря. Что же касается изделий из металла, то некоторые аналогии им встречаются в Поволжье. В частности, можно сослаться на бронзовую иголку из кургана № 1 у с. Хрящевка [75]. Ушко иголки также утончено и загнуто, хотя сама иголка значительно меньше найденной нами. Вторая иголка найдена на Картшихинском II поселении. Она отличается от нашей не только толщиной, но и устройством ушка [76]. Авторы датируют их срубно-хвалынским временем. В частности О. А. Кривцова-Гракова, касаясь вопроса о происхождении бронзовых иголок, говорит, что в эпоху бронзы в Поволжье они встречаются редко и могут быть отнесены ко времени срубно-хвалынской культуры [77]. Нам кажется, что такая датировка применима и к нашим находкам, тем более, что найденная нами иголка по устройству ушка совершенно аналогична иголке из Покровского могильника, на которую ссылается О. А. Кривцова-Гракова [78].

Бронзовые браслеты из кургана № 35 урочища «Частые курганы» кратко были описаны выше (стр. 20, рис. 7, *2—5*). Они деталями отличаются от браслетов срубной культуры Среднего Поволжья. Последние также сделаны из круглого прута, но чаще всего имеют плотно сомкнутые концы и реже — разомкнутые[79]. Кроме того, можно встретить иногда браслеты с заходящими друг за друга концами, также сделанные из круглого прута [80]. О. А. Кривцова-Гракова считает, что такие браслеты не характерны ни для андроновской, ни для срубной культур. Они скорее всего, с ее точки зрения, проникли в Среднее Поволжье с территории племен абашевской культуры, куда ведут ближайшие аналогии [81].

Различие, которое наблюдается в типах браслетов, объясняется, вероятно, тем, что они испытали на себе влияние обеих культур — срубной и абашевской.

Если это так, то браслеты из кургана № 35 хронологически представляются более поздними.

---

[75] Н. Я. Мерперт. Материалы по археологии Среднего Заволжья. МИА, 1954, вып. 42, стр. 81—83, рис. 17, *8*.

[76] Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Поселения эпохи бронзы в приказанском Поволжье по раскопкам 1951—1952 гг. МИА, 1954, вып. 42, стр. 191, рис. 18, *4*.

[77] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 57.

[78] Там же, стр. 55, рис. 12, *28*.

[79] Там же, стр. 67, рис. 15.

[80] Там же, рис. 15, *17—19*.

[81] Там же, стр. 68. Ср. также: П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Абашевская культура в Поволжье. МИА, 1961, вып. 97, стр. 69, рис. 17; А. Х. Халиков. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР, табл. VII, рис. 12—14.

Наконец, в курганах № 14 и 36 найдены предметы, которые следует отнести к особой, третьей группе, так как по своему облику они совершенно отличны от инвентаря курганов № 41 и 35. В частности, глиняный сосуд из кургана № 14 (рис. 3, *б*) не находит себе аналогий ни в срубной, ни в абашевской керамике; по форме и орнаменту он относится скорее к катакомбной культуре. Такая керамика пока мало известна [82], но за последние годы количество ее растет в результате новых разведок и раскопок, осуществляемых Воронежским отрядом Лесостепной скифской экспедиции.

В кургане № 36 заслуживает внимания бронзовое шило и бронзовое же копье или нож. Шило четырехгранной формы имеет крупные размеры: длину до 14 см, толщину до 0,6 см, концы его заострены, наиболее утолщенная часть находится в пределах верхней четверти шила. На верхнем конце сохранились остатки деревянной рукоятки (рис. 6, *2*). Такие шилья известны на Нижнем Поволжье и происходят, по-видимому, из катакомбных погребений [83]. О. А. Кривцова-Гракова отмечает, что в погребениях полтавкинской и срубной культур шилья имеют небольшие размеры.

Форма копья (ножа) также очень сходна с аналогичными копьями (ножами) катакомбной культуры Северного Донца [84].

Если это так, то названные два погребения из курганов № 14 и № 36 мы можем рассматривать, как наиболее ранние памятники, оставленные представителями племен, бытовавших в эпоху бронзы на Среднем Дону. Это, несомненно, местные племена катакомбной культуры, жившие на Среднем Дону до прихода племен срубной и абашевской культур. Население катакомбной культуры оставило очень слабые следы на поселениях. К этой культуре, как нам кажется, можно отнести и небольшой сосудик, найденный на поселении № 1 у с. Подгорное (рис. 20, *14*) на глубине четвертого штыка, т. е. в нижней части культурного слоя, где менее всего возможно его перемещение.

Таким образом, изучение материалов новых и старых раскопок позволяет сделать ряд выводов, несколько по-новому трактующих историю племен, населявших территорию Среднего Дона в эпоху бронзы.

Во-первых, следует считать установленным, что археологические комплексы описанных поселений и курганов содержат материалы, оставленные племенами трех культур: катакомбной, срубной и абашевской.

---

[82] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 85, рис. 16.

[83] Там же, стр. 56, рис. 12 и 14 на стр. 55.

[84] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 г. Тр. XII АС, т. 1. М., 1905, стр. 196. Автор считал, что такие предметы выполняли скорее роль ножей, чем копий, так как они не массивны и не очень прочны.

Выразительность вещественных памятников этих культур настолько определенна, что можно говорить не только о культурном влиянии или заимствовании, но главным образом о проникновении на территорию Среднего Дона племен, представляющих срубную и абашевскую культуры. Катакомбная культура так называемого Воронежского варианта является культурой местной, ее племена жили на Среднем Дону задолго до появления здесь племен срубной и абашевской культур.

Во-вторых, одной из особенностей погребений Среднего Дона в эпоху бронзы следует считать наличие на дне могил специальных ямок ритуального назначения («бсфры»). В частности, мы обращаем особое внимание на такую ямку в кургане № 36, которая по своему устройству и отсутствию костяка в могиле не может быть понята иначе, как выражение определенного ритуала. К сожалению, ни в насыпи, ни в могилах этого кургана не найдено вещей, по которым можно было бы определить культурно-этническую принадлежность погребения. Однако следует подчеркнуть, что у племен срубной культуры, а позднее и у абашевских племен, такой обряд захоронения не практиковался.

В-третьих, можно предположить разное происхождение жилищ, открытых на поселении № 1 у с. Подгорное. Одно из них наземного типа со столбовым каркасом (жилище № 1), второе — полуземляночного типа, также со столбовым каркасом (жилище № 2). Они отличаются одно от другого не только по глубине залегания относительно горизонта, но главным образом по устройству очагов. В первом жилище очаг имел форму длинной канавки с тремя ямками в ней, во втором — форму большой ямы. Разница в конструкциях очагов, как нам кажется, связана с различным их происхождением. С какой культурой можно связать то или иное жилище, вопрос этот в настоящее время окончательно решить невозможно, ибо слишком мал круг исследованных памятников. Однако, судя по стратиграфическому положению керамического материала и на основе предварительной его датировки, можно высказать предположение, что первое жилище является наиболее ранним и оставлено представителями срубной культуры раннего этапа второго периода, когда еще бытовала остроребериая керамика, а керамика с валиками еще не появилась. Это жилище могло существовать в течение продолжительного времени второго периода эпохи бронзы. Что же касается почти полного отсутствия в этом жилище валиковой керамики, то факт этот может быть объяснен двумя обстоятельствами: либо отдаленностью этого района от культуры, давшей такую керамику, либо же в связи с появлением абашевских племен, ограничивших влияние населения срубной и андроновской культур.

Признание принадлежности первого жилища к племенам южного или юго-восточного происхождения упрощает решение задачи, возникшей с появлением очага-канавки с ямками, так как подобного

типа очаги нам известны только в памятниках андроновской культуры [85].

Второе жилище, как нам кажется, может быть отнесено к несколько более позднему периоду и связано с появлением племен абашевской культуры, жилища которых, к сожалению, пока неизвестны. Мы относим жилище № 2 к абашевским племенам лишь на основании значительного количества керамики, найденной на поселении и в том числе в пределах этого жилища.

Если это так, то наши памятники займут важное место среди других памятников эпохи бронзы.

Наиболее ранний период появления племен срубной культуры на Среднем Дону установлен раскопками Г. В. Подгаецкого на поселении Монастырщина. Время этого поселения определяется автором серединой II — началом I тысячелетия до н. э.[86]

О. А. Кривцова-Гракова, изучая срубную культуру на Среднем Дону, пришла к установлению несколько иной датировки. Она считает, что срубная культура на этой территории известна пока только в рамках первого периода, начиная от середины II тысячелетия до XII в. до н. э. К этой группе памятников ею отнесено и поселение у Монастырщины. Следует также подчеркнуть, что автор не видел на Среднем Дону поселений срубной культуры второго периода [87].

Таким образом, оба автора совершенно расходятся в определении верхней хронологической границы поселения у Монастырщины.

В связи с этим нам хотелось бы высказать некоторые соображения.

По сообщению Г. В. Подгаецкого, культурный слой поселения у с. Монастырщины достигает 30—60 см. Он состоит из темного гумированного песка и представлялся автору раскопок единым, без каких-либо прослоек. Выше этого слоя лежала прослойка темно-коричневого песка, над которым находился почвенный слой. Таким образом, культурный слой сохранил свою первоначальную стратиграфию и не был испорчен в более позднее время. Но возможно ли допустить столь слабый по толщине культурный слой, отложившийся в течение 500—600 лет? Думаем, что этого не могло быть. Вот почему датировка поселения, предложенная О. А. Кривцовой-Граковой, определившей время существования поселения в три-четыре столетия, кажется нам ближе к истине. Однако вопрос о дате верхней хронологической границы этим не снимается. В ее определении, можно думать, ближе к истине стоит Г. В. Подгаецкий.

---

[85] О. А. Кривцова-Гракова. Садчиковское поселение (раскопки 1948 г.). МИА, 1951, вып. 21, стр. 175, рис. 24 и 25.

[86] «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», стр. 156 и сл.— публикация Г. В. Подгаецкого.

[87] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 94.

В ходе анализа было установлено, что в культурном слое поселения Монастырщина встречается уже валиковая керамика, датирующая памятники срубной культуры вторым периодом эпохи бронзы, который, по хронологии О. А. Кривцовой-Граковой, определяется концом II — началом I тысячелетия до н. э. При такой датировке нас не смущает единичность находок валиковой керамики, ибо такая керамика могла попасть сюда не «прямым маршем» в результате какого-то второго передвижения племен срубной культуры, а скорее всего путем проникновения ее в порядке «моды», господствовавшей в это время в южных областях Восточной Европы. Поэтому такая керамика могла и не быть сколько-нибудь многочисленной на изучаемых поселениях.

Следовательно, нижнюю хронологическую границу жизни на поселении Монастырщина следовало бы поднять с середины II тысячелетия до н. э., по крайней мере, до XIII столетия до н. э.

Но почему же поселение прекратило свое существование? Причин для этого может быть несколько. Одна из них может заключаться в изменении хозяйственных условий, скажем, в переходе к более интенсивному скотоводству, побудившему племена срубной культуры двигаться к более широким степным просторам; вторая — в появлении племен, граничащих с племенами срубной культуры с севера; это могли быть племена абашевской культуры. Мы полагаем, что движение абашевских племен с севера на юг имело решающее значение для судеб этого поселения. Ибо это движение происходило на широком фронте, начиная от Заволжья до Подонья, а по некоторым данным и до Курской обл. Под давлением абашевских племен племена срубной культуры не только приостановили свое движение на север, но кое-где и отступили [88]. В результате этого и стало возможным, если не господство абашевской культуры, то сосуществование культур (абашевской и срубной) и их взаимное влияние, которое отразилось на керамике поселения № 1 у с. Подгорное.

---

[88] По вопросу о возникновении и развитии абашевской культуры существует несколько гипотез. Не вдаваясь в их рассмотрение, мы отсылаем читателя к специальному труду: «Абашевская культура в Среднем Поволжье». МИА, 1961, вып. 97.

ПАМЯТНИКИ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Так называемая катакомбная культура получила свое название от типа погребальных сооружений — искусственных подземных пещер-катакомб, открытых на территории Северного Причерноморья. Этим погребальным сооружениям сопутствовали и определенные предметы — ценные памятники материальной культуры: особого вида керамика, металлические изделия, предметы быта [89].

Обращаясь к погребальным памятникам катакомбной культуры на территории Среднего Дона, мы должны признать, что среди них отсутствует одна из самых характерных черт культуры — захоронения в катакомбах. Поэтому сразу же возникает вопрос о правомерности присваивать памятникам Среднего Дона такое название. В самом деле, имеем ли мы основание считать, что культура племен Среднего Дона, которая хронологически синхронна катакомбной культуре степей Северного Причерноморья, но которая лишена одной из самых существенных черт этой культуры — катакомб, может быть определена как катакомбная культура или, по крайней мере, как вариант катакомбной культуры [90].

Мы полагаем, что, несмотря на условность самого понятия «катакомбная культура», можно ответить на поставленный вопрос положительно. На Среднем Дону мы имеем дело с памятниками именно этой культуры, ибо дело не только и не столько в синхронности культур, сколько в наличии ряда сходных и специфических черт в инвентаре и в погребальном обряде.

Надо принять во внимание тот факт, что до сих пор сколько-нибудь серьезно археологическим изучением Среднего Дона никто не занимался, не выяснялось происхождение катакомбной культуры на Среднем Дону, не определялась хронология памятников, не изучались особые специфические черты этой культуры. Располагая некоторыми памятниками катакомбной культуры на Среднем

---

[89] В. А. Городцов. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца Изюмского уезда Харьковской губернии. Тр. XII АС, т. I. М., 1905; Он же. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде. Тр. XIII АС, т. I.

[90] Т. Т. Попова. Племена катакомбной культуры. Тр. ГИМ, 1955, вып 24.

Дону из раскопок дореволюционного времени и новыми материалами, полученными Воронежской Лесостепной скифской экспедицией из раскопок и разведок уже в послевоенный период и другими исследованиями, мы сочли возможным специально поставить изучение этого вопроса.

Вместе с этим следует подчеркнуть, что исследования интересующих нас памятников находятся еще на начальном этапе и расширение их в будущем принесет много новых полезных данных.

Поэтому наша попытка преследует довольно скромную цель: обобщить имеющиеся материалы, подчеркнуть особые специфические черты катакомбной культуры, определить ее хронологические рамки и выяснить, насколько возможно, роль местной катакомбной культуры в сложении культуры эпохи раннего железа.

Как уже упоминалось, в 1911—1913 гг. М. П. Юргенсон произвела раскопки нескольких курганов у сел Нижняя Ведуга и Кондрашовка [91]. Здесь же в это время вели раскопки курганов и другие местные исследователи — А. И. Мартинович и А. И. Дольский [92].

Результаты этих раскопок не были опубликованы, а вещи, хранившиеся в Воронежском краеведческом музее, погибли в период Великой Отечественной войны и сохранились лишь отчеты, к сожалению, далеко не полные и недостаточно ясные, чтобы судить по ним о характере и происхождении памятников. Однако наличие некоторых негативов с фотографиями вещей, планов и профилей курганов облегчают изучение этих памятников и раскрывают их большую научную ценность [93].

В 1911 г. М. П. Юргенсон начала раскопки с исследования одного кургана в могильнике, расположенном у с. Нижняя Ведуга вдоль шоссе Землянск — Курбатов. Но результаты этих раскопок описаны настолько плохо, неясно, что на них не представляется возможным останавливаться [94].

В 1912 г. раскопки курганов производились в другом могильнике, у с. Нижняя Ведуга, расположенном недалеко от первого могильника на высоком мысу, образованном речкой Гнилушей и ручьем Гончаркой. Сейчас в этом могильнике насчитывается 17 насыпей. Они тянутся вдоль дороги, ведущей от с. Нижняя Ведуга

---

[91] М. П. Юргенсон. Отчеты за 1911—1913 гг. Архив ЛОИА АН СССР, № 250, 1912 г.

[92] М. П. Юргенсон. Отчеты за 1911—1913 гг. Архив ЛОИА АН СССР, № 250, 1912, 1913, д. 363, рис. XVII, X, IV. A. M. Tallgren. La pontide préscythiques arpes l'introduction des métr—aux.—ESA, t. II. Helsinki, 1926, стр. 73, фиг. 47.

[93] Несколько сосудов из этих раскопок случайно были переданы в Эрмитаж, где они и находятся на хранении. С ними любезно познакомил нас в 1962 г. Б. А. Латынин, за что приносим ему глубокую благодарность.

[94] М. П. Юргенсон. Отчеты за 1911—1913 гг. Архив ЛОИА АН СССР, № 250, 1912, 1913, д. 363.

на села Гнилуша и Гончариха (рис. 35) [95]. В этой группе М. П. Юргенсон исследовала два кургана.

Курган № 1 был сильно распахан, имел высоту до 1,25 м, диаметр до 35 м. Раскопки велись траншеей длиной в 7,2 м и шириной в 3,6 м по центру с востока на запад. В траншее было обнаружено два погребения — одно в насыпи и второе в грунтовой яме.

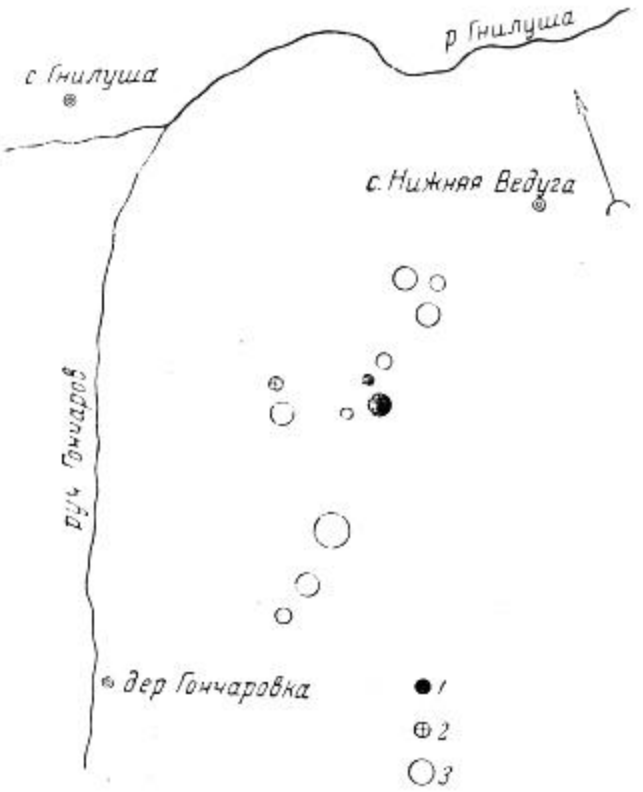


Рис. 35. План расположения курганов у с. Нижняя Ведуга

1 — раскопки М. П. Юргенсон в 1912 г.; *2* — раскопки П. Д. Либерова в 1959; *3* — нераскопанные курганы

Описание раскопок дано недостаточно ясно. Однако выясняется, что уже на глубине 0,7 м от поверхности, на выкиде из могильной ямы стоял лепной сосуд с остатками истлевших костей, а на глубине 1,1—1,3 м, или примерно на уровне древнего горизонта, лежали останки человеческого скелета. Найденный сосуд представляет собой высокую широкогорлую остроребериую чашку срубного типа с дном малого диаметра. Венчик немного отогнут наружу. Под венчиком и по ребру идут по две резных парных полоски, а свободное пространство между ними по шейке и на плечиках

[95] М. П. Юргенсон в схематическом плане дает только 12 насыпей.

заполнено ромбами. Ниже ребра нанесен резной орнамент в виде попарно перекрещивающихся черточек, образующих двойной крест (рис. 36). Второе погребение совершено в грунтовой могиле прямоугольной формы, ориентированной с северо-запада на юго-восток (размеры ямы: длина 3,6 м, ширина около 3 м при глубине более 2 м). М. П. Юргенсон подчеркивает, что дно могильной ямы было неровным: оно возвышалось к северному углу до уровня 0,5 м выше остальной поверхности. Костяк лежал в северном углу могилы, в скорченном положении, по-видимому, на спине, головой на юго-восток. От костяка сохранились только ноги и таз (рис. 37, *6*). Ноги лежали на грунтовом возвышении выше туловища на 0,45 м. Вещи отсутствовали. Слева от поясницы скелета и ближе к центру ямы прослежена круглая ямка диаметром до 36 см и глубиной 18 см.

Курган № 2 расположен рядом с первым курганом. Его высота более 2 м, диаметр по линии север — юг — 22 м, восток — запад — 25 м. Курган не был распахан. Северная сторона его насыпи крутая, южная — пологая. Раскопки велись сверху траншеей, направленной с севера на юг (ее длина — 4,3 м, ширина — 1,4 м), а ниже — колодцем (его размеры 3,9 м × ×3,7 м). В ходе раскопок в верхней части насыпи были замечены следы кладоискательской ямы. На глубине 1,3 м в насыпи был отмечен слой глины толщиной до 6—7 см. В центре этот слой прогибался вниз (рис. 37, *1*). Ниже, на глубине 2,5 м, лежали остатки деревянного перекрытия, уходившие наклонно в могилу.

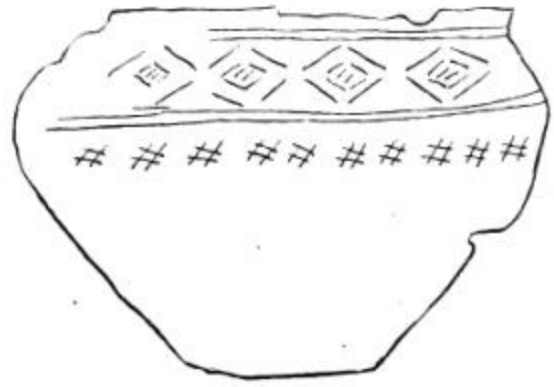


Рис. 36. Сосуд из кургана № 1 у с. Нижняя Ведуга

Могильная яма имела прямоугольную форму, ориентированную с северо-запада на юго-восток. Ее длина 3,9 м, ширина около 3,7 м и глубина около 1,5 м (рис. 37, *7*). Дно могилы повышалось к западному углу, а от середины северо-западной стены могилы к ее юго-восточной стене шла материковая перегородка высотой до 0,36 м (ширина перегородки неизвестна), делившая яму на две части.

В могиле обнаружено два человеческих костяка.

Первый костяк лежал в северном углу, по-видимому, на спине с подогнутыми вверх коленями, позднее свалившимися направо. руки вытянуты вдоль туловища, костяк направлен головой на юго-восток (рис. 37, *7*). Кости окрашены, особенно много краски у левого локтя, у затылка и на лицевых частях. С обеих сторон таза были обнаружены следы серого, местами желтоватого вещества.

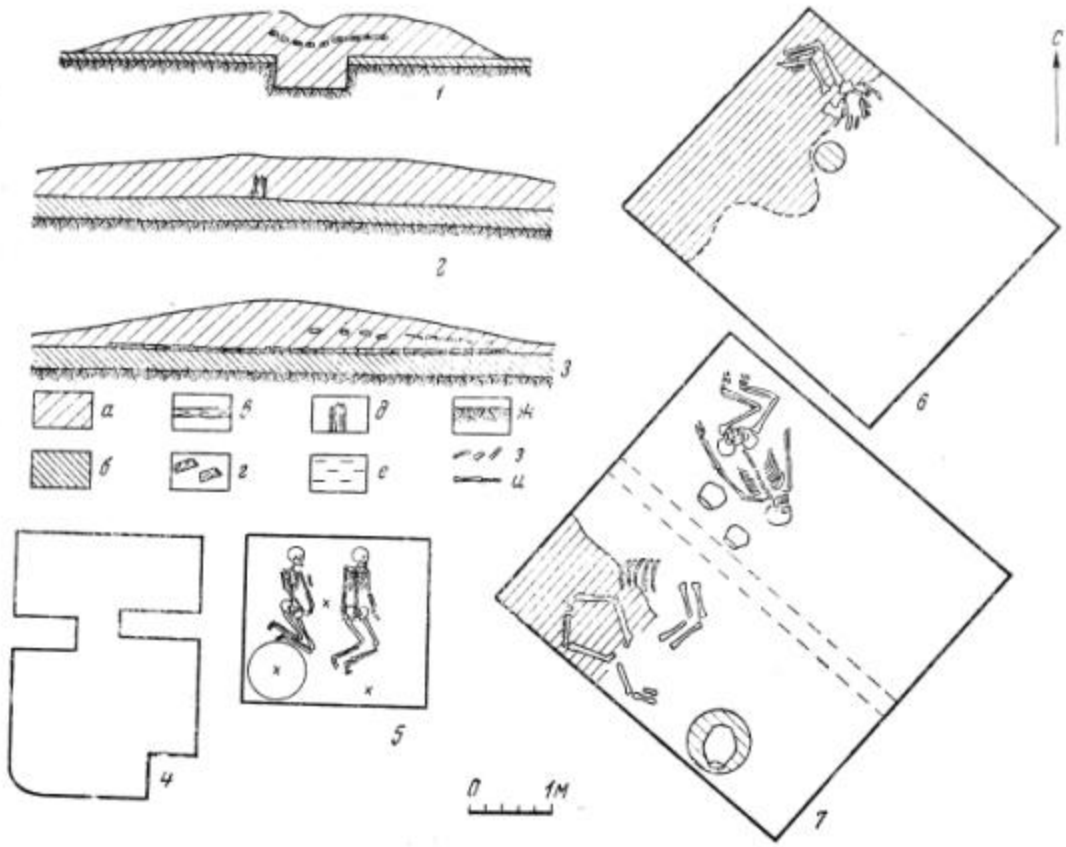


Рис. 37. Курганы у с. Нижняя Ведуга и у с. Кондрашовка

1, 6, 7 — курганы у с. Нижняя Ведуга; *2—5* — курганы у с. Кондрашовка; *а* — курганная насыпь; *б* — чернозем; *в* — деревянный настил; *г* — дерево; *д* — столб; *е* — глина; *ж* — материк; *з* — кости животных; *и* — кости человека. × — место находки сосудов *1* — профиль кургана № 2 у с. Нижняя Ведуга; *2* — профиль кургана № 4 у с. Кондрашовка; *3* — профиль кургана № 2 у с. Кондрашовка; *4* — план могильной ямы из кургана № 1 у с. Кондрашовка; *5* — план могильной ямы из кургана № 10 у с. Кондрашовка; *6* — план могильной ямы из кургана № 1 у с. Нижняя Ведуга; *7*— план могильной ямы из кургана № 2 у с. Нижняя Ведуга

Справа около таза лежал кусок ярко-красной краски. Над левой ключицей, против затылка найден кремневый наконечник стрелы с вогнутым внутрь основанием (рис. 38, *2*). Около левого локтя стоял лепной горшок серого цвета, сплошь покрытый орнаментом. Шейка сосуда украшена налепным валиком с защипами, а ниже его — ряд полукруглых ямок, обращенных основаниями вниз; стенки сосуда от шейки до дна украшены горизонтально идущими поясками, выполненными гребенчатым штампом (рис. 38, *1*). Этот сосуд стоял на слое красной краски. Второй сосуд находился за головой и также на слое красной краски, поверхность его желтого цвета, сплошь орнаментирована горизонтально идущими поясками, выполненными штампом (?) (рис. 38, *4*). Около сосуда обнаружено несколько угольков.

Рис. 38. Находки из курганов у с. Нижняя Ведуга и у с. Кондрашовка

1, 3, 4 — керамика из кургана № 2 у с. Нижняя Ведуга; *2* — кремневые наконечники стрел из кургана № 2 у с. Нижняя Ведуга; *5* — керамика из кургана № 9 у с. Кондрашовка; *6, 7* — керамика из кургана № 10 у с. Кондрашовка; *8* — керамика из раскопок В. Языкова (место не определено); *9* — место не определено; *10* — из кургана № 10 у с. Кондрашовка — могила

Второй костяк лежал вдоль юго-западной стены могилы на спине, ориентирован головой на юго-восток. Погребенный был положен коленями вверх, которые свалились по обе стороны и покоились на грунтовом возвышении выше туловища на 0,36 м [96]. Верхняя часть туловища погребенного не сохранилась (рис. 37, 7). Слева от костяка лежал кремневый наконечник стрелы (обломок) (рис. 38, *2*), справа — кости лошади или другого крупного животного.

Около западной стены, в южном углу, за головой костяка была сделана ямка диаметром 0,72 м и глубиной 0,36 м. В ней лежал на боку большой лепной горшок с желтой поверхностью, покрытый орнаментом в елочку (рис. 38, *3*).

Таким образом, фрагментарное описание раскопок этих двух курганов показывает специфичность погребального обряда и погребальных сооружений, а также своеобразие керамики.

Однако к ним мы вернемся ниже, а сейчас продолжим описание второго, не менее интересного комплекса памятников, исследованных той же М. П. Юргенсон в могильнике у с. Кондрашовка, состоявшем из 30 курганов. Он расположен в 1,5 км к западу от с. Кондрашовка, по правую сторону речки Землянки и по обе стороны шоссе, идущего от станции Курбатово в г. Землянск. Площадь, на которой расположен могильник, представляет собой большой мыс, образуемый с юго-запада рекой Ведугой и с востока и юго-востока речкой Землянкой — левым притоком р. Ведуги (рис. 39). Курганы распахивались. К моменту раскопок курганы имели высоту от 0,4 до 2 м, форма у них почти круглая и только один курган имел овальную насыпь, составленную как бы из двух возвышений.

К северо-западу от этого могильника расположен второй курганный могильник под названием «Большие курганы». Они располагались кучно, как бы образуя круг, в центре которого стоял самый большой курган (рис. 39).

В первой курганной группе в 1912 г. производил раскопки член Воронежской Ученой архивной комиссии А. И. Мартинович при участии А. И. Дольского. На раскопках присутствовала и М. П. Юргенсон [97].

В 1913 г. М. П. Юргенсон, продолжая раскопки, исследовала здесь девять курганов. Курганы № 2—8 были описаны выше,

---

[96] К сожалению, М. П. Юргенсон не расшифровывает характер возвышения — материковая ли это глина, специальная подсыпка или подмазка.

[97] В 1912 г. А. И. Мартинович в северной части курганной группы раскопал два кургана с абашевскими материалами: А. М. Tallgren. Указ. соч., стр. 73, рис. 47. Их мы рассмотрим в специальном разделе об Абашевской культуре. Тогда же копала один курган и М. П. Юргенсон. В нем открыта могила сложной конфигурации (рис. 37, *4*). Возможно, что такая форма могилы есть результат случайности или же поспешности раскопок, в связи с чем форма могилы осталась непонятной.

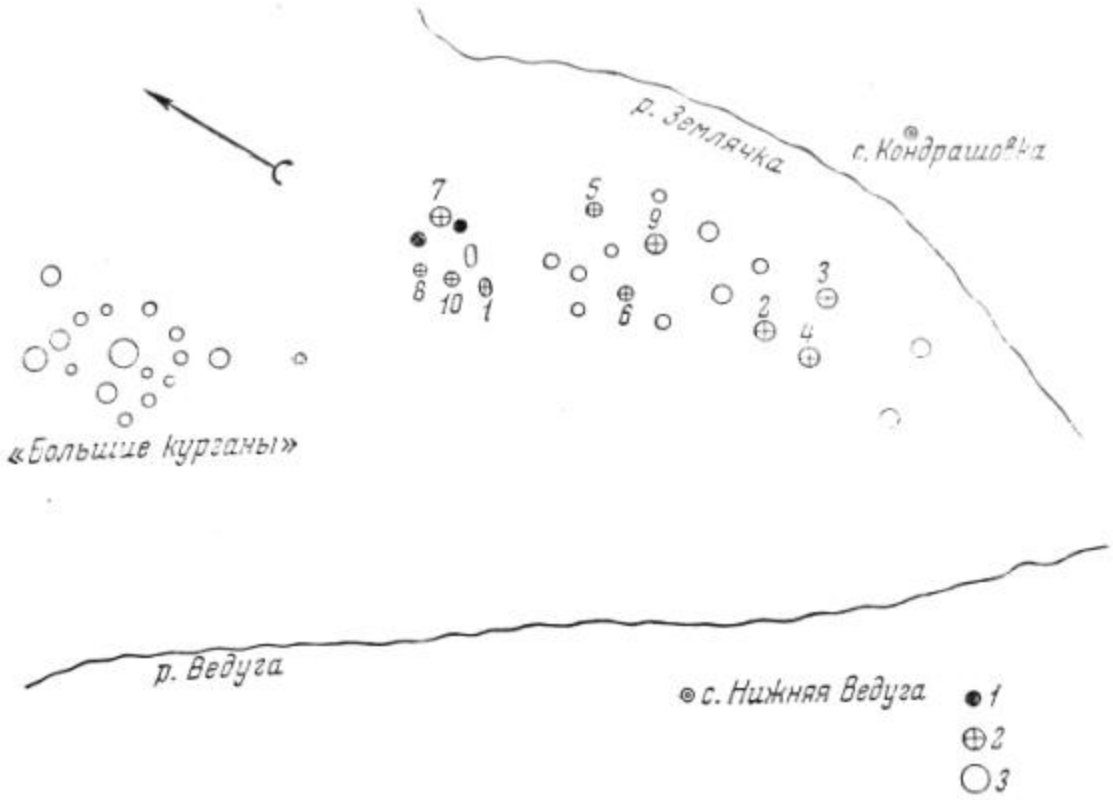


Рис. 39. План расположения курганов у с. Кондрашовка, снятый М. П. Юргенсон
1 — раскопки А. И. Мартиновича и А. И. Дольского в 1912 г.; *2* — раскопки М. П. Юргенсон в 1913 г.; *3* — нераскопанные курганы

поскольку они содержали погребения срубной культуры. Остановимся на курганах № 9 и 10.

К у р г а н № 9 (высота 1,5 м, диаметр 36 м) исследовался траншеей по линии восток—запад длиной 8,7 м и шириной 2,2 м, а затем колодцем 5,8 × 5,8 м. Могила ориентирована длинной осью с востока на запад, ее размеры 3,4 × 1,8 м при глубине в 2,2 м. Обнаруженный костяк был сильно поврежден кладоискателями: череп его лежал под западной стенкой, кости ног — в середине могилы. Возле черепа с южной стороны расчищены обломки сосуда желтого цвета, сплошь украшенного шнуровым орнаментом (рис. 38, *5*) [98]. Вокруг сосуда и в сосуде были найдены угли. Второй сосуд из серой глины стоял в ногах [99]. Он имел форму банки с широким горлом и загнутым внутрь венчиком. Вся поверхность сосуда орнаментирована горизонтальными поясами. Обломки третьего сосуда желтого цвета были разбросаны по всей могиле. У сосуда — прямостоящий венчик, под шейкой, на крутых плечиках, располагался

[98] М. П. Ю р г е н с о н. Отчеты за 1911—1913 гг. Архив ЛОИА АН СССР, № 250, 1912, л. 63, рис. XXVIII.
[99] Там же, л. 62, рис. XXIX.

орнамент, состоящий из зерновидных ямок, идущих пояском вокруг сосуда [100]. Дно могилы покрыто углями и обожженной глиной.

К у р г а н № 10 (высота 0,5 м, диаметр до 30 м) раскапывался траншеей с севера на юг длиной 8,6 м и шириной 2,2 м. В насыпи на глубине 0,4 м были найдены обломки двух лепных сосудов. Один из них — баночной формы, желтого цвета — орнаментирован шнуром по шейке и плечикам (рис. 25, *6*) [101]; второй — также желтой глины типа широкогорлой невысокой чашки — орнаментирован по шейке и плечикам гребенчатым штампом [102]. К северу от центра кургана лежали кости особи крупного рогатого скота. На уровне горизонта найдены обломки лепного сосуда из серой глины. Орнамент этого сосуда представляет большой интерес: на сохранившейся части шейки виден расчлененный валик; второй валик без орнамента нанесен в основании шейки; по плечикам идут резные треугольники, обращенные основаниями вверх. Пространство между треугольниками занято налепными шишечками. Ребро, проходящее по тулову сосуда, подчеркнуто двумя горизонтальными резными полосками, имитирующими валик, расчлененный косыми резными линиями (рис. 38, *6*, *7*) [103]. На глубине 0,7 м от вершины кургана был найден человеческий череп, лежавший на желто-зеленой глине.

Могильная яма была обнаружена на глубине 1,05 м от вершины кургана. Она ориентирована по линии на восток — запад, длина ее 2 м, ширина 1,8 м, глубина, по-видимому, 1,6 м. На дне могилы было расчищено пáрное погребение. Костяки лежали скорченно, на левом боку, головой на север (рис. 37, *5*) [104]. Между костяками на уровне поясницы лежал остроребериый лепной горшок желтой глины, украшенный горошинками на плечиках и тремя горизонтальными каннелюрами на вертикально стоящей шейке; ребро несколько выше половины сосуда подчеркнуто двумя резными полосками, образующими валик; вся нижняя половина сосуда украшена резным, вертикально расположенным елочным орнаментом (рис. 38, *10*) [105].

У южной стенки могилы лежал второй сосуд серой глины малых размеров с одним ушком, украшенный елочным орнаментом, аналогичным орнаменту первого сосуда [106].

В юго-западном углу могилы находилась ямка —«бофр» диаметром 0,7 м, глубиной 0,35 м. В ней лежал третий сосуд из желтой глины, без орнамента, с шаровидным дном [107].

---

[100] М. П. Ю р г е н с о н. Отчеты за 1911—1913 гг. Архив ЛОИА АН СССР, № 250, 1912, л. 61, рис. XXX.
[101] Там же, л. 71, рис. XXXI.
[102] Там же, л. 69, рис. XXXII.
[103] Там же, л. 70, рис. XXXIII.
[104] Там же, л. 68, рис. XXXIX.
[105] Там же.
[106] Там же, л. 66, рис. XL.
[107] Там же, л. 67, рис. XLI.

Уже из такого краткого описания результатов раскопок курганов у с. Нижняя Ведуга и с. Кондрашовка можно видеть, что курганы дают очень интересный и разнообразный материал как по устройству погребальных сооружений и погребальному обряду, так и по керамике. Но что особенно важно отметить во всем этом комплексе памятников, так это наличие ямок на дне могил с лежавшими в них сосудами. Это уже несомненно определенный, систематически встречающийся погребальный ритуал, он и привлек наше внимание и побудил к новым раскопкам для проверки указанного факта.

Вот почему в 1959 г. мы произвели раскопки одного кургана именно в могильнике у с. Нижняя Ведуга, где в 1912 г. вела раскопки М. П. Юргенсон.

Обратимся к описанию наших наблюдений.

К у р г а н № 3 расположен к западу — северо-западу от курганов № 1 и 2, раскопанных М. П. Юргенсон (см. план, рис. 35) [108]. Высота кургана около 0,7 м, диаметр до 20 м. Очертания насыпи определялись плохо, так как курган находился на западном склоне мыса, опускающегося к ручью Гончарка. Раскопки велись круговыми траншеями. Общий диаметр раскопа 16 м (рис. 40).

В насыпи уже на глубине первого штыка под вершиной кургана были найдены обломки двух лепных сосудов. Один из них представляет собой высокую и широкогорлую миску с диаметром горла в 27,5 см, дна — 8 см и высотой 20 см. Сосуд орнаментирован по шейке и плечикам гребенчатым штампом, узор изображает меандр и украшен горизонтальной гофрировкой по шейке над орнаментом и по ребру. Поверхность у него сероватая, лощеная (рис. 42, *2*).

Второй сосуд, более крупных размеров, был найден в виде нескольких небольших обломков. Стенки у него тонкие, венчик отогнут наружу под тупым углом; шейка и плечики украшены горизонтальной гофрировкой в пять-шесть полос, а ниже их даны две волнистые линии; поверхность серая, гладкая, в глиняном тесте заметна большая примесь дробленой ракушки (рис. 42, *3*, *4*, *5*). Этот сосуд по форме, технике изготовления, орнаменту и примеси ракушки в глине идентичен сосуду из кургана № 41 в урочище «Частые курганы» [109].

Во втором штыке в разных местах насыпи были найдены обломки лепных сосудов и почти целый лепной горшок баночной формы высотой до 12 см, с диаметром горла около 15 см и дна до 10 см. Поверхность сосуда желтая, на шейке орнамент, состоящий из косо

---

[108] П. Д. Л и б е р о в. Отчет о раскопках... в 1959 г. Архив ИА АН СССР, раздел I, ф. № 1871, стр. 41 и сл. В раскопках принимала участие лаборант Института А. И. Пузикова.

[109] Сравни рис. 8, *1* и рис. 9, *4*.

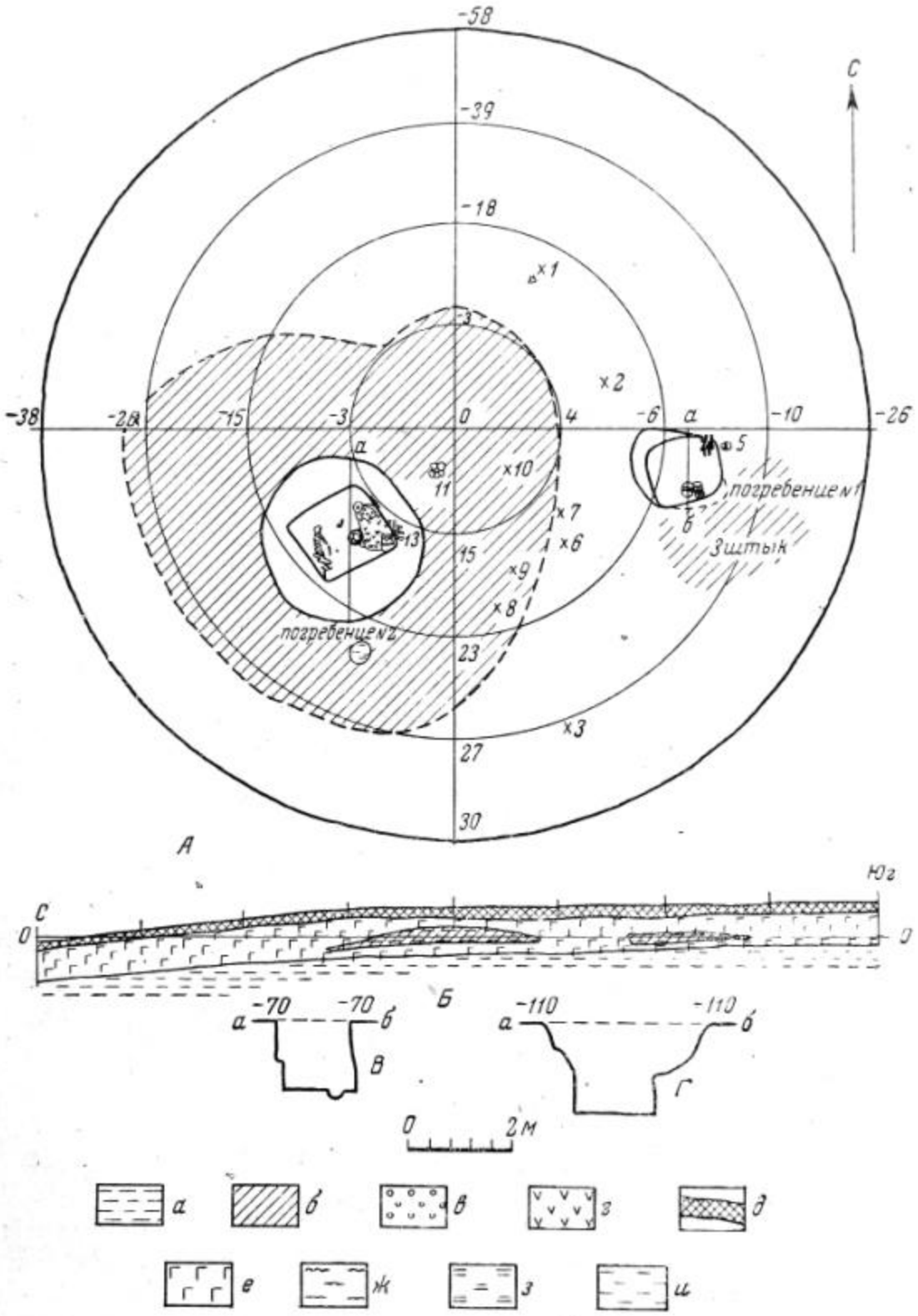


Рис. 40. План и профиль кургана № 3 у с. Нижняя Ведуга. Раскопки П. Д. Либерова

А — план кургана; *Б* — профиль кургана по линии С — Ю; *В* — профиль могильной ямы № 1; *Г* — профиль могильной ямы № 2; *а* — могильный выкид в профиле; *б* — мо-

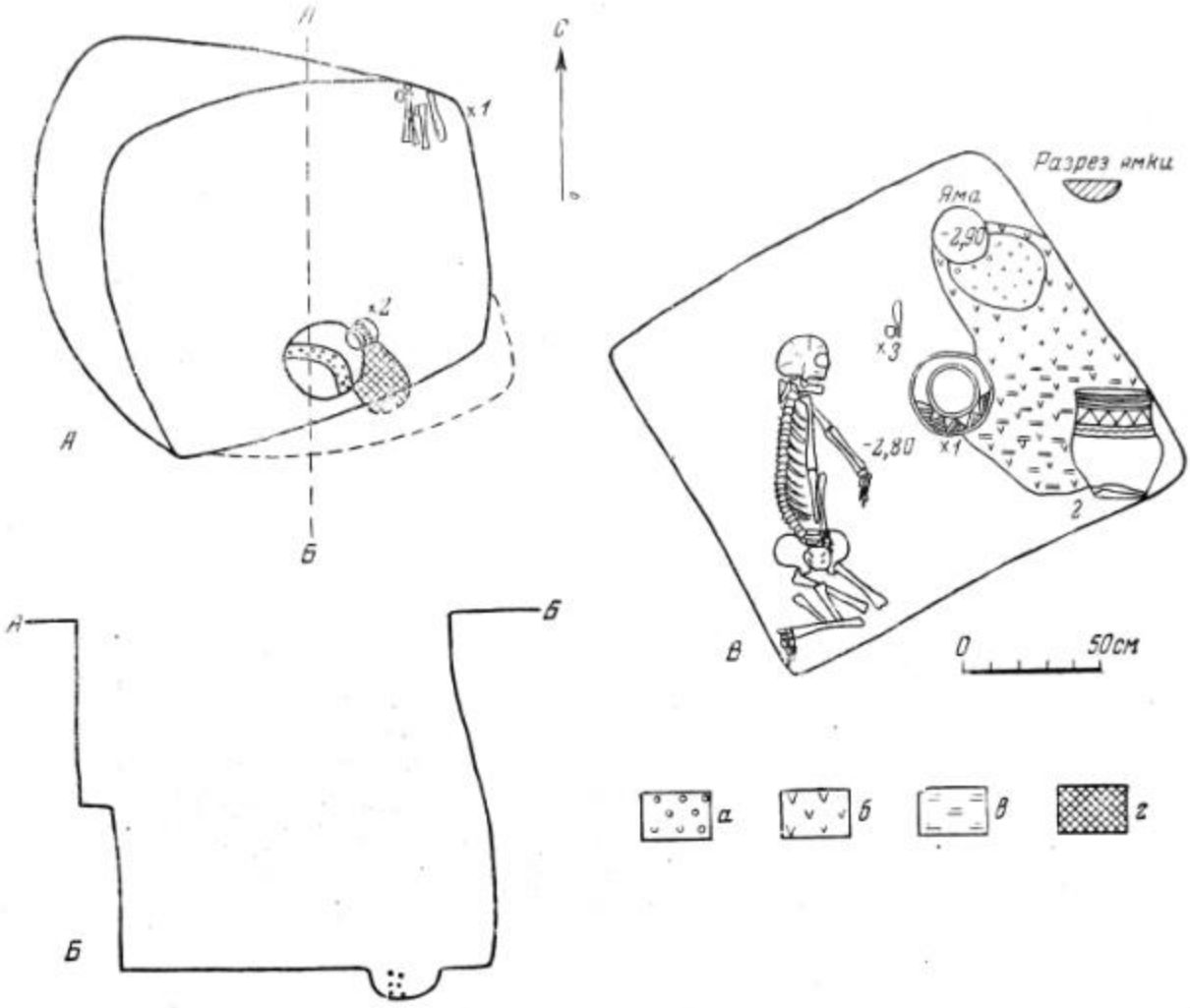


Рис. 41. План и профиль могил из кургана № 3 у с. Нижняя Ведуга

А — план могилы № 1; *Б* — разрез могильной ямы по линии А — Б; *В* — план погребения 2 и дна могилы; *а* — мел; *б* — уголь; *в* — кострище; *г* — охра; ×*1, 2* — лепные сосуды; ×*3* — бронзовый нож

поставленных крестиков из двух резных линий, на плечиках горизонтальная резная полоса, а ниже ряд таких же крестиков, нанесенных толстым шнуром (рис. 43, *3*).

В северо-восточной части насыпи на глубине третьего штыка найден еще один сосуд в обломках. Дно у него не сохранилось, цвет глины серый, диаметр горла 13 см, в тесте примесь мела (рис. 42, *1*).

гильный выкид в плане; *в* — мел; *г* — уголь; *д* — пахотный слой; *е* — чернозем; *жс* — зола; *з* — кострище на дне могильной ямы; *и* — глина материковая; ×*1, 4* — керамика (штык 3); ×*2, 8, 9* — керамика (штык 4); ×*3, 6, 7* — керамика (штык 2); ×*5* — кости животных и лепной сосуд (штык 4); ×*10—12* — керамика (штык 1); ×*13* — кости животных (штык 4—5)

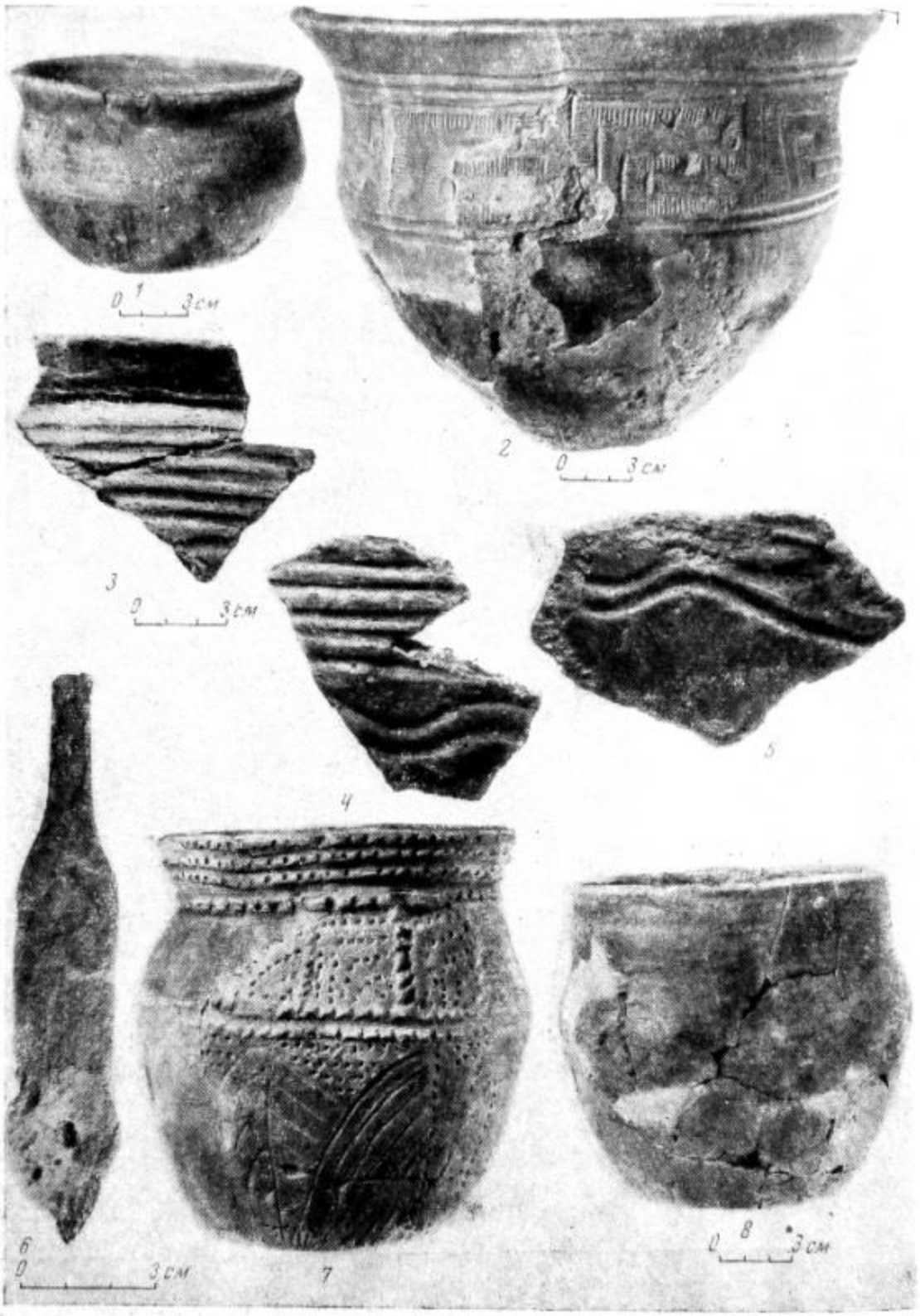


Рис. 42. Находки из кургана № 3 у с. Нижняя Ведуга

1—5, 7, 8 — керамика; *6* — нож бронзовый

Рис. 43. Керамика из курганов у с. Нижняя Ведуга и у дер. Писаревка

1, 3, 4 — керамика из кургана № 3 у с. Нижняя Ведуга; *2* — сосуд из кургана у дер. Писаревка (р. Тихая Сосна)

На этой глубине появился выкид желтой земли из могилы, он лежал преимущественно в центре, юго-западном секторе и к востоку от центра.

Могильные ямы довольно четко определились на глубине 1,1 м от вершины кургана. На глубине 0,8 м, по-видимому, на уровне горизонта около южной границы центральной могилы отмечено золистое скопление диаметром в 0,5 м и толщиной в 2—3 см.

Погребение 1-е. Над восточным краем могилы, на глубине 0,75 м от поверхности кургана стоял лепной горшок, а рядом (к западу от него) непосредственно над могилой лежали в кучке челюсти и четыре ножные кости особи мелкого рогатого скота. Найденный сосуд имеет высоту 13 см, диаметр горла 19 см, дна — около 9 см, прямостоящий венчик, невысокие плечики, темно-серую заглаженную поверхность (рис. 42, *8*).

Могильная яма сверху имела неправильную форму, ориентирована с запада на восток с небольшим отклонением на юго-запад — северо-восток. Края могилы отвесные. Под северо-западным углом могильной ямы сделан уступ, выдававшийся на 0,3 м, глубиной до 0,7 м; под южной стенкой прослеживается небольшой подбой глубиной до 0,2 м. Ниже уступа могильная яма принимает почти правильную прямоугольную форму длиной на запад — восток в 1,4 м, шириной 1,3 м и глубиной 1,3 м. Дно могилы ровное. Костяк в могиле не обнаружен. Под средней частью южной стены была вырыта ямка диаметром 0,3 м и глубиной 0,1 м. В ней лежал кусок мела, а над восточным ее краем стоял наклоненный лепной горшок. Дно могилы под сосудом и к югу от него окрашено в красный цвет (рис. 41, погребение 1).

Горшок имел остроребернную биконическую форму. Высокий венчик сосуда отогнут наружу под тупым углом, дно плоское, поверхность желтая и сплошь орнаментирована: венчик вплоть до шейки пересекают четыре расчлененных насечками валика, от шейки до ребра вся поверхность разделена вертикально стоящими валиками, наподобие колонок, пространство между которыми украшено наколами; на ребре имеются также два параллельных расчлененных валика, опоясывающих сосуд; вся нижняя половина его орнаментирована резным елочным узором и наколами (рис. 42, 7).

Погребение 2-е является основным, центральным в этом кургане; могильная яма его была хорошо заметна уже на глубине 1,1 м, в виде круга (рис. 40) диаметром до 4 м. Ее границы местами прослеживались по древесному тлену и по полоске желтой земли. Яма заметно уменьшалась до глубины 0,8—1,0 м от дна раскопа (см. профиль ямы на рис. 40). Засыпка ямы темная, рыхлая, в западной части смешанная с глиной. Ниже, вплоть до дна, стенки могилы шли отвесно, но не отличались тщательностью отделки. Дно могилы было очень ровное. Яма почти правильной прямоугольной формы, ориентирована с северо-востока на юго-запад (длина — 1,6 м, ширина 1,4 м, глубина 1,7 м).

Под северо-восточной стенкой могилы на глубине третьего штыка лежали кости особи крупного рогатого скота, они шли до глубины 1 м, где были найдены также кости лошади. На дне могилы находился человеческий костяк вместе с погребальным инвентарем.

Костяк лежал под юго-западной стенкой могилы, на левом боку, головой на север, правая рука была протянута вдоль туловища и покоилась кистью на тазе, левая — откинута вперед (рис. 40, *41*). К востоку от черепа, на расстоянии 0,5 м стоял большой горшок, нарядно орнаментированный и по форме очень сходный с горшком из первой могилы, только значительно крупнее по размерам. Его украшали те же горизонтально опоясывающие и расчлененные валики на шейке сосуда с той лишь разницей, что у этого сосуда не четыре, а семь валиков, три из которых совершенно гладкие. Плечики от шейки до ребра украшены двойными треугольниками, внутреннее пространство которых заполнено двумя круглыми налепами. Ребро сосуда подчеркнуто двумя резными полосками, образующими в середине расчлененный валик. Нижняя половина сосуда также украшена резными треугольниками в четыре-пять линий, а пустые пространства между ними заполнены наколами. Сосуд имел желтую поверхность, высота его 30 см, диаметр горла 22,5 см, дна — 14,5 см (рис. 43, *4*).

Рядом с этим сосудом лежали бронзовый нож и таранная кость (астрагал) особи мелкого рогатого скота (рис. 41). Нож хорошей сохранности, плоский, обоюдоострый, прямолезвийный, конец острия треугольный, раскованный. Общая длина ножа 12 см, ширина лезвия 2,2 см, длина рукоятки до 3,5 см (рис. 42, *6*).

В восточном углу могильной ямы лежал на боку второй, еще более крупный, горшок с желтой поверхностью, аналогичный по форме только что описанному сосуду (высота 36 см, диаметр горла 27 см, дна — 17,5 см). Этот сосуд украшен менее нарядно: венчик и шейка не имели обычных валиков, на них заметны лишь неглубокие полоски в виде штрихов, но в основании шейки имеется налепной валик, расчлененный пальцевыми защипами и простой насечкой ногтем, ниже до ребра идут треугольники — одни с основаниями вверх и пустые, другие с основаниями вниз, но заполненные штриховкой. По ребру идет валик, образованный сверху и снизу глубокими горизонтальными полосками. Он так же, как и верхний валик, расчленен защипами и ногтем. Нижняя часть сосуда сверху обмазана глиной и затерта пальцами в вертикальном направлении. Венчик сосуда немного отвернут наружу.

В северном углу могилы была расчищена ямка полусферической формы и несколько меньших размеров, чем ямка первой могилы; ее диаметр 0,2 м, глубина 0,08 м (рис. 15). К югу и юго-востоку от ямки, вдоль северо-восточной стороны могилы, между сосудами наблюдалось золисто-угольное пятно со следами сильного обжига дна могилы. Непосредственно около ямки с южной стороны в пределах золисто-угольного пятна вырисовывалось меловое пятно

диаметром около 0,25—0,30 м (рис. 41). Золисто-угольное пятно со следами обжига дна могилы образовалось, по-видимому, от сгорания большого количества углей, сброшенных в яму из кострища, отмеченного на горизонте около южной границы могилы.

Таким образом, в двух описанных курганных могильниках исследовано 13 курганов, давших очень интересный и важный в научном отношении археологический материал.

Чтобы представить в более наглядной форме результаты этих раскопок, мы составили специальную таблицу (см. табл. 2), которая отражает данные по погребальному обряду, могильным сооружениям и инвентарю.

Несмотря на трудности в классификации всего этого материала, а эти трудности вытекают из невысокого уровня методики раскопок и далеко не полного описания их результатов, мы все же имеем возможность разделить материал на три группы, соответственно его культурно-этнической принадлежности по культурам: катакомбную, срубную и абашевскую. К сожалению, многие признаки, характерные для указанных культур, в большинстве своем в описании отражены очень слабо или совершенно отсутствуют по обстоятельствам, зачастую и не зависившим от исследователей. Так, положение костяка и устройство могилы — признаки довольно подвижные. В процессе установления близких контактов между разными этно-культурными племенными группами происходит некоторая нивелировка погребального обряда и погребальных сооружений в связи с заимствованием отдельных черт. Возьмем, например, устройство могил и положение погребенных относительно горизонта. Наша таблица показывает, что все могилы, которые отнесены по керамике к катакомбной культуре, расположены только в грунте; они, как правило, глубокие и более крупные по размерам, по сравнению хотя бы с могилами срубников. В некоторых могилах имеются грунтовые возвышения, на которых лежали нижние конечности костяков, а в одной из могил обнаружен также небольшой подбой. Между тем могилы с погребениями срубной культуры устроены часто в насыпи или на горизонте, иногда напоминают шалаш, те же могилы, которые устроены в грунте, уступают катакомбным как по глубине, так и по размерам.

Относительно характерных черт погребений абашевской культуры в данных могильниках, в силу неясности их описания, мало что можно сказать. Погребения, обнаруженные в других могильниках, показывают, что абашевцы на Среднем Дону хоронили покойников в мелких ямах или даже в насыпи. Известные нам погребения с керамикой абашевской культуры в кургане № 41 в урочище «Частые курганы» [110] и в могильнике у с. Мастюгино [111] подтвер-

[110] П. Д. Либеров. Отчет... за 1956 г. Архив ИА АН СССР.

[111] П. Д. Либеров. Отчет... за 1960 г. Архив ИА АН СССР, раздел I, ф. 2118, стр. 49—52, альбом, табл. XXXV, 1—5.

ждают это положение. Не противоречит этому факту и погребение в кургане № 5 из раскопок В. Н. Глазова у с. Тюнино в 1910 г.[112]

Следовательно, в изучаемой нами группе памятников можно выделить три этно-культурных элемента по конструкции погребальных сооружений и по положению могил относительно горизонта. Труднее выделить специфичные черты для погребений названных культур по ориентировке могил и костяков. По-видимому, на отсутствие этих отличий в ориентировке могил больше всего отразилась указанная выше нивелировка.

Что касается ориентировки костяков, то она известна только для погребений катакомбной культуры, но также не отличается особым постоянством, что может быть объяснено значительной разновременностью погребений. В самом деле, погребения, исследованные М. П. Юргенсон в курганном могильнике у с. Нижняя Ведуга, с костяками, ориентированными в южном направлении, нам представляются по керамике значительно более ранними, чем погребения в кургане № 10 у с. Кондрашовка и могилы наших раскопок у с. Нижняя Ведуга, в которых костяки ориентированы головой на север. Не хронологическими ли различиями объясняется и положение костяков в могиле? Оказывается, что во всех погребениях первой хронологической группы костяки, ориентированные головой на юг, лежали в скорченном положении на спине с опрокинутыми ногами направо, или в разные стороны, в погребениях же второй хронологической группы костяки, ориентированные головой на север, были также скорчены, но лежали на левом боку. Правда, парное погребение из кургана № 10 отличалось тем, что один костяк и в самом деле находился в скорченном положении на левом боку его правая рука покоилась на тазу, второй же костяк лежал, по-видимому, на спине с вытянутыми руками вдоль туловища и коленями, согнутыми в левую сторону. Возможно, что это парное погребение отражает переходный период. Если это так, то все рассматриваемые погребения катакомбной культуры позволяют проследить последовательность смены обычая от ритуала более раннего времени к более поздней обрядности.

В погребальном обряде мы хотим обратить внимание на одну особенно важную черту, которая свойственна прежде всего для погребений катакомбной культуры. Это ритуальные ямки, или «бофры». Как известно, они часто встречаются в курганах эпохи раннего железа.

В одной из таких ямок в кургане № 3 урочища «Частые курганы» В. А. Городцов обнаружил греческую чернолаковую энохою, железный нож с ажурной железной же рукоятью и кость животного — остатки заупокойной пищи[113]. Нечто подобное мы наблюдали и

---

[112] В. Н. Глазов. Отчет о раскопках в Задонском уезде Воронежской губернии. Архив ЛОИА АН СССР, № 68, 1910 г.

[113] В. А. Городцов. Раскопки «Частых курганов» близ Воронежа в 1927 году, стр. 17—19.

в кургане № 11 во время наших раскопок в 1954 г. В ямке мы обнаружили чашечку на высоком поддоне [114], а вокруг ямки лежали многие другие вещи, в том числе обломки деревянного сосуда с остатками золотой оковки и уздечный набор с украшениями. Последующие раскопки курганов эпохи железа привели к неоднократному наблюдению хорошо сделанных ямок явно ритуального характера, хотя и без инвентаря в них. Вот почему мы обратили серьезное внимание на ямки такого рода в погребениях эпохи бронзы. Достаточно сказать, что из 15 исследованных курганов эпохи бронзы с 12 грунтовыми погребениями, в пяти погребениях, относящихся к катакомбной культуре, отмечены ритуальные ямки — «бофры». В двух ямках найдены лепные сосуды (курганы № 2, 10). Однажды такая ямка была обнаружена в могиле (курган № 7), возможно, относящейся к срубной культуре, судя по ориентировке могилы и баночному сосуду, найденному в насыпи. Однако у нас нет полной уверенности в том, что такие ямки характерны для памятников срубной культуры, так как срубные сосуды встречались часто в курганах с погребениями, относящимися к катакомбной культуре.

Следовательно, ритуальные ямки присущи прежде всего катакомбным погребениям, и если они встречаются в погребениях срубных (курган № 7), то, по-видимому, в порядке заимствования.

На основании изучения стратиграфического положения погребений катакомбной, срубной и абашевской культур для нас становится несомненным, что катакомбные погребения предшествуют срубным и абашевским. А следовательно срубные и абашевские племена на Среднем Дону появились тогда, когда катакомбные племена в течение какого-то отрезка времени, но какого — мы сейчас не беремся судить, жили уже на Среднем Дону и развивали свое хозяйство, быт, культуру. И в этом смысле можно сказать, что представители катакомбной культуры являлись местными племенами, имевшими своеобразную (воронежского варианта) культуру, а срубные и абашевские племена были пришлыми.

Значительно труднее в настоящее время, при недостаточном исследовании срубной и особенно абашевской культур на Среднем Дону, решить вопрос о последовательности появления данных племен. В связи с этим следует сказать, что попытки некоторых исследователей поставить и решить вопрос о племенах катакомбной культуры, их месте и роли в сложении культур последующего времени не могли быть удовлетворительными и неизбежно кончались самыми общими определениями и гипотетическими предположениями в силу ограниченности археологического материала, а также неполного и одностороннего его использования [115].

---

[114] П. Д. Либеров. Отчет о раскопках... в 1954 г. Архив ИА АН СССР, раздел I, ф. № 1024, альбом, табл. XXVI, рис. 1 и 2.

[115] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры.

О. А. Кривцова-Гракова замечает, что культура населения лесостепного Подонья в раннебронзовом веке не была однородной и лишь только позднее здесь создается единая срубная культура [116]. К этому же сводится утверждение упомянутого автора о том, что в результате тесных связей, установившихся между племенами катакомбной культуры бассейна Среднего Дона и населением Поволжья, произошло слияние местного населения с пришлым и восприятие культуры последнего [117]. Следовательно, в обоих случаях автор считает, что в процессе этих взаимоотношений происходит исчезновение элементов местной культуры и установление единой срубной культуры. Такой процесс должен был произойти, по мысли автора, если исходить из общего контекста его труда, в первом периоде срубной культуры и, надо полагать, на раннем его этапе, когда в остроребериой керамике катакомбной культуры среднедонского варианта прослеживается влияние остроребериой посуды [118].

Вместе с тем О. А. Кривцова-Гракова признает, что катакомбная керамика Среднего Дона относится к позднему времени [119], но какое это время, она конкретно не указывает. Между тем, по классификации Т. Б. Поповой, позднекатакомбная культура относится к третьей четверти II тысячелетия до н. э., а в некоторых районах допускается существование этой культуры до рубежа II—I тысячелетий до н. э. Однако племена названной культуры Среднего Дона, по ее мнению, доживают только до XV—XIV вв. до н. э., ибо к этому времени их вытесняют срубники [120]. Таким образом, авторы в основном согласны с тем, что культура населения лесостепного Подонья в раннебронзовом веке не была однородной и лишь позднее превратилась в единую срубную культуру и что этот процесс превращения завершается в третьей четверти II тысячелетия до н.э., а по уточнению Т. Б. Поповой, в XV—XIV вв. до н. э.

Нам представляется, что если с первой частью тезиса названных авторов, касающейся неоднородности культуры в раннебронзовом веке, можно и должно согласиться, то вторая его часть, касающаяся образования единой срубной культуры, требует серьезного уточнения и поправок.

Кстати, О. А. Кривцова-Гракова сама проявила необходимую осторожность, когда указывала на необходимость уточнения предложенных дат, ибо в период написания работы у нее не было достаточно материалов для более конкретных выводов. Конечно, процесс взаимодействия различных древних племен происходил, вероятно, в очень сложной обстановке и в течение более длительного

Тр. ГИМ, 1955, вып. 24. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.» — публикация Г. В. Подгаецкого.

[116] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 92.

[117] Там же, стр. 86.

[118] Там же.

[119] Там же, стр. 84.

[120] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры, стр. 33.

времени, чем это предполагается до сих пор. Так, Т. Б. Попова даже не пытается дать объяснение, почему же процесс замены одной или ряда древних культур срубной культурой так решительно завершается в XV—XIV вв. до н. э., а в некоторых районах юга Европейской части СССР (Предкавказье, Приазовье) он продолжается и в более позднее время.

Мы полагаем, что имеющиеся у нас новые материалы позволяют поставить и решить вопросы взаимоотношения древних племен на более широкой основе и в несколько иной плоскости. Хронологические рамки, ограничивающие жизнь катакомбной культуры XV—XIV вв. до н. э., должны быть значительно расширены, а представление о всеобъемлющем значении срубной культуры, напротив, должно быть пересмотрено в смысле его ограничения. В самом деле, уже сопоставление керамики и некоторых черт погребального обряда в погребениях катакомбной культуры дает некоторые основания для установления более широких хронологических рамок этой культуры. Чтобы убедиться в этом, достаточно, например, сравнить керамику из погребений кургана № 2 у с. Нижняя Ведуга и кургана № 9 у с. Кондрашовка с керамикой из погребений курганов № 10 у с. Кондрашовка и № 3 у с. Нижняя Ведуга. Так, сосуды из курганов № 2 и № 9 имеют высокий или низкий, прямой или немного отвернутый наружу венчик, преимущественно крутые плечики, сплошную горизонтальную орнаментику стенок шнуром, штампом и елочным узором (рис. 38, *1*, *3*, *4*, *5*, *9*). Ребро у этих сосудов еще не выделено, оно мягко переходит в стенку нижней части сосуда. Напомним, что костяки погребений, в которых была найдена описанная керамика, лежат в скорченном положении на спине (курган № 2), что соответствует нашим представлениям о раннем погребальном обряде.

Между тем вторая группа погребений (курганы № 10 и № 3) сопровождается несколько иной керамикой. Сосуды здесь имеют такие же, как и у только что описанных, высокие, прямые и отогнутые наружу венчики. В остальных деталях наблюдаются значительные различия. Форма тулова у сосудов биконическая, плечики расположены ниже и завершаются ребром, расположенным чуть выше середины сосуда. Орнамент совершенно иного характера, часто заполняет всю поверхность сосуда (рис. 38, *8*, *10*, рис. 43, *1*, *2*, *4*, рис. 36, *7*): он состоит из налепных горизонтальных или вертикальных валиков, расчлененных защипами или насечками, подчеркнутых иногда резными линиями, из резных треугольников, заполненных штриховкой, налепных горошин и просто наколов, узора елочкой из резных линий (рис. 38, *6—8*, *10*, рис. 43, *1*, *2*, *4*, рис. 42, *7*).

Как видно, помимо некоторого сходства, указывающего на генетическую связь рассматриваемых типов керамики, наблюдается между ними и большое различие. Это различие, несомненно, хронологического порядка. Оно подчеркивается и погребальным ритуалом, прежде всего положением костяков на левом боку (курган № 10

у с. Кондрашовка, рис. 37, *5*; курган № 3 у с. Нижняя Ведуга, рис. 41; погребение 2).

Т. Б. Попова датировала изучаемые памятники, как было указано выше, XV—XIV вв. до н. э., основываясь только на сосуде, по нашему мнению, наиболее раннем из всех здесь представленных (курган № 9 у с. Кондрашовка, рис. 38, *5*) и не обратила внимания на многоваликовую керамику, которую она же датирует поздним этапом катакомбной культуры, т. е. третьей четвертью II тысячелетия до н. э.[121] Приведенный ею рисунок сосуда[122] немного искажает его форму, ниже мы публикуем его в фотографии (рис. 38, *5*).

Следовательно, на основании изменения форм сосудов, а также эволюций в погребальном ритуале, в первую очередь в положении костяков, можно предполагать, что датировка катакомбной культуры на позднем этапе может и должна быть значительно расширена в верхней хронологической границе.

В связи с этим хотелось бы подчеркнуть особенности керамики из кургана № 3 у с. Нижняя Ведуга. Сосуды здесь имеют биконическую форму, высокий, прямой или немного отогнутый наружу венчик, часто украшены налепными, порой расчлененными, валиками, геометрическим орнаментом в виде резных треугольников, заполненных резной штриховкой, наколами, налепными горошинками, валик на ребре сосуда подчеркнут горизонтальными резными линиями. Особое внимание обращает на себя грубая обработка поверхности сосуда путем обмазки глиной и вертикального заглаживания пальцами, а также орнамент в виде валика на шейке и ребре, расчлененного защипами и оттисками ногтя (рис. 43, *1*).

По определению Т. Б. Поповой, такая керамика приобретает особенно широкое распространение на позднем этапе катакомбной культуры. Ее сопровождает и новая форма металлического оружия — «кинжальчики», как их называет О. А. Кривцова-Гракова[123]. Такая форма оружия уже значительно отличается от кинжальчиков срубной и ранних форм катакомбной культуры. Они известны в очень небольшом числе, по преимуществу из Подонья, и чаще всего встречаются в комплексах катакомбной культуры.

Кинжальчик из кургана № 3 у с. Нижняя Ведуга (раскопки 1959 г.) имеет мало аналогий, близкий ему найден в кургане у станицы Нижне-Чирской (Нижний Дон) в комплексе вещей, относящихся к позднему этапу катакомбной культуры[124]. К сожалению,

---

[121] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры, стр. 30.

[122] Там же, стр. 83, рис. 18.

[123] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 140.

[124] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 139, рис. 34, 27. Об этом же кинжальчике, по-видимому, упоминается в кн.: Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры табл. VIII — верхний ряд, № 4. Там же упоминается и о втором кинжальчике, близком по форме, но с более удлиненным острием. Табл. VIII — верхний ряд, третий слева.

более точной даты не дается. О. А. Кривцова-Гракова уделила этому кинжальчику особое внимание, высказав, по нашему мнению, очень важную мысль, что такая форма кинжальчиков не может происходить от оружия срубной культуры эпохи поздней бронзы на территории Северного Причерноморья. Она считает, что скорее его следует связать с катакомбной культурой позднего этапа [125]. Если это так, то возможно также предположить, что еще более поздние кинжальчики прямолезвийной формы типа кинжала из «Широкой могилы» [126] (у с. Малая Лепетиха Херсонской области) и встречающиеся в литейных формах на территории Северного Причерноморья [127], также относятся к катакомбной культуре. Они, по-видимому, существовали одновременно с кинжальчиками срубной культуры. Поэтому такие из них, как кинжальчик из кургана № 3, могут быть одним из прототипов более поздних образцов прямолезвийного типа, датируемых первой четвертью I тысячелетия до н. э.

Подобный кинжальчик был найден Н. Е. Бранденбургом в могиле у с. Покровское бывшего Мариупольского уезда среди керамики катакомбного типа. Конец острия его несколько удлинен [128]. Еще один кинжальчик, аналогичный по форме нашему из кургана № 3, но несколько меньших размеров, найден А. Н. Москаленко в 1951 г. во впускном четвертом погребении кургана № 1 у с. Платава Репьевского района Воронежской обл. Его отличает от нашего кинжальчика лишь невысокое и тонкое ребро, идущее посередине вдоль лезвия [129]. Вместе с ножом около черепа (от костяка сохранился только череп) находился баночный сосуд без орнамента, но со сплошной штриховкой поверхности.

Автор ошибочно видит сходство этого кинжальчика с кинжальчиком, найденным М. П. Юргенсон в кургане № 8 у с. Кондрашовка. А между тем этот последний кинжальчик совершенно отличен по своей форме от кинжальчика, найденного А. Н. Москаленко. Размеры его небольшие, острие плоское, овально-листовидное [130]. По-видимому, автор не видел рисунка кинжальчика М. П. Юргенсон, а сравнение производил по небольшим его остаткам — лезвия

---

[125] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 143.

[126] В. А. Ильинская. Бондарихинская культура бронзового века. СА, 1961, вып. 1, стр. 36, рис. 6, *5*.

[127] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 139, рис. 34, *9 13, 14. 16*.

[128] А. М. Tallgren. Указ. соч., стр. 55, рис. 31, *1*. См. также: Н. Е. Бранденбург. К вопросу о каменных бабах.— Тр. VIII АС, т. III, стр. 13 и сл., табл. I—III.

[129] А. Н. Москаленко. Курган эпохи бронзы близ Платавы Воронежской обл. Тр. Воронежск. обл. краев. музея, 1960, вып. 1, стр. 90, табл. I, рис. 6 (далее — Курган эпохи бронзы...).

[130] М. П. Юргенсон. Отчеты за 1911—1913 гг. Архив ЛОИА, № 250, 1912 г., л. 56, рис. XXI.

с рукояткой, хранящегося в Воронежском областном краеведческом музее [131].

Наконец, еще один аналогичный кинжальчик был найден в кургане № 41 в урочище «Частые курганы» в комплексе с абашевской керамикой, маленьким бронзовым шилом и железным наконечником стрелы. Этот кинжальчик также имеет плоское прямолезвийное острие, завершающееся треугольником, но он менее массивный по сравнению с нашим кинжальчиком из кургана № 3 у с. Нижняя Ведуга [132].

Напомним, кстати, что как в кургане № 3 в насыпи (рис. 42, *3*, *4*, *5*), так и в кургане № 41 в урочище «Частые курганы» найдена близкая по типам керамика абашевской культуры. Это хронологически сближает названные памятники.

Чтобы закончить перечисление находок такого рода, напомним еще два любопытных факта.

Во-первых, в кургане № 3 у с. Нижняя Ведуга, описанного нами подробно, был найден сосуд — высокая с лощеной поверхностью «миска», украшенная меандровым орнаментом (рис. 42, *2*). Это необычный остроребериый сосуд срубной культуры. По форме он близок керамике абашевской культуры, а по орнаменту — андроновской керамике.

Во-вторых, в кургане № 1 у с. Платава А. Н. Москаленко обнаружила основное, грунтовое погребение № 1 в срубе с широкогорлым и высоким сосудом, который также орнаментирован по шейке меандром [133]. Этот сосуд сильно отличается от обычных остроребериых сосудов, хотя бы типа сосудов из с. Владимировка [134]. Вся остальная керамика в насыпи представлена баночными горшками с самым простым орнаментом или без него.

Нам кажется, что такое совпадение орнамента на сосудах, найденных в насыпи и грунтовой могиле, не может быть случайным, так же как не случайно и сходство кинжальчиков. Это сходство, очевидно, основано на хронологической их близости. Если исходить из того факта, что грунтовое погребение в кургане у с. Платава примерно одновременно сосуду из насыпи в кургане № 3 у с. Нижняя Ведуга, то остальные погребения в насыпи в первом кургане относятся к более позднему времени. Этому не противоречит и бедная орнаментом баночная керамика срубной культуры.

Памятникам катакомбной культуры на Среднем Дону до сих пор уделялось мало внимания, и в археологической литературе они освещены очень слабо. Достаточно сказать, что Т. Б. Попова в

---

[131] А. Н. Москаленко. Курган эпохи бронзы..., стр. 90, табл. I, рис. 7.
[132] П. Д. Либеров. Отчет... за 1959 г. Архив ИА АН СССР.
[133] А. Н. Москаленко. Курган эпохи бронзы..., стр. 90, табл. I, рис. 1.
[134] А. О. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 88, рис. 17. В. Н. Тевяшов. Отчет о раскопках в Острогожском уезде в 1900—1901 гг. Тр. ВУАК, 1902, вып. 1, стр. 93 и сл., табл. V.

специальной работе, посвященной катакомбной культуре [135], смогла указать лишь в общей форме северную и южную границы катакомбной культуры на Среднем Дону на основании двух памятников — на севере у нее отмечен как опорный пункт курганная группа у с. Кондрашовка [136], на юге — подкурганное погребение у г. Россошь [137]. Количество известных нам памятников катакомбной культуры и в настоящее время не так велико, но при тщательном изучении имеющихся материалов их количество возрастает до 20 и распространяются они по значительно более широкой территории, чем это предполагалось раньше.

Прилагаемая нами карта (рис. 44) показывает, что памятники катакомбной культуры распространены значительно севернее указанного Т. Б. Поповой пункта; они известны у Липецка и уходят далее на восток, до бассейна р. Битюг — левого притока Дона.

В районе г. Липецка в 1948—1950 гг. А. Н. Москаленко производила разведки и обнаружила ряд поселений, содержащих культурный слой с керамикой катакомбной культуры [138]. Там же были найдены и каменные топоры [139]. На основании этих находок А. Н. Москаленко расширяет северную границу катакомбной культуры до пределов г. Липецка [140]. Это положение подтверждается и рядом других находок. В частности, на левом берегу р. Дона у с. Никольское Водопьяновского района Липецкой области при разработке глиняного карьера были обнаружены и доставлены в Воронеж три лепных сосуда. Два из этих сосудов относятся к катакомбной культуре [141], а один, по-видимому, к абашевской, судя по широкогорлой и прямостенной форме горшка [142].

Обследование этой местности позволило А. Н. Москаленко прийти к заключению, что здесь имеется грунтовый могильник с погребениями катакомбной и срубной культур [143]. Однако нам кажется, что отнесение третьего сосуда к срубной культуре ошибочно, так как при проведении шурфовки этого могильника в двух местах А. Н. Москаленко обнаружила еще три сосуда, которые по своей форме, орнаменту и примеси дробленой ракушки в тесте принадлежат абашевской культуре.

---

[135] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры, стр. 83.

[136] Там же; С. Н. Замятнин. Отчет о раскопках близ г. Россоши Воронежской губернии в июне месяце 1925 г. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 47, № 3; фотоархив ЛОИА, II, 5518, № 6.

[137] Т. Б. Попова. Там же, стр. 83. М. П. Юргенсон. Отчеты за 1911—1913 гг. Архив ЛОИА АН СССР, № 250, 1912.

[138] А. Н. Москаленко. Памятники эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону. КСИА, 1952, вып. XLIII, стр. 99 и сл.; стр. 100, рис. 30. Автор, опираясь на диссертацию Г. В. Подгаецкого, говорит, что такую керамику он относил к среднедонскому варианту катакомбной культуры.

[139] Там же, стр. 102, рис. 32, *1*, *2*.

[140] Там же, стр. 103.

[141] Там же, стр. 104, рис. 33, *1*, *2*.

[142] Там же, стр. 104, рис. 33, *3*.

[143] Там же, стр. 103—105.

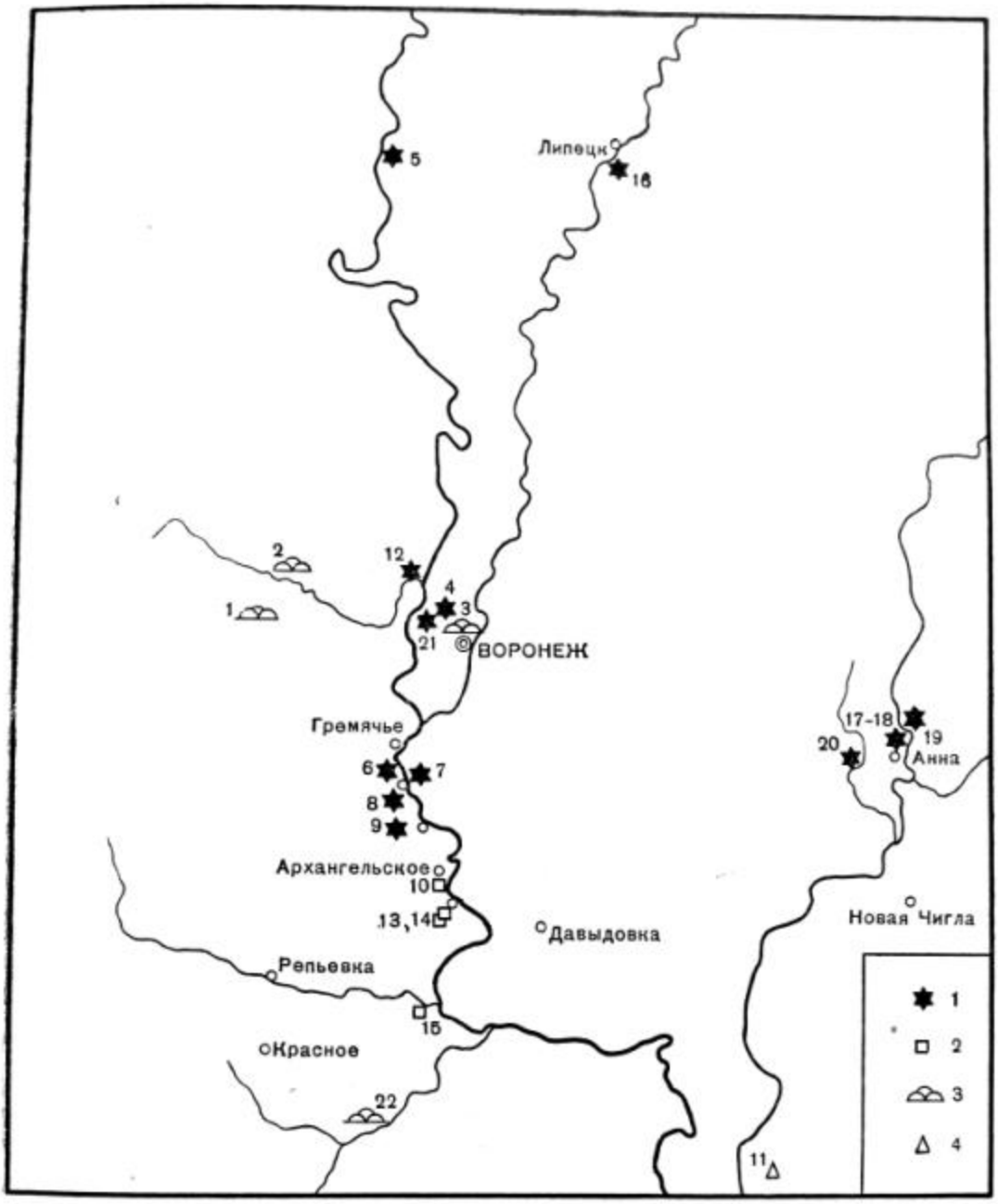


Рис. 44. Схема расположения памятников катакомбной культуры

1 — поселения; *2* — городища; *3* — курганы; *4* — случайные находки. Цифрами обозначены номера памятников

В 1948—1950 гг., в ходе разведок по правому и левому берегам р. Дона в пределах Гремяченского района Воронежской области, А. Н. Москаленко обнаружила ряд поселений с керамикой катакомбной культуры и в том числе поселение, расположенное к югу от дер. Краснопогоново, у с. Рудкино [144].

[144] Там же, стр. 105, рис. 34, и стр. 106.

В ходе обследования и раскопок городища у с. Архангельское (Голышовка) в 1949—1953 гг.[145] А. Н. Москаленко собрала значительный материал, относящийся к скифскому времени и в том числе керамику катакомбной культуры [146].

При просмотре ее коллекций нам удалось выделить значительное количество венчиков катакомбной керамики, среди которой, по-видимому, встречается керамика и более поздняя. Непосредственно на городище удалось найти обломок каменного топора [147].

В 1958 г. В. П. Левенок собрал значительное количество лепной керамики катакомбной культуры на поселении у с. Боршево [148].

Очень интересный сосуд был случайно найден в Лосевском районе Воронежской обл. (точнее неизвестно) [149]. По своей форме он совершенно сходен с одним из сосудов, найденных у с. Никольское [150]. Он имел такой же прямой и высокий, несколько отогнутый наружу венчик, выпуклые бока и плоское дно. Различие наблюдается лишь в орнаменте. Вся шейка лосевского сосуда орнаментирована тремя горизонтальными валиками с защипным орнаментом, при этом ноготь подчеркнут особенно резко. У этого сосуда по плечикам и вплоть до дна шло шесть с половиной зонально расположенных поясов орнамента из гребенчатого штампа в елочку.

Ряд поселений с керамикой катакомбной культуры был отмечен в ходе разведок Воронежской Лесостепной скифской экспедиции. Так, в 1960 г. на поселении № 1, расположенном на левом берегу р. Ведуга, в окрестностях с. Губарево, среди керамики эпохи бронзы и раннего железа попадалась катакомбная керамика [151]. Она известна также на малом городище у с. Сторожевое [152], на городище у хутора Мостище [153], расположенном на правом бурегу р. Потудань, в окрестностях с. Коротояк. На большом городище у с. Сторожевое в 1961 г. найден каменный топор-молоток [154].

---

[145] А. Н. Москаленко. Архангельское (Голышевское) городище. КСИА, 1952, вып. XLVIII, стр. 103; Она же. Некоторые итоги работ на Архангельском городище Воронежской области в 1952—1953 гг. Из истории Воронежской области. Воронеж, 1954, стр. 62 и сл.

[146] А. Н. Москаленко. Памятники эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону..., стр. 101, рис. 31, 15, 16.

[147] П. Д. Либеров. Отчет... за 1957 г. Архив ИА АН СССР; альбом, раздел I, ф. 1461, табл. V, рис. *б*, *3*.

[148] В. П. Левенок. Отчет о раскопках за 1958 г. Архив Воронежск. обл. краеведческого музея.

[149] Сосуд находится в экспозиции Исторического факультета Воронежского государственного университета. Место находки на карте дано условно.

[150] А. Н. Москаленко. Памятники эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону, стр. 104, рис. 33, *1*.

[151] П. Д. Либеров. Отчет... за 1960 г. Архив ИА АН СССР; альбом, раздел I, ф. 2118б, табл. XVII, рис. 5, *6*, *12*, *14*, *16*.

[152] П. Д. Либеров. Отчет... за 1957 г.; альбом, табл. VI, рис. 4.

[153] Там же, альбом, табл. VI, рис. 10—12, 14, 15.

[154] П. Д. Либеров. Отчет... за 1961 г. Архив ИА АН СССР; раздел I, ф. 2258а, табл. II, рис. 10, 10а.

В 1958 г. колхозники дер. Осиновка Острогожского района Воронежской области рыли траншеи для силосных ям в насыпях курганов, расположенных в пойме р. Тихая Сосна, и обнаружили погребения с керамикой. Один из сосудов прекрасной сохранности был передан в Острогожский краеведческий музей. Его форма и орнамент типичны для катакомбной культуры позднего этапа (рис. 43, *2*)[155]. Он совершенно сходен и с сосудами центрального погребения кургана № 3 у с. Нижняя Ведуга (рис. 43, *1*, *4*).

Вследствие широких разведок местного краеведа учителя географии Аннинской средней школы Григория Ивановича Корнюшина[156] и частично наших разведок в 1961—1962 гг. стало известно значительное количество поселений с керамикой катакомбной культуры в пределах Аннинского района Воронежской области. В частности, такая керамика собрана на поселениях: в урочище № 4 «Лисий бугор», у пос. Анна; № 28 у с. Садовое; № 44 у пос. Анна; № 54 у с. Левашовка и др.

Особенно выразительные обломки катакомбной керамики найдены на поселении у с. Садовое на берегу р. Битюг. Собранные обломки аналогичны многоваликовой керамике поселения у дер. Варенычевка под г. Змиев на Северном Донце[157], керамике поселения в саду им. Шевченко в г. Днепропетровске[158] и др. Такую керамику Т. Б. Попова относит к позднекатакомбному времени[159].

Таким образом, уже этот небольшой экскурс по памятникам катакомбной культуры на Среднем Дону дает ясное представление о широком ее распространении — как в территориальном, так и в хронологическом смысле. Это позволяет сделать вывод, что племена катакомбной культуры не были вытеснены пришедшими на Средний Дон племенами срубной и абашевской культур, а продолжали свое дальнейшее развитие, внося свой вклад в общее развитие культуры на более позднем этапе. А раз это так, то необходимо внести известную поправку в тезис о единой срубной культуре на Среднем Дону, выдвинутой О. А. Кривцовой-Граковой.

Из всего сказанного мы можем сделать следующие выводы относительно катакомбной культуры на Среднем Дону.

1. Катакомбная культура на Среднем Дону представляет собой один из вариантов катакомбной культуры, широко распространенной на территории степи и лесостепи востока Европейской части СССР. Современные археологические исследования позволяют видеть это сходство лишь в форме орнамента керамики, в орудиях, оружии и предмета быта, а также в погребальном обряде (ориентировка и положение костяка). Но такое сходство отсутствует в одном

[155] П. Д. Либеров. Отчет... за 1959 г. Архив ИА АН СССР; альбом, раздел I, ф. 1871а, л. 18, рис. 3.

[156] См. статью Г. И. Корнюшина в настоящем томе.

[157] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры, стр. 39, рис. 33.

[158] Там же, стр. 41, рис. 5.

[159] Там же, стр. 38.

из основных элементов этой культуры — в устройстве погребальных сооружений типа катакомб. Чем вызвано такое сходство и различие? Мы допускаем, что сходство основано на этническом родстве племен, расселившихся на огромной территории нашей страны. Но в силу различных географических и прежде всего почвенных условий эти племена вынуждены были отступить от древних традиций строить сложные погребальные сооружения в виде катакомб, которые возможны и не вызывают опасности обвалов в лёссовых отложениях или плотных глинах, но совершенно невозможны в супесчаных почвах.

2. Стратиграфия погребальных комплексов в курганах показывает, что памятники катакомбной культуры на Среднем Дону занимают самые нижние погребальные горизонты и предшествуют комплексам срубной и абашевской культур. Однако, вопреки предположениям некоторых исследователей, племена катакомбной культуры на Среднем Дону с появлением здесь населения срубной и абашевской культур не прекратили свое существование и развитие. Они, судя по изменяющимся формам сосудов и их орнаменту, оружию и погребальному обряду, развивались и дальше, вносили свой вклад в общее развитие материальной и духовной культуры общества вплоть до эпохи раннего железа.

Участие катакомбных племен в сложении культуры эпохи раннего железа особенно заметно прослеживается в ритуальном обряде. Мы имеем в виду ямки — «бофры» в могилах, а также глиняные подмазки под костяками, положение в могилы жертвенного мяса, а также традиции нанесения защипного орнамента на керамике.

3. Выше было указано, что некоторые катакомбные погребения могут быть отнесены к позднему периоду эпохи бронзы и что в насыпи курганов с основными поздними катакомбными погребениями в грунте встречаются погребения срубной культуры с керамикой, которая относится ко второму ее периоду. Это означает, что на Среднем Дону срубная культура появилась и существовала не только в первом периоде, как это утверждалось раньше [160], но продолжала свое существование во втором периоде — вплоть до эпохи поздней бронзы.

Доказательством выдвинутых положений являются раскопки последних лет, произведенные Воронежской Лесостепной скифской экспедицией [161].

---

[160] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 94.

[161] П. Д. Либеров. Отчеты о раскопках... в 1956—1958 гг. Поселения № 1 и № 4 в урочище «Частые курганы». Архив ИА АН СССР; О н ж е. Отчет о работе... 1961 г. Поселение № 3 у с. Русской Тростянки; поселение № 2 у хут. Сасовка II. Архив ИА АН СССР, раздел I, ф. 2258, стр. 38—43, 66—72; альбом, табл. XX—XXI, XXV—XXVI.

ОБ АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЕ НА СРЕДНЕМ ДОНУ

Абашевская культура получила свое название от села Абашево бывшего Чебоксарского уезда Чувашской АССР, в районе которого были обнаружены подкурганные погребения со специфическим обрядом захоронения и предметами материальной культуры [162]. За последнее время абашевская культура привлекает все более широкое внимание исследователей.

Специалисты, занимавшиеся этой культурой, высказывают ряд гипотез как о происхождении, так и об ее распространении [163]. Но чтобы решить эти вопросы, мало раскрыть идентичность памятников или, по крайней мере, минимум основных элементов сходства или различия, в которых проявляется в данном случае абашевская культура. Надо знать источники происхождения и последовательные этапы движения данной культуры в том или ином направлении. Разумеется, в этом случае необходимо учитывать изменения в самой культуре, происходившие в процессе ее развития, возможные внешние влияния, воздействовавшие на нее. В противном случае культура как целое и племена как создатели и носители ее исчезнут без следа, хотя такое «исчезновение» в большинстве случаев может быть оправдано лишь недостаточностью наших знаний. История знает немало примеров «исчезновения» культур и племен, или же таких изменений в них, которые почти равнозначны исчезновению (племена катакомбной культуры, скифы и другие).

Очевидно, что такие процессы, т. е. процессы развития и взаимовлияний, затронули и культуру абашевских племен. Иначе трудно было бы объяснить большое сходство и вместе с тем различие, которое наблюдается в отдельных периферийных районах, расположенных вдали от основного центра абашевской культуры. К одному из таких районов относится территория Среднего Дона,

---

[162] В. Ф. Смолин. Абашевский могильник в Чувашской республике. Чебоксары, 1928. П. П. Ефименко. Средневолжская экспедиция 1926—1927 гг. СГАИМК, т. II. Л., 1929. П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Абашевская культура в Поволжье. О. А. Кривцова-Гракова. Абашевский могильник (раскопки 1945 г.) КСИИМК, 1947, вып. XVII.

[163] Этому вопросу посвящен специальный сборник «Абашевская культура в Среднем Поволжье». МИА, 1961, вып. 97.

Рис. 45. Керамика из курганов с. Кондрашовка

1 — из кургана № 2 у с. Кондрашовка; *2* — курган не определен; *3* — из кургана № 1 у с. Кондрашовка (раскопки А. И. Мартиновича и А. И. Дольского)

на которой к моменту исследований Воронежской Лесостепной скифской экспедиции, начатых в 1954 г., были известны только отдельные погребения абашевской культуры. Так, например, керамика абашевского типа была известна из раскопок двух курганов, произведенных в 1888 г. Л. Б. Вейнбергом у с. Тюнино («Селище») [164].

[164] Л. Б. Вейнберг. Раскопки курганов близ гор. Задонска у с. Тюнино («Селище») в 1888 году. ЗРАО, т. VIII, вып. 1—2, 1955; Он же. Очерк замечательных древностей Воронежской губернии. Воронеж, 1891, стр. 19—20; Он же. Отчет. Архив ЛОИА, № 49, 1889. П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 87.

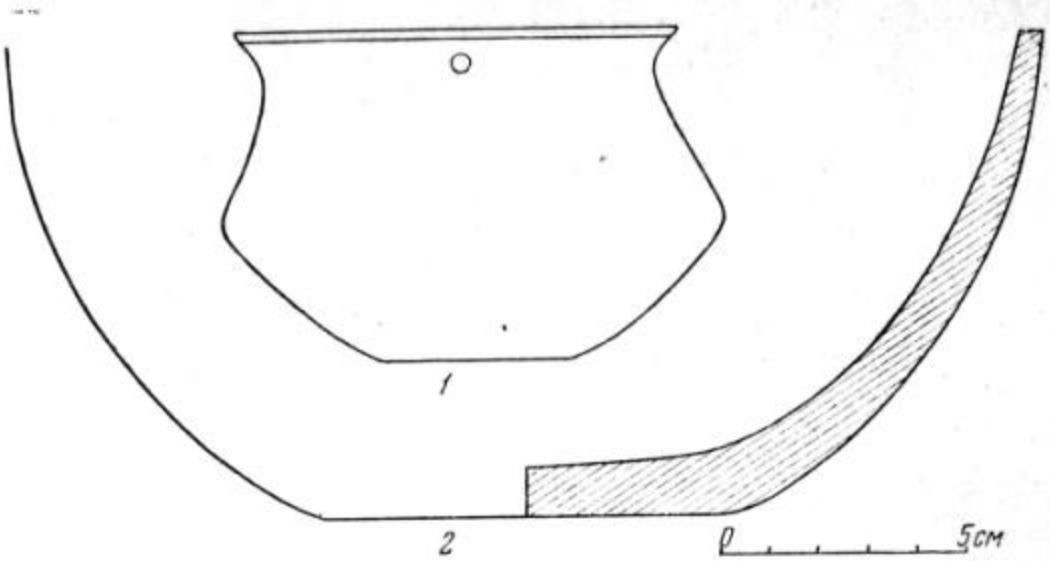


Рис. 46. Керамика из курганов у с. Марки и у с. Мастюгино

1 — сосуд из кургана близ с. Марки (раскопки В. Н. Тевяшова); *2* — сосуд из кургана № 44/13 у с. Мастюгино (раскопки П. Д. Либерова)

Там же, в 1910 г., В. Н. Глазов в двух могильниках раскопал семь курганов, давших керамику и другой материал, относящийся к абашевской культуре[165].

В 1912 г. А. И. Мартинович и А. И. Дольский произвели раскопки двух курганов у с. Кондрашовка с керамикой и другим инвентарем абашевской культуры (рис. 45)[166].

Наконец, к дореволюционному же времени относятся раскопки В. Н. Тевяшова, который в 1911 г. исследовал 11 курганов с керамикой этой же культуры в двух могильниках близ с. Марки Каменского района Воронежской области (рис. 46, *1*)[167].

Новые сведения об абашевских памятниках появились спустя 50 лет и то случайно, в результате охранных работ в карьере, расположенном к юго-западу от дер. Никольское Водопьяновского района, разрабатываемом уже с 1913 г.[168]

Отсюда еще в 1949 г. А. Н. Москаленко были доставлены три глиняных лепных сосуда, по своим формам и орнаментации принадле-

---

[165] В. Н. Глазов. Отчет о раскопках в Задонском уезде Воронежской губернии в 1910 г. Архив ЛОИА, № 68, 1910, лл. 8, 9, рис. 2—5. А. А. Иессен. Раскопки В. Н. Глазова у с. Тюнино в 1910 г. ПИДО, 1934, № 6, стр. 96 и сл. П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 88, рис. 30.

[166] М. П. Юргенсон. Отчеты за 1911—1913 гг. Архив ЛОИА АН СССР, № 250, 1912. Курган № 1—2, рис. XLIII—XLIV. А. М. Tallgren. Указ. соч., ESA, t. II, 1926, стр. 72—73, рис. 47. П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 88, рис. 31, *2*, *4*.

[167] В. Н. Тевяшов. Киммерийская эпоха в Воронежской губернии. Отчет о раскопках в 1911 г. Архив ЛОИА, ф. 47, табл. VIII, рис. 2.

[168] А. Н. Москаленко. Памятники эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону, стр. 99 и сл.

жащие катакомбной [169] и абашевской [170] культурам. При обследовании местности в 1950 г. А. Н. Москаленко не обнаружила здесь никаких признаков ни курганных насыпей, ни погребений, а шурфовка в нескольких местах, произведенная ею в 1952 г., дала лишь обломки лепной керамики, кости животных, а также отдельные лепные сосуды [171].

На основании этого обследования А. Н. Москаленко пришла к убеждению, что в эпоху бронзы здесь существовал могильник, большей частью уже разрушенный карьером. Однако нам кажется более вероятным, что здесь было поселение, поскольку она не обнаружила курганных насыпей, характерных для некрополей того времени и особенно для катакомбной культуры. А. Н. Москаленко считает, что найденная ею керамика относится к катакомбной и срубной культурам — первая более ранняя, вторая — более поздняя [172]. Действительно, среди собранного ею материала имеется катакомбная керамика; но остальной материал, в том числе и сосуды, к срубной культуре не имеют никакого отношения. По своим формам и примеси толченой ракушки в тесте эта керамика может быть отнесена к абашевской культуре.

Ошибка, которую, как мы полагаем, допустила А. Н. Москаленко, свидетельствует о том, насколько еще к моменту издания ее статьи был неясен вопрос об особенностях абашевской керамики, не говоря уже о ее наличии на Среднем Дону.

Совершенно ясно, что на основании таких скудных сведений невозможно было поставить вопрос ни о происхождении абашевской культуры, ни о ее развитии на территории Среднего Дона.

Только более широкое обследование и раскопки памятников эпохи бронзы позволили приоткрыть завесу, за которой скрывался факт существования на Среднем Дону племен абашевской культуры.

Следует заметить, что находки керамики и других вещей абашевской культуры в курганах и на поселениях в урочище «Частые курганы» послужили серьезным стимулом к постановке более широких поисков памятников этой культуры, позволили провести сравнительный анализ памятников разных культур, существовавших в эпоху бронзы на Среднем Дону, и в общих чертах определить хронологическое время абашевской культуры. С этой целью были произведены раскопки поселения № 8 у с. Вознесенка Семилукского района Воронежской области. Поселение расположено в верхнем конце села, в том месте, где река Ведуга, подойдя к правому коренному берегу, поворачивает в пойму и образует излучину (рис. 47).

---

[169] А. Н. Москаленко. Памятники эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону, стр. 104, рис. 33, *1*, *2*.

[170] Там же, рис. 33, *3*.

[171] Там же, рис. 33, *4*, *5*.

[172] Там же, рис. 33, *1*, *2* (катакомбная керамика), рис. 33, *3*, *4*, *5* (срубная керамика).

Правый берег р. Ведуга там, где расположено поселение, немного возвышается над левым берегом и заливается весенними водами только в самое большое половодье. Летом в сухую погоду уровень воды р. Ведуга понижается на 3—4 м от поверхности поселения.

Рис. 47. Поселение № 8 у с. Вознесенка. Карта

Поселение было обнаружено в ходе разведки в 1960 г.[173] по фрагментам лепной керамики, лежавшей в срезе размытого рекой берега, на протяжении до 50 м. На поверхности поселения никаких следов керамики не было найдено. По собранным фрагментам в это время трудно было решить, с памятником какого типа мы имеем дело, так как обломки древней посуды были аморфны (рис. 48, *1*, *5*). Однако необычность формы и иногда орнамента, а также наличие примеси толченой ракушки в тесте некоторых фрагментов позволили усомниться в принадлежности их к срубной культуре; имелись некоторые основания предполагать их абашевское происхождение. Поэтому в 1961 г. здесь была произведена шурфовка. В результате был собран значительный керамический материал и среди него выявились новые типы керамики, не характерные для срубной культуры, но по примеси толченой ракушки в тесте близкие к абашевской керамике (рис. 48, *2—4*, *6—9*)[174]. Однако и тогда, в 1961 г., в ходе обсуждения результатов наших раскопок на Секторе скифо-сарматской археологии ИА АН СССР, высказывались сомнения относительно абашевской принадлежности памятника. Только в 1962 г., когда были предприняты более основательные раскопки[175], был получен большой археологический материал, который привел к положительным результатам[176].

На поселении было заложено два раскопа (рис. 49), которые показали, что толщина культурного слоя достигала 1—1,4 м без каких-либо признаков прослоек[177]. Такая толщина культурных

---

[173] П. Д. Либеров. Отчет... за 1960 г. Архив ИА АН СССР.

[174] П. Д. Либеров. Отчет... за 1961 г. Архив ИА АН СССР.

[175] Раскопками руководил лаборант института В. И. Гуляев, при участии студента МГУ Б. Помаскина.

[176] П. Д. Либеров. Отчет... за 1962 г. Архив ИА АН СССР.

[177] На высоком кряже имеется небольшая группа курганов. Учитывая важность поселения в археологическом отношении, следует продолжить раскопки.

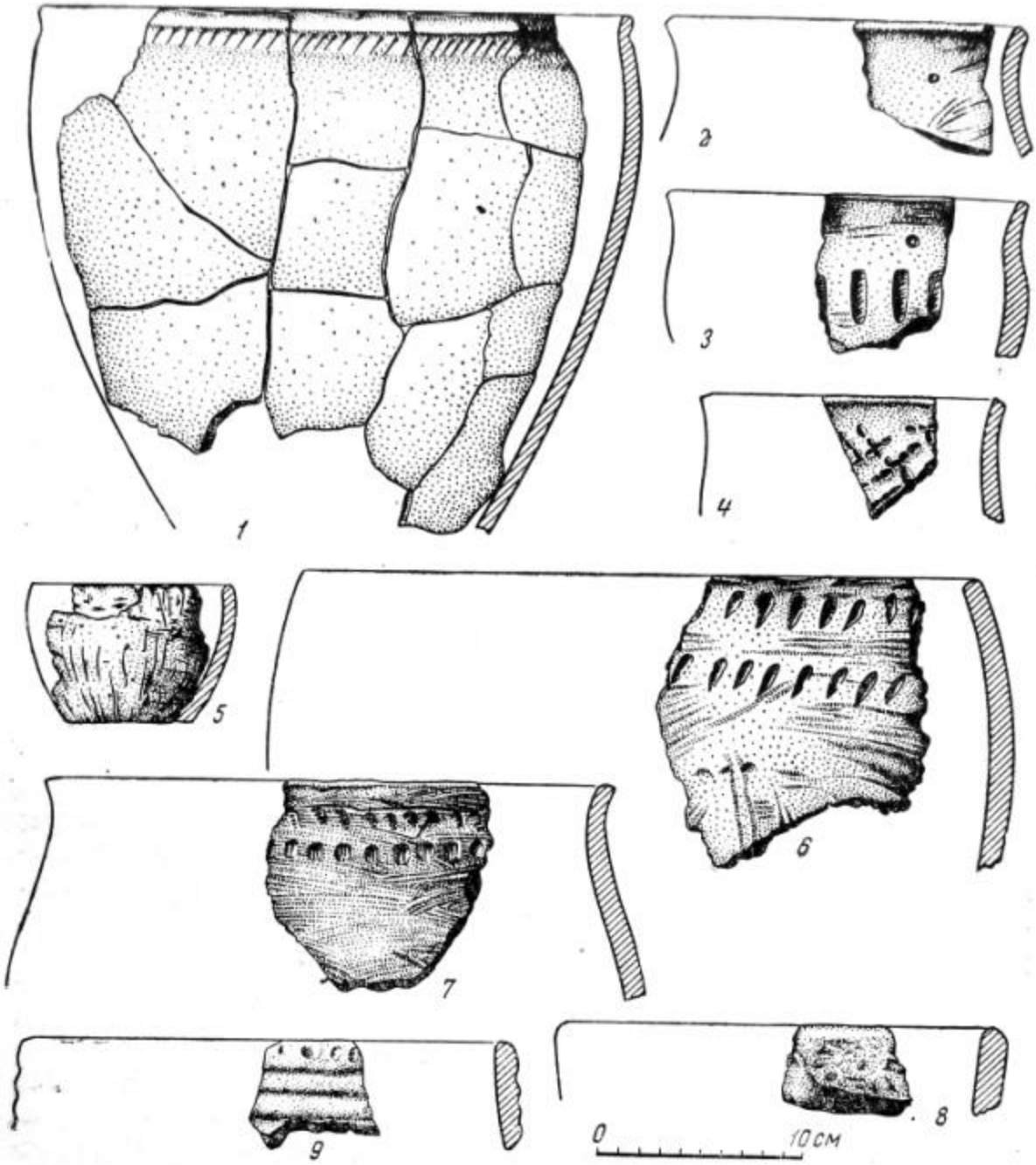


Рис. 48. Керамика с поселения № 8 у с. Вознесенка

отложений, как нам кажется, объясняется периодическими наносами песка во время половодья, перемешивавшегося еще в период жизни на поселении с остатками деятельности людей.

В интересах наглядности мы свели результаты раскопок в одну таблицу, которая дает ясное представление о насыщенности культурного слоя. Табл. 5 показывает, что в культурном слое имеется два вида керамики: круговая, современная (XX в.), не представляющая археологического интереса, и лепная керамика, относящаяся к основному слою памятника — к эпохе бронзы.

Круговая керамика, обломки стеклянных и металлических изделий появляются уже на глубине первого штыка (0,2 м). Наибольшее количество таких находок обнаружено во втором штыке, а на глубине третьего штыка они отсутствуют вовсе. И, наоборот, лепная керамика в первом штыке встречается в единичных экземплярах, во втором штыке находки ее значительно увеличиваются и идут вплоть до глубины четвертого штыка, затем количество такой керамики также уменьшается.

Таким образом, мы видим, что лепная керамика попала в верхний слой главным образом в результате позднейшего перемещения, а наибольшая интенсивность жизни на поселении в эпоху бронзы ощущается на последнем его этапе.

Вся найденная керамика может быть разделена на несколько основных типов и на отдельные их варианты.

Т и п 1 керамики на рисунке представлен двумя фрагментами венчиков. Это небольшие, самые типичные для абашевской культуры остроребериые сосуды, у которых ребро находится чуть ниже половины сосуда (рис. 50, *1*, *2*). Венчик сосуда немного отогнут наружу, горло у него широкое, но диаметр горла намного меньше, чем диаметр сосуда на месте перегиба; дно сосуда очень небольшое. Один сосуд орнаментирован на шейке венчика и над ребром

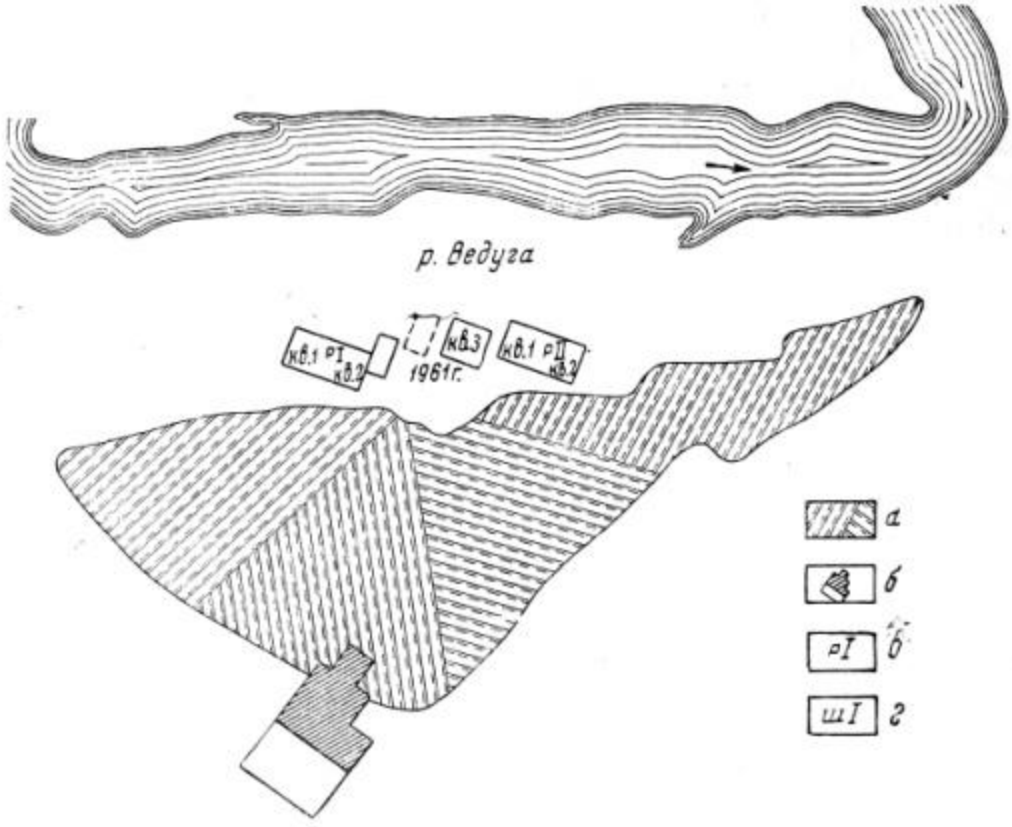


Рис. 49. План расположения поселения № 8 у с. Вознесенка

а — пашня; *б* — дом; *в* — раскоп; *г* — шурф

Таблица 5

Находки на поселении у с. Вознесенка

Глубина, в штыках	Круговая керамика			Лепная керамика			Кости животных	Глиняные поделки	Костяные поделки	Кремень (отщеп)
	венчики	стенки	днища	венчики	стенки	днища				
1	11	81	2	1*/1	5/5	—	23	—	—	—
2	29	243	26	5/4	54/12	2/2	214/29	—	—	—
3	4	48	—	21/21	185/44	4/4	669/117	—	2/2	1
4	—	1	—	50/47	252/76	15/12	937/176	—	4/4	—
5	—	—	—	19/19	116/82	6/6	526/99	1/1	—	—
6	—	—	—	12/12	54/37	8/8	156/38	1/1	—	—
7	—	—	—	—	4/4	1/1	25/4	—	1/1	—
Яма	—	—	—	6/6	16/16	2/2	15	—	—	—
Итого	44	373	28	114/99	581/271	38/35	2544/463	2/2	7/7	1

* В числителе дано общее количество находок, в знаменателе — количество взятых находок.

неглубокими горизонтально расположенными резными полосками по три в ряд. Плечики между полосками украшены резными треугольниками, также по три в ряд, вершинами вверх и вниз. Ниже ребра резные полоски составляют подобные треугольники. Сосудик имеет примесь толченой ракушки. Поверхность его гладкая, окраска серая с желтыми пятнами.

Второй сосудик имеет более тонкие стенки. Поверхность у него гладкая, темно-серая, в изломе черная, мелкозернистая. Орнамент — в виде отдельных оттисков кружочков. Тесто без примеси.

Тип 2 керамики представляет целую серию профилированных сосудов разных вариантов.

К первому варианту этого типа могут быть отнесены сосуды с мягко изогнутой шейкой (рис. 48, *1*, *2—4*, *7*). Обрез венчиков этих сосудов оформлен неодинаково (рис. 50, *3*, *12*; рис. 51, *1*, *2*, *3*, *8*, *9*,

Рис. 50. Керамика с поселения № 8 у с. Вознесенка

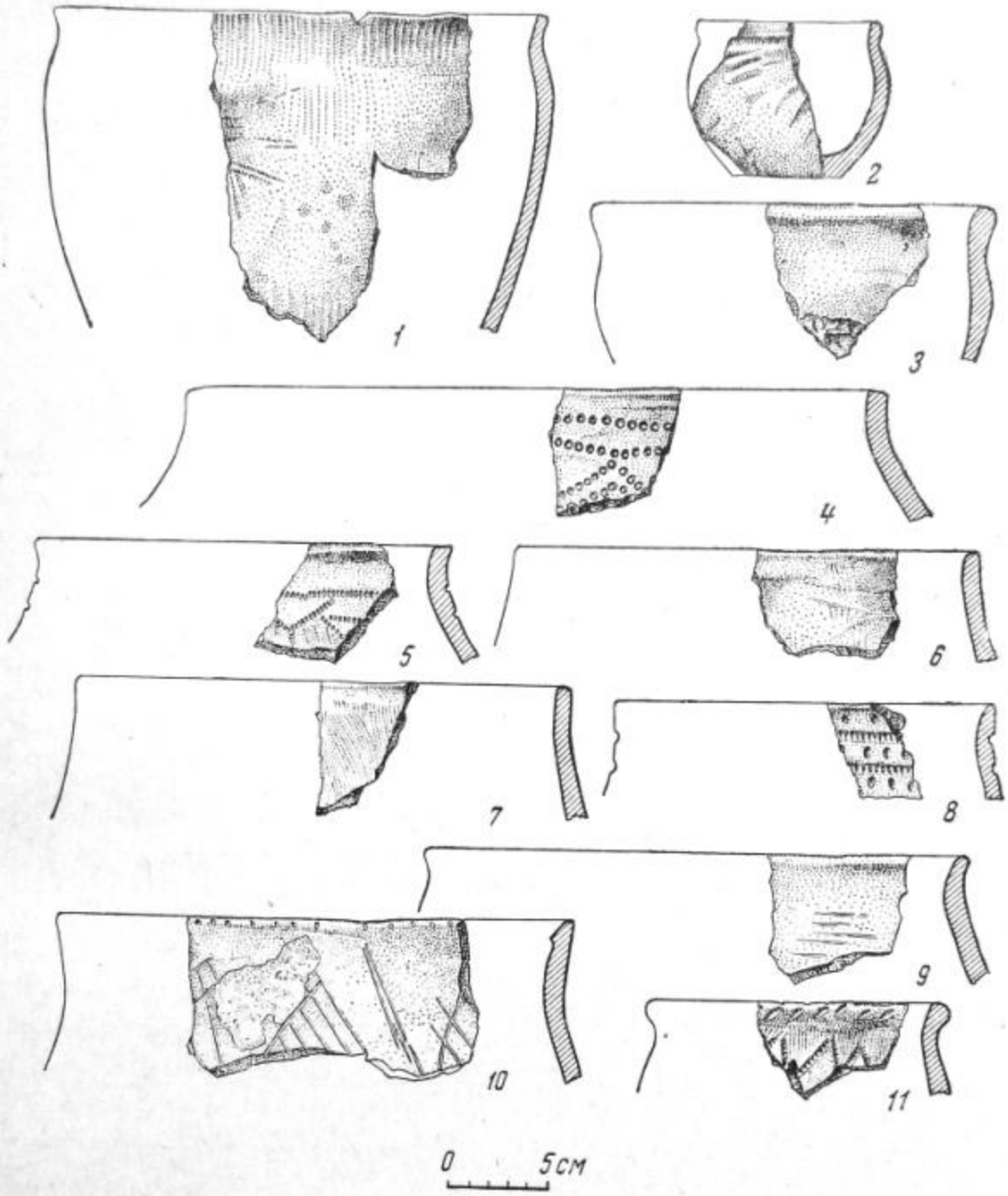


Рис. 51. Керамика с поселения № 8 у с. Вознесенка

10, *11*): у одних сосудов он утолщен и закруглен, у других — уплощен, у третьих обрез венчика заострен и тогда с внутренней стороны он имеет небольшой уступ (рис. 51, *10*).

Ко второму варианту принадлежат сосуды, венчик которых под тупым закругленным углом отогнут наружу, а шейка почти отсутствует (рис. 50, *4—8*, *10*, *11*). Венчики сосудов этого варианта оформ-

лены также по-разному: одни прямые и по толщине одинаковы со стенками сосуда (рис. 50, *4*, *8*, *10*, *11*), другие также прямые или изогнутые, так что образуют утолщенное ребро на внутренней стенке в месте изгиба, а стенки венчика значительно толще стенок сосуда (рис. 50, *5*, *6*, *7*).

Три четверти керамики этого (второго) типа, представленной в рисунках, имеет примесь толченой ракушки в тесте (рис. 48, *2*, *3*, рис. 50, *4—7*, *11*; рис. 51, *3*, *10*).

Тип 3 керамики представлен несколько меньшим количеством венчиков, чем второй. Это боченковидные, иногда больших размеров, сосуды, у которых совершенно отсутствует или почти отсутствует шейка, а венчик от тулова загнут внутрь или несколько выпрямлен относительно тулова (рис. 50, *19*; рис. 51, *4—7*; рис. 48, *5*, *6*). Половина этой керамики также имеет примесь толченой ракушки (рис. 50, *4—6*).

Тип 4 керамики представляет довольно многочисленную группу баночной керамики с прямыми или немного выпуклыми (бочковидными) стенками. Некоторые венчики этих сосудов вместе со стенками загнуты внутрь, а обрез венчика скошен или утолщен. Общим для всей этой группы является то, что венчик совершенно не выделяется от стенок (рис. 48, *5*, *6*, *8*, *9*; рис. 50, *15—18*, *20*, *21*). Значительная часть керамики имеет примесь толченой ракушки (рис. 48, *8*, *9*; рис. 50, *15*, *16*, *20*, *21*).

Тип 5 керамики представлен конусовидной керамикой. Она немногочисленна. Диаметр горла в сосудах этого типа значительно шире тулова, а тулово от венчика сходит вниз на конус (рис. 50, *22*, *23*). Поверхность сосудов желтая, гладкая, на обороте темно-серая, в изломе темно-серая или черная, в тесте имеется большая примесь крупнотолченой ракушки.

Тип 6 керамики состоит из больших и мелких мисок, близких по форме. Среди керамики поселения найдены только три таких миски. Одна — крупного размера — по своей форме близка к мискам эпохи раннего железа; венчик ее немного загнут внутрь, бока круто опускаются ко дну (рис. 50, *13*). Поверхность ее темно-серая с желтыми пятнами, имеет следы штриховки, примесь ракушек в тесте незаметна. Вторая миска (рис. 50, *9*) имеет вид широкогорлого сосуда с резко откинутым наружу венчиком и напоминает мелкий конусовидный сосуд. Она представляет прототип мисок эпохи раннего железа. Поверхность ее серая, желтовато-серая, обе стороны заглажены штриховкой, в изломе глина черная, по-видимому, в ней имеется примесь дресвы. И, наконец, обломок третьего сосуда представляет глубокую миску с сильно отогнутыми наружу стенками и утолщенным венчиком (рис. 50, *14*). В тесте сосуда имеется примесь толченой ракушки.

Некоторый интерес представляют найденные на поселении обломки днищ. Из 39 взятых фрагментов днищ удалось отобрать и зарисовать только 13 (рис. 52). Среди них, судя по форме, имеются

днища обычных горшков, мисок и банкообразных сосудов и только некоторые имеют уже определившийся рантик и поддон (рис. 52, *2—4*). Наличие таких деталей, как рантик и поддон у абашевской керамики полностью не исключается и может быть объяснено более поздним происхождением памятника. В частности, фрагмент днища, изображенный на рис. 52, *2*, относится к позднему времени существования поселения, судя по тому, что он найден на глубине второго штыка культурного слоя. Не может быть датировано ранним временем и днище, изображенное на рис. 52, *3*, которое найдено на глубине четвертого штыка.

Следовательно, типы днищ также не противоречат тому, что поселение может быть связано с абашевской культурой. Если сравним днище этого поселения с днищами поселений № 3 у с. Русская Тростянка и № 2 у хут. Сасовка II, относящихся к срубной культуре эпохи поздней бронзы, то мы наглядно убедимся в существенной разнице между ними. По форме днища срубной посуды не имеют следов уплощенности и чаще встречаются с выраженным рантиком.

Изучение керамики поселения № 8 у с. Вознесенка по цвету поверхности, орнаменту и примесям в тесте привело к следующим результатам [178]. По цвету на 157 изученных фрагментов приходится: с желтой поверхностью — 78, или 50,0%; с желто-серой — 5, или 3,2%; с серой — 29, или 18,5%; с желто-красной —17, или 10,8%; с красной — 19, или 12,0%; с коричневой—6, или 3,7%; с розовой — 1, или 0,6%; с темно-серой — 1, или 0,6%; с черной — 1, или 0,6%.

По орнаменту на 161 изученный фрагмент приходится: с штрихованной поверхностью — 76 фрагментов, или 47,2%; с штриховкой и штампом — 3 фрагмента, или 1,9%; с защипами пальцем — 1 фрагмент, или 0,6%; с резным штампом — 3, или 1,9%; с зубчатым штампом — 1, или 0,6%; с наколами — 2, или 1,2%; с наколами и штриховкой — 3, или 1,9%; с крупнозубчатым штампом — 3, или 1,9%; с рифлением — 2, или 1,2%; без орнамента — 67 фрагментов, или 41,6%.

По примеси в тесте сосудов — на 158 изученных фрагментов приходится: с толченой раковиной — 48, или 30,3%; с шамотом — 59, или 37,2%; с дресвой — 9, или 6,0%; с шамотом и дресвой — 1, или 0,6%; без примеси — 41 фрагмент, или 25,9%.

В таблице, помещенной ниже, чтобы получить более выразительные данные о примесях в тесте и на большем материале, мы взяли 304 фрагмента с трех квадратов второго раскопа, разбили их по штыкам.

---

[178] Для характеристики керамики по цвету, орнаменту и примеси в тесте мы взяли материал только одного квадрата раскопа № 2, состоящий из 161 фрагмента. Для проверки данных по примеси в тесте сосудов отдельно сделана дополнительная таблица, в которую вошли материалы всех трех квадратов того же второго раскопа.

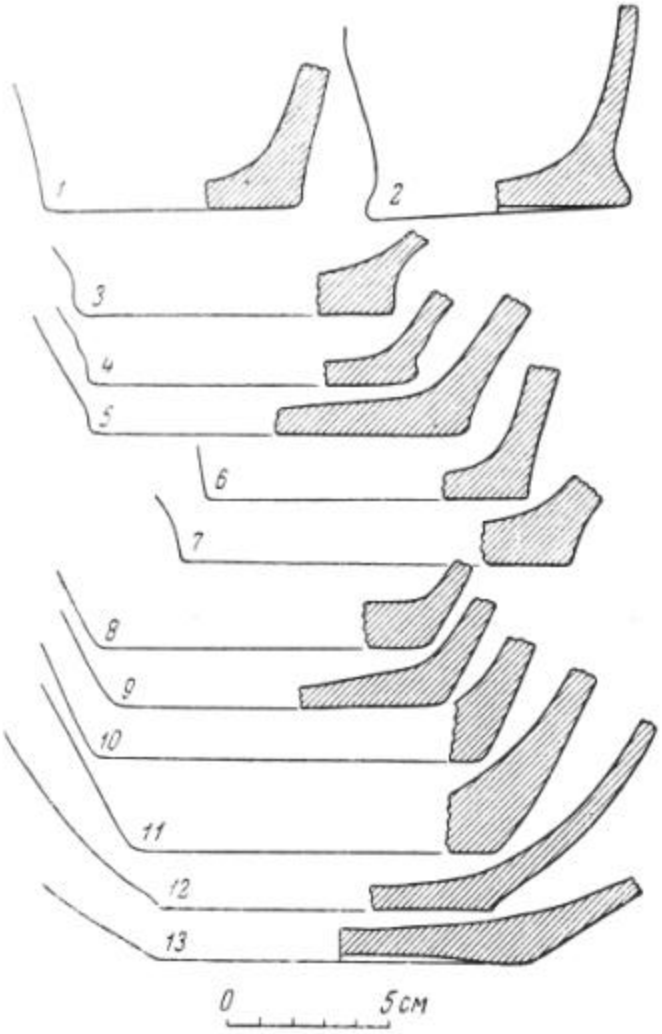


Рис. 52. Днища от сосудов с поселения № 8 у с. Вознесенка

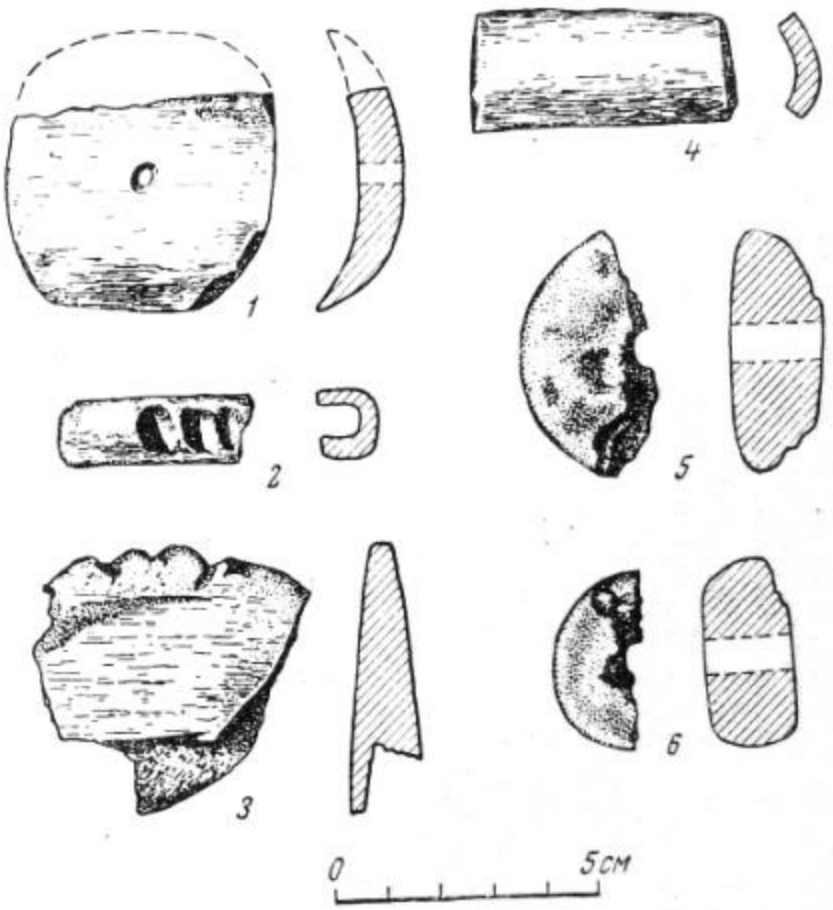


Рис. 53. Вещи с поселения № 8 у с. Вознесенка

1—4 — костяные поделки; *5, 6* — глиняные поделки

Таблица 6

Разбивка керамики по примесям в тесте

Глубина в штыках	Толченая ракушка	Шамот и дресва	Шамот	Песок	Дресва	Меловая крошка	Без примеси	Всего
2	1 * / 20,0	1 / 20,0	1 / 20,0	—	—	—	2 / 40	5
3	4 / 29,0	—	9 / 64,0	—	—	—	1 / 7	14
4	38 / 35,5	—	31 / 29,0	2	4 / 6,5	1	31 / 29,0	107
5	36 / 40	—	21 / 23,3	—	3 / 4,5	1	29 / 32,2	90
6	29 / 36,0	1	33 / 39,7	—	6 / 7,2	1	13 / 15,6	83
7	2 / 40,0	—	3 / 60,0	—	—	—	—	5
Итого	110 / 36,6	2 / 0,6	98 / 32,2	2 / 0,6	13 / 4,3	3 / 1,0	76 / 25,0	304 / 100

* В числителе дано количество взятых предметов для исчисления, в знаменателе — процентное соотношение к общему количеству взятых предметов по штыкам

Таким образом, мы не видим сколько-нибудь серьезных расхождений в данных таблиц, соотношение разных видов примеси остается почти одинаковым.

Подводя итог всему сказанному в отношении керамики, мы приходим к следующим выводам: керамический комплекс поселения, несмотря на фрагментарность материала, не оставляет сомнений в том, что большая часть его имеет прямое отношение к абашевской культуре. Абашевской представляется нам керамика 1-го типа, второго варианта 2-го типа, 5-го и отчасти 6-го типов. Остальные типы керамики или их варианты, как нам кажется, развились с течением времени самостоятельно или под влиянием других культур. В частности, можно допустить, что за счет влияния срубной культуры могла появиться керамика первого варианта второго типа с мягко профилированным венчиком. Однако несомненным остается тот факт, что все перечисленные выше типы керамики представляют один комплекс.

Обратим внимание и на некоторые другие особенности керамики. По цвету поверхности обломков посуды наблюдается

абсолютное преобладание желтого цвета (50%), довольно много керамики с красной поверхностью (12%) и около 20% сосудов с серой поверхностью. Сопоставление этих данных с данными по керамике поселения № 2 у хутора Сасовка II, относящейся в основном к срубной культуре позднего этапа, позволяет прийти к заключению, что срубная керамика по цвету поверхности отлична от керамики абашевской культуры. В ней преобладает поверхность серых тонов, а желтый цвет занимает лишь 34,4% и совершенно отсутствуют желто-красный и красный цвета поверхности.

Орнамент керамики поселения у с. Вознесенка значительно беднее, чем декор срубной керамики поселения № 2 у хутора Сасовка II.

Не менее интересные сравнительные данные дает материал по различным примесям в тесте сосудов. На поселении у с. Вознесенка 75% керамики содержит различную примесь и только 25% ее без примеси, тогда как на поселении № 2 у хут. Сасовка II 87% керамики без примеси и только 13% с примесью. И далее, если на поселении у с. Вознесенка толченая ракушка в примеси преобладает, то на поселении № 2 у хут. Сасовка II она совершенно отсутствует.

Таким образом, сопоставление керамики двух поселений, относящихся к разным культурам, приводит к выявлению важных особенностей, характерных для срубной и абашевской керамики на территории Среднего Дона.

Кроме керамики, на поселении у с. Вознесенка были найдены в небольшом количестве и другие предметы быта. Среди них имеется четыре костяных поделки неясного назначения со следами обработки — зарубок и спиливания (рис. 53, *1—4*) и два обломка глиняных грузил или пряслиц (рис. 53, *5*, *6*). Один из костяных предметов представляет некоторый интерес. Это круглый предмет (рис. 53, *1*) с отверстием в середине. Обработка края этой вещи производилась путем стесывания. Однако назначение его загадочно.

Глиняные грузильца обычны для памятников эпохи поздней бронзы. Аналогичные два обломка были найдены и на поселении № 2 у хут. Сасовка II.

Особенно много на поселении у с. Вознесенка встречается костей животных (свыше 2500 обломков). Они были очень мелко раздроблены. Из них В. И. Цалкиным было определено 555. Приводим результаты его исследований: кости крупного рогатого скота принадлежали 14 особям, или 46,7% общего количества особей; кости мелкого рогатого скота — 5 особям, или 16,7%; кости свиньи — 7 особям, или 23,3%; наконец, кости лошади — 4 особям, или 13,3%.

Эти данные, взятые сами по себе, маловыразительны. Поэтому попытаемся сравнить их с данными определений остеологического материала из других памятников эпохи бронзы.

Ниже приводится сравнительная табл. 7 определений костей животных из поселения у с. Монастырщина (раскопки Г. В. Подгаецкого в 1936 г.), поселения № 2 у хут. Сасовка II (раскопки 1961 г.) и поселения № 1 у с. Подгорное (раскопки 1957—1958 гг.) [179].

Таблица 7

Сравнительная таблица определения костей животных

Вид животного	Монастырщина		хут. Сасовка II		с. Подгорное	
	особи	%	особи	%	особи	%
Крупный рогатый скот .	36	50,7	22	50,0	10	52,7
Мелкий рогатый скот . .	14	19,7	7	15,8	3	16,0
Свинья	15	21,1	7	15,8	1	5,0
Лошадь	6	8,5	8	18,4	5	26,3
Итого	71	100	44	100	19	100

Несмотря на то, что в таблицах нашел отражение небольшой материал, требующий вследствие этого соответствующей осторожности в выводах, приведенные данные достаточно убедительно подчеркивают последовательность увеличения или уменьшения роли домашних животных в хозяйстве древних племен.

Известно, что наличие костей свиньи на поселениях позволяет считать племена оседлыми, а форму скотоводства — пастушеской. Однако степень развития такого скотоводства, как показывает остеологический материал, была неодинакова.

По мере уменьшения роли свиньи в хозяйстве жителей поселений у хут. Сасовка II и с. Подгорное, по сравнению с поселением Монастырщина, увеличивается роль лошади. Это означает, что скотоводческое хозяйство становится более подвижным и тем самым подготавливаются условия для перехода от оседлого образа жизни к кочевому, реальные условия которого в пределах Евразии создались к концу эпохи бронзы (увеличение лошадей в стаде прежде всего).

Исходя из остеологического материала, рассмотренного выше, можно поставить вопрос о месте в системе древней экономики, которое занимает поселение № 8 у с. Вознесенка. В самом деле, поселение № 8 у с. Вознесенка, как было установлено, относится к кругу памятников абашевской культуры, которая появляется здесь после срубной культуры не с юга, а с севера, где имеются более ранние и ближайшие аналогии. И если это так, что и соответствующие элементы экономики этой культуры должны стоять ближе к северным, лесным районам.

[179] Поселения принадлежат к различным периодам эпохи бронзы.

К сожалению, мы не знаем остеологического материала поселений абашевской культуры в лесных и лесостепных районах. Однако видовое различие остеологического материала, мы имеем в виду преобладание крупного рогатого скота и свиньи над мелким рогатым скотом и лошадью, на нашем поселении сравнительно с поселениями, стоящими ближе к срубной культуре, позволяет нам сближать его именно с северными памятниками.

Здесь мы должны оговориться, что этот вывод касается только памятников эпохи бронзы, т. е. того периода, когда происходит становление скотоводческого хозяйства. В эпоху раннего железа это соотношение несколько изменяется. Но и в это время в северных районах свинья занимает одно из ведущих мест в стаде. В частности, в памятниках ананьинской культуры кости свиньи занимают 29,3%, лошади — 30%, крупного рогатого скота — 30% (остеологический материал отобран по ряду городищ). На поселении «Красный холм» около Ярославля свинья занимает 42,4%, лошадь 21,2% и только по 9,2% падает на крупный и мелкий рогатый скот [180].

Спрашивается, когда и почему происходил процесс движения племен абашевской культуры в южном направлении? Из этого вопроса вытекает второй: как датируется поселение № 8 у с. Вознесенка?

В связи с недостаточностью материала для датировки памятников абашевской культуры на Среднем Дону, поскольку исследования находятся в начальной стадии, мы вынуждены ограничиться некоторыми сопоставлениями, позволяющими лишь наметить такую датировку.

Мы полагаем, что наиболее ранними памятниками абашевской культуры на Среднем Дону является керамика, найденная Л. Б. Вейнбергом в 1888 г. [181] и В. Н. Глазовым в 1910 г. [182] у с. Тюнино. Круглодонные сосуды этих погребений действительно близки сосудам абашевской культуры Правобережного Поволжья, которые, по А. Х. Халикову, датируются третьей четвертью II тысячелетия до н. э. [183], а, по некоторым данным, расцвет культуры относится к середине II тысячелетия до н. э. [184]

Не оспаривая указанную дату, мы хотели бы все же отметить, что среди круглодонной керамики, открытой В. Н. Глазовым,

---

[180] А. В. Збруева. История населения Прикамья в Ананьинскую эпоху. МИА, 1952, вып. 30, стр. 49. П. Н. Третьяков. Работы на строительстве Ярославской гидроэлектростанции (Средволгострой). «Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг.», вып. 1. М.— Л., 1935, стр. 114.

[181] Л. Б. Вейнберг. Раскопки курганов близ гор. Задонска у с. Тюнино («Селище») в 1888 г.

[182] В. Н. Глазов. Отчет о раскопках в Задонском уезде Воронежской губернии 1910 г.

[183] А. Х. Халиков. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР, стр. 226.

[184] П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 89.

имеется оригинальный сосуд типа вазы с поддоном [185], который не похож на обычную круглодонную керамику. Он не встречается в керамике Среднего Поволжья, хотя количество исследованных памятников на этой территории настолько значительно, что не идет ни в какое сравнение с исследованными памятниками Среднего Дона. Нам кажется, что названный сосуд хронологически является более поздним и потому не может быть исходным для датировки поволжской керамики, а также для выведения абашевской культуры из южных районов, т. е. с территории северных районов ямной культуры.

А. Х. Халиков упоминает в своей работе керамику, найденную у с. Никольское и опубликованную А. Н. Москаленко [186]. Основываясь на том, что абашевская керамика этого памятника [187] встречается вместе с керамикой катакомбной [188], он датировал ее первой половиной II тысячелетия до н. э. Такая столь ранняя дата абашевской керамики послужила автору основанием для весьма серьезного вывода о том, что абашевские племена двигались из южных районов на север и северо-восток [189].

Но на каком основании, какие данные использованы для установления такой датировки, автор не указывает. Более того, в эту же раннюю группу им отнесены и находки из кургана № 41 в урочище «Частые курганы» (рис. 8, *1—3*, рис. 9, *2—8*).

Нам кажется, что автор глубоко ошибается, когда на основании указанных находок пытается доказать южное происхождение абашевцев. Именно эти находки доказывают совершенно обратное. Обратимся к фактам, полученным в результате наших раскопок.

Отметим прежде всего что раскопки поселения № 8 у с. Вознесенка дали не только обычные типы керамики, известные из погребальных комплексов абашевской культуры, но и совершенно новые, существование которых раньше мы не предполагали. В этом отношении Н. Я. Мерперт был совершенно прав, когда говорил, что погребальные комплексы не дают полного представления об абашевской керамике и что с исследованием поселений этот комплекс значительно пополнится [190].

Почему нельзя согласиться с выводами А. Х. Халикова? Прежде всего потому, что катакомбные сосуды, найденные у с. Никольское, не могут быть датированы столь ранним временем, так как они имеют некоторые поздние орнаментальные элементы: защип пальцем, треугольники и проч. Датировка этой керамики середи-

[185] П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 88, рис. 30, *1*.

[186] А. Х. Халиков. Указ. соч., стр. 225. См. также: А. Н. Москаленко. Памятники эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону, стр. 104.

[187] А. Н. Москаленко. Памятники эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону, стр. 104, рис. 33, *3—5*.

[188] Там же, стр. 104, рис. 33, *1, 2*.

[189] А. Х. Халиков. Указ. соч., стр. 225.

[190] Н. Я. Мерперт. Указ. соч., стр. 153—154.

ной второго тысячелетия вытекает из ошибочного представления о раннем исчезновении катакомбной культуры на Среднем Дону, представления, основанного на недостаточном знании памятников. Раскопки последних лет показали, что катакомбная культура не только не была вытеснена срубной культурой, как это предполагалось раньше, но существовала до эпохи поздней бронзы. Не могут быть датированы этим временем и абашевские сосуды, хотя бы в силу того, что все они имеют плоское или сильно уплощенное дно, и все они бедны орнаментом, что характерно прежде всего для позднего времени.

Глубоко неверно включать в названную группу памятники и вещи из кургана № 41 в урочище «Частые курганы». О датировке этих находок мы уже ранее говорили. Здесь напомним только, что в этом кургане наряду с керамикой найден бронзовый обоюдоострый ножичек, форма которого позволяет датировать этот комплекс поздним периодом эпохи бронзы.

Возьмем еще один факт. В 1959 г. в насыпи кургана № 3 у с. Нижняя Ведуга были найдены обломки венчика большого лепного сосуда (рис. 42, *3—5*) с примесью толченой раковины в тесте. Форма и орнамент сосуда, а также примесь в его тесте сходны с большим сосудом из кургана № 41 в урочище «Частые курганы» (рис. 8, *1*).

Такое сходство не случайно, так как в насыпи этого кургана найдены и другие сосуды абашевского типа, один из которых украшен прекрасным меандровым орнаментом, нанесенным гребенчатым штампом и указывающим, по-видимому, на связи с андроновской культурой, ее позднего варианта. Между тем основные грунтовые погребения этого кургана дали катакомбную керамику позднего периода. Исходя из сказанного, можно считать, что абашевская керамика из кургана № 41 не может быть ранней, но должна относиться именно к позднему времени. Стало быть, и остроребериый сосудик абашевского типа из этого же кургана относится к тому же, более позднему, времени (рис. 8, *3*). Ближайшей аналогией этому сосудику являются сосуды из группы волго-вятского этапа абашевской культуры [191] и особенно близко к нему стоят сосуды магнитогорской группы [192]. Следовательно, и эти аналогии дают позднюю, но не раннюю дату памятников абашевской культуры.

При анализе типов керамики поселения № 8 у с. Вознесенка были выделены маленькие остроребериые сосудики (тип 1). Один из них был найден во втором штыке культурного слоя (рис. 50, *1*), другой (рис. 50, *2*)—в четвертом штыке второго раскопа, почти в самом верхнем горизонте культурного слоя, так как лепная керамика в этом раскопе появилась только в третьем штыке. Это значит, что

---

[191] А. Х. Халиков. Указ. соч., табл. XIII, рис. 18.

[192] К. В. Сальников. Абашевская культура на Южном Урале, стр. 80, рис. 24 и 27.

по условиям такая керамика не может быть ранней, что не противоречит дате, установленной для курганной керамики. Интересно, что колоколовидные сосуды (рис. 50, *22*, *23*) были найдены также не глубже четвертого штыка.

Для установления хронологии поселения у № 8 у с. Вознесенка имеет существенное значение и форма днищ.

Для абашевской керамики характерно большей частью шаровидное дно, реже — уплощенное или плоское и только изредка с поддоном. Днища же керамики из поселения № 8 являются, как правило, плоскими, иногда с рантиком и нечасто уплощенные.

Такие изменения в форме днищ имеют существенное значение для датировки керамики поселения. Несомненно, что эти изменения произошли под влиянием соседних культур, в том числе катакомбной и срубной, с которыми абашевская культура находилась в непосредственном контакте. О поздней дате поселения № 8 свидетельствует и посуда в виде мисок, которая появляется на позднем этапе абашевской культуры и связывает культуры эпохи поздней бронзы с культурами эпохи раннего железа.

Все сказанное относительно особенностей абашевской керамики Среднего Дона служит серьезным основанием для установления более поздней ее даты, по сравнению с керамикой Правобережного Поволжья и Волго-Вятского междуречья, а следовательно ставит под сомнение гипотезу о южном происхождении абашевской культуры. Это находит свое подтверждение в отдельных абашевских памятниках и находках на Среднем Дону. Попытаемся картографировать эти памятники (карта, рис. 54).

Напомним прежде всего уже давно известные в археологической литературе и упоминавшиеся нами ранее абашевские погребения. Мы имеем в виду раскопки трех курганов у сел. Тюнино в местности под названием «Селище», произведенные Л. Б. Вейнбергом в 1888 г.[193], раскопки семи курганов в том же пункте, произведенные В. Н. Глазовым в 1910 г.[194], раскопки двух курганов у с. Кондрашовка, произведенные А. Н. Мартиновичем и И. А. Дольским в 1912 г.[195]; раскопки 11 курганов в двух могильниках у с. Марки Каменского района Воронежской обл., произведенные В. Н. Тевяшовым в 1911 г.[196] Еще до работ Воронежского отряда

---

[193] П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 87. В. Б. Вейнберг. Раскопки курганов близ гор. Задонска у с. Тюнино («Селище») в 1888 г., стр. 187, 188. Архив ЛОИА, № 49, 1889 г.

[194] П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 87. А. А. Иессен. Раскопки В. Н. Глазова у с. Тюнино в 1910 г. ПИДО, 1934, № 6. Архив ЛОИА, № 68, 1910 г.

[195] П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 88. А. М. Tallgren. Указ. соч., стр. 72, 73, рис. 47. М. П. Юргенсон. Отчеты за 1911—1913 гг. ЛОИА АН СССР, № 250, 1912.

[196] В. Н. Тевяшов. Киммерийская эпоха в Воронежской губернии. Отчет о раскопках в 1911 г. Архив ЛОИА, ф. 47.

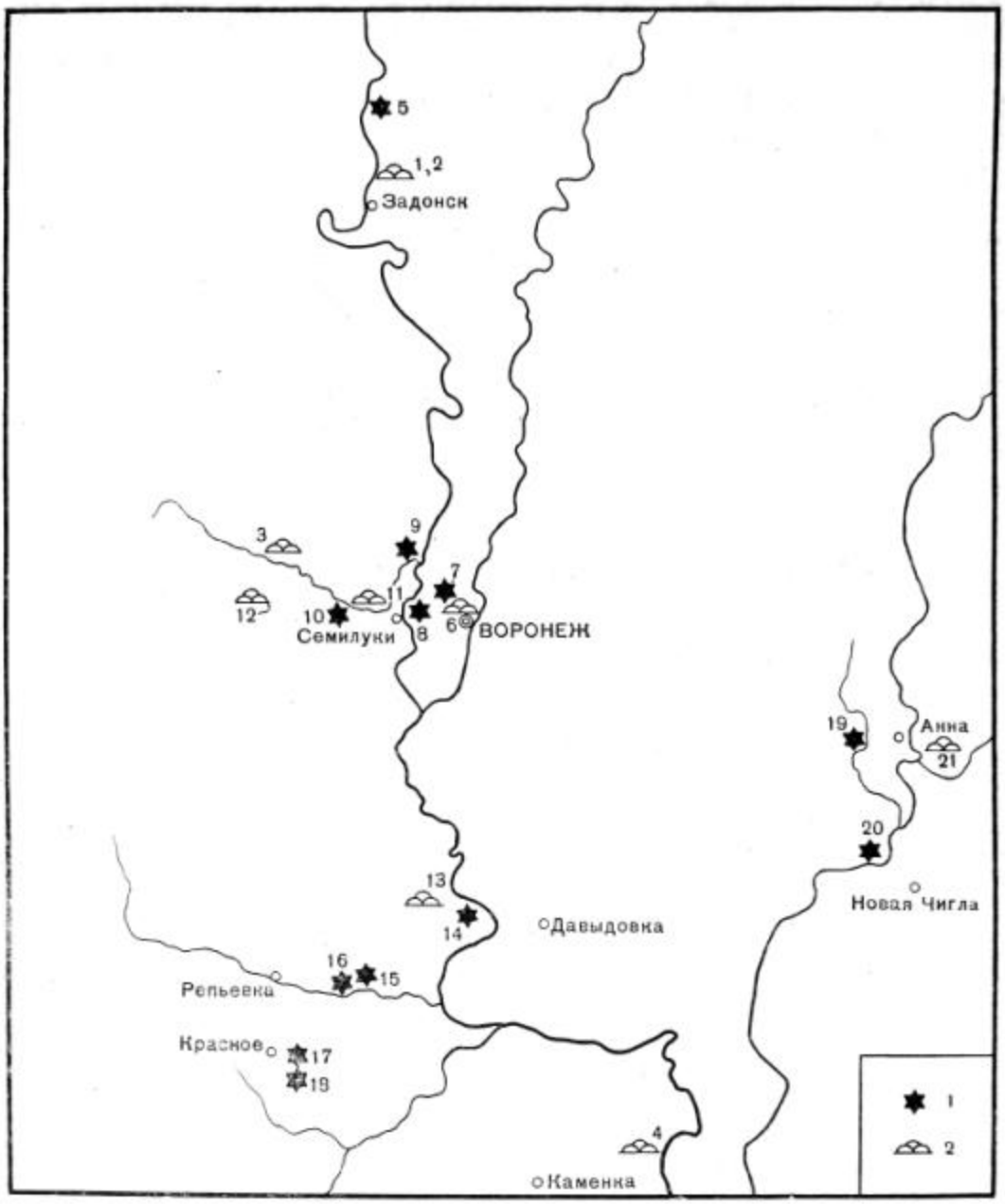


Рис. 54. Карта расположения памятников абашевской культуры на Среднем Дону. Цифрами обозначены условные номера памятников

1 — поселения; *2* — курганы

Лесостепной скифской экспедиции вблизи с. Никольское Водопьяновского района в 1950 г. проводила разведки А. Н. Москаленко[197].

Поскольку большинство этих памятников уже описано в литературе, нет надобности подробно останавливаться на них. Напом-

[197] А. Н. Москаленко. Памятники эпохи бронзы на Верхнем и Среднему Дону, стр. 103—105, рис. 33, *3—5*. А. Х. Халиков. Указ. соч., стр. 225.

ним только, что при просмотре отчетов В. Н. Тевяшова о работах у с. Марки среди фотографий и рисунков нам удалось обнаружить один сосудик остроребериой формы абашевского типа (рис. 46, *1*), сходный с сосудом из поселения № 8 у с. Вознесенка (рис. 50, *2*). Эта находка довольно убедительно подтверждает факт проникновения абашевской культуры не только в лесостепные районы, но и в северные пределы степи. Интересующий нас сосуд был найден в кургане № 1 второго могильника. Курган имел высоту до 1 м, раскопан колодцем площадью в 7 м². Погребение совершено в насыпи на глубине 0,9 м от поверхности. Человеческий костяк лежал на спине, головой на восток. Упомянутый сосуд стоял близ головы. Орнамент на сосуде отсутствовал, отмечены лишь два отверстия, расположенные на шейке на противоположных сторонах.

В послевоенный период исследования интересующих нас памятников значительно расширились. А. Н. Москаленко проводит разведки по р. Быстрая Сосна, где также была собрана керамика абашевского облика.

Большое значение имеют исследования Т. Б. Поповой на Тамбовщине, на поселениях у с. Перикс и озера Красное с абашевской керамикой или же керамикой, близкой к абашевской. К сожалению, датировка этих памятников требует серьезного уточнения [198].

Значительное количество памятников абашевской культуры открыто и Воронежским отрядом Лесостепной скифской экспедиции ИА АН СССР — напомним курган № 41 в урочище «Частые курганы», а также поселения № 1 и № 4 у с. Подгорное, примыкающие к могильнику и достаточно подробно освещенные в первом разделе настоящей книги. В 1959 г. в процессе обследования правого и левого берега р. Ведуга, абашевская керамика была обнаружена на поселении № 1 близ с. Губарево, на описанном нами поселении № 8 у с. Вознесенка, на курганах близ с. Латное (левый берег) и в насыпи кургана № 3 у с. Нижняя Ведуга [199].

В 1960 г. во время раскопок курганов у с. Мастюгино Острогожского района [200] абашевская керамика была обнаружена в двух курганах. Коротко остановимся на их описании.

В кургане № 42/25 высотой до 25 см, диаметром до 20 м оказалось три погребения (рис. 55, *1*, *2*). Погребение 1 находилось в насыпи около центра на глубине 0,5 м от поверхности (рис. 55, *1*). Костяк лежал под деревянным перекрытием в вытянутом положении на спине с наклоном на левый бок, головой на запад, правая рука погребенного покоилась на тазу, левая — вдоль туловища, ноги немного согнуты в коленях, ступни повернуты влево. Вещей при

---

[198] Т. Б. Попова. Эпоха бронзы на Тамбовище. СА, 1961, № 3, 1961, стр. 137 и сл.

[199] П. Д. Либеров. Отчет о работе... за 1959 г. Архив ИА АН СССР.

[200] До 1961 г. с. Мастюгино находилось в границах Коротоякского района. В 1961 г. Коротоякский район был слит с Острогожским районом.

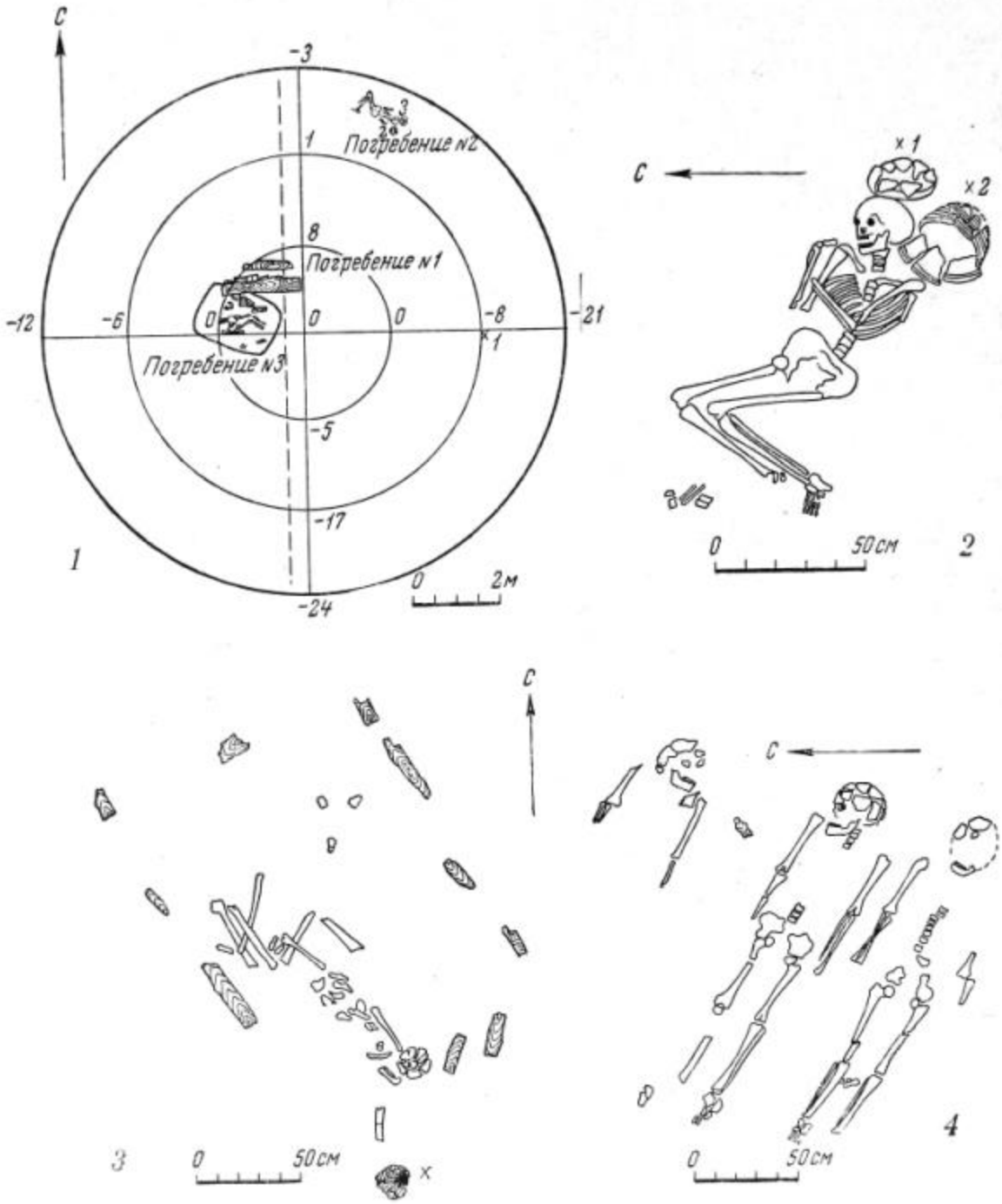


Рис. 55. Курганы у с. Мастюгино

1 – погребения в кургане № 42/25; *2* — погребение 2 из кургана № 42/25; *3* — погребение в кургане № 44/13; *4* — погребение 3 из кургана № 12/14; × *1*, *2* — лепные сосуды из кургана № 42/25; × — лепной сосуд из кургана № 44/13

костяке не обнаружено. По-видимому, это впускное погребение сравнительно позднего времени, вероятно, начала эпохи раннего железа [201].

Наибольший интерес представляют два других погребения. Погребение 2 находилось к северо-северо-востоку от центра, на глубине 0,6 м от поверхности кургана, на материке. Костяк лежал в скорченном положении на правом боку, головой на юго-восток. Руки согнуты в локтях, кисти рук лежали у подбородка, ноги сильно подогнуты в коленях (рис. 55, *1*, *2*; рис. 56, *1*). В ногах были найдены остатки заупокойной пищи — кости свиньи (по определению В. И. Цалкина). За головой, у темени скелета лежали обломки нижней части лепного горшка (рис. 55, *2*; рис. 56, *4*), сзади головы лежал второй раздавленный горшок, который удалось реставрировать (рис. 56, 5). Это были широкогорлые сосуды с узкими днищами, желтой поверхностью; в тесте заметна довольно сильная примесь толченой ракушки. Судя по орнаменту и форме второго горшка, примесям в глине сосудов, это погребение относится к абашевской культуре.

К востоку от центра, на глубине 0,5 м от поверхности кургана, несколько выше материка (возможно, на горизонте) лежал раздавленный широкогорлый горшок, по форме близкий банке, с небольшим поддоном (рис. 56, *3*). Поверхность сосуда светло-серая, с серыми пятнами. В тесте отмечена примесь толченой ракушки [202].

Погребение 3 было расположено в центре кургана, под погребением 1 (рис. 55, *1*; рис. 56, *2*). Могильная яма ориентирована с северо-запада-запада на восток-юго-восток; длина ее 1,85 м, ширина — 1,35 м, глубина 0,5 м от уровня грунта.

Человеческий костяк, найденный в яме, потревожен, верхняя часть туловища и ступни ног отсутствовали, некоторые кости и череп лежали под северо-восточной стенкой могилы. В непотревоженном виде лежали лишь нижние конечности рук, таз и ноги, на основании которых можно допустить скорченное положение костяка, ориентированного головой на запад. Лежал ли костяк на боку или на спине, сейчас решить трудно. Однако положение кистей рук по обе стороны таза позволяет все же предположить, что погребенный был положен на спину, что ноги у него были согнуты в коленях влево и приподняты над уровнем дна могилы на 5—10 см. Вещи в могиле не обнаружены. Только по положению костяка, несмотря на его западную ориентировку, это погребение может быть отнесено к памятникам абашевской культуры.

В кургане 44/13 (высота — 0,20 м, диаметр — 16 м) погребение было совершено на горизонте или лишь слегка опущено в почву. Костяк сильно потревожен вспашкой. От него сохранились только

---

[201] П. Д. Либеров. Мастюгинские курганы. СА, 1961, № 3, стр. 155, рис. 3.

[202] П. Д. Либеров. Отчет... за 1960 г. Архив ИА АН СССР.

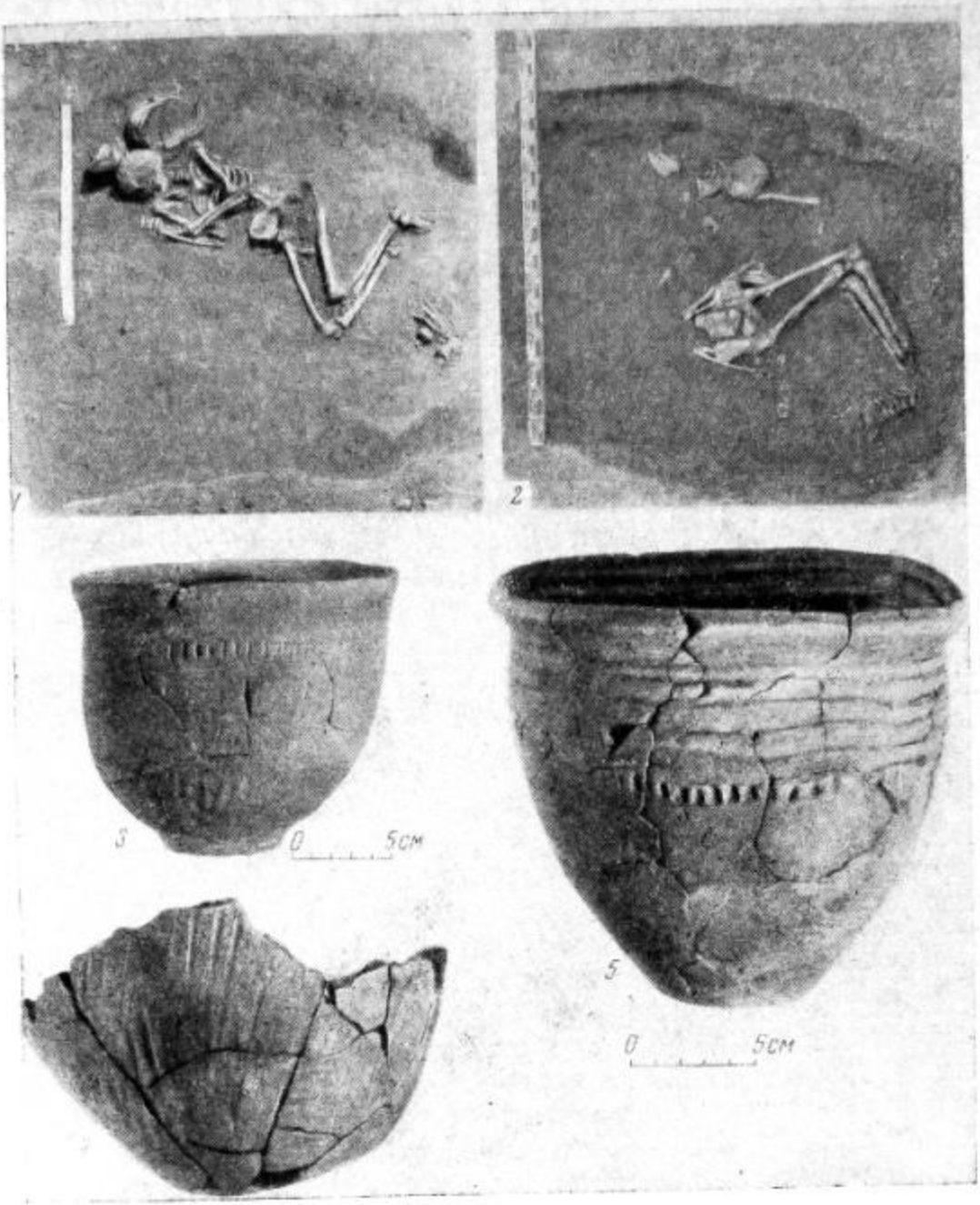


Рис. 56. Курганы у с. Мастюгино

1—2— погребения 2 и 3 из кургана № 42/25; *3* — керамика и насыпи кургана 42/25; *4—5* —погребение 2 из кургана № 42/25

отдельные разбросанные кости, да остатки контуров погребального сооружения из дерева, по которым предположительно можно установить положение костяка (рис. 55, *3*). Древесные остатки протянулись с северо-запада на юго-восток и занимали площадь около 2×1,6 м. Костяк лежал под юго-западной стенкой могилы головой на юго-восток, вероятно, в скорченном положении, но лежал ли он на спине или на левом боку, установить невозможно. Обломки нижней части лепного горшка были найдены уже за пределами

погребального сооружения, у его южного угла. Верхняя часть сосуда не сохранилась, форма у него мискообразная, стенки круто опускаются к несколько уплощенному дну (рис. 46, 2). Диаметр сохранившейся верхней части сосуда — 21 см, диаметр дна — 8,5 см. Поверхность сосуда снаружи желтая с темными пятнами, заглажена почти горизонтальной штриховкой с небольшим наклоном влево; глина в изломе черная, мелкозернистая, без заметных примесей. По положению погребения относительно горизонта и особенно по форме найденного в нем сосуда можно предположить, что и это погребение относится к абашевской группе памятников.

Весьма интересные погребения были обнаружены в кургане № 12/14, высотой 0,4 м, диаметром до 20 м [203]. Погребение 2, расположенное в центре насыпи на глубине до 30 см, было потревожено вспашкой, череп в нем был сдвинут с места и обнаружен в 20 см от поверхности, кости ног сохранились частично. Костяк лежал в вытянутом положении на спине, головой на восток, руки, по-видимому, покоились вдоль туловища; вещей при костяке не было. Этому погребению, вероятно, принадлежал сосуд, от которого сохранился обломок. Это лепной горшок с примесью дробленой ракушки в тесте. Он был найден к северу от центра могилы на глубине второго штыка [204].

Погребение 3 содержало три костяка (рис. 55, *4*). Они были обнаружены на глубине 50—60 см от поверхности под вторым погребением. Костяки лежали в ряд, параллельно друг к другу, в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток. Руки у них вытянуты вдоль туловища. Кости плохой сохранности и уцелели неполностью, вещей не было. Погребение, вероятно, одновременное и совершено в почве немного ниже уровня горизонта.

Исходя из положения и ориентировки костяков погребений 2 и 3, можно считать, что они одного происхождения и близки по времени захоронения. Дата их неясна из-за отсутствия вещевого материала, но вытянутое положение костяков не позволяет относить их к более раннему времени, чем переходному от эпохи бронзы к эпохе раннего железа. В связь с этими погребениями можно поставить, вероятно, и коллективное захоронение в кургане № 2 в урочище «Частые курганы», открытые В. А. Городцовым еще в 1927 г.[205]

По сообщению В. А. Городцова, этот курган вместе с тремя другими находился в овраге у колодца с. Подгорное. В настоящее время эта местность застроена и никаких насыпей здесь незаметно. Раскопанный курган имел высоту 1 м, диаметр 23 м. Погребение с пятью костяками располагалось в центре, на горизонте. Костяки лежали плотно друг к другу, в вытянутом положении, на левом боку, головой на восток. При костяках никаких вещей не оказа-

[203] П. Д. Либеров. Мастюгинские курганы, стр. 155—156, рис. 4.
[204] Там же, стр. 156.
[205] В. А. Городцов. Раскопки «Частых курганов» близ Воронежа в 1927 г., стр. 15, 16; рис. 3.

лось. На глубине третьего штыка, или около 0,66 м к северо-западу от центра могилы, найдены были точильный камень, каменный пестик и угольки. В насыпи на глубине второго штыка был обнаружен обломок керамики, по предположению автора, относящийся к срубной культуре. Все эти вещи, по мнению автора, относятся к коллективному захоронению и датируют его эпохой неометалла.

Это коллективное захоронение, вероятно, имеет непосредственное отношение к поселению № 1 у с. Подгорное и согласуется с датой В. А. Городцова. Однако вытянутость костяков, их ориентировка и положение на горизонте сближают это погребение по времени с погребениями у с. Мастюгино, а абашевская их принадлежность вполне вероятна, ибо и на основной территории абашевской культуры известны случаи коллективных захоронений. В частности, можно указать на коллективное захоронение из трех костяков в погребении 1 кургана № 2 (с. Катергино Чувашской АССР). Эти костяки также лежали в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток [206].

Таким образом, мастюгинские курганы, несомненно, содержат погребения и керамику абашевского типа. Однако мы очень мало знаем о поселениях. Более или менее ясные следы керамики этой культуры обнаруживаются лишь на месте Большого городища эпохи раннего железа у с. Сторожевое. Разумеется, городище возникло здесь позже. К сожалению, раскопки не дали заметных следов культурного слоя эпохи бронзы, если не считать отдельных фрагментов керамики. Образцы их представлены на рисунке 57, *8*, *9*. Среди них встречаются большие сосуды типа широкогорлых горшков без орнамента и мисок диаметром до 34 см, украшенных горизонтальными резными полосками под венчиком и частыми скошенными насечками по обрезу венчика.

Один из подобных сосудов был найден в пределах вала и попал сюда из культурного слоя во время его сооружения (рис. 57, *8*). Другой обнаружен в первом штыке культурного слоя третьего раскопа близ центра городища (рис. 57, *9*). Наибольшая часть керамики эпохи бронзы в качестве подъемного материала встречается на мысу и около обрыва со стороны Дона. Спорадически они встречаются почти на всей его площади.

Южнее этого пункта абашевский материал встречается довольно часто также и на поселениях. Можно указать, например, на два поселения у хут. Сасовка II близ с. Колбино Острогожского района Воронежской обл. Эти поселения расположены рядом на невысоком надпойменном левом берегу р. Потудань. Одно поселение (поселение № 2) было обнаружено в 1959 г. по подъемному материалу, найденному в обрыве подмываемого весенней водой берега, второе поселение (№ 3) было обнаружено в 1961 г. Находки здесь собирались на поверхности распахиваемой площади.

---

[206] П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков, Указ. соч., стр. 51, рис. 6, *5*.

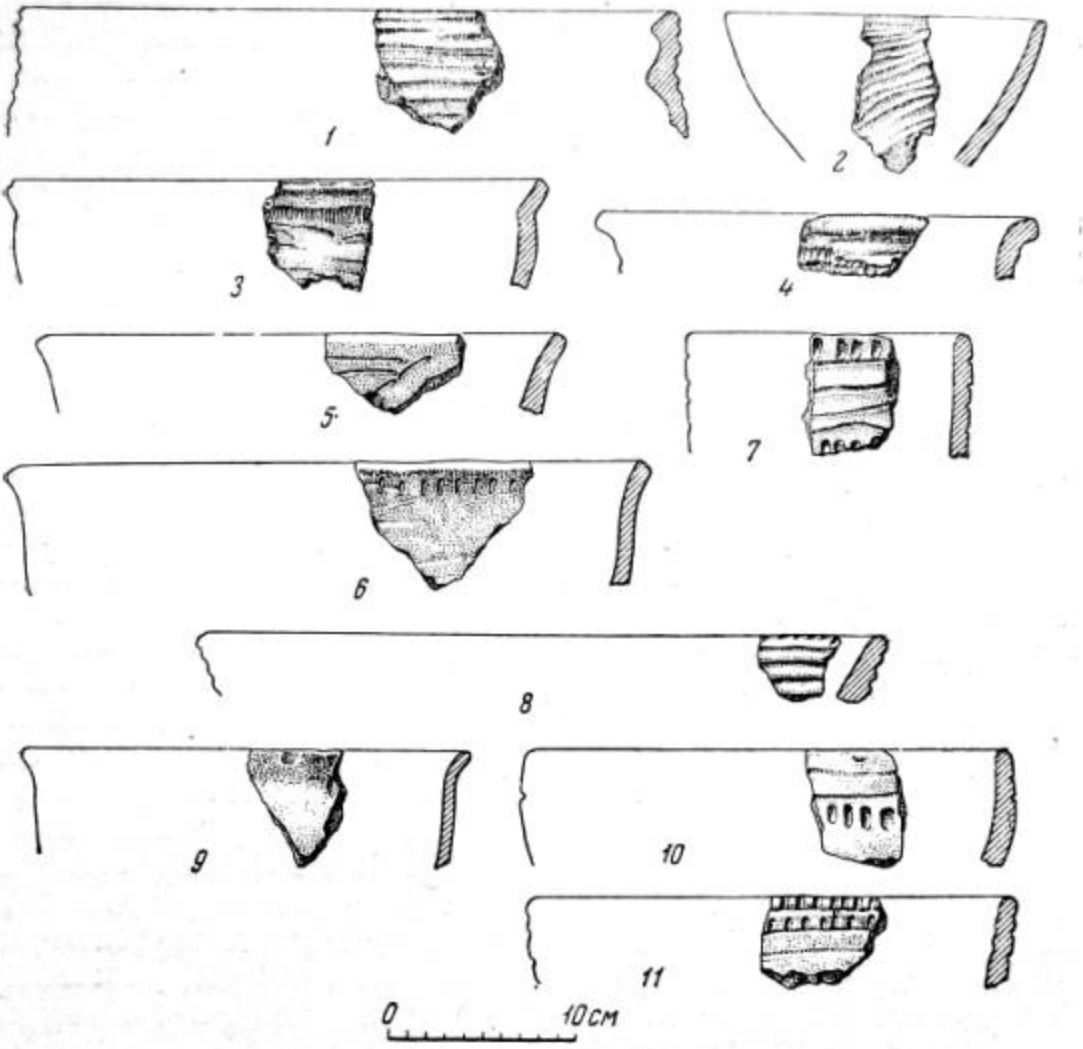


Рис. 57. Керамика с поселений

1 — с поселения № 15 у с. Старая Чигла; *2, 3, 5, 6* — с поселения № 1 у хут. Сасовка II; *4, 7* — с поселения № 54 у с. Левашовка; *8, 9* — из городища Большое Сторожевое; *10, 11* — с поселения № 4 у с. Русская Тростянка

Наибольший интерес представляет поселение № 2, которое подверглось раскопкам и дало большой керамический и остеологический материал, относящийся к срубной культуре. Об этом поселении мы уже говорили. Но поскольку среди материала поселения встречается значительное количество керамики, относящейся, по нашему мнению, к абашевской культуре, представляется целесообразным еще раз обратиться к нему.

На поселении не найдена специфически абашевская керамика в виде маленьких остроребериых, круглодонных сосудов. Сравнительно беден на сосудах этого поселения орнамент, нет в их тесте и примеси толченой ракушки. Но типологически близкими к абашевской керамике являются найденные на нем колоколовидные

сосуды, хотя они и представлены здесь в несколько измененной форме (рис. 57, *2*). Обычны для абашевской культуры широкогорлые сосуды типа глубоких мисок (рис. 57, *3*, *5*, *6*), сосуды с венчиком, откинутым наружу под тупым углом (рис. 57, *2*, *3*), которые известны для поселения № 8 у с. Вознесенка (рис. 50, *9*, *10*). Сосуды этого типа на поселении у хут. Сасовка II собраны в качестве подъемного материала (рис. 57, *2*, *3*) непосредственно в культурном слое на глубине третьего штыка (рис. 57, *5*, *6*). Если признать такую керамику производной от абашевской, то необходимо допустить, что керамика абашевского типа применялась в одно время со срубной керамикой, а значит племена — носители названных культур определенное время сосуществовали.

То, что элементы абашевской керамики могли появиться на этом поселении под непосредственным влиянием абашевцев, подтверждает отчасти керамический материал поселения № 3 у хут. Сасовка II, расположенного немного выше второго поселения, в том месте, где р. Потудань своим течением подходит из поймы к левому берегу, образуя угол между старицей и современным руслом реки (рис. 26). В результате сборов керамики и шурфовки (12 м²) в нашем распоряжении оказался интересный материал, в ряде случаев дающий абашевские формы сосудов с характерным орнаментом и примесью в тесте толченой ракушки (рис. 58) [207].

На поселении встречаются большие мискообразные сосуды с орнаментом из горизонтальных полос под венчиком, подчеркнутых сверху и снизу наколами плоской палочки, поставленной наискосок (рис. 58, *1*); большие банкообразные сосуды со слабо откинутым наружу венчиком, образующим тупой угол на обратной стороне, в месте изгиба шейки (рис. 58, *2*, *3*); сосуды со слабо профилированным, но сильно утолщенным в обрезе венчиком, иногда банкообразной (рис. 58, *4*) или бочковидной формы (рис. 58, *5*). Интересно, что один из этих типичных для абашевской керамики фрагментов по форме и орнаменту содержит сильную примесь толченой ракушки в тесте (рис. 58, *4*).

Сейчас вряд ли возможно определить особые хронологические рамки для каждого поселения. Более или менее ясной становится лишь их общая дата на основании отдельных форм керамики с валиками и орнаментом так называемого бондарихинского типа, который и определяет дату поселения концом II — началом I тысячелетия до н. э.

Далее к югу абашевская керамика встречается на поселениях, которые расположены по притокам р. Тихая Сосна. В частности, два таких поселения открыто в 1961 г. в окрестностях с. Русская Тростянка, по правой стороне теперь уже совершенно высохшей речки Тростянки.

---

[207] Культурный слой мощностью в 0,6 м. П. Д. Либеров. Отчет... за 1961 г. Архив ИА АН СССР.

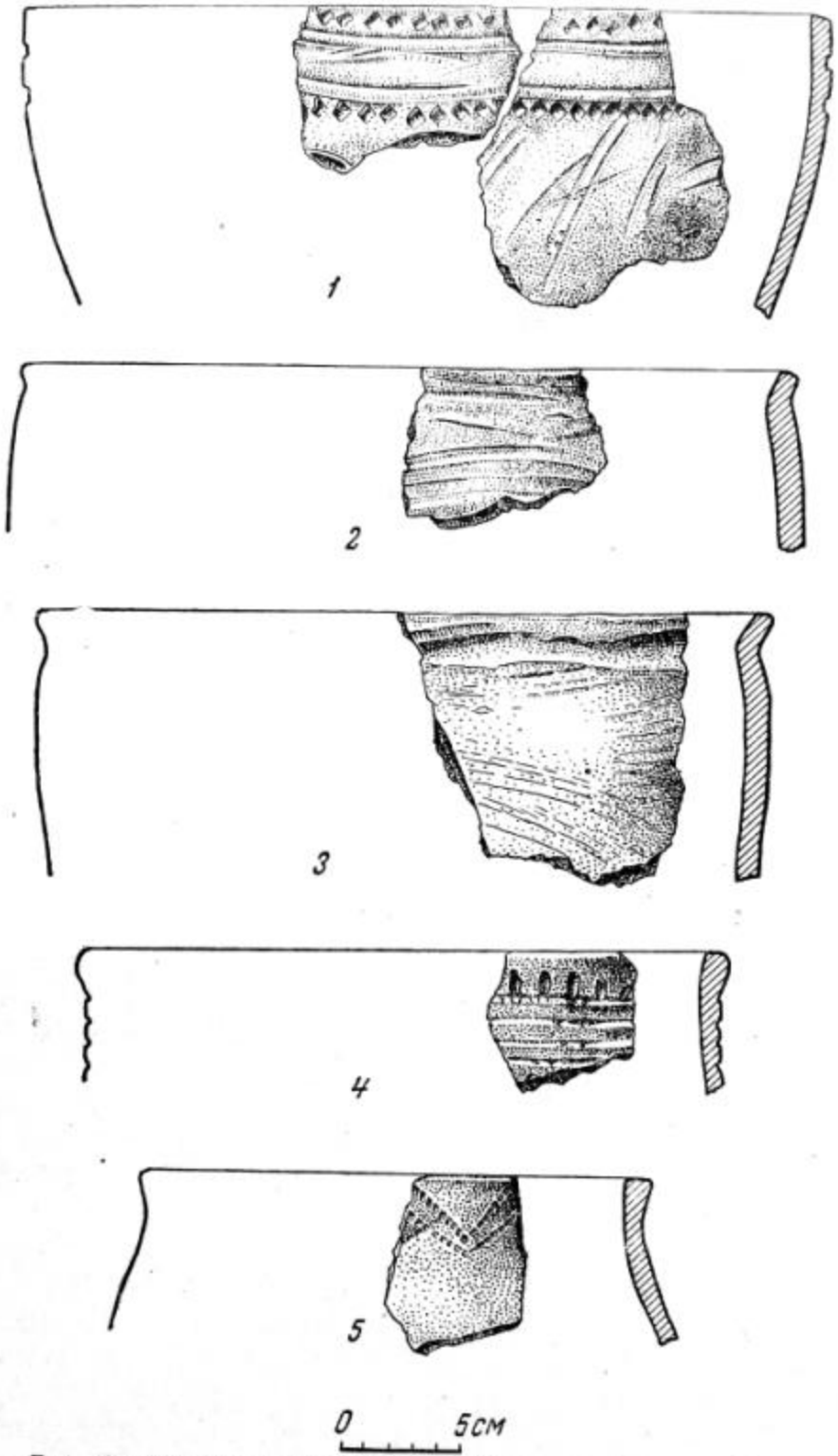


Рис. 58. Керамика с поселения № 3 у хут. Сасовка II

Одно из них — поселение № 4 — расположено напротив северного конца с. Русской Тростянки на высоком и длинном мысу правого берега речки. Этот мыс отделяется от городища у с. Русская Тростянка только глубоким и длинным оврагом, спускающимся в пойму речки. Размеры поселения не выявлены. На поселении собран подъемный материал в виде лепной керамики. Шурфовка показала, что культурный слой толщиной 0,20 м не отличается особой насыщенностью: найдено лишь 13 мелких обломков лепной керамики.

Керамика, собранная на поселении, отличается от керамики поселения № 3 [208] не по цвету глины, а по составу теста и орнаменту. Цвет керамики обычный для этого времени — желтая поверхность на внешней, а иногда и на внутренней стороне, реже серая или черная окраска черепков, в тесте примесь шамота, а иногда и песка. Поверхность некоторых фрагментов керамики носит следы как бы выкрошившейся толченой ракушки. Такие следы часто наблюдаются на абашевской керамике. Однако явных признаков примеси толченой ракушки в тесте не заметно. Тесто чаще мелкозернистое, тщательно промешано, орнамент — в виде круговых горизонтальных линий, сопровождающихся вертикальными оттисками или наколами, встречаются мелкий штамп гребенкой, косые насечки на шейке, продолговатые ямки ниже венчика. Керамика, судя по венчикам, чаще баночного типа. Аналогичная керамика встречается также на поселении № 5 у с. Русская Тростянка и на поселении у с. Левашовка на р. Битюг (ср. рис. 57, *7*, *10*, *11*).

Поселение № 5 у с. Русская Тростянка расположено в 300—400 м к юго-западу от поселения № 4 близ городища, на опушке леса, по левую сторону упомянутого оврага. Поселение распахивается, примерная площадь его 60×80 м. На пашне собран небольшой керамический материал и произведена шурфовка. Культурный слой не толще 0,2 м, немногочисленные находки встречались только на глубине первого штыка. Керамический материал сходен с материалом из поселения № 4 [209]. Наиболее выразительные обломки имеют те же следы толченой ракушки (рис. 57, *10*, *11*). Для керамики этого района характерен орнамент крупным гребенчатым штампом, защипы пальцем, нанесенные на поверхности.

Движение керамики абашевского происхождения в южном направлении не ограничивается только указанными памятниками. При просмотре керамики старых сборов, хранящейся в Воронежском областном краеведческом музее, уже после того как была составлена карта (рис. 54), нам удалось обнаружить еще два пункта, где встречена керамика абашевского типа.

---

[208] П. Д. Либеров. Отчет... за 1961 г. Архив ИА АН СССР. Этому поселению посвящается в настоящем томе специальная статья В. И. Гуляева, производившего на нем раскопки.

[209] П. Д. Либеров. Отчет... за 1961 г. Архив ИА АН СССР.

В 1949 г. местные краеведы Д. В. Сивоволов и В. А. Чиков собрали керамику на поселении, расположенном на высоком правом берегу Дона, в одном километре от с. Первая Белая Горка и к юго-востоку от с. Богучары бывшего Радченского района Воронежской обл. Поселение находится на левой стороне яра, в углу, образованном яром и рекой. Фрагменты керамики собраны в овражке и в окопе времени Великой Отечественной войны. Среди 17 фрагментов обнаружено 8 фрагментов с толченой ракушкой.

В 1953 г. студенты, участвовавшие в работе палеолитической экспедиции под руководством А. Н. Рогачева, собрали керамику на поселении, расположенном на левом берегу Дона у будки бакенщика против с. Костенки (Аносов Лог) в размыве надпойменной террасы. Среди 84 фрагментов керамики имеется 17 фрагментов с толченой ракушкой. Некоторые венчики имеют явные аналогии в абашевской керамике и в том числе на поселении № 8 у с. Вознесенка.

Наконец, в сборах, произведенных в 1955 г. сотрудниками Воронежского областного краеведческого музея у моста Отрожки, близ Воронежа, имеется керамика, которая по своей форме и тесту с толченой ракушкой близка к абашевской керамике [210].

По-видимому, такого рода керамика имеется на многих поселениях, расположенных по правому и левому берегам р. Воронеж. К сожалению, многочисленные сборы, произведенные здесь Н. В. Валукинским в 1935—1941 гг., бесследно погибли, не будучи опубликованы в печати [211].

В настоящее время в результате многолетних разведок местного краеведа учителя географии Аннинской средней школы Г. И. Корнюшина, а за последние годы также в итоге работ Воронежского отряда Лесостепной скифской экспедиции Института археологии АН СССР, стал известен ряд поселений и курганов с керамикой абашевского типа к востоку от г. Воронежа на р. Битюг.

К 1960 г. Г. И. Корнюшин зафиксировал на среднем течении р. Битюга, в границах Аннинского района, свыше полутора десятка поселений, много отдельных курганов и курганных групп, собрал значительный и интересный по содержанию археологический материал. Начиная с 1960 г., Воронежский отряд Лесостепной скифской экспедиции продолжил работу Г. И. Корнюшина, а самого исследователя включил в состав экспедиции [212]. В 1961—1962 гг. отряд под руководством А. И. Пузиковой осуществил дополнительные разведки по известным уже памятникам и обследовал ряд новых, значительно пополнив наши представления об археологиче-

---

[210] Керамика этих трех поселений хранится в Воронежском областном краеведческом музее и нами изучена в 1962 г.

[211] Н. В. Валукинский. Материалы к Археологической карте территории г. Воронежа. СА, 1948, X, стр. 201 и сл.

[212] П. Д. Либеров. Отчет... за 1960 г. Архив ИА АН СССР. Ср. там же приложение к отчету Г. И. Корнюшина.

ских объектах этого района [213]. В результате всех этих работ удалось составить археологическую картину памятников Аннинского района и дать предварительную их характеристику [214]. На поселении, расположенном к юго-западу от с. Левашовка на невысоком правом берегу р. Тойды, по пологому склону ее и на второй надпойменной террасе, было собрано много лепной керамики, среди которой имеются фрагменты абашевского типа (рис. 59, *1—3*; рис. 57, *4*, *7*). Во время шурфовки [215] в черноземном слое встречалась лепная керамика; она прослежена до глубины 0,4 м. Грунтовая глина подстилала слой с находками на глубине 0,5 м. В общем итоге в первом штыке встречено 19 фрагментов лепной керамики и 3 обломка костей животных, во втором штыке — 51 фрагмент керамики и 17 обломков костей животных.

Некоторые типы найденной здесь керамики по форме, орнаменту и примеси толченой ракушки в тесте могут быть отнесены к абашевским. Это обычные сосуды в виде мисок с сильно отвернутым наружу венчиком и толченой ракушкой в тесте (рис. 57, *4*; рис. 59, *3*); сосуды с прямо стоящими стенками и невыделившимся венчиком с характерным для этой керамики горизонтальным резным орнаментом, который идет вокруг сосуда, и снизу и сверху дополняют ямки, наколотые наискосок. Эта керамика также содержит примесь толченой ракушки в тесте (рис. 57, *7*, рис. 59, *2*); баночные сосуды с прямыми или почти прямыми стенками, но с откинутым наружу, а иногда и вогнутым внутрь венчиком. Орнамент таких сосудов небогат, ограничивается преимущественно продолговатыми ямками, крупнозубчатым штампом, а также глубокой, иногда беспорядочной штриховкой на обеих сторонах. Некоторая часть керамики восстанавливается как сосуды остроребериого типа, или сосуды с сильно откинутым наружу венчиком, ладьеобразно изогнутым на обратной стороне (ср. рис. 50, *6*). Другая ее часть имеет сильно утолщенные в обрезе венчики, особенно у сосудов с прямо стоящими венчиками [216]. В орнаменте собранной керамики преобладают резные треугольники, заполненные резной же штриховкой. По цвету поверхности керамика желтая, красная, или с красными пятнами, и темно-серая. В тесте в качестве примесей преобладает мелкий, иногда крупный песок, иногда встречается толченая ракушка. Тесто мелкозернистое, хорошо промешано, обжиг хороший, черепок сухой и крепкий. Насколько можно судить по обломкам днищ, преобладает керамика плоскодонная поздних типов.

---

[213] П. Д. Либеров, А. И. Пузикова. Отчет Лесостепной скифской экспедиции за 1961 г. Архив ИА АН СССР. См. там же приложение к отчету Г. И. Корнюшина.

[214] См. в настоящей книге специальную статью Г. И. Корнюшина.

[215] П. Д. Либеров. Отчет... за 1962 г. Архив ИА АН СССР.

[216] Разнообразие типов керамики этого поселения не ограничивается только указанными. Для ознакомления с ними мы отсылаем читателя к статье Г. И. Корнюшина.

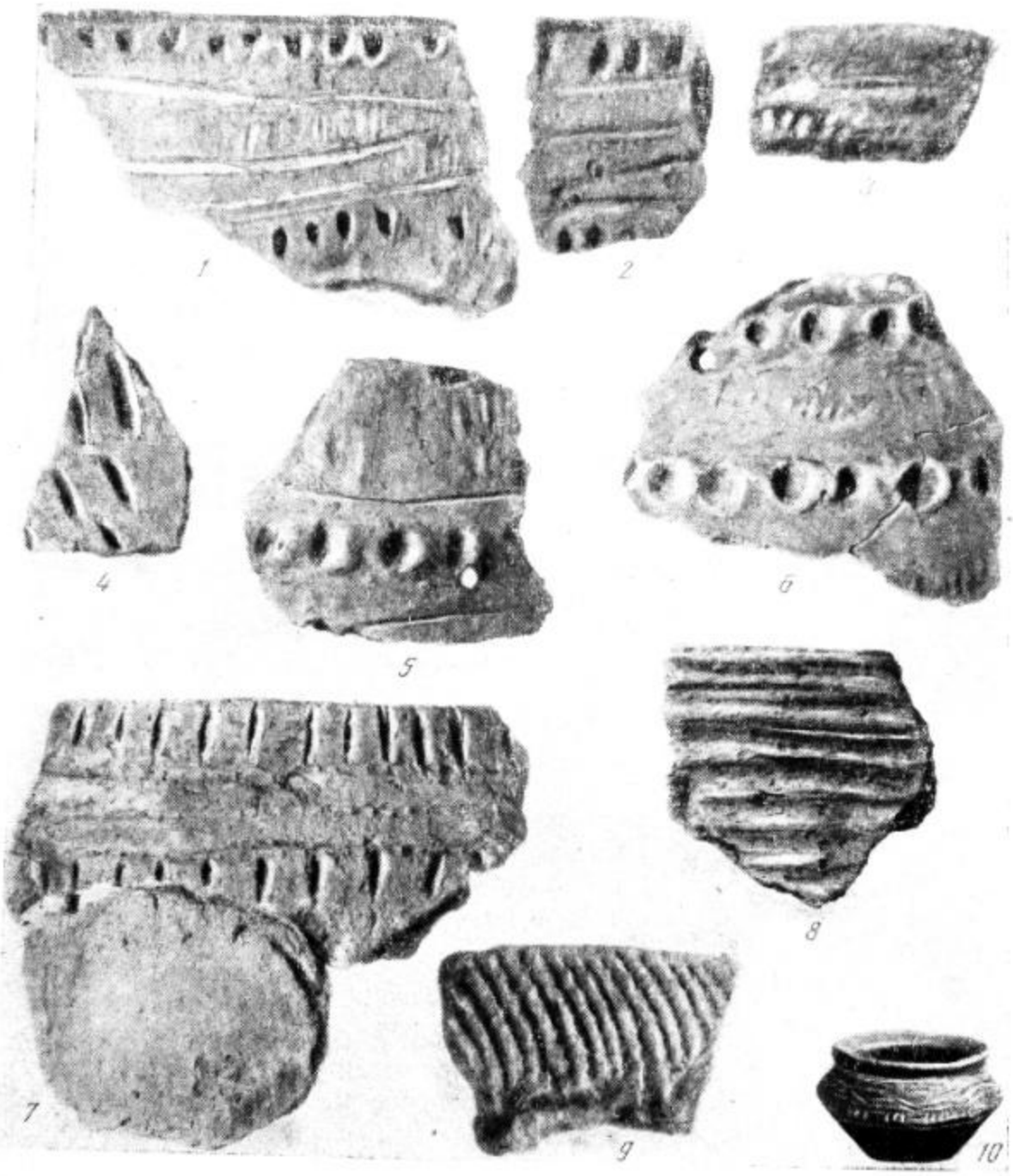


Рис. 59. Керамика с поселений

1—6 — из поселения № 54 у с. Левашовка; *7*, *8* — из поселения № 15 у с. Старая Чигла; *9* — из поселения у хут. Войновка; *10* — Курская область (с значительным уменьшением)

Среди собранной на поселении керамики встречается керамика и другого рода, необычная для абашевской культуры. Мы имеем в виду фрагменты с валиками — одним, двумя и, может быть, больше, которые расчленены обычными вдавлениями пальцев, и фрагменты, украшенные зерновидными ямками, составленными в «городки» в виде треугольников (рис. 59, *4—6*). Такая керамика датирует поселение сравнительно поздним временем, непосредственно предшествующим эпохе раннего железа.

Поселение № 15 у с. Старая Чигла известно уже с 1959 г. по разведкам Г. И. Корнюшина. Тогда здесь был собран керамический материал, относящийся к позднему средневековью, а также к боршевскому времени и эпохе бронзы. Среди последней керамики была найдена также керамика абашевского типа (рис. 59, *7*).

Поселение расположено на высоком пойменном правом берегу р. Битюг, который, по всей вероятности, не затапливается даже в высокие весенние разливы. Экспедицией был собран здесь дополнительный материал (рис. 57, *1*; 59, *8*) и заложен шурф [217].

Культурный слой состоял из гуммированного песка, глубиной до 1 м от задернованной поверхности, в большинстве своем изрытый ямами в средневековое время. Найден средневековый материал, боршевская керамика и немного невыразительной керамики эпохи бронзы, оказавшейся в перемешанном состоянии с поздним материалом. Поэтому характеристику материала эпохи бронзы, в частности абашевской керамики, возможно дать лишь на основе небольшого подъемного материала. Это большие сосуды баночного типа, орнаментированные крупным гребенчатым штампом в виде трех горизонтальных круговых полос под венчиком, окантованных сверху и снизу также короткими вертикально стоящими гребенчатыми оттисками. Такой сосуд имел диаметр горла до 28 см, утолщенный венчик, серую с красными пятнами поверхность и значительную примесь толченой ракушки в тесте. Тут же были найдены обломки сосудов с прямостоящим венчиком, который снаружи украшен глубокой резьбой, на обратной стороне имел ладьевидную форму и скошенный обрез (рис. 57, *1*; рис. 59, *8*). Такая керамика также имеет примесь толченой ракушки в тесте.

Датировка этого поселения, по-видимому, не выходит из пределов, установленных для поздних поселений этой культуры на Среднем Дону. Это доказывается лепной керамикой с расчлененными валиками на плечиках, найденной на поселении в качестве подъемного материала и, конечно, не имеющей отношения к абашевской культуре.

Закончим наш обзор абашевских памятников на р. Битюг описанием двух сосудов, найденных Г. И. Корнюшиным в 1962 г.[218]

---

[217] П. Д. Либеров. Отчеты... за 1960 и 1961 гг. Архив ИА АН СССР.

[218] О сосудах сообщил нам Г. И. Корнюшин и прислал схематические зарисовки.

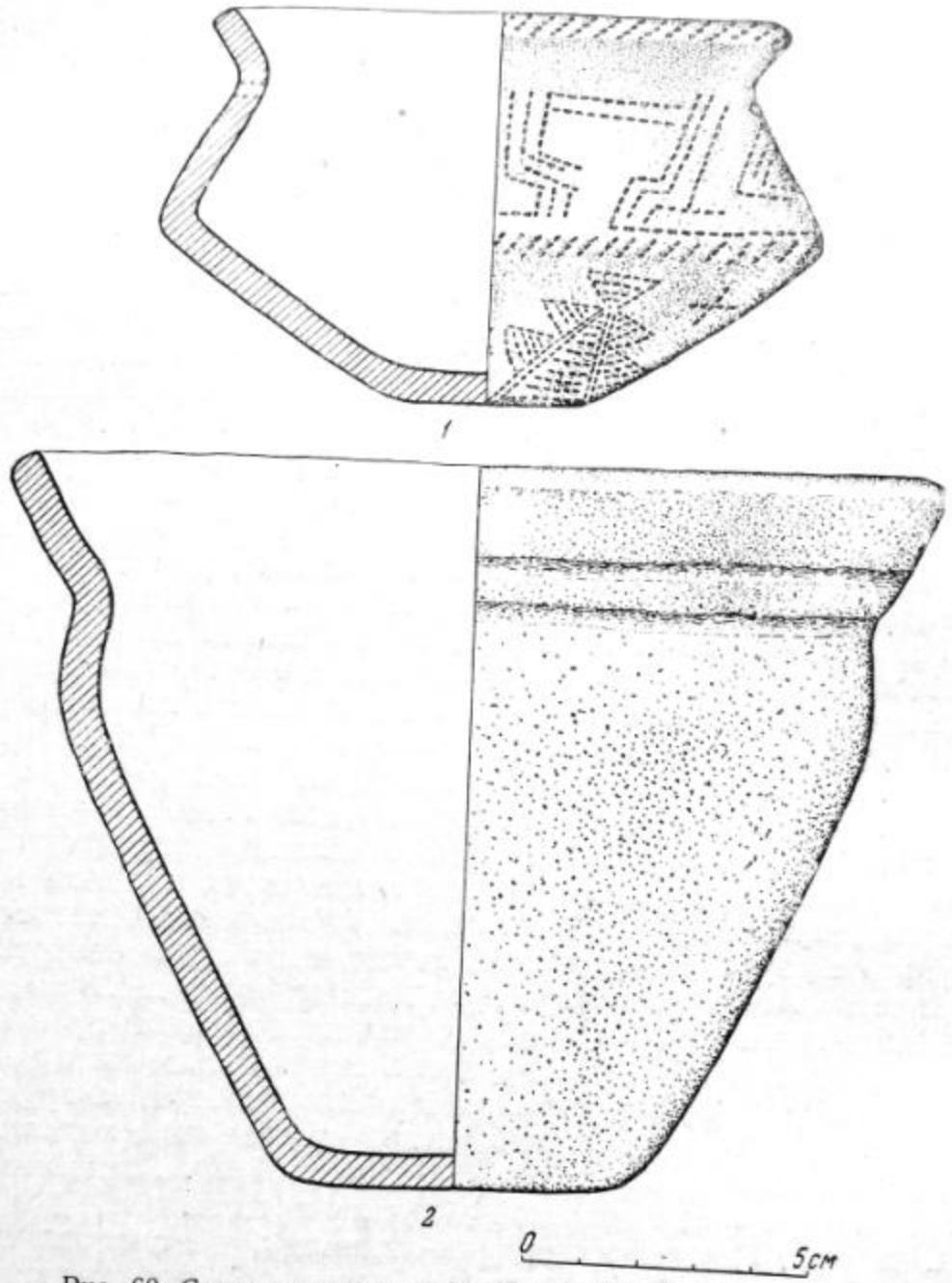


Рис. 60. Сосуды из кургана № 42 у с. Новый Курлак (по нумерации Г. И. Корнюшина)

в разрушенной половине кургана, расположенного в небольшой курганной группе, примерно в 2 км к северо-северо-западу от с. Новый Курлак. В центре разрушенной насыпи им был заложен шурф (площадью 2×4 м, глубиной до 2 м), в котором и были найдены эти сосуды. Следов погребения не обнаружено. Форма, орнамент сосудов и примесь толченой ракушки в тесте являются, несомненно, абашевскими.

Один сосуд имеет остроребернную форму, обычную для абашевской керамики (рис. 60, *1*) и идентичную форме сосуда, найденного на поселении № 8 у с. Вознесенка (ср. рис. 50, *1*). Диаметр горла 10,5 см, диаметр наиболее широкой части тулова 12—12,5 см, диаметр дна 3,5 см, высота сосуда 7 см. Различие заключается только в пышном орнаменте: плечики сосуда от шейки до ребра заполнены меандром из гребенчатого штампа, ребро украшено косыми насечками, а нижняя часть сосуда от ребра до дна заполнена целой серией соприкасающихся треугольников. Четыре больших треугольника примыкают ко дну основаниями, вершины их поднимаются к ребру; к бокам их и к вершинам примыкают треугольники меньших размеров: в двух случаях по пять, в двух других — шесть и семь треугольников. Все треугольники заштрихованы таким же гребенчатым штампом. Пустоты, образовавшиеся между этими треугольниками, заполнены крестиками.

Второй сосуд имеет колоколовидную форму (рис. 60, *2*), также известную среди керамики поселения № 8 у с. Вознесенка (ср. рис. 50, *22*, *23*). Он имеет форму усеченного конуса и снабжен небольшими плечиками. Диаметр горла сосуда 16,5 см, дна — 6,5 см, высота сосуда 12,5 см. Сосуд орнаментирован только на шейке в виде двух неглубоких резных горизонтальных линий.

Для датировки рассматриваемой керамики важное значение имеет меандровый орнамент, который по своей форме близок позднему орнаменту андроновской культуры типа Садчиковки [219] и Баланбаша.

Таковы предварительные данные о памятниках абашевской культуры на Среднем Дону. Они показывают, что абашевские племена двигались на юг широким фронтом вниз по реке Дону и его притокам.

Однако есть основания предполагать, что на самом деле это движение происходило на значительно более широком пространстве. Абашевские племена двигались, вероятно, от Волго-Окского междуречья в Приуралье и Поволжье, а также в юго-западном направлении. Об этом свидетельствуют уже не раз упоминавшиеся памятники Башкирии [220], правого и левого берега нижнего течения Волги [221], верхнего течения р. Псел и др.

---

[219] О. А. Кривцова-Гракова. Садчиковское поселение, стр. 152 и сл.

[220] К. В. Сальников. Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., стр. 131 и сл., табл. XX—XXII — публикация К. В. Сальникова. К. В. Сальников. Абашевская культура на Южном Урале, стр. 52 и сл.

[221] К. Ф. Смирнов. Быковские курганы. МИА, 1960, вып. 78, стр. 172, рис. 1, *6* (курган № 1, погребение 5); стр. 181, рис. 6, *14*, *15* (курган № 5, погребение 4); стр. 194, рис. 10, *9*, (курган № 9 погребение 3); стр. 231, рис. 23, *2* (курган № 5, погребение 1). В. П. Шилов. Отчет о раскопках Астраханской экспедиции в 1959 году. Архив ИА АН СССР, раздел I, № 1976, стр. 3, 13; альбом, табл. VI, рис. 3, 5 и 6; табл. VII, рис. 4 и 5.

Очевидно, нет необходимости касаться такого памятника, как Баланбаш, который довольно широко и подробно освещен в археологической литературе. Нас интересуют сейчас лишь те памятники, которые в свое время не были поняты исследователями и определялись как памятники катакомбной или срубной культур. К примеру, при исследовании курганов у с. Быково в 1954—1955 гг. К. Ф. Смирнов обнаружил ряд погребений с керамикой, которая по свой форме и примеси толченой ракушки в тесте несколько отличается от обычной керамики срубной культуры, но это не помешало ему характеризовать ее как срубную. Имеются и такие случаи, когда абашевские черты наблюдаются не только в керамике, но и в положении костяков. В частности, в кургане № 9, в погребении 3 первой Быковской курганской группы, по описанию автора, костяк лежал в скорченном положении на спине [222], при нем находились сосуд типа глубокой миски с уплощенным дном и с большим количеством толченой ракушки в тесте и два бронзовых желобчатых височных кольца в полтора оборота [223]. Как обряд захоронения, так и вещи типичны для абашевских комплексов.

Знаменательно, что на 54 погребения эпохи бронзы, открытые в первой Быковской курганной группе, среди массы костяков, лежавших в скорченном положении на левом боку и изредка на правом боку, на спине оказалось только четыре [224], среди них находится и упомянутое погребение 3. Но такой обряд прежде всего типичен для абашевской группы памятников.

Особый интерес представляет также погребение 4 в кургане № 5 той же Быковской курганной группы. Костяк лежал в скорченном положении на левом боку со слегка согнутыми ногами. Однако это положение может быть зафиксировано как поза человека, склонившегося к близко стоявшим двум горшкам [225]. Один горшок имел остроребернyю форму, характерную для абашевской керамики [226]. Второй — баночной формы [227], обычной как для срубной, так и абашевской керамики на Среднем Дону в ее позднем варианте. Вместе с этими сосудами лежал и бронзовый кинжал [228], имеющий непосредственные аналогии с кинжалом из погребения у с. Скорнякова на Среднем Дону [229].

Приведем еще одно впускное погребение в насыпь кургана № 5 второй Быковской курганной группы (погребение 1). Костяк подростка лежал в скорченном положении на левом боку. Около го-

---

[222] К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 196 и 242.
[223] Там же, стр. 194, рис. 10, *9*.
[224] Там же, стр. 241—244.
[225] Там же, стр. 185, рис. 7, *3*.
[226] Там же, стр. 181, рис. 6, *14*.
[227] Там же, рис. 6, *15*.
[228] Там же, стр. 181, рис. 6, *16*.
[229] «Древности». Тр. ИМАО, т. XII, М., 1888, стр. 126, табл. А, Б.

ловы стоял горшок баночного типа с толченой ракушкой в тесте [230]. Этот сосуд аналогичен сосуду, найденному в 1949 г. при разработке карьера у дер. Никольская бывшего Водопьяновского района Воронежской обл.[231] и, как нам представляется, несомненно относящемуся к абашевской культуре.

Перечисление такого рода памятников в Быковской курганной группе можно было бы продлить. Однако достаточно и сказанного, чтобы видеть, что среди погребений срубной культуры, а также памятников предшествующего и более позднего времени имеются и памятники абашевской культуры. Это документируется не только находками, но и погребальным обрядом, свидетельствующим тем самым о проникновении абашевцев на Нижнюю Волгу. К. Ф. Смирнов ошибочно отнес эти памятники к срубной культуре. Вместе с тем не исключается, что примесь толченой ракушки в тесте сосудов могла иметь место и в срубной керамике. Но это лишь доказывает либо то, что абашевские пришельцы могли заимствовать формы срубной керамики, либо то, что они сами могли передать технику производства керамики местным (срубным) племенам, находясь с ними длительное время в контакте.

Возьмем другой пример. В 1959 г. В. П. Шилов исследовал курганный могильник, расположенный у с. Сидора на правой надпойменной террасе р. Тишанка, правого притока Медведицы. Могильник состоит из 52 насыпей, из них исследовано 18 [232].

При просмотре отчета и альбома нам удалось выделить некоторую часть керамики, которая не может быть признана ни катакомбной, ни срубной, как это делает автор. Обратим внимание на впускные погребения 2, 4, 10 в кургане № 1, где основным, по мнению автора, является погребение ямной культуры (погребение 9). Погребение 2 состоит из двух костяков — женского и детского, сопровождаемых тремя лепными сосудами. Один из них остроребериый, типа остроребериой абашевской керамики, с обильной ракушкой в тесте [233]; второй — известен только по описанию и также содержит в глине много ракушки; третий сосуд по своей форме аналогичен широкогорлым абашевским сосудам с орнаментом гребенчатого штампа и содержит в тесте частицы извести [234].

Возможно, что к этой же группе керамики относится и сосуд из погребения 4, сходный по форме с третьим сосудом из погребения 2 и также с примесью мелких частиц извести в тесте. Отличие заключается в орнаменте, который нанесен как бы широкой зубчатой гребенкой в виде горизонтальных круговых полос, начиная

---

[230] К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 231, рис. 23, 2.

[231] А. Н. Москаленко. Памятники эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону, стр. 104, рис. 33, 3.

[232] В. П. Шилов. Отчет о раскопках Астраханской экспедиции в 1959 г. Архив НА АН СССР.

[233] Там же, стр. 5, 6; альбом, табл. VI, рис. 3.

[234] Там же; альбом, табл. VI, рис. 6.

от шейки сосуда [235]. Однако особый интерес представляет погребение 10. При плохо сохранившемся костяке находились два лепных горшка с горлом шире диаметра тулова, уплощенным дном и примесью ракушки в тесте. Орнамент в виде резных, горизонтально поставленных круговых линий с косыми наколами под резными линиями. Указанные сосуды по своей форме совершенно аналогичны двум сосудам (один сохранился только в нижней части) из погребения 2 кургана № 42/25 у с. Мастюгино на Среднем Дону. Их отношение к абашевской культуре не вызывает сомнений.

Следовательно, в керамике и этой курганной группы наблюдаются определенные элементы абашевской культуры.

Наконец, третий пример. На ряде памятников в районе города Вольска и на некоторых памятниках «Хвалынских городищ» обнаружена своеобразная керамика с большой примесью толченой ракушки в тесте [236]. Среди этих памятников особый интерес представляет Вольское городище.

Согласно описанию П. Д. Степанова, Вольское городище содержит три культурных слоя, последовательность которых определяется только на основании сборов керамики. Поэтому судить о толщине культурного слоя и его стратиграфии не представляется возможным. По сообщению автора, верхний слой содержит материал городецкой культуры с «рогожной» керамикой, средний слой дает небольшое количество материала, относящегося к срубно-хвалынскому времени в пределах II—I тысячелетия до н. э., и третий слой содержит плоскодонную керамику с большим количеством толченой ракушки в тесте.

Относительно керамики этого городища П. Д. Степанов замечает, что обломки посуды нижнего слоя резко отличаются от обломков верхнего и среднего слоев формой, орнаментом и примесью толченой ракушки в тесте и не имеют с ними никакой генетической связи. Не имея ясного представления о стратиграфии этого слоя, поскольку раскопки не производились, автор считает все же возможным датировать его временем неолита на основании случайных и немногочисленных сборов сходной керамики на Нижнем Дону во время строительства Волго-Донского канала (сборы производились в трех пунктах на левом берегу Дона и напротив станицы Цымлянская).

Обративший внимание на эту керамику и посвятивший ей специальную заметку, А. А. Формозов отметил, что она содержит в ка-

---

[235] В. П. Шилов. Отчет о раскопках Астраханской экспедиции в 1959 году. Архив ИА АН СССР, стр. 11, 12; альбом, табл. VII, рис. 4 и 5.

[236] П. Д. Степанов. Вольское городище. «Археологический сборник». Тр. Сарат. областн. краев. музея, 1956, вып. 1, стр. 5—21, рис. 2—4, 6—8 (далее — Вольское городище); Он же. Хвалынские городища. «Археологический сборник» Тр. Сарат. областн. краев. музея, 1960, вып. 3, стр. 50 и сл. Особенно см. стр. 58, где дана таблица с указанием примеси ракушки на городище № 17.

честве примеси в тесте огромное количество толченой ракушки, хорошо сделана, поверхность у нее ровная, серого цвета с графитным оттенком, профилировка несложная, на сосудах имеются венчики с «воротничком» и цилиндрические, переходящие в бочковидные стенки. На основании находки одного днища А. А. Формозов предполагает, что керамика была плоскодонной [237]. Автор отмечает также, что форма сосудов с цилиндрическим горлом близка к форме среднеднепровской и фатьяновской керамики, а датировку производит по методу исключения. Он рассуждает так: поскольку на Нижнем Дону шло нормальное развитие степных культур эпохи бронзы, а такая керамика не встречена ни в ямной, ни в катакомбной, ни в срубной культурах, то ее нельзя считать местной керамикой эпохи бронзы и поэтому следует относить к неолитическому времени [238]. В свою очередь П. Д. Степанов, на основании сходства керамики Вольского городища с только что рассмотренной, датирует ее также неолитическим временем, считает ее пришлой из Нижнего Дона [239].

Мы не имеем возможности в настоящее время говорить о сходстве или различии керамики этих двух районов. Однако уже один тот факт, что эта керамика имеет плоское дно, заставляет сомневаться в столь ранней ее дате. Более того, форма венчиков на керамике Вольского городища, равно как и орнаментация этой керамики, не говоря уже о примеси толченой ракушки в ее тесте, имеет аналогии скорее всего в абашевской керамике Среднего Дона. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить керамику Среднего Дона из поселения № 8 у с. Вознесенка и из других памятников (рис. 48; рис. 50, *12*, *14—16*, *18*, *20*; рис. 51, *5*, *7*; рис. 57, *7*, *8*, *10*, *11*; рис. 58, *4*, *5*) с керамикой Вольского городища [240].

Правда, керамика Среднего Дона значительно беднее орнаментирована, чем керамика Вольского городища, но это скорее всего различия, с одной стороны, локальные, с другой,— вероятно, хронологические. В таких отличиях могли сказаться и контакты с срубно-андроновскими племенами, оказавшими влияние на декорировку местной абашевской керамики. Ведь известно, что балланбашская керамика по форме мало отличается от абашевской, а ее богатый орнамент отражает многие черты, заимствованные от андроновской керамики.

Таким образом, оспаривая неолитическую дату керамики Вольского городища и связывая ее с абашевскими памятниками позднего периода, мы относим ее к концу II тысячелетия до н. э. и считаем возможным выводить ее по происхождению не из Нижнего

---

[237] А. А. Формозов. Неолитическая керамика Нижнего Подонья. КСИИМК, 1954, вып. 53, стр. 134 и сл., рис. 60 и 61.
[238] А. А. Формозов. Указ. соч., стр. 137.
[239] П. Д. Степанов. Вольское городище, стр. 17—21.
[240] Там же, рис. 6, 7 и 8.

Подонья, а с севера. Не противоречит этим выводам и рассмотренный выше материал из раскопок К. Ф. Смирнова и В. П. Шилова.

К западу от Дона в настоящее время мы можем отметить только несколько пунктов, которые так или иначе можно связать с абашевской культурой. В частности, известен один сосуд остроребероной формы абашевского типа из верховьев р. Псел бывшего Обоянского уезда Курской губ. Сосуд этот упомянут в докладе К. П. Сосновского «Городища и курганы в бассейне верхнего течения р. Псел в пределах Обоянского уезда Курской губернии», прочитанного 28 апреля 1910 г. на заседании Курской ученой архивной комиссии (рис. 59, *10*) [241]. Этот сосуд совершенно сходен с абашевскими сосудами из Чувашских курганов [242], из «Частых курганов» (рис. 8, *3*), из поселений № 8 у с. Вознесенка (рис. 50, *1*), из кургана у с. Новый Курлак (рис. 60) и у с. Кондрашовка (рис. 45, *3*). Все они не только одного типа, но имеют и один источник происхождения.

По-видимому, племена абашевцев проникали и значительно южнее. Во время раскопок на поселении у хут. Войновка Красноосколького сельсовета Изюмского района Харьковской обл. на правом берегу р. Оскол, поселении, относящемся к позднему периоду срубной культуры, среди большого числа срубной керамики был найден один фрагмент венчика, ладьеобразно выгнутого на внутренней стороне (рис. 59, *9*). Такие фрагменты венчиков встречаются среди абашевской керамики, есть они и на поселении № 8 у с. Вознесенка (рис. 50, *6*, *7*), в урочище «Частые курганы» (рис. 8, *2*, рис. 9, *5*) и в памятниках баланбашского типа [243].

Возможно, что к этой же группе памятников относится парное погребение в кургане № 9 у хут. Покровское бывшего Валковского уезда Харьковской губ., исследованное В. Е. Данилевичем в 1903 г. [244] Названное погребение относится к раннему периоду эпохи железа (VI—V вв. до н. э.).

Пользуясь описанием, мы сделали примерную реконструкцию этого погребения [245] и попытались связать его с погребением эпохи бронзы, найденным Л. Б. Вейнбергом в 1888 г. в кургане у с. Тюнино, близ г. Задонск Воронежской обл.[246] и, согласно П. П. Ефи-

---

[241] Фотонегатив сосуда хранится в архиве ЛОИА, II, 45016. Сам сосуд в свое время хранился в Курском краеведческом музее.

[242] А. Х. Халиков. Указ. соч., табл. XIII, рис. 18.

[243] «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.», стр. 134, табл. XX, рис. 4 — публикация К. В. Сальникова.

[244] В. Е. Данилевич. Раскопки курганов около хутора Покровского Валковского уезда Харьковской губернии летом 1903 г. Тр. Москов. предварительного комитета по устройству XIII Археологического съезда, вып. 2. М., 1908.

[245] П. Д. Либеров. Памятники скифского времени бассейна Северного Донца. МИА, 1962, вып. 113, стр. 21, рис. 2.

[246] Л. Б. Вейнберг. Раскопки близ гор. Задонска у с. Тюнино («Селище») в 1888 г., стр. 187—188; Он же. Отчет о раскопках у с. Тюнино в 1888 г. ЛОИА, № 49, 1889.

менко и П. Н. Третьякова, относящимся к абашевской группе памятников на Среднем Дону. Думаем, что эти авторы правы [247]. Мы полагаем, что северо-западная ориентировка костяков в этих могилах, подстилка под погребенными и специальное жертвенное место с костями животных — остатков жертвенного мяса в могиле, позволяют объединить их в одну группу, несмотря на значительный хронологический разрыв. Следовательно, и в юго-западном направлении прослеживается наличие абашевских памятников, не противореча таким образом нашему основному положению о движении абашевцев с севера на юг от основных мест их обитания в Среднем Поволжье.

Подведем всему сказанному некоторый итог. В настоящее время на Среднем Дону известно свыше двух десятков курганов и поселений, содержащих памятники абашевской культуры. Сопоставление среднедонской керамики с керамикой Чувашско-Марийского Поволжья приводит к установлению сходства некоторых типов керамики. Это сходство наблюдается прежде всего в типах керамики — круглодонная, плоскодонная или с уплощенным дном и остроребериая. Оно выражается также в орнаментике и особенно в характере глиняного теста — имеет примесь толченой ракушки. Такая керамика характерна для обеих только что упомянутых групп памятников. Это сходство наблюдается и в погребальном обряде — скорченное положение костяков на спине, на правом и левом боку. Однако памятники Среднего Дона, абашевские по происхождению, в значительной части уже отходят от своих ранних прототипов, изменяют свою форму, в них появляется новая керамика, с бедным орнаментом, не известная в ранних памятниках на территории Среднего Поволжья; это большие сосуды не только с уплощенным, но и с совершенно плоским дном, сосуды в виде глубоких широкогорлых мисок, характерные для керамики эпохи поздней бронзы.

Такого рода изменения, как нам кажется, происходят в силу постепенного удаления абашевцев от своей коренной территории и хронологических различий между памятниками, оставленными ими в центре культуры и на периферии. Эти изменения объясняются еще и тем, что в процессе движения абашевских племен устанавливались контакты и связи между ними и другими, инокультурными племенами, что и повело к заимствованию ими новых культурных элементов.

В процессе сопоставления и изучения керамики и отдельных металлических изделий удается установить хронологическое различие между абашевской культурой на Среднем Поволжье и той же культурой на Среднем Дону. Сопоставление же среднедонской керамики этого рода с керамикой Нижнего Поволжья и Приуралья еще больше убеждает нас в том, что движение абашевских племен

[247] П. П. Ефименко, Н. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 87.

происходило не с юга на север, как это предполагали некоторые исследователи, а как раз в обратном направлении — с севера на юг. Возможно, что некоторая часть наиболее ранней абашевской керамики на Среднем и Верхнем Дону будет перекликаться с керамикой чувашского правобережного Поволжья, но абсолютная масса ее не может быть датирована раньше времени волго-вятского этапа абашевской культуры. В этом нас убеждает керамика поселения № 8 у с. Вознесенка и ряда других поселений. Эта керамика показывает, что чем южнее расположены памятники, тем моложе их облик, тем чаще она встречается с поздней керамикой срубной и других культур. В самом деле, керамика Балабашского поселения имеет в своей основе типичные черты абашевской керамики, между тем, она же несет на себе весьма сильное влияние более поздней андроновской культуры с ее прекрасным меандровым узором, совершенно не известным на керамике основной территории абашевской культуры. Такое же явление наблюдается, хотя и не столь ярко, на Среднем Дону. Чтобы подтвердить это, достаточно сопоставить нашу широкогорлую глубокую миску из насыпи кургана № 3 у с. Нижняя Ведуга (рис. 42, *2*) с почти такими же сосудами из поселения Баланбаш; и та и другие украшены одинаковым меандром [248]. Точно так же резной и волнистый орнамент на тулове сосуда, найденного в насыпи того же кургана № 3 (рис. 42, *3—5*), в кургане № 41 в урочище «Частые курганы» (рис. 8, *1*) и на поселении Баланбаш [249], позволяет синхронизировать все эти памятники, датировать их не раньше начала первой четверти первого века до н. э.

Для подтверждения указанной даты существует еще один весьма любопытный факт.

Среди абашевской остроребериой керамики типа миниатюрных сосудиков мы обнаружили целый ряд таких, которые имеют по два отверстия, расположенные на шейке венчика с противоположных друг другу сторон. По-видимому, отверстия специально сделаны для подвешивания сосуда. Такие сосуды нам известны, например, из сборов Т. И. Корнюшина (рис. 60, *1*), из раскопок В. Н. Тевяшова (рис. 46, *1*) и из находок в Курской области (рис. 59, *10*). Это почти половина из восьми известных нам такого типа сосудиков в пределах лесостепи. Поэтому можно сказать, что упомянутые отверстия представляют собой одну из характерных черт абашевской керамики, но лишь на определенном этапе ее развития. В самом деле, анализ абашевской керамики разных и самых отдаленных друг от друга районов показывает, что такого рода отверстия имеют большое значение для установления относительной даты абашевской керамики.

---

[248] «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», стр. 134, табл. XX, рис. 2 и 6 — публикация К. В. Сальникова.

[249] Там же, табл. XX, рис. 5 и 9.

Обратимся к отдельным фактам. В труде, специально посвященном памятникам абашевской культуры в Среднем Поволжье, нет никаких указаний на такого рода отверстия [250]. Просмотр всей керамики, опубликованной в этом издании, не дал положительных результатов. В Среднем Поволжье посуда с такими отверстиями не появляется ни на первом, ни на втором этапах развития абашевской культуры; не обнаружена она и в памятниках Стерлитамакской группы [251]. И лишь известна такая посуда среди находок Магнитогорской группы памятников абашевской культуры [252].

Но что особенно интересно, так это то, что и в Нижнем Поволжье в двух курганных группах у с. Быково, исследованных К. Ф. Смирновым, где мы обнаружили керамику абашевского типа, керамика аналогичного рода имеет отверстия. Здесь отверстия такого рода имеются как на остроребериых сосудиках [253], так и на сосудах биконических, получивших эту новую форму, вероятно, под влиянием срубной керамики [254].

Автор специально подчеркнул в указанной керамике не только наличие таких отверстий, но и примесь толченой ракушки в тесте. И это очень важно потому, что для срубной керамики такие особенности представляются совершенно новыми, необычными. Исходя из существующей датировки памятников Стерлитамакской и Магнитогорской групп, мы приходим к выводу, что остроребериые сосудики абашевского типа приобретают такие отверстия в качестве определенного характерного признака на позднем этапе абашевской культуры, а следовательно, являются очень важным элементом для датировки абашевских памятников на Среднем Дону.

Наш экскурс в поисках абашевских памятников показывает, что в южных степях Поволжья и Подонья ранние памятники абашевской культуры средневолжского типа не обнаруживаются. Имеются лишь сходные по форме сосуды или совершенно иной конструкции, но содержащие примеси ракушки.

Таким образом, у нас складывается представление, что абашевские племена, переждав первую раннюю волну движения на север срубных племен, начали двигаться сами, но уже в обратном направлении — с севера на юг. Это происходило, вероятно, не раньше последней четверти II тысячелетия до н. э. Сумев донести более или менее ясные черты абашевской культуры до районов лесостепи, где они встретили местные племена катакомбной культуры и пришлых срубников, а позднее, вероятно, и андроновцев, они испытали на себе сильное их влияние. Однако, несмотря на

---

[250] «Абашевская культура в Среднем Поволжье». МИА, 1961, вып. 97.
[251] К. В. Сальников. Абашевская культура на Южном Урале, стр. 80, рис. 24.
[252] Там же, рис. 24, *5*, *27*.
[253] К. Ф. Смирнов. Быковские курганы, стр. 181, рис. 6, *14*.
[254] Там же, стр. 198, рис. 11, *4*; стр. 227, рис. 22, *6*.

это, они сохранили некоторые свои специфические черты и приняли участие в сложении культуры эпохи поздней бронзы и раннего железа.

Мы еще как следует не знаем, какие причины побудили абашевские племена двинуться в столь далекие и необычные для них, климатически более теплые, менее лесистые и даже степные области. Надо полагать, что этого требовали экономические процессы, происходившие в хозяйстве абашевских племен. Мы не располагаем пока данными, которые доказывали бы, что абашевские племена на своей прежней территории занимались земледелием. Не найдены пока такие орудия и на территории Среднего Дона среди памятников, которые можно было бы связать с племенами абашевской культуры. Некоторые признаки земледелия, по-видимому, могут быть отмечены только на этапе Баланбаш, с которым связывают обломки зернотерок и бронзовый серп [255].

Скотоводство у абашевских племен хорошо документируется по остеологическому материалу. Однако на территории Среднего Поволжья кости домашних животных известны только из погребальных комплексов, поскольку поселения до сих пор здесь не были обнаружены [256]. В лесостепных районах теперь известны и поселения, которые дали небольшой остеологический материал, раскрывающий уровень развития скотоводства у абашевских племен. Мы уже могли в этом убедиться по остеологическому материалу с поселения № 8 у с. Вознесенка. В поселении Баланбаш, близком по времени поселению у с. Вознесенка, найдены кости особей крупного рогатого скота (41%), столько же свиньи, костей особей мелкого рогатого скота 12% и лошади 6%. Как видим, состав домашних животных у абашевских племен на более позднем этапе указывает на пастушеское скотоводство с преобладанием в составе стад крупного рогатого скота и свиньи. Однако и пастушеское скотоводство по мере его развития требовало расширения пастбищ, пригодных к использованию не только летом, но и зимой и таких угодий, которые облегчали бы заготовку корма для скота на зиму. Лесостепные районы с их смешанным лиственным лесом и дубравами, дающими желуди для подкормки свиней, могли создать наиболее благоприятные условия для занятия скотоводством.

Таковы, нам кажется, те основные причины, которые побуждали абашевские племена к широкому движению в южном направлении.

---

[255] «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», стр. 132—публикация К. В. Сальникова; К. В. Сальников. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952, стр. 74.

[256] П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 52—53.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение памятников эпохи бронзы на Среднем Дону привело к раскрытию длительных и сложных процессов развития и взаимоотношений между племенами древних культур: катакомбной, срубной и абашевской, а позднее и позднеандроновской. Удалось установить хронологическую последовательность проникновения на Средний Дон племен срубной и абашевской культур и их участие в сложении культуры эпохи раннего железа.

Существующее до сих пор представление о том, что катакомбная культура так называемого воронежского варианта завершила свое существование в начале второй половины II тысячелетия до н. э., должно быть отвергнуто. Наши исследования показывают, что катакомбная культура на Среднем Дону доживает до конца эпохи бронзы, а отдельные элементы ее наблюдаются еще в памятниках эпохи раннего железа в виде ритуальных ямок — «бофров», некоторых типов керамики и ее орнамента.

Срубная культура на Среднем Дону представляется пришлой. Влияние ее на местные культуры не вызывает сомнений. Однако это влияние не было настолько сильным, чтобы привести к полной ассимиляции культуры местных племен. Не было и того единства срубной культуры, которое, по утверждению некоторых исследователей, образовалось уже на первом ее этапе (начало третьей четверти II тысячелетия до н. э.).

Этому противоречат, с одной стороны, некоторые особенности срубной культуры на Среднем Дону сравнительно с основной ее территорией и, с другой, — доживание катакомбной и абашевской культур вплоть до начала эпохи раннего железа. Новые исследования показывают также, что срубная культура на Среднем Дону существовала и на втором, позднем этапе на довольно широком пространстве. Наиболее ярким признаком керамики срубной культуры второго этапа считался налепной валик на ней.

Однако такая керамика на территории Среднего Дона, в отличие от степных причерноморских и некоторых лесостепных районов, не была широко распространенной. Наши исследования показали, что керамика с налепным валиком на Среднем Дону

появляется уже в начале второго периода срубной культуры, но она отличается от валиковой керамики более позднего времени.

Валик на керамике раннего типа срубной культуры встречается как будто бы чаще, он невысокий в разрезе, расчленен насечками и часто располагается на шейке или на плечиках сосуда, тогда как валик на посуде более позднего периода встречается несравненно реже, он более высокий, как правило, не расчленен и расположен под венчиком сосуда; такая поздняя керамика известна пока только на одном позднем поселении у хут. Сасовка II в виде двух обломков от венчиков. Это может быть объяснено сложностью отношений между племенами срубной и абашевской культур к началу второго периода срубной культуры на Среднем Дону (последняя четверть II тысячелетия до н. э.).

Сейчас трудно представить характер взаимоотношений племен, представляющих катакомбную, срубную и абашевскую культуры. В настоящее время без широких исследований поселений с достаточно четкой стратиграфией невозможно ответить на вопросы — было ли это узкое или широкое чересполосное сосуществование разных племен, влиявших друг на друга, или было такое время, когда на территории Среднего Дона сохранялась монолитность одного из племен? На основании доступных материалов можно сказать лишь то, что в наиболее массовом материале — керамике имеются такие черты, которые сочетают в себе разнокультурные элементы. По-видимому, древние племена в процессе контактов уже в эпоху бронзы создают общие формы, которые на базе трех культур получают свое окончательное развитие в эпоху раннего железа.

Это не означает, однако, что такое развитие шло на основе «демократических» начал без преобладания роли какой-то одной культуры. Но как, когда и в какой форме происходило это преобладание, мы не знаем.

Наши исследования показывают лишь последовательность появления и несомненность существования на Среднем Дону названных культур. Думается, что нам удалось доказать, что абашевская культура на Среднем Дону представляется более поздней не только по сравнению с абашевской же Поволжской, но и срубной культурой первого ее периода. Появившись здесь в последней четверти II тысячелетия до н. э., носители этой культуры продолжали свое движение на юг до степных районов и на рубеже II—I тысячелетий или в начале I тысячелетия до н. э. приостановили влияние срубных племен в лесостепной части Подонья, ограничили дальнейшее проникновение и влияние срубной культуры на ее позднем этапе.

Спрашивается, чем объясняется такая последовательность переселения племен преимущественно в меридиональном направлении и почему несколько позднее срубные племена двигались уже не на север, а главным образом на запад — на широкие простран-

ства степей Северного Причерноморья? Объяснить эти конкретно-исторические явления периода эпохи бронзы чрезвычайно затруднительно из-за недостаточности материала, характеризующего уровень развития производительных сил и особенно степень развития скотоводства. Однако общая схема этого процесса может быть довольно убедительно показана с учетом законов общественного развития.

В одной из своих работ К. Маркс указывал, что движущей силой переселения племен и народов является «давление избытка населения на производительные силы». Избыточная часть населения древней Греции и Рима, варваров плоскогорий Азии, племен скотоводов и охотников была вынуждена покидать старые обжитые места и занимать новые территории в силу необеспеченности средствами существования [257].

И действительно, экономической основой хозяйства срубных и абашевских племен уже в начальном периоде их движения было пастушеское скотоводство наряду с подсобными видами занятий — охотой, рыболовством и отчасти, по-видимому, земледелием [258]. Существующий уровень производства и прежде всего наиболее производительной его части, скотоводства, не обеспечивали потребностей растущего населения, в результате чего появился резкий разрыв между ними.

Преодоление этого разрыва в тот период возможно было лишь на базе перехода от пастушеского скотоводства к кочевому, как наиболее производительному виду хозяйства, поскольку охота и рыболовство не могли обеспечить более прочных и постоянных средств существования, а земледелие для своего широкого развития еще не имело достаточной основы. Во-первых, для перехода к кочевому скотоводству пастушеское скотоводство еще не обладало необходимыми стадами лошадей, которые могли бы обеспечить круглогодичный выпас всего стада домашних животных. Это было еще в перспективе далекого будущего. Во-вторых, в степи при отсутствии условий для заготовки необходимого количества кормов на зиму невозможно было развитие скотоводства на широкой основе.

Из данных, приведенных в нашей работе относительно состава стад у срубных племен в период их пребывания на Среднем Дону (поселение Монастырщина), мы могли убедиться в том, насколько был мал процент лошадей в стаде домашних животных. Эти данные показывают, что срубные племена далеко еще не были готовы к кочевой жизни.

Где же выход? Решение скотоводческой проблемы, а следовательно, и обеспечение населения средствами к существованию надо

---

[257] К. Маркс. Вынужденная эмиграция. См. К. Маркс. Об Англии. М., Госполитиздат, 1953, стр. 333.

[258] А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы. М.— Л., 1935.

было искать в переселении в наиболее благоприятные для скотоводства области. Лесостепные районы с их черноземными землями, богатыми пойменным подножным кормом и лиственными лесами, обеспечивающими заготовку кормов на зиму, более всего отвечали этим требованиям.

Значение заготовки кормов для скота за счет листвы деревьев в это время трудно переоценить. Еще в эпоху поздней бронзы срубно-хвалынские племена для заготовки таких кормов прекрасно использовали бронзовые ножи-резаки [259]. В античном мире культивировалась специальная заготовка древесной листвы для подкормки скота в зимний период. Крупный римский землевладелец Марк Порций Катон, написавший специальное руководство по ведению хозяйства на частновладельческой усадьбе под названием «Земледелие», по поводу заготовки корма для скота говорит следующее: «Листву тополевую, вязовую и дубовую срезай своевременно, складывай ее, пока она не пересохла, на корм овцам». И еще: «По межам и дорогам сажай вязы и частью тополи, чтобы иметь листья для овец и волов» [260].

Следовательно, заготовке листа на корм скоту придавалось большое значение даже в условиях высокоорганизованного римского хозяйства.

Нам кажется, что племена срубной культуры в начальном периоде своего развития стояли перед весьма трудной кормовой проблемой, возникающей с развитием скотоводства. Можно думать, что поиски более прочной и надежной кормовой базы и послужили первой и самой важной причиной движения их в лесостепные районы Подонья и Поволжья. Потребность такого передвижения у срубных племен возникла значительно раньше, чем у племен лесных областей, занимающихся в это время, вероятно, больше охотой и рыболовством и меньше скотоводством. Однако по мере развития скотоводства и у абашевских племен, селившихся преимущественно в лесах, проблема кормовой базы, особенно в зимнее время, становилась такой проблемой, от решения которой зависели дальнейшие судьбы скотоводства. Поэтому движение абашевских племен в лесостепные районы стало реальной необходимостью. Это был период, когда отмечается особенно широкое распространение абашевских племен в южном направлении.

Но скотоводство того времени не получило бы широких возможностей для своего дальнейшего развития, если бы оно опиралось только на использование естественных природно-ландшафтных условий и не подготавливало условий для круглогодичного содержания скота на подножном корму. Первобытному человеку уже в то время была известна высокая приспособленность лошади к тебеневке, и эти ее качества были прекрасно использованы.

---

[259] В. В. Гольмстен. «Серпы» из Сосновой мазы. Проблемы истории материальной культуры, 1933, № 5—6.

[260] Марк Порций Катон. Земледелие. М.— Л., 1950, ст. 12—13.

Остеологический материал поселений, взятый в хронологической последовательности (см. выше), дает прекрасную иллюстрацию того процесса увеличения количества лошадей в составе стада домашних животных, который отражает не только количественные изменения в направлении подготовки перехода пастушеского скотоводства к кочевому скотоводству. Этот процесс происходил немного раньше у срубных и несколько позднее у абашевских и катакомбных племен.

Качественное изменение стада определило и направление движения племен. Теперь у срубных племен не было необходимости двигаться в лесостепные районы, они с успехом могли использовать широкие пространства степей Северного Причерноморья. Уступая давлению абашевских племен, двигавшихся с Севера, они охотно изменили направление своего переселения.

В свою очередь и абашевские племена, достигнув известного уровня развития скотоводства, не боялись расширить свою экспансию в степные районы.

Таковы наши соображения относительно условий экономического развития племен и причин, вызвавших далекие миграции.

Эти соображения можно считать предварительными, поскольку для более широкого обоснования указанных процессов недостаточно материала. Накопление материала позволит расширить и углубить наши познания действительного исторического процесса в этой области.

В. И. Гуляев

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ У с. РУССКАЯ ТРОСТЯНКА

Поселение № 3 у с. Русская Тростянка

До недавнего времени сведения о памятниках эпохи бронзы на территории Среднего Дона были крайне немногочисленны и отрывочны. Дореволюционные исследователи ограничились раскопками отдельных курганов и сбором случайных находок. В советский период, особенно в 30-е годы, в связи с огромным размахом строительных работ, археологические экспедиции значительно расширили диапазон своих действий, причем серьезное внимание уделялось исследованию поселений. Разведочные работы Н. В. Валукинского [1] и Г. В. Подгаецкого [2] в окрестностях Воронежа, открытие Н. М. Рогачевым поселения эпохи бронзы Костенки IV [3] и, наконец, исследование Г. В. Подгаецким интереснейшего поселения срубной культуры у с. Монастырщина [4] значительно расширили наше представление о характере культуры эпохи бронзы на Среднем Дону. К моменту появления обобщающей работы О. А. Кривцовой-Граковой [5] в Воронежской области было известно уже четыре поселения срубной культуры (Костенки IV, поселение на территории г. Воронежа, Лукьяновка, Монастырщина) и целый ряд курганных могильников этого периода. О. А. Кривцова-Гракова суммировала весь накопленный материал и сделала ряд важных выводов относительно особенностей культуры эпохи бронзы на Среднем Дону. В работе дается тщательный анализ керамики срубной культуры первого периода. Однако недостаток материала вынудил автора заявить об отсутствии памятников второго периода срубной культуры на Среднем Дону [6].

Начиная с середины 50-х годов, широкие археологические исследования в данном районе проводит Воронежский отряд Лесостепной скифской экспедиции, возглавляемой П. Д. Либеровым. За истекший период обследованию и раскопкам подверглась значительная территория правобережья Дона, включая бассейны его правых притоков: Ведуги, Девицы, Потудани и Тихой Сосны. В резуль-

---

[1] Н. В. Валукинский. Материалы к археологической карте территории г. Воронежа. СА, 1948, вып. X.

[2] «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.» М.—Л., 1941.

[3] Коллекции МАЭ.

[4] Архив ЛОИА, № II, 40842—40869, № I, 25467—25472.

[5] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 1955, вып. 46.

[6] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 94.

тате этих работ количество известных памятников эпохи бронзы на территории Среднего Дона значительно возросло. Только поселений второго периода срубной культуры, ранее здесь совершенно не известных, было обнаружено четыре (поселения № 1 и в урочище «Частые курганы», поселение № 2 у хут. Сасовка II, поселение № 3 у с. Русская Тростянка). Полученный в большом количестве новый материал позволяет в некоторой степени охарактеризовать особенности культуры эпохи бронзы на Среднем Дону: характер взаимодействия и хронологические рамки памятников срубной и катакомбной культур, степень влияния абашевских элементов на местную культуру, характер памятников второго периода срубной культуры на Среднем Дону и т. д.

Настоящая работа посвящена в основном характеристике двух интересных памятников второго периода срубной культуры у с. Русская Тростянка Острогожского района — поселения № 3 и кургана № 2. Значение названного поселения определяется тем, что этот однослойный памятник срубной культуры существовал в течение сравнительно короткого времени и не подвергался сколько-нибудь заметным инокультурным влияниям. Кроме того, вблизи поселения при исследовании курганного могильника скифского периода был вскрыт курган эпохи бронзы, относящийся по ряду признаков ко времени, близкому времени существования поселения. Последующее обследование окрестностей с. Русская Тростянка позволило обнаружить еще несколько поселений этого же периода (поселения № 4 и 5), подвергшихся, однако, в результате распашки сильному разрушению. Здесь мы имеем дело с таким сочетанием погребальных и бытовых комплексов, которые при подробном анализе смогут дать интересные данные для изучения местной культуры эпохи бронзы.

Поселение № 3 было открыто во время разведочных работ 1960 г. близ южной окраины с. Русская Тростянка на склоне мыса, известного у местных жителей под названием «Блинчатый». Мыс, на котором расположено поселение, ежегодно распахивается, так что значительная часть культурного слоя подверглась разрушению. В 1961 г. на территории поселения № 3 было заложено три раскопа общей площадью около 148 м². Раскопы были расположены вниз по склону мыса, начиная с его середины (раскоп I — 8 × 4 м; раскоп II — 6 × 10; раскоп III — 4 × 10 + + 4 × 4 м).

Уже работы в раскопе I показали, что культурный слой поселения в значительной степени разрушен пахотой: находки встречались лишь на глубине 30 см от современной поверхности. На подошве второго штыка повсюду появилась желтая материковая глина. Находки из раскопов I и II состояли главным образом из обломков керамики и костей животных.

В раскопе III, почти в его центре при вскрытии второго штыка были обнаружены большие камни, расположенные почти правильным полукругом, длинная ось которого (по линии запад — восток) составляла 1,2 м, а короткая (линия север — юг) — 0,9 м. Слой земли вокруг камней был светлым и сильно насыщен золой. Внутри этого полукруга найдены разбитые кости животных, черепки от одного сосуда, много золы и мелких угольков [7]. Земля (материковая глина) под камнями и внутри полукруга была сильно прокалена и имела багровый цвет. Каких-либо признаков сооружения, с которым можно было бы связать этот очаг, обнаружить не удалось. Очевидно, это был очаг открытого типа, что довольно часто встречается на поселениях эпохи бронзы [8].

Найденная керамика довольно разнообразна, но преобладают обломки баночных сосудов различных видов. Так, из 87 венчиков баночных сосудов, подвергшихся изучению, 46 имели края, загнутые внутрь, и 35 — прямой край. При этом следует обратить внимание на тот факт, что в группу баночных сосудов с загнутым внутрь краем входит несколько венчиков от семи-восьми сосудов (с диаметром свыше 30 см), которые по своему профилю напоминают глубокие миски или чаши

[7] П. Д. Либеров. Отчет Воронежского отряда Лесостепной скифской экспедиции за 1961 г. Архив ИА АН СССР; альбом, табл. XIX, рис. 4 (далее — Отчет... за 1961 г.).

[8] «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», стр. 156.

(рис. 1, *1*, *10*, *13*, *14*, *17*). Подобные сосуды неоднократно встречались и на других поселениях Среднего Дона, относящихся ко второму периоду срубной культуры Костенки IV [9], Сасовки II [10], и на поселении г. Воронежа [11].

Подобная керамика характерна для поздних памятников эпохи бронзы территории Среднего Дона и в известной степени может служить местным признаком позднего этапа срубной культуры.

Из других типов сосудов нужно отметить несколько фрагментов остроребер-ной керамики, украшенных разнообразным орнаментом (рис. 1, *2*, *22*); и один обломок сосуда с мягко отвернутым наружу венчиком (рис. 1, *8*, 2, *2*). Таким образом, остроребер-ные сосуды составляют ничтожную часть всей изученной керамики, господствующей формой посуды является баночный горшок, изредка украшенный несложным орнаментом. Из 87 взятых на поселении венчиков только 22 (или немногим менее 25%) имели орнамент, состоящий из различного рода ямок и резных линий. Особенно часто встречаются резные треугольники и ромбы, находящиеся в различных сочетаниях с ямками (рис. 2), кроме того, изредка встречаются узоры, нанесенные гребенчатым штампом (рис. 2, *10—16*). По цвету поверхности преобладают сосуды серой и серовато-желтой окраски (53 фрагмента из 87). Черепок в изломе обычно мелкозернистый и, как правило, двухслойный: наружный, очень тонкий — серый и желтый; в центре — черный. Из примесей в тесте сосудов преобладают, в основном, мелкая шамотная крошка и песок.

Днища, все без исключения, имеют четко выраженные закраины, что характерно для поздней керамики (рис. *1*, *23—30*).

Материал из поселения № 3 у с. Русская Тростянка, как уже указывалось, характерен для памятников второго периода срубной культуры на Среднем Дону. В керамике описываемого поселения, как и в керамике других поселений этого времени (XII—IX вв. до н. э.) — поселения № 1 и 4 в урочище «Частые курганы», Монастырщина, Сасовка II, Костенки IV,— прослеживаются общие для этого периода черты — преобладание сосудов простых баночных форм, почти полное исчезновение остроребер-ных сосудов с мягко профилированным отогнутым венчиком, преобладание серой по цвету посуды и т. д.

Укажем на некоторые более конкретные аналогии. Так, интересный фрагмент керамики с меандровым узором, инкрустированным белой пастой, с поселения № 3 (сборы 1960 г. рис. 1, *22*) имеет близкие параллели среди материалов из поселения у хут. Войновка на р. Оскол [12], которое относится к концу II тысячелетия до н. э.[13] Аналогичный меандровый узор имеется на фрагменте сосуда с поселения срубно-хвалынского времени (второй период) у хут. Ляпичев Калачевского района Волгоградской обл.[14] и на сосуде из кургана № 4 у с. Михайловка бывшего Александровского уезда Екатеринославской губ.[15] На поселении № 3 найдены, кроме того, еще 3 обломка керамики с инкрустацией белой пастой по резному узору (рис. 1, *8*, рис. 2, *9*). Этот прием является, по всей вероятности, местной особенностью срубной керамики Среднего Дона, что отметила в свое время О. А. Кривцова-Гракова [16].

Сосуды с узорами, заполненными белой пастой, известны на поселении у с. Лукьяновка и на поселении № 2 у хут. Сасовка II на р. Потудань. Керамика с Сасовского поселения № 2 определенно относится ко второму периоду срубной

---

[9] Коллекции МАЭ.

[10] П. Д. Либеров. Отчет... за 1961 г. Архив ИА АН СССР.

[11] «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», стр. 157.

[12] П. Д. Либеров. Поселения у хуторов Войновки и Шведовки на р. Осколе. КСИА, АН УССР, 1961, вып. 11, стр. 55, рис. 2,4.

[13] Там же, стр. 56.

[14] И. И. Ляпушкин. Из полевых изысканий разведочного отряда Волго-Донской экспедиции 1950 г. КСИИМК, 1953, вып. L, стр. 129, рис. 54, *1*.

[15] Д. И. Эварницкий. Раскопка курганов в пределах Екатеринославской губ. Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 143, рис. 16.

[16] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 92.

Рис. 1. Керамика эпохи бронзы

1—5, 7—30 — из поселения № 3 у с. Русская Тростянка; ***6*** **— из кургана № 2** у с. Русская Тростянка

Рис. 2. Керамика с поселения № 3 у с. Русская Тростянка

культуры, на что указывают находки сосудов с валиковыми налепами [17]. Керамика с узором, заполненным белой пастой, была отмечена и в районе Донца, где в одном из курганных погребений был найден черный лощеный горшок с узором, заполненным белой пастой [18]. Как известно, в скифский период на территории правобережной лесостепи Украины и в бассейне р. Ворскла получает большое распространение черная и серая лощеная керамика с орнаментом, заполненным белой пастой. Вполне возможно, что этот прием орнаментики сохранился еще от предшествующего периода, т. е. от второго периода срубной культуры.

Венчик сосуда из раскопа III, орнаментированный треугольниками, нанесенными зубчатым штампом (рис. 1, *5*), находит близкие аналогии среди сосудов с поселения у с. Подбельщина Куйбышевской обл., относящегося ко второму периоду срубной культуры [19].

Наиболее распространенным видом орнамента на керамике с поселения № 3 у с. Русская Тростянка является орнамент в форме зерновидных ямок, нанесенных в один ряд под венчиком сосуда (рис. 2, *1*, *3—5*). Подобный орнамент неоднократно встречался среди керамики с поселения у хут. Войновка [20], с поселений № 1 и 4 близ урочища «Частые курганы» [21], с поселения № 2 у хут. Сасовка II [22], с поселения в пределах г. Воронежа [23] и др. поселений, относящихся к позднему этапу срубной культуры.

Таким образом, учитывая особенности керамики поселения № 3 и те аналогии, которые дают синхронные поселения Среднего Дона, его можно отнести ко второму периоду срубной культуры, т. е. к XII—IX вв. до н. э.

Курган № 2 у с. Русская Тростянка

Большой курганный могильник, расположенный к северу от села, впервые подвергся исследованию в 1959 г., когда было раскопано два небольших кургана. Курган № 1 содержал довольно богатое погребение скифского времени. В кургане № 2 было обнаружено восемь сильно разрушенных погребений эпохи бронзы. Он имел сравнительно небольшие размеры: 12 м в диаметре и около 0,3 м высоты [24]. В западной части кургана на глубине 0,35 м было обнаружено погребение 1 (рис. 3), состоявшее из нескольких обломков длинных костей ног и грубого лепного сосуда в обломках (рис. 4, *1*). К северо-западу от погребения 1, в той же половине кургана, на глубине 0,4 м было обнаружено детское погребение (погребение 2). От костяка сохранились остатки ребер и обломки черепа. К востоку от костей находился разбитый баночный сосуд небольшого размера (рис. 4, *3*). При исследовании этой части кургана были найдены обломки лепных сосудов.

В восточной половине на глубине 0,2 м также было обнаружено несколько фрагментов лепных сосудов, а на глубине 0,4 м — два лепных сосуда. Один из них представляет собой широкогорлую банку высотой 13 см, диаметр горла — 15 см, диаметр дна — 8,5 см. Поверхность серо-желтого цвета и имеет вертикальную штриховку, идущую от венчика вниз (рис. 4, *2*). Другой сосуд аналогичной формы, но несколько меньших размеров, украшен довольно сложным узором в виде резной горизонтальной полоски, проходящей вдоль шейки сосуда, и свешивающихся резных треугольников, заполненных зерновидными ямками (рис. 5, *1*).

---

[17] П. Д. Либеров. Отчет... за 1961 г. Архив ИА АН СССР; а также см. настоящий том, рис. 28, *7—9*.

[18] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.

[19] Там же, рис. 8, *2*.

[20] П. Д. Либеров. Поселения у хуторов Войновки и Шведовки на р. Осколе, стр. 54, рис. 2, *27*.

[21] П. Д. Либеров. Отчет... за 1956 г. Архив ИА АН СССР, стр. 84.

[22] П. Д. Либеров. Отчет... за 1961 г. Архив ИА АН СССР.

[23] «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», стр. 156—157.

[24] Раскопки производились тремя кольцевыми траншеями.

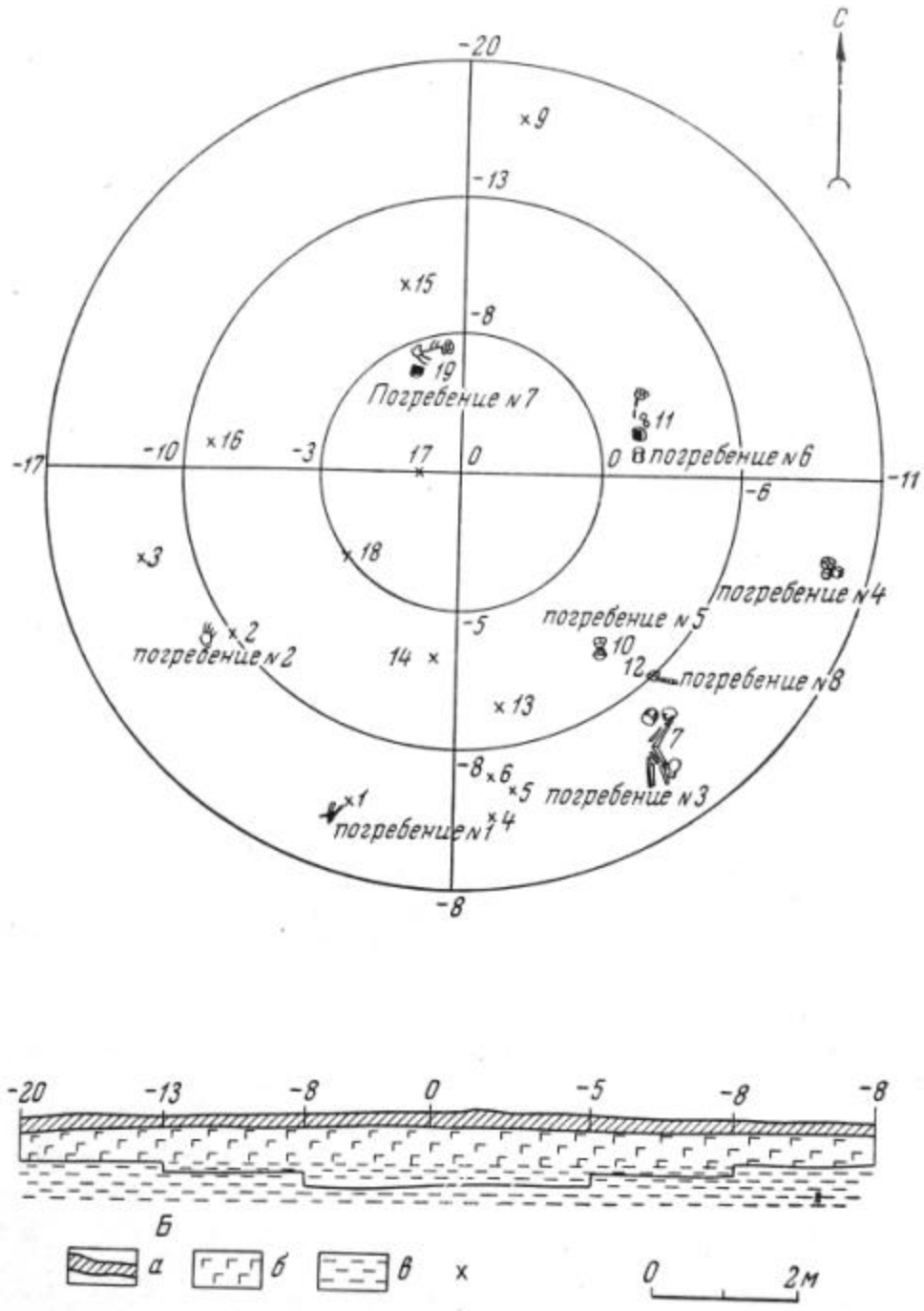


Рис. 3. Курган № 2 у с. Русская Тростянка

А — план кургана; *Б* — профиль кургана по линии С — Ю; *а* — пахотный слой; *б* — чернозем; *в* — материк; × *1, 2, 7, 8, 10, 11, 12, 19* — погребения; × *3, 6, 9, 16* — находки керамики (штык 3); × *4* — находки керамики (штык 1); × *5, 14, 15, 17* — находка керамики (штык 2); × *13, 18* — находки керамики (штык 4)

Рис. 4. Лепные сосуды из кургана № 2 у с. Русская Тростянка

1 — из погребения 1; *2* — из траншеи I (× ¼ плана); *3* — из погребения 2; *4* — из траншеи I; *5* — из погребения 6; *6* — из погребения 3; *7* — из траншеи III

К юго-востоку от центра кургана было вскрыто погребение 3. Костяк очень плохой сохранности лежал в скорченном положении на правом боку, ноги сильно прижаты к тазу, голова ориентирована на север (рис. 6, *1*). С западной стороны перед грудью погребенного стоял лепной сосуд с венчиком, загнутым внутрь, без шейки, по форме этот сосуд близок остроребериым. Высота его около 14 см, диаметр горла — 16 см, диаметр дна — 9 см. Поверхность у него гладкая, желто-серого цвета (рис. 4, *6*). Погребение 4 было расположено к востоку-юго-востоку от центра. От детского костяка очень плохой сохранности осталось лишь несколько обломков черепа. По южную сторону черепа стояло два раздавленных сосуда. Сосуд покрупнее имел баночную форму. Чуть ниже венчика был нанесен орнамент в виде зерновидных ямок. Высота сосуда — 10,5 см, диаметр горла — 12 см, диаметр дна — 9 см. Поверхность — серого цвета с желтыми пятнами (рис. 5, *3*). Другой миниатюрный сосудик с желтой поверхностью имел широкое горло в виде раструба и узкое дно. Высота его составляла всего лишь 6,5 см, диаметр горла — 8,5 см, дна — 5 см (рис. 5, *5*). Несколько юго-западнее от погребения 4, в погребении 5, на глубине 0,4 м были найдены остатки детского черепа и раздавленный остроребериый сосуд с орнаментом. Сосуд имеет довольно оригинальную форму: высокая шейка заканчивается почти на середине тулова уступом. Шейка орнаментирована большими соприкасающимися ромбами с перекрестиями (рис. 5, *7*).

На глубине 0,5 м на поверхности близ центра кургана были найдены остатки погребения 6 в виде раздавленного черепа и плечевой кости (рис. 6, *2*). Положение костяка определить невозможно. К югу от черепа лежали два лепных сосуда: один — баночный без орнамента, но с вертикальной штриховкой (рис. 4, *5*), другой — остроребериый с елочным орнаментом, нанесенным гребенчатым штампом (рис. 5, *2*). Около остроребериого сосуда, находившегося близ черепа, лежали две бабки особи крупного рогатого скота. В разных местах близ погребения были найдены обломки лепных сосудов.

Погребение 7 было обнаружено на глубине 0,8 м, почти на уровне грунта близ центра кургана. Костяк плохой сохранности принадлежал ребенку (рис. 6, *3*), лежавшему в скорченном положении на левом боку, головой на северо-восток. С южной стороны, чуть ниже колен, стоял лепной горшок с желтой поверхностью, орнаментированный гребенчатым штампом. Узор состоит из треугольников, опущенных вершинами вниз и окаймленных зерновидными ямками. Высота сосуда — 10 см, диаметр горла — 12 см, диаметр дна — 9 см (рис. 5, *4*).

В восточной половине кургана на глубине 0,75 м близ погребения 5 были найдены остатки погребения 8 в виде отдельных обломков черепа и трубчатой кости. В различных частях кургана было обнаружено еще несколько лепных сосудов, не связанных с погребениями.

1. Во второй траншее юго-восточного сектора на глубине 0,6—0,7 м был найден лепной горшок, украшенный резным орнаментом в виде треугольников, заполненных зерновидными ямками (рис. 5, *6*). Высота сосуда — 11,5 см, диаметр горла — 19 см, диаметр дна — 8,5 см. Поверхность — желтая.

2. Во второй траншее юго-западного сектора на глубине 0,4 м был найден баночный сосуд с желтой поверхностью, украшенный резным орнаментом в виде зигзагов. Высота сосуда — 10,5 см, диаметр горла — 12,5 см, диаметр дна — 7,5 см (рис. 5, *8*).

3. Близ центра кургана в третьей траншее на глубине 0,35 м был найден высокий лепной горшок с желтой поверхностью. Высота его — 18,2 см, диаметр горла — 16,4 см, диаметр дна — 10,5 см (рис. 4, *4*).

4. И, наконец, в юго-западном секторе, в третьей траншее, на глубине 0,6—0,9 м был обнаружен большой горшок желтого цвета высотой 23,5 см, диаметр горла — 21 см, дна — 11 см (рис. 4, *7*).

Таким образом, в кургане обнаружено всего восемь погребений и отдельные сосуды. Из восьми погребений шесть находились в почве ниже уровня горизонта и только два — на уровне грунта. Положение погребенных и их ориентировку удалось проследить только в двух случаях — в погребении 7, где костяк лежал в скорченном положении на левом боку, головой на северо-восток,

Рис. 5. Орнаментированные лепные сосуды из кургана № 2 у с. Русская Тростянка

1 — из траншеи 1; *2* — из погребения 6; *3* — из погребения 4; *4* — из погребения 6; *5* — из погребения 4; *6* — из траншеи 11; *7* — из погребения 5; *8* — из траншеи 11

и в погребении 3, где костяк, находясь в скорченном положении на правом боку, был ориентирован головой на север.

Интересно, что из восьми исследованных погребений четыре оказались детскими. Это дает основание предполагать, что данный курган служил семейной усыпальницей.

Анализ керамики и погребального обряда позволяет довольно определенно связывать рассмотренные погребения с племенами срубной культуры. Гораздо сложнее определить, к какому периоду относятся эти погребения. Кроме керамики, в кургане не было найдено ни одной характерной вещи, на основании которой можно было бы судить о времени его сооружения. Однако ориентировка погребенных позволяет сделать некоторые выводы о датировке кургана.

Северо-восточная ориентировка чрезвычайно характерна для всех памятников срубной культуры, будь то в Поволжье, на Дону или на Урале. Появляется она еще в первый период срубной культуры, но преобладать начинает лишь во втором периоде. Именно тогда скорченные на левом боку костяки, ориентированные на северо-восток, появляются в большом количестве в курганах срубной культуры.

Это явление хорошо прослежено И. В. Синицыным при анализе материалов из раскопок курганов эпохи бронзы у с. Бережновка [25] и К. Ф. Смирновым — в Быковских курганах [26]. Подавляющая масса срубных погребений из этих курганов была ориентирована на северо-восток с небольшими отклонениями на север или восток. Единообразие погребального обряда в этот период распространилось также и на территорию Среднего Дона. Несмотря на незначительный размах работ по исследованию курганов эпохи бронзы, к настоящему времени можно указать на целый ряд пунктов, где были найдены погребения срубной культуры с северо-восточной ориентировкой. К их числу относятся первое и второе погребения из кургана № 1 близ с. Колбино [27], ряд впускных погребений из кургана у с. Платава Воронежской обл.[28], несколько погребений эпохи бронзы из курганного могильника близ с. Мастюгино [29].

Перейдем к анализу керамического материала. Из найденных в кургане 15 сосудов, большинство представляет собой различные варианты сосудов баночного типа и лишь совсем немногие сосуды сохраняют черты остроребериости. Орнаментация сосудов крайне проста — резные треугольные линии и ямки. Из наиболее характерных геометрических фигур орнамента следует отметить треугольник и ромб. Орнаментом украшено меньше половины общего количества сосудов (6 из 15).

По цвету преобладают сосуды с серовато-желтой поверхностью. Наиболее интересный орнамент имеет сосуд с заплечиками из погребения 5, шейка которого украшена ромбами. Близкий по характеру орнамент встречается на фрагментах керамики из поселения № 1 эпохи бронзы у с. Подгорное, близ урочища «Частые курганы» [30]. Это поселение относится ко второму периоду срубной культуры. Сосуды с заплечиками, правда, не с таким орнаментом, имеются среди сосудов из Садчиковского поселения андроновской культуры [31], относящегося к рубежу II—I тысячелетий до н. э.[32]

---

[25] И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, 1959, вып. 60, стр. 186.

[26] К. Ф. Смирнов. Быковские курганы. МИА, 1960, вып. 78. стр. 241, табл. 3.

[27] П. Д. Либеров. Отчет... за 1961 г. Архив ИА АН СССР.

[28] А. Н. Москаленко. Курган эпохи бронзы у с. Платавы. Труды Воронежск. обл. музея, вып. 1, 1960, стр. 93.

[29] П. Д. Либеров. Отчет... за 1960 г. Архив ИА АН СССР.

[30] П. Д. Либеров. Отчет ... за 1957 г., табл. XXII, рис. 5. Архив ИА АН СССР.

[31] А. О. Кривцова-Гракова. Садчиковское поселение. МИА, 1951, вып. 21, стр. 156, рис. 4, *2*.

[32] Там же, стр. 177.

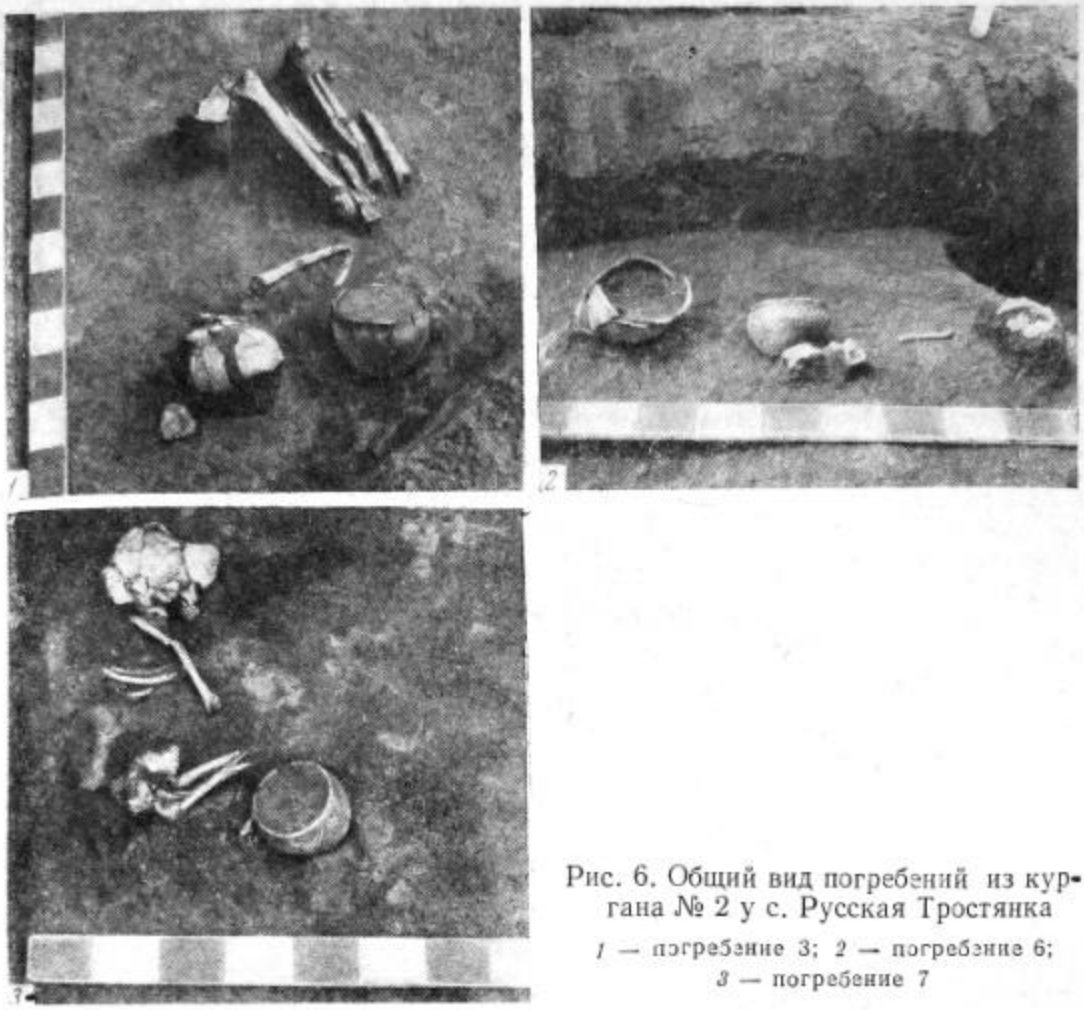


Рис. 6. Общий вид погребений из кургана № 2 у с. Русская Тростянка

1 — погребение 3; *2* — погребение 6; *3* — погребение 7

Сосуд из погребения 7 с узором в виде треугольников, нанесенных штампом и окаймленных ямками, находит аналогии в сосудах из кургана № 14 у г. Покровск [33], в кургане у с. Подбельщина Куйбышевской обл. [34] и на поселении у хутора Войновки на р. Оскол [35]. Эти памятники относятся к концу II тысячелетия до н. э. [36] Близкий по характеру орнамент в виде комбинации треугольников и ямок украшает поверхность сосуда (рис. 5, *1*, *6*) из погребения у с. Кайбелы [37].

Миниатюрный баночный сосудик с раструбом из погребения 4 нашего кургана (рис. 5, *5*) близко напоминает подобный же сосуд из погребения 4 в кургане № 89 второго Бережновского могильника [38]. Погребение в бережновском кургане было ориентировано на северо-восток и, по определению И. В. Синицына, относится ко второму периоду срубной культуры [39]. Упоминавшийся выше курган у с. Платава также дает целый ряд сосудов, совершенно тождественных по форме баноч-

---

[33] ESA, II, рис. 49, *5*.

[34] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, рис. 8, *6*.

[35] П. Д. Либеров. Поселения у хуторов Войновки и Шведовки на р. Осколе, рис. 2, *2*.

[36] Там же, стр. 56.

[37] МИА, 1958, вып. 61, рис. 6, *3*.

[38] И. В. Синицын. Древние памятники в низовьях Еруслана. МИА, 1960, вып. 78, стр. 84, рис. 31,*9*.

[39] Там же, стр. 84—85.

ному сосуду из погребения 1, из кургана у с. Русская Тростянка [40], чашеобразному сосуду из погребения 2 этого же кургана [41] и, наконец, баночному сосуду из погребения 3 [42]. Найденные в погребении 6 и в юго-восточном секторе нашего кургана два баночных сосуда с вертикальной штриховкой на поверхности находят себе интересные параллели среди материалов из верхних слоев с поселений № 1 и 4 в урочище «Частые курганы» близ Воронежа [43]. Эти поселения № 1 и 4 по ряду характерных признаков (керамика с валиками и др.) можно довольно уверенно отнести ко второму периоду срубной культуры (рубеж II—I тысячелетий до н. э.). Интересно, что несколько курганов эпохи бронзы, исследованных близ этих поселений, также дали вещи, характерные для поздней поры срубной культуры [44].

Итак, судя по ряду аналогий с поздними памятниками срубной культуры и учитывая общий характер керамики, можно довольно уверенно относить курган № 2 у с. Русская Тростянка ко второму периоду срубной культуры.

Таким образом, мы установили синхронность рассматриваемого погребального комплекса с поселением № 3, также расположенном близ с. Русская Тростянка. Об этом же свидетельствуют общие черты, прослеживаемые в керамике: преобладание баночных форм, почти полное отсутствие остроребериых сосудов, бедность орнаментации, сероватая окраска поверхности и, наконец, что более важно, наличие ряда близких по форме и по орнаменту сосудов из кургана и поселения № 3.

Исследование поселения и кургана эпохи бронзы у с. Русская Тростянка свидетельствует о существовании на территории Среднего Дона бытовых и могильных комплексов второго периода срубной культуры, которые при всей своей близости к памятникам Поволжья имеют ряд местных (локальных) особенностей, что проявляется в обилии мисок и чаш, инкрустации орнамента белой пастой, т. е. в таких чертах, которые нашли яркое и полное развитие в последующий скифо-сарматский период.

Г. И. Корнюшин

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В АННИНСКОМ РАЙОНЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

(материалы к археологической карте)

Аннинский район Воронежской области расположен в 100 км к востоку от Воронежа, на юге Окско-Донской равнины, в лесостепной полосе. Через район с севера на юг протекает довольно многоводная р. Битюг — левый приток Дона. В широкой долине р. Битюг недавно зеленели обширные леса, от которых и теперь еще сохранились довольно крупные массивы, а водораздельные плато были покрыты пышной степной растительностью.

Благоприятные естественно-географические условия (леса и воды с обилием дичи и рыбы) с глубокой древности привлекали сюда людей, свидетелями чего являются многочисленные древние поселения и курганы.

Однако в археологической литературе совершенно не упоминаются памятники по р. Битюг, да и на всей северо-восточной части области (междуречье рек Воронеж и Хопер). Это объясняется прежде всего археологической неизученностью этой части Воронежской обл.

---

[40] Воронежский областной краеведческий музей, № 1509/9.
[41] Там же, № 1509/20.
[42] Там же, № 1509/12.
[43] П. Д. Либеров. Отчет... за 1957 г., табл. XXVII, рис. 2. Архив ИА АН СССР.
[44] Там же.

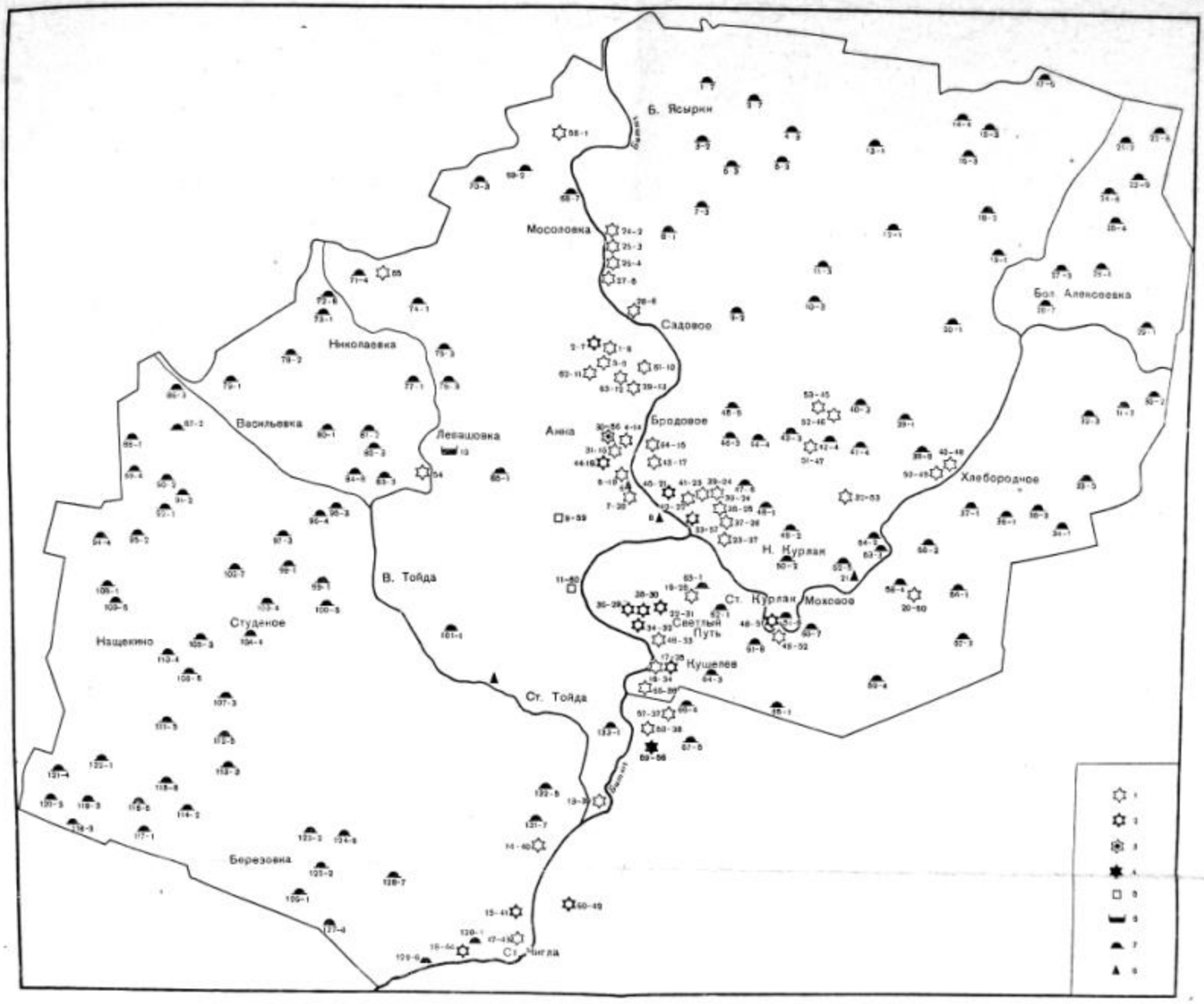


Рис. 1. Схема расположения археологических памятников на территории Аннинского района Воронежской области

1 — поселения эпохи бронзы; *2* — поселения эпохи бронзы с материалами более поздних культур; *3* — поселения с материалами только скифского времени; *4* — поселения только со славянской керамикой; *5* — городища эпохи раннего железа; *6* — групповые погребения; *7* — курганы (перед дефисом цифра показывает порядковый номер, за дефисом — число насыпей в группе); *8* — места случайных находок

С 1959 по 1962 г. нами вместе с учащимися Аннинской школы проводились археологические разведки именно на этой ранее не изученной территории [1].

В результате проделанной работы нами выявлено и нанесено на карту 58 поселений, 2 городища, 133 курганных группы с 435 курганами, грунтовые погребения и отдельные предметы (рис. 1, карта) [2].

Большинство поселений (46 поселений) находится в пойме р. Битюг. Меньшее число поселений (12) обнаружено вне долины р. Битюг, в полевой части района по р. Курлак — четыре (№ 40, 48—50), р. Тойда — одно (№ 54) и на мысах, образованных развилками балок,— семь (№ 20, 32, 51—53, 55, 56). Поселения сосредоточены группами на небольшом расстоянии (от 0,3 до 2 км) друг от друга: так, у рабочего поселка Анна — 9 поселений, у с. Садовое — 5, у с. Бродовое — 6, у с. Новый Курлак — 5, у с. Старый Курлак — 2, у пос. Светлый Путь — 5, у пос. Кушелев — 4, у с. Старая Чигла — 5, у с. Хлебородное — 2, у с. Желанное — 4, у с. Старая Тишанка Таловского района — 2, на поле Бродовского колхоза «Заря» — 3. Совершенно обособленных поселений встречено мало.

По характеру керамического материала все поселения можно разделить на три группы.

К первой группе (45 поселений) относятся поселения эпохи бронзы. Из них на правом берегу р. Битюг 16 поселений — у пос. Денисовка, на Любавском логу № 56; у с. Николаевка на Репном логу № 55; у с. Левашовка на р. Тойда № 54; у с. Желанное в урочище Гнилом № 1, 3 и 62; у районного поселка Анна № 4, 5, 7, 29, 31, 61 и 63; у с. Старая Тойда в урочище «Монастырка» № 13; у с. Старая Чигла № 14 и 47; на левом берегу 29 поселений — у с. Садовое № 24—28; у с. Бродовое № 39, 41—43, 45 и 64; у Кривого лога № 52 и 53; там же, но в урочище «Сыри» № 51; у с. Новый Курлак № 23, 37 и 38; у Ольхова лога № 32; у с. Старый Курлак, № 19 и 49; у пос. Светлый Путь № 36 и 46; у пос. Кушелев № 18, 57 и 65; у с. Хлебородное № 40 и 50; у с. Моховое на поле у лога Студенец № 20; у с. Старая Тишанка № 58.

Вторая группа включает 11 поселений эпохи бронзы, но с находками керамики скифского времени (поселение № 44), линейно-волнистой керамики салтовской культуры и лепной керамики боршевского типа. Из них на правом берегу р. Битюг 4 поселения у пос. Анна № 44; у с. Желанное в урочище «Гнилое» № 2; у с. Старая Чигла № 15 и 16; на левом берегу 7 поселений — у с. Новый Курлак № 33 (на р. Битюг) и № 48 (на р. Курлак); у пос. Светлый Путь на берегу Черного озера № 22, 34 и 35; у с. Старая Чигла в лесу на «Зеленом острове» № 60; у пос. Кушелев № 17.

К третьей группе относятся два поселения — одно у пос. Анна № 30 в лесу на берегу «Круглого» озера с материалом скифского времени и второе у с. Старая Тишанка № 59 с круговой линейно-волнистой керамикой.

Все обнаруженные поселения не имеют укреплений, валов и рвов.

На поселениях был собран значительный керамический материал. Кратко остановимся на его описании. Керамику эпохи бронзы по форме сосудов можно разделить на несколько типов.

Первый, наиболее распространенный тип керамики — это различные разновидности баночных сосудов с почти вертикальными стенками. Края венчиков плоские, округлые и заостренные (рис. 2, *1, 5, 7, 10—12, 14, 16, 19*; рис. 3, *1, 3—6, 24*).

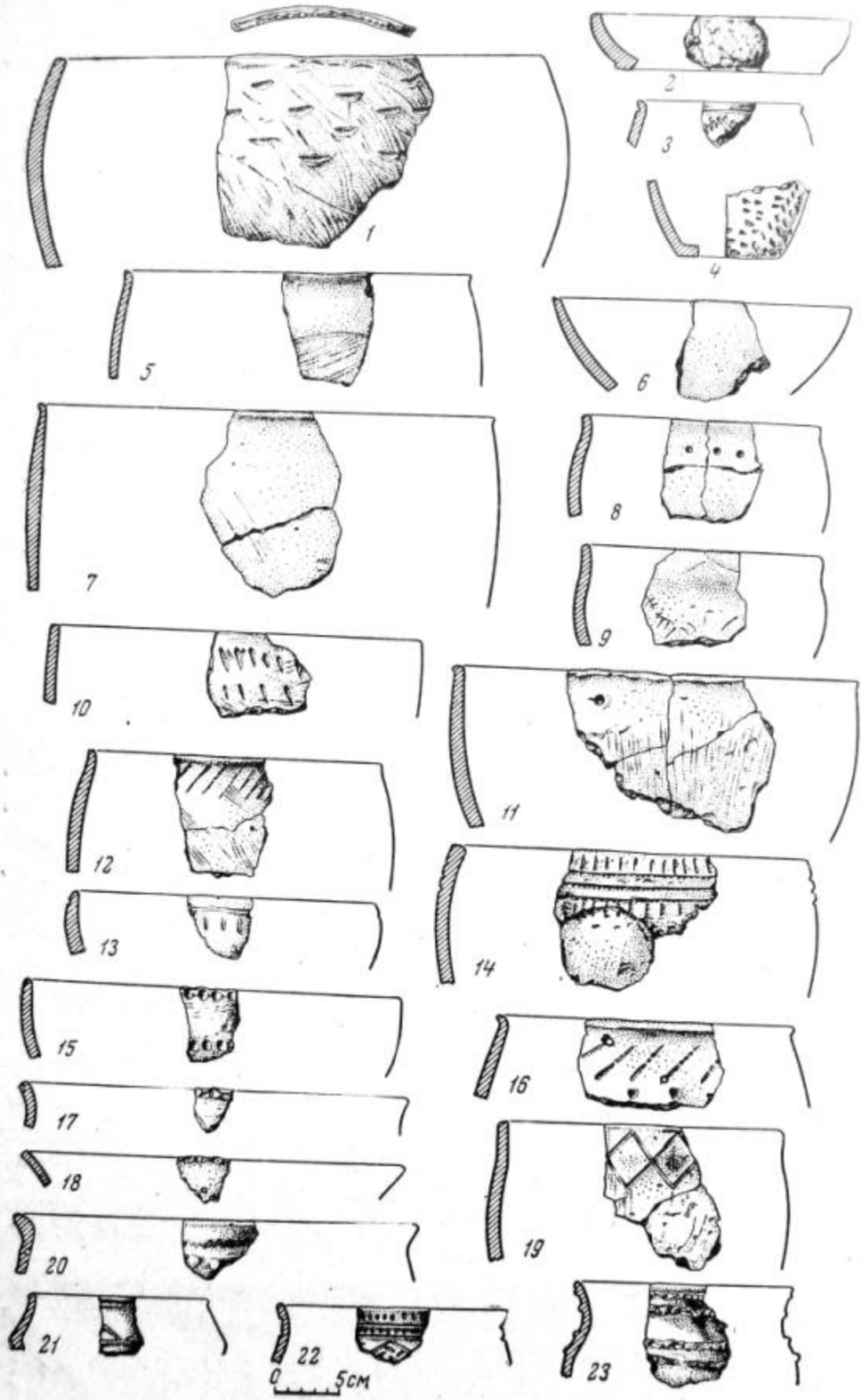
Второй тип сосудов — горшки, довольно близкие по форме баночным сосудам, но с выпуклым туловом, сравнительно ясно выраженной шейкой и плечиками (рис. 2, *3, 8, 9, 17, 20, 22*; рис. 3, *2, 8, 18, 20, 22, 23, 24*).

Третий тип керамики — миски и близкие им по форме сосуды с широким горлом и сильно суживающимися к дну стенками (рис. 2, *2, 6, 13, 15, 18*; рис. 3, *10, 12, 13, 19, 21*).

---

[1] С 1960 г. работа производилась при содействии П. Д. Либерова, за что выражаем ему глубокую признательность.

[2] Археологическое исследование района продолжается, и количество памятников с каждым годом возрастает.


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
0 5см

Четвертый тип сосудов — горшки с крутыми боками и суженой шейкой (рис. 2, *23*; 3, *2*).

Пятый тип — остроребериые сосуды (рис. 2, *21*; 3, *7*).

Шестой тип — колоколовидные сосуды (рис. 3, *9*, *17*).

Все сосуды плоскодонны, иногда с выдающимся наружу рантиком (рис. 2, *4*; рис. 3, *11*, *14*, *16*).

В орнаментике лепной керамики эпохи бронзы преобладают врезанные линии и насечки, сделанные в разном сочетании, обычно в верхней части сосудов и по торцу венчика; ямки и вдавления, сделанные вертикально или наклонно концом тупой и полой палочки, или палочкой, обернутой шнурком; пальцевые и другие вдавления под венчиком и по венчику; оттиск гребеночки, витого шнурка, зубчатого штампа, сквозные и не сквозные проколы. Найдены также фрагменты керамики, украшенные налепными и оттянутыми валиками по венчику, шейке и плечикам, по валикам часто нанесены насечки и пальцевые вдавления.

Указанные виды орнамента использовались не на всех поселениях. Так, например, на поселении № 7 (Гаврюшина поляна) имеются все виды орнамента, кроме валиков; на поселении № 29 (Сухое Веретье) нет пальцевых вдавлений, проколов и штампа; керамика на поселении № 45 у Мордова озера — и вовсе без орнамента, за исключением единственного случая легких прищипов по венчику; а на поселении № 57 в урочище «Дрониха» преобладают пояса ямок, гребенчатого штампа и насечек в елочку. В тесте керамики обнаружены примеси песка, шамота, дресвы, реже — измельченной ракушки.

Остановимся на характеристике некоторых поселений. Начнем с поселений, расположенных на правом берегу р. Битюг.

П о с е л е н и е № 1 находится в 2 км к юго-востоку от с. Желанное, в урочище «Гнилое» на надпойменной террасе р. Битюг, недалеко от озера-старицы, под защитой высокого коренного берега. Здесь, на пашне, найдены кости животных и лепная керамика с валиками, украшенными крестообразными насечками, оттисками гребеночки и гребеночной штриховкой поверхности (рис. 6, *7*), с пальцевыми вдавлениями (рис. 6, *5*), с врезанными линиями и насечками (рис. 6, *6*), с грубой бороздчатой штриховкой (рис. 6, *4*). В тесте керамики примесь песка, шамота и ракушки. Здесь же найден обломок глиняного круга, возможно пряслица (его диаметры 14 и 12 см, толщина — 3,5 см). По свежей пахоте прослеживается несколько светлых глинистых пятен, представляющих, по-видимому, места жилищ. Поселение относится к поздней бронзе, его материал содержит, очевидно, элементы абашевской культуры (примесь толченой ракушки в тесте сосудов).

На расстоянии 300—400 м от первого поселения находятся поселения № 2, 3, 62 (№ 2 — к западу, № 3, 62 к юго-западу от первого поселения), которые по керамическому материалу сходны с поселением № 1, но на них отсутствуют черепки с примесью ракушки. Среди находок встречается в небольшом количестве круговая керамика с линейно-волнистым орнаментом.

П о с е л е н и е № 4 находится недалеко от районного поселка Анна, в лесу на берегу Кривого озера-старицы, на задернованной песчаной гривке («Лисий бугор»). Шурфовка позволила обнаружить потревоженный культурный слой с лепной керамикой катакомбной культуры, орнаментированной валиками, сочетаниями врезанных линий и насечек, оттисками тонкого витого шнура (рис. 4, *1—6*, рис. 2, *23*). На глубине 1 м, на границе темного культурного слоя со светлым песком материка, найдены угли костра, обуглившиеся желуди, нуклеус из черного кремня, песчаниковый «утюжок», кремневые ножевидные пластины,

Рис. 2. Керамика с поселений

1, 2, 3, 4, 5, 6 — из поселения № 46 у поселка «Светлый путь»; *7, 10* — из поселения № 43 ус. Бродовое; *8, 9, 11* — из поселения № 50 у с. Хлебородное; *12, 13, 15* — из поселения № 1 у с. Желанное; *14, 16, 19* — из поселения № 15 у с. Старая Чигла; *17* — из поселения № 44 у поселка Анна; *18* — из поселения № 30 у поселка Анна; *20, 21, 22* — из поселения № 7 у поселка Анна; *23* — из поселения № 4 у поселка Анна

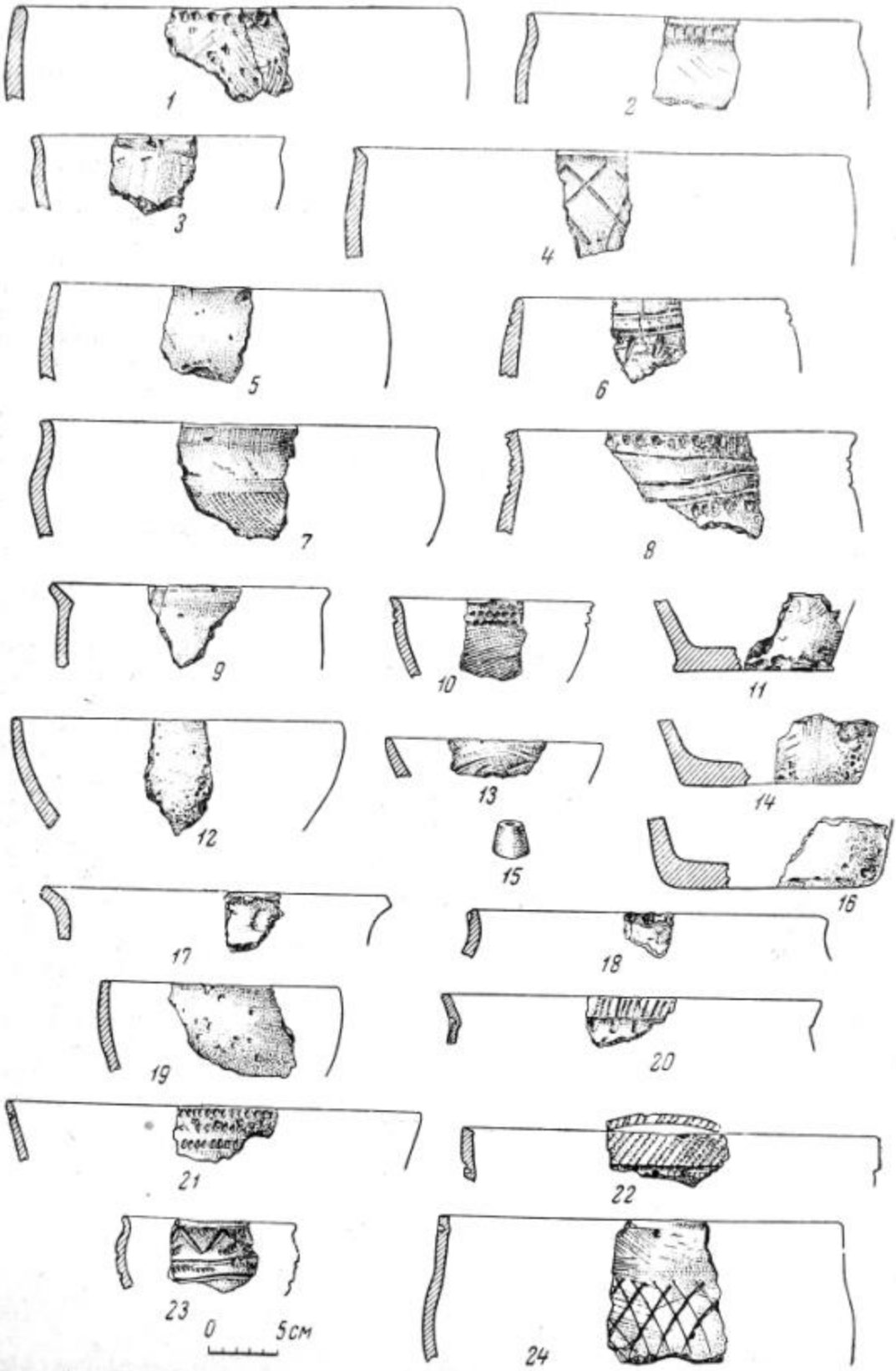


Рис. 3. Керамика с поселений

1—12, 14, 16 — из поселения № 54 у с. Левашовка; *13* — из кургана № 132 у с. Старая Тойда; *17, 18* — из кургана № 83 у с. Левашовка; *19, 21, 23* — из поселения № 24 у с. Садовое; *20, 22* — из поселения № 18 у поселка Кушелев; *24* — из поселения № 18, у поселка Кушелев; *15* — пряслице из поселения № 30 у поселка Анна

скребки, резцы и проколки, обработанные отжимной ретушью, кремневые отщепы и кости животных.

Во втором шурфе (1 × 1 м), заложенном в 40 м от первого, на глубине 0,20—0,40 м от поверхности в темной супесчаной почве найдено несколько невыразительных лепных черепков, кости животных и угли. На глубине от 40 до 60 см, на границе с материком, найдено массовое залегание лепной керамики без орнамента и керамики, украшенной «городками» из оттисков гребеночки. Там также найдена ножевидная пластина из красного кремня. Судя по обломкам, сосуды имели четко выраженную шейку и плечики, днища у них были либо с закругленными, либо с выдающимися краями. В тесте керамики заметна примесь песка, дресвы и шамота, поверхность желтая и темно-серых тонов, гладкая и иногда лощеная, черепок в изломе черный, толщина стенок от 5 до 12 мм.

В 0,4 км к северо-западу от описанного поселения, около заросшего Круглого озера, находится поселение № 30. Здесь, в разведывательном шурфе на глубине 60 см, у материка, были найдены материалы скифского времени — пряслице (рис. 3, *15*) и фрагмент венчика с защипами (рис. 2, *18* и рис. 5, *13*).

Поселение № 5 расположено на берегу р. Битюг, на территории усадьбы Аннинского дома отдыха. При строительных работах в суглинистом грунте, на глубине 30—40 см здесь была найдена лепная керамика без орнамента, угли, зубы, клык кабана и каменный молот без сверлины (рис. 6, *10*, *11*). Последний предмет, вероятно, был заготовкой для боевого топора-молотка [3].

Поселение № 7 находится в 0,5 км ниже Аннинского дома отдыха на берегу р. Битюг, на лесной поляне («Гаврюшина поляна»), затопляемой весенними водами. В 1951 г., когда поляна была распахана на площади в 500 кв. м, нами была собрана большая коллекция керамики срубной культуры и отдельные предметы: точильные камни, обломок круглого пряслица диаметром 4,5 см, куски обожженной глины, кости животных, каменный сверленый топор-молоток весом 2 кг и маленький (около 5—6 см в длину) глиняный топорик [4]. Среди керамического материала преобладают фрагменты сосудов баночного типа, есть керамика второго типа (рис. 4, *9*, *10*; рис. 2, *20*, *22*) и обломки остроребериых горшков (рис. 4, *7*, рис. 2, *21*). Керамика орнаментирована очень разнообразно: насечками, врезанными линиями, ямками, «городками», оттисками гребенки, несквозными проколами с внешней и внутренней стороны (рис. 4, *7—10*), пальцевыми вдавлениями, оттисками шнура, зубчатого штампа. Глиняное тесто керамики хорошо промешано, в нем имеется примесь песка и шамота. Поверхность керамики гладкая, желтая и серая, без штриховки, толщина стенок от 4 до 10 мм, в изломе черепок черного и желтого цвета.

Поселение № 44 расположено на р. Анна. Это место до Великой Отечественной войны было занято вековым лесом, теперь распахивается под огороды. Здесь на площади примерно 50 × 40 м собрана керамика катакомбной культуры с валиками, ямочками, с поясами сплошного гребенчатого штампа в елочку и с оттисками шнура. Найден один черепок с защипами по венчику (рис. 5, *14*, рис. 2, *17*). Орнамент, тесто и фактура венчика обычны для скифской керамики. Здесь же найден каменный топорик со следами сверления (рис. 6, *8—9*) и обломок фигурного пряслица с точечным орнаментом. Культурный слой поселения незначительный, насыщенность находками бедная.

В полевой части правобережья интересно поселение № 54 на р. Тойда у с. Левашовка. Площадь его около 2 га, мощность культурного слоя до 70 см, материк суглинистый. На поверхности собрано много лепных черепков и костей животных, среди которых преобладают кости особей крупного рогатого скота и лошади.

Керамика украшена врезанными линиями и насечками (рис. 4, *12*, *13*, *17*, *18*), круглыми ямками (рис. 4, *14*), оттисками зубчатого штампа и гребеночной

---

[3] Каменный сверленый топор-молоток в 1952 г. был передан мною сотруднику Воронежского пединститута А. Ф. Шокову.

[4] Глиняный топорик и часть керамики были в 1955 г. переданы в ГИМ, Москва.

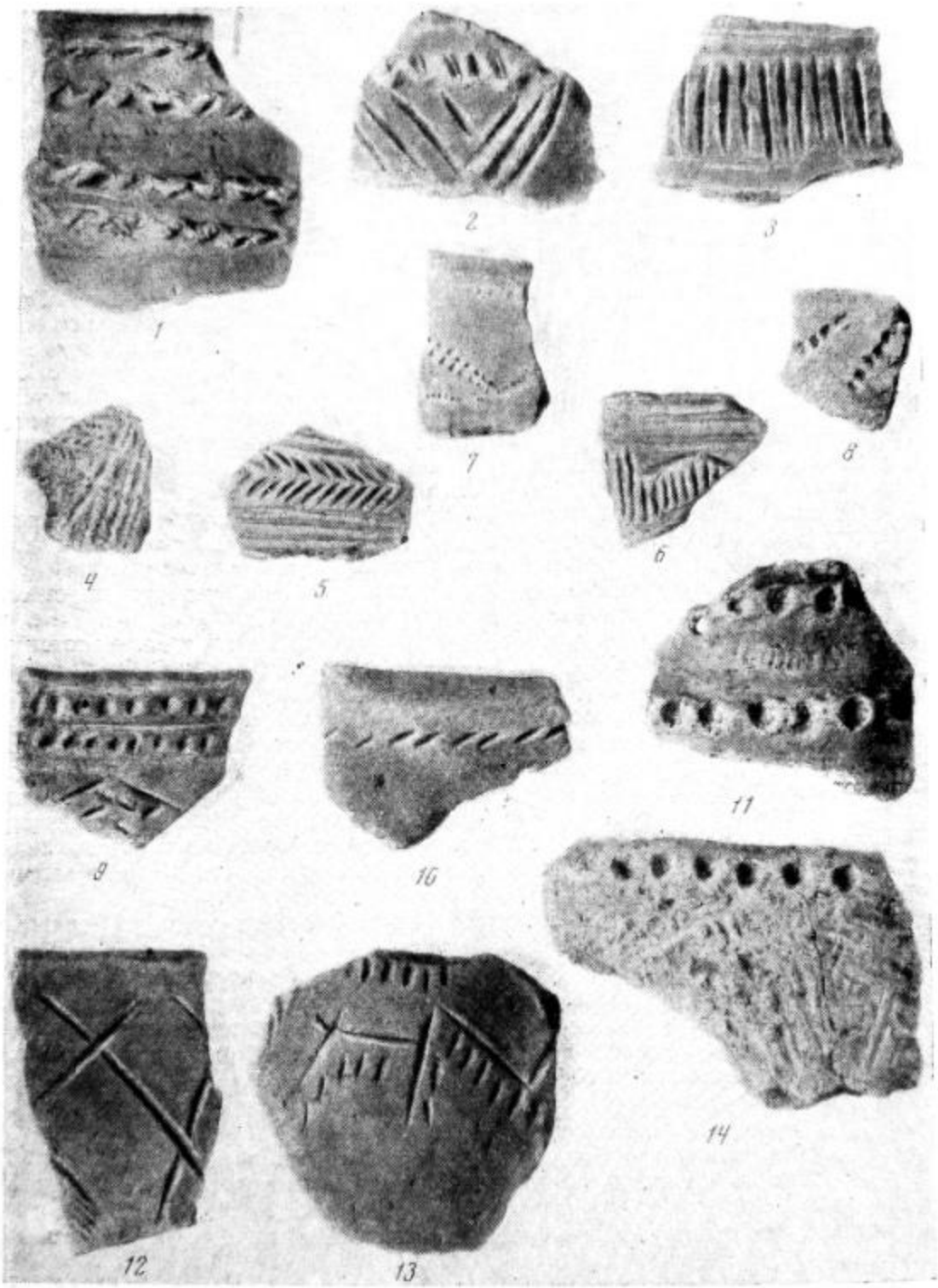
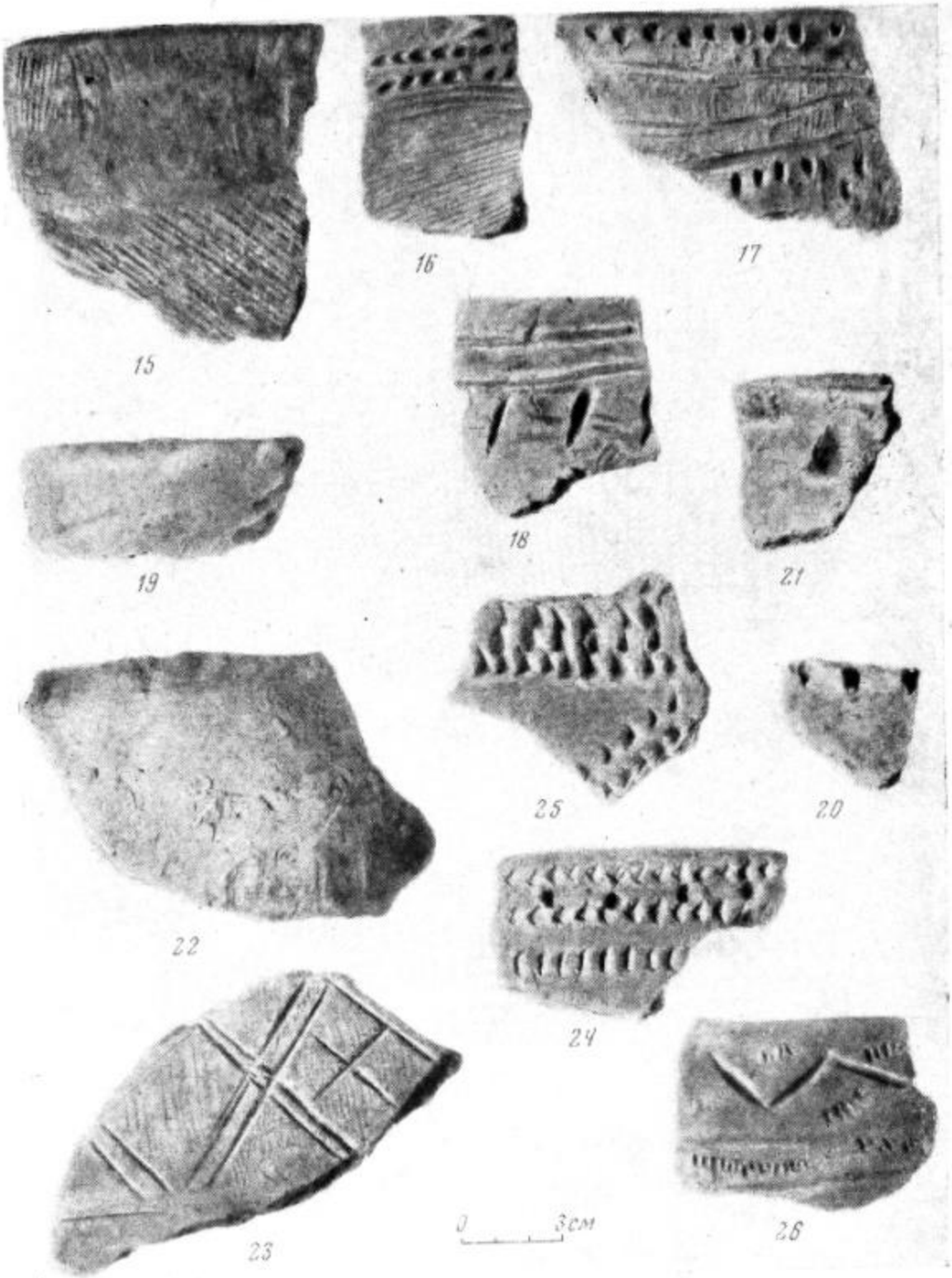


Рис. 4. Керамика

1—6 — из поселения № 4 у поселка Анна; *7—10* — из поселения № 7 у поселка Анна; *20, 21* — из кургана № 83 у с. Левашовка;



с поселений

11—18 — из поселения № 54 у с. Левашовка; *19* — из кургана № 32 у с. Старая Тойда;
22—26 — из поселения № 24 у с. Садовое

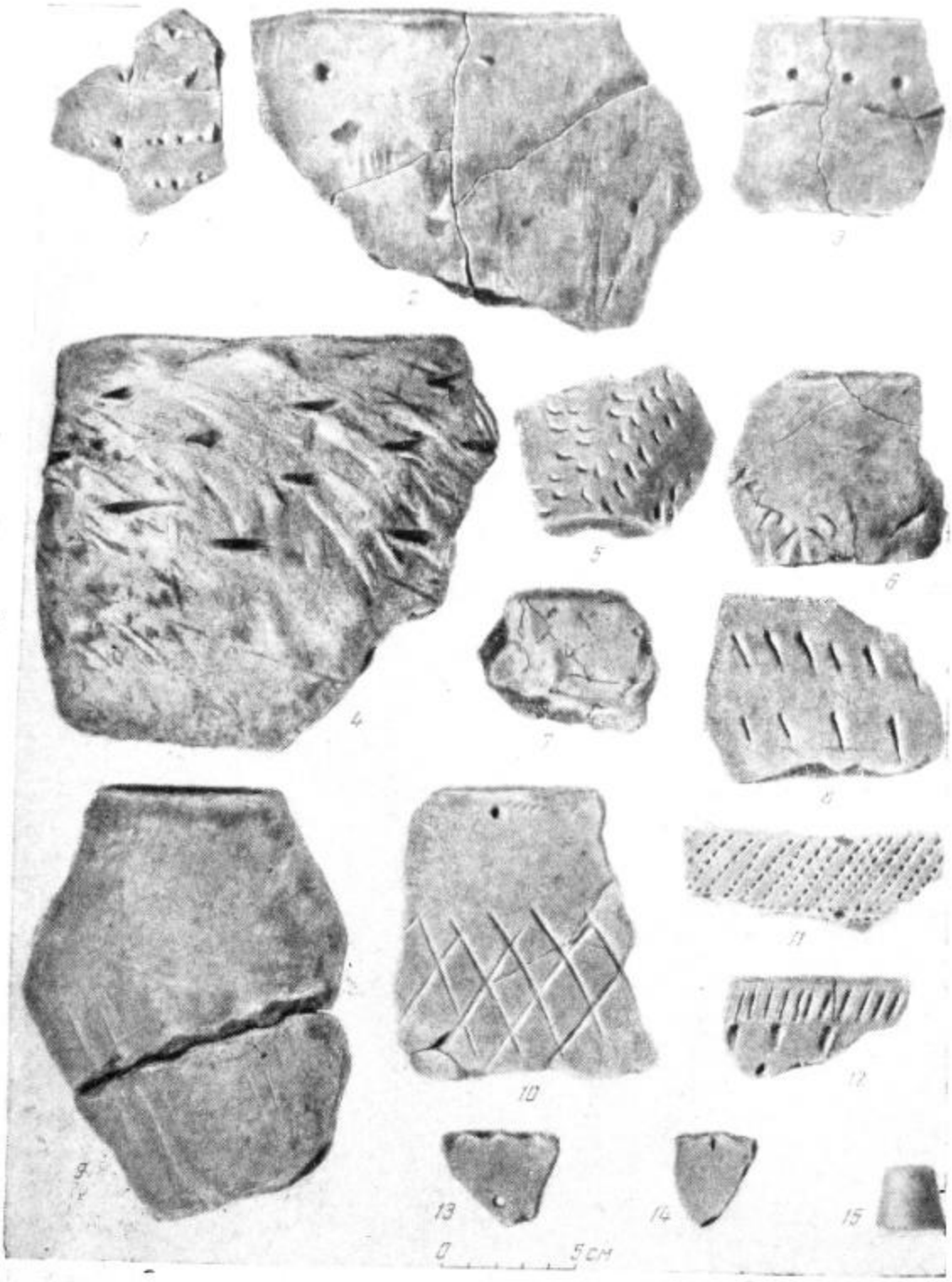


Рис. 5. Керамика с поселений

1 — из поселения № 28 у с. Садовое; *2, 3, 6* — из поселения № 50 у с. Хлебородное; *4, 5, 7* — из поселения № 46 у поселка «Светлый путь»; *8, 9* — из поселения № 43 у с. Бродовое; *10, 11, 12* — из поселения № 18 у поселка Кушелев; *13* — из поселения № 30 у поселка Анна; *14* — из поселения № 44 у поселка Анна; *15* — пряслице из поселения № 30 у поселка Анна

штриховкой (рис. 4, *15*, *16*), налепными валиками с пальцевыми вдавлениями (рис. 4, *11*), имеется керамика без орнамента. Днища закруглены или с выдающимися краями (рис. 3, *11*, *14*, *16*). В тесте примесь песка, дресвы, шамота и измельченной ракушки. Цвет поверхности серых и желтых тонов, в изломе черепок черный и серый, толщина стенок от 8 до 18 мм. По форме сосуды баночного типа (рис. 2, *1*, *4*, *5*), второго описанного нами типа (рис. 3, *2*, *8*), миски и мискообразные (рис. 3, *10*, *12*), остроребериые (рис. 3, *7*), колоколовидные (рис. 3, *9*). Все сосуды — плоскодонные (рис. 3, *11*, *14*, *16*). По орнаменту, примесям в тесте (ракушка) и по форме сосудов поселение тяготеет к абашевской культуре эпохи бронзы.

На правом берегу р. Битюг у с. Старая Чигла расположено поселение № 15. Культурный слой мощностью до 70 см прослеживается по обрыву берега на протяжении около 300 м. В осыпях и при зачистке собрана лепная керамика эпохи бронзы срубной и, вероятно, абашевской культур с примесью в тесте ракушки. Черепки украшены поясами вертикального и горизонтального зубчатого штампа, врезными линиями в виде ромба, косыми оттисками того же штампа, пальцевыми вдавлениями и сквозными проколами (рис. 6, *1*, *2*, *3*). Форма сосудов баночная (рис. 2, *14*, *16*, *19*).

Найден черепок с линейно-волнистым орнаментом салтовского типа.

В обрыве берега обнаружено кострище, обложенное кусками красного камня. В нем найдены черепки крупного горшка с прищипами по венчику, с обильной примесью в тесте шамота. Здесь находилось около десятка глиняных «конусов» овальной формы, размером 14 × 7 см и весом более 700 г каждый. Подобные «конусы» были найдены И. И. Ляпушкиным на Ново-Троицком городище.

Из других находок отметим обработанный рог лося (поделка не закончена), обломки грузил от рыболовных сетей и два обломка ручного песчаникового жернова. Диаметр жернова 22—25 см, толщина 5 см, на верхней стороне одного обломка просверлено несквозное отверстие для рукояти [5].

Переходим к поселениям по левому берегу р. Битюг.

Поселение № 24 находится на надпойменной террасе у моста по дороге из с. Мосоловка в с. Садовое. При зачистке берега и в осыпях собрана лепная керамика эпохи бронзы, относящаяся, вероятно, к срубной культуре, но по орнаменту и форме сосудов несколько отличающаяся от керамики других поселений этого времени. Черепки украшены врезанными линиями и розетками мелких вдавлений, подтреугольными вдавлениями концом острого предмета и круглыми ямками (рис. 4, *23* —*26*); имеется керамика без орнамента (рис. 4, *22*).

Сосуды представлены мисками (рис. 3, *21*), мискообразными горшками (рис. 2, *19*) и горшками небольших размеров (рис. 4, *26*, рис. 3, *23*). Поверхность керамики хорошо сглажена, у некоторых черепков лощеная, цвет поверхности желтый, серый, в изломе черепок черный. В тесте заметна примесь песка и шамота. Здесь же найдена часть бронзовой фигурной пластинки, фрагмент литейной формы, угли, кости животных. Культурный слой поселения имеет толщину до 60 см.

Ниже по р. Битюг у с. Садовое на поселении № 28 в отвале и стенках канавы на глубине от 30 до 50 см найдена керамика катакомбной культуры, украшенная рядами расчлененных валиков (рис. 5, *1*) и сплошным гребенчатым орнаментом. Цвет черепков светло-серый, в тесте примесь шамота.

Поселение № 43 у с. Бродовое расположено в лесу, на затопляемом весенними водами песчаном мысе Попова озера. В разведывательном шурфе 1 × 1 м в супесчаной темной почве на глубине 30—40 см встречались невыразительные лепные черепки, а на глубине 70—80 см на уровне светлопесчаного материка найдено много обломков лепной керамики срубной культуры, кости животных, обломки точильных камней, угли и два кусочка охры. Обнаружен сильно истлевший скелет человека, который лежал в неестественной позе — вниз головой.

Керамика орнаментирована рядами косых насечек (рис. 5, *8*), насечками в елочку, пальцевыми вдавлениями, проколами, имеется керамика без орнамента

[5] Обломки жернова хранятся в музее Ново-Курлакской средней школы. Сборы А. И. Щербакова.

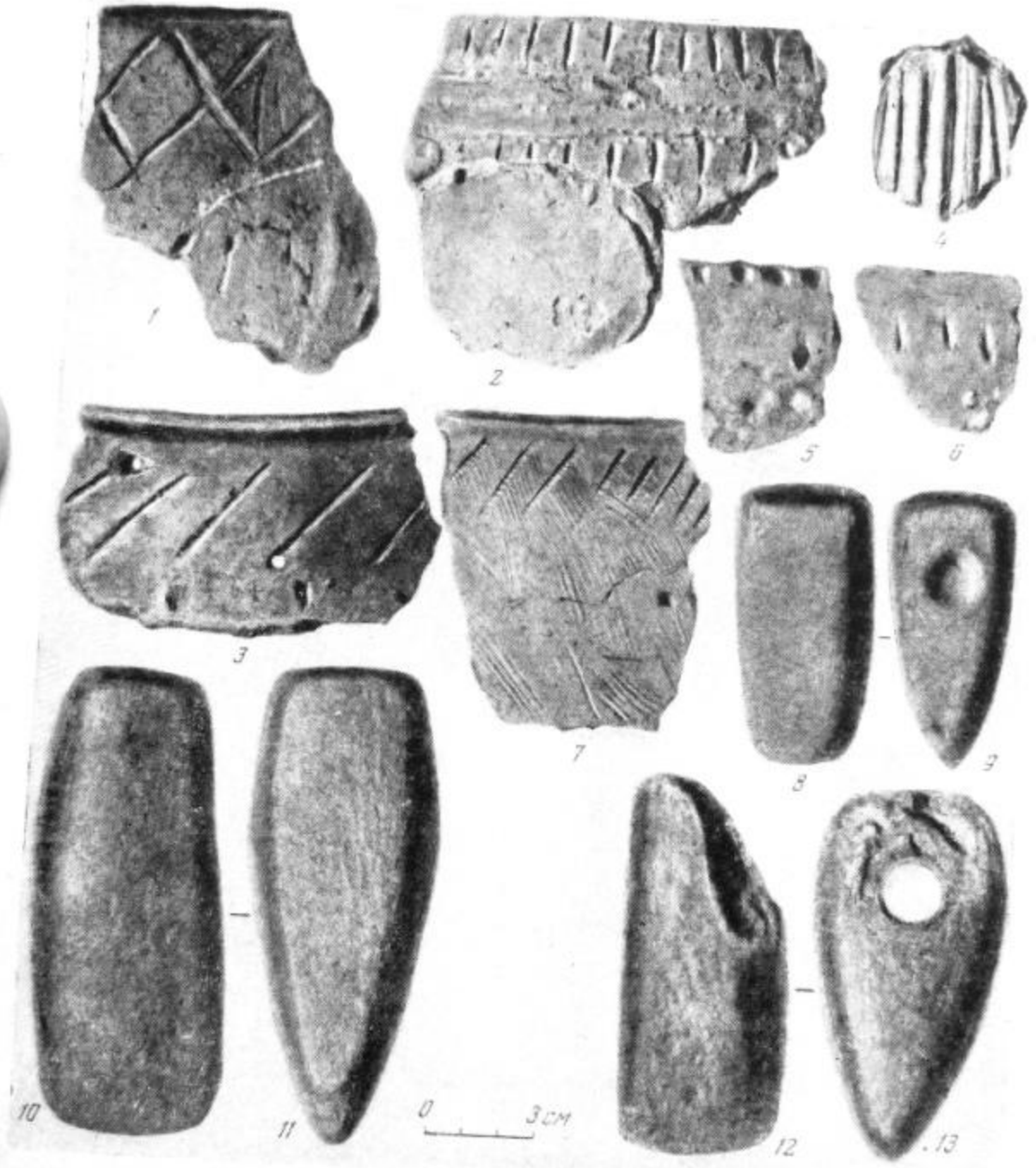


Рис. 6. Керамика и каменные топоры с поселений

1—3 — из поселения № 15 у с. Старая Чигла; *4—7* — из поселения № 1 у с. Желанное. Каменные топоры-молотки. *8, 9* — из поселения № 44 у поселка Анна; *10—11* — из поселения № 5 у поселка Анна; *12—13* — случайная находка у с. Старая Тойда

(рис. 5,*2*). В тесте заметна примесь песка и шамота. Цвет стенок сосудов желтый, в изломе черный. Сосуды большей частью баночной формы (рис. 2, *7*, *10*).

На поселении № 50 у с. Хлебородное на р. Курлак прослежен культурный слой мощностью до 75 см (вскрыт при строительстве дороги). Большая часть материала встречается на глубине 40—70 см.

Керамика украшена круглыми ямками, беспорядочными черточками (рис. 5, *2*, *3*, *6*), насечками, пальцевыми вдавлениями, встречается и без орнамента. В тесте примесь песка, дресвы и шамота, стенки выглажены мокрой рукой, гребеночкой с лощилом. Цвет поверхности сосудов желтых и темных тонов, в изломе черный. Форма сосудов баночная (рис. 5, *2*) и переходного типа от банок к горшкам (рис. 2, *8*, *9*). Поселение, вероятно, следует отнести к позднему этапу эпохи бронзы.

Поселение № 46 расположено у пос. Светлый Путь, на пашне, примыкающей к пойменному лугу. Здесь на площади 100 × 50 м собрана лепная керамика позднесрубного времени. Черепки орнаментированы грубыми насечками, врезанными линиями, зерновидными вдавлениями (рис. 2, *1*, *3*, *4*), оттисками гребеночки, подтреугольными вмятинами, найдена также керамика без орнамента (рис. 2, *2*, *5*, *6*). В тесте примесь песка и шамота. Цвет стенок сосудов желтых и темных тонов, в изломе черный. Сосуды преимущественно баночной формы крупных размеров (рис. 2, *1*, *5*), миски (рис. 2, *2*, *6*) и горшки второго типа (рис. 2, *3*). Днища плоские (рис. 2, *4*).

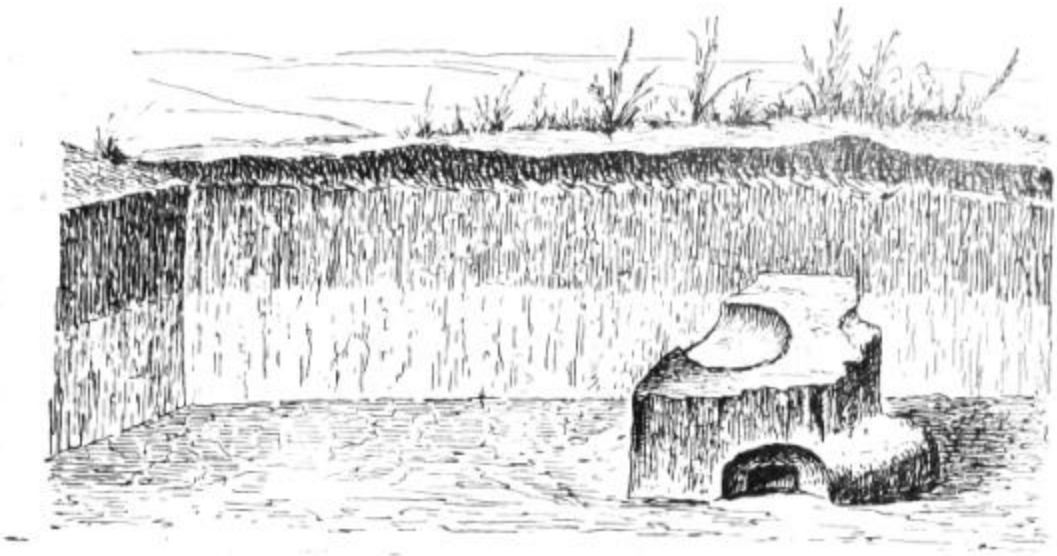
В разведывательном шурфе на глубине 40 см от поверхности найдено много той же керамики, кости животных и обломок точильного камня (брусок).

Поселение № 18 у пос. Кушелев расположено в пойме р. Битюг на задернованных дюнах, обтекаемых весенними водами.

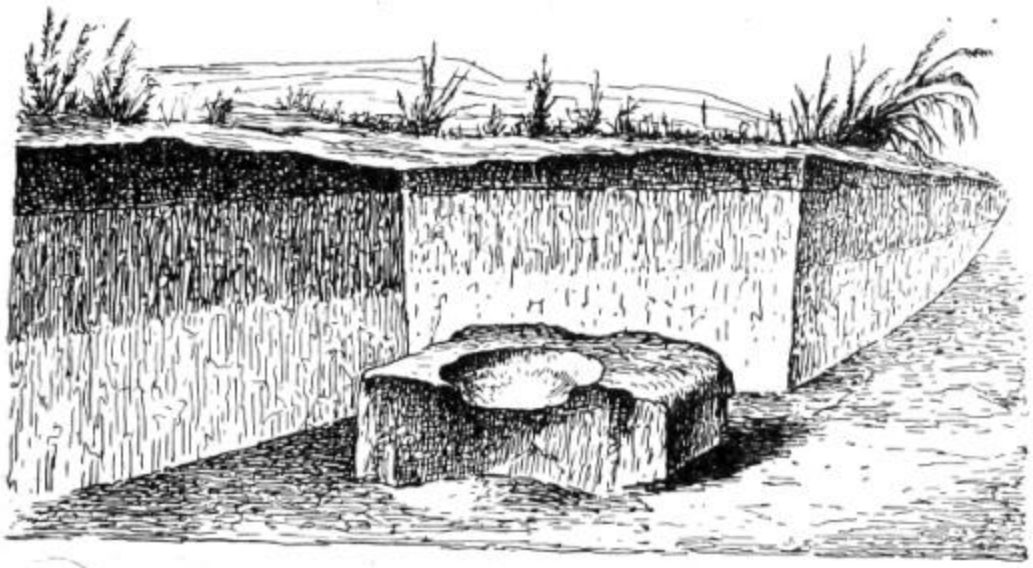
В шурфе 1 × 1 м в темной супесчаной почве на глубине 20—40 см попадались мелкие лепные черепки и кости животных. На глубине 0,60 м на уровне светло-песчаного материка было собрано много крупных фрагментов лепной керамики эпохи бронзы. Орнаментированы черепки рядами круглых ямок и косыми оттисками гребеночки в виде ромба (рис. 3, *24*, рис. 5, *10*), сплошным гребенчатым штампом по тулову и торцу венчика (рис. 3, *20*, *22*). По форме горшки делятся на баночные и горшки с характерным «воротничковым» венчиком. Имеется один фрагмент лощеного остроребериого сосуда. Цвет поверхности желтых и темных тонов, в изломе черный, поверхность керамики хорошо заглажена. В тесте примесь песка. Посуда отличается хорошей выделкой и сравнительно тонкими стенками. Подобная керамика найдена ниже, на поселении № 65.

В 50 м от первого шурфа на том же поселении № 18 был заложен второй, в котором обнаружена та же керамика, а на глубине 30—40 см оказалось погребение плохой сохранности. Костяк лежал в вытянутом положении, на спине, головой на северо-восток. Вещей около костяка не было.

Поселение № 17 у пос. Кушелев занимает большой мыс первой надпойменной террасы. Сейчас на мысе находится колхозный двор. Здесь удалось собрать в овражках и канавах лепную керамику. В стене силосной траншеи был обнаружен разрез ямы длиной 5,5 м и глубиной 1,1 м, оказавшейся жилищем-землянкой. Зачистка ее дала довольно много находок, удалось установить некоторые конструктивные детали. В первом штыке собрано 32 фрагмента лепной керамики, кремневый отщеп, куски промешанной глины и кости животных. Во втором штыке — 91 фрагмент керамики, в том числе 6 венчиков от разных сосудов, орнаментированных проколами, вдавлениями, собраны кости животных. Третий штык дал 77 черепков, из них четыре венчика с насечками, вдавлениями, оттисками гребеночки и гребеночного штампа. В четвертом штыке собрано 99 черепков, среди них 11 венчиков, кости особей крупного и мелкого рогатого скота, имеется керамика с орнаментом в виде пальцевых вдавлений и насечек. Найдены также баночный горшочек, два больших горшка в обломках с насечками по краю венчика и наклонными вдавлениями по шейке и плечикам. Горшки по форме, цвету, составу теста и орнаменту резко выделяются среди другой керамики землянки. Горшки сделаны грубо, цвет стенок черный с желтоватым оттенком, орнамент нанесен небрежно, в тесте обильная примесь дресвы (чего в других черепках нет), излом стенок рваный, корявый. Эти два горшка приближаются к керамике



1



2

Рис. 7. Очаг в землянке на поселении № 17 у поселка Кушелев

1, 2 — разрезы очага

борщевской культуры. В пятом, последнем, штыке собрано 19 черепков, в том числе один венчик, орнаментированный насечками и проколами.

Грунт в землянке темный супесчаный, с третьего штыка перемешанный с суглинком. Пол ровный, покрыт уплотненным черным слоем толщиной до 5 см, под этим слоем — желтый суглинок материка.

В северной половине землянки возвышается на 55 см от пола вырезанный из материка выступ с выровненной поверхностью. Выступ полностью очищен от земли, ширина его с севера на юг 1,5 м, с востока на запад—около 2 м. К южному краю сверху на выступе сделано почти круглое (0,7 × 0,9 м) углубление до 0,2 м, которое с трех сторон окаймляется ровной площадкой от 0,5 до 0,7 м шириной (рис. 7). Нами это сооружение определено как очаг: в углублении разводился огонь, с южной стороны, где отсутствует бортик, подкладывались дрова и выгре-

балась зола, а на окаймляющей площадке удобно было ставить посуду и размещать другие кухонные принадлежности. С северо-восточной стороны под этим очажным выступом сделан подкоп — ниша высотой 35 см, шириной 76 см и глубиной 45 см (возможно, для хранения посуды или продуктов). В очажной яме следов костра незаметно, но с южной стороны у очажного выступа на полу прослеживался слой золы и углей с мелкими черепками. На полу землянки попадались скопления углей, а у южного края лежало сгоревшее бревно.

В заполнении ямы-землянки была найдена керамика эпохи бронзы. Сама землянка скорее всего принадлежит к более позднему боршевскому времени, что и привело к перемещению более древней керамики, заполнявшей всю землянку.

Поселение № 58 у с. Старая Тишанка Таловского района расположено на мысе между р. Битюг и затоном в урочище «Дрониха». В разведывательном шурфе 2 × 1 м под дерновым слоем обнаружено кострище с растрескавшимися камнями. Черный углистый слой с кусками камня прослеживался на всю толщу раскопа до материка (находки шли до глубины в 80 см).

Собранная керамика украшена поясами сплошного гребенчатого (в три зубца) штампа в сочетании с рядами ямок, насечками в елочку, подтреугольными вдавлениями; один черепок — с защипами по венчику. Цвет черепков желтый, в изломе черный, толщина стенок от 4 до 8 мм, в тесте встречается примесь песка, шамота и иногда ракушки. Судя по орнаменту керамики, поселение, вероятно, следует датировать эпохой поздней бронзы.

Поселение № 45 у с. Бродовое на озере Мордов связано с преданием, по которому в лесу у озера жили когда-то мордовские племена, которые ушли оттуда с появлением в этих краях русских (русские поселения возникли на Битюге в конце XVII в.).

В шурфе 1 × 1 м на глубине третьего штыка была найдена масса лепных черепков грубой работы без орнамента с большой примесью в тесте шамота, попадались кости животных и угли. Из крупных фрагментов удалось восстановить два горшка. Из них один баночной формы вытянутых пропорций, с венчиком, отогнутым наружу, аналогичные известны из Мастюгинских курганов [6] и Каменского городища на Днепре [7]. Второй горшок по форме близок к остроребериым. Он имеет сильно выпуклое тулово и узкое горло. Украшен защипами по венчику (единственный вид орнамента, встреченный на поселении). Судя по керамике, поселение выделяется из ряда других и не может быть отнесено к эпохе бронзы — оно, вероятно, более позднего происхождения.

К случайным находкам, о которых упоминалось выше, относятся наконечник железного копья, каменное тесло, найденное на берегу р. Битюг (места № 6 и 8), каменный сверленый топор-молоток (место № 12 — рис. 6, *12*, *13*) и кремневый скребок с р. Курлак (место № 21).

В исследованном районе осмотрены и нанесены на карту 133 курганных группы с 435 курганами. Оговоримся, что количество курганов на территории Аннинского района далеко не исчерпывается указанной цифрой, их гораздо больше — не все места нам удалось посетить. Курганы, как правило, располагаются группами в количестве от 2 до 9, одиночных насыпей отмечено всего 31, и в большинстве случаев они являются, вероятно, остатками более крупных насыпей курганных групп, уничтоженных распашкой. Какой-либо строгой закономерности в количестве, величине и порядке насыпей не обнаруживается, однако отдельные группы выделяются одинаковой величиной насыпей (1,5—2 м в высоту). Располагаются курганы обычно на господствующих высотах и только немногие находятся в низких пойменных местах. Все они распахиваются, за исключением группы № 60 у с. Моховое в пойме р. Курлак.

Как наиболее выдающиеся по величине и компактности расположения следует отметить курганы у с. Алексеевка № 23—27, у с. Хлебородное № 38, у с. Большие Ясырки № 1, у с. Мосоловка № 68, у с. Старый Курлак № 61 и 62,

---

[6] П. Д. Либеров. Мастюгинские курганы. СА, 1961, вып. 3, стр. 153, рис. 1, *4*.

[7] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, 1954, вып. 36, стр. 71, табл. III, рис. 5.

у с. Моховое № 60, у с. Студеное № 102—104, у с. Нащекино № 109, у с. Березовка № 118, 121 (в этой группе находится самый большой курган в районе).

Многие курганные группы расположены недалеко от древних поселений и, возможно, являются их могильниками. На вершинах некоторых насыпей есть большие пятна от прожженной земли, на низких и сильно распаханных насыпях встречаются обломки горшков и человеческие кости. Так, лепная керамика эпохи бронзы и обломки человеческих костей найдены на курганах № 95 и № 96 у с. Верхняя Тойда, на кургане № 86 у с. Васильевка. Интересная и, возможно, скифского времени керамика подобрана на кургане № 132 у с. Старая Тойда (рис. 4, *19*, рис. 3, *13*) и, несомненно, скифского времени на кургане № 83 у с. Левашовка (рис. 4, *20*, *21*, рис. 3, *18*, рис. 3, *17*).

У с. Новый Курлак в группе № 47 один из курганов имеет правильную полусферическую форму, высота его 1 м, диаметр 24 м. Нам удалось сделать зачистку кургана, а в разрушенной части около центра насыпи произвести раскоп площадью 4 × 2 м и на 1 м в глубину ниже уровня горизонта. Насыпь до горизонта однородная, состоит из черной супесчаной земли, ниже перемешана с желтым суглинком.

На уровне горизонта найден колоколовидный горшок, орнаментированный едва заметными линиями по шейке. Его высота 12,5 см, диаметр горла 16,5 см, дно закругленное, уплощенное, диаметр 6,5 см (рис. 60, *2*) [8]. На расстоянии 1,25 м к северо-востоку от первого горшка и ниже горизонта на 30 см найден второй горшочек остроребериой формы — высота его 7 см, диаметр горла 10,5 см, диаметр наибольшей ширины тулова 12—12,5 см, диаметр дна 3,5 см, дно тоже круглое, уплощенное (рис. 60, *1*). Горшочек богато орнаментирован гребенчатым штампом от венчика до дна и по ребру, а по торцу венчика нанесены насечки. По шейке имеются два симметрично расположенных сквозных прокола. В тесте горшков примесь ракушки. Оба сосуда типично абашевские. Погребение в раскопе не обнаружено. Открытое при рытье погреба погребение (карта № 10) в с. Левашовка на усадьбе колхозницы П. В. Татаринцевой относится, вероятно, к срубной культуре эпохи бронзы. В могильной яме, под едва заметным курганчиком, на глубине до 1,5 м, лежали два скелета взрослых людей в скорченном положении, на левом боку (на месте к моему приходу сохранился только один костяк), ориентированные головой на северо-восток. Около черепов стояло по одному горшку баночной формы, украшенные у венчика черточками врезанного орнамента. В верхней части могилы прослеживался древесный тлен, возможно, остатки бревенчатого перекрытия.

В результате произведенной разведочной работы можно сделать следующие выводы.

1. Аннинский район, собственно долина р. Битюг, в эпоху бронзы был местом обитания оседлых земледельческо-скотоводческих племен различных культур эпохи бронзы (катакомбной, абашевской, позднесрубной). Вероятно, этот район в эпоху бронзы был охвачен широкими межплеменными связями. Аналогии нашей керамике, подтверждающие эти выводы, мы можем найти на р. Оскол [9], на Верхнем и Среднем Дону в пределах Воронежской области [10], в материалах из раскопок античного поселения Киммерика в Крыму [11], в памятниках срубно-хвалынской культуры в Башкирии [12] и в памятниках абашевской культуры Среднего Поволжья [13].

---

[8] Номер рисунка дан по работе П. Д. Либерова в настоящем томе.

[9] П. Д. Либеров. Разведки в пойме р. Оскола. КСИА, 1961, вып. 83, стр. 95—102.

[10] А. Н. Моськаленко. Памятники эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону. КСИИМК, 1952, вып. XLIII, стр. 99—107.

[11] И. Т. Кругликова. Памятники эпохи бронзы из Киммерика. КСИИМК, 1952, вып. XLIII, стр. 108—118.

[12] Р. Б. Ахмаров. Памятники срубно-хвалынской культуры в Башкирии. КСИИМК, 1955, вып. 59, стр. 81—90.

[13] «Абашевская культура в Среднем Поволжье». МИА, 1961, вып. 97.

2. Поселения эпохи бронзы, как правило, располагаются гнездами (на недалеком расстоянии одно от другого), в однородных топографических условиях. По площади они невелики, культурные остатки в них часто наслаиваются, что создает трудности в определении их культурной принадлежности и более точной датировки.

3. Керамика скифского времени на поселениях встречается редко (единичные черепки). Единственное поселение № 30 (у пос. Анна) со скифским материалом незначительно по площади и бедно находками (одно пряслице и несколько черепков). Отсутствие поселений эпохи раннего железа, вероятно, объясняется тем, что в этот период на р. Битюг жили кочевые племена, не оставлявшие после себя значительного материала, кроме отдельных фрагментов битой посуды. Материалы этого времени следует искать в курганах. Факт пребывания в районе кочевников на рубеже I в. до н. э. и I в. н. э. подтверждается находкой сарматского меча на лоле с. Новый Курлак [14].

4. После длительного перерыва на тех же местах (№ 15 у с. Старая Чигла и № 17 у пос. Кушелев) или на новых (№ 45 у с. Бродовое, на оз. Мордов) появляются новые поселения оседлых племен Боршевской или близкой к ней культуры. Возникновение этих поселений следует датировать не ранее VI—VII вв. н. э.

5. К наиболее поздним памятникам относятся славянские селища с круговой и отчасти лепной линейно-волнистой керамикой отличного качества. Очевидно, к славянским памятникам следует отнести и две железные крицы, найденные нами на поселении № 35 у пос. «Светлый путь» на Черном озере.

Славянские селища располагались на поселениях эпохи бронзы, например, у с. Желанное № 2, у пос. «Светлый путь» № 22, 34, 35, у с. Новый Курлак № 33 и 48. И только селище № 59 у с. Старая Тишанка возникло на необжитой широкой излучине надпойменной террасы. Место носит чисто русское название —«Поповская поляна».

Датировать возникновение славянских селищ, вероятно, следует XI—XII вв., т. е. домонгольским периодом Русского государства, а прекратили они свое существование, видимо, в первой половине XIII в.

А. Н. Москаленко, А. Д. Пряхин

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПОСЕЛЕНИЯХ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ВЕРХНЕМ И СРЕДНЕМ ДОНУ

Воронежский государственный университет с 1948 г. занимается археологическим обследованием бассейна Верхнего и Среднего Дона. За этот период выявлено и частично раскопано значительное количество памятников эпохи бронзы [1]. В данной работе публикуются материалы, полученные в результате раскопок 1952—1953 гг. на Архангельском городище Воронежской обл., раскопок 1958—1960 гг. на Елецком и Воргольском поселениях Елецкого района Липецкой обл., а также разведок по рекам Быстрая Сосна и Воронеж.

---

[14] Г. И. Корнюшин. Сарматский меч из Воронежской области. СА, 1961, № 2, стр. 246—247.

[1] А. Н. Москаленко. Из древнейшего прошлого Гремяченского района. «Природа и хозяйство Гремяченского района Воронежской области». Воронеж, 1953, стр. 22—25; Она же. Памятники эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону. КСИИМК, 1952, вып. XLIII; Она же. Курган эпохи бронзы близ с. Платавы Воронежской области. Тр. Воронежск. обл. краевед. музея, 1960, вып. 1.

Архангельское поселение

Архангельское поселение эпохи бронзы находится на северном мысу известного Архангельского (Голышевского) городища Воронежской обл. В результате раскопок (вскрыто около 1000 кв. м) получены материалы раннего железного века и борщевского времени [2], а также керамика и орудия труда эпохи бронзы. Эти находки были сосредоточены в нижней части культурного слоя.

Фрагменты керамики эпохи бронзы принадлежат лепным сосудам, сделанным из глины с примесью песка и иногда толченой ракушки. Поверхность керамики желтого и серого цвета, в изломе — черная. Толщина стенок — от 0,5 до 0,9 см. Формы сосудов почти не восстанавливаются, поэтому в основу деления керамики по группам положены орнамент и способ нанесения узора.

К первой группе керамики (рис. 1А, *1 — 10*) относятся фрагменты сосудов, орнаментированные мелкозубчатым и крупнозубчатым штампами, которые располагаются в елочку и рядами. Этот орнамент встречается в сочетании с глубокими округлыми, трубчатыми, ногтевыми вдавлениями и монолитным валиком. Керамика с таким орнаментом представлена горшками, имеющими высокий, почти прямой венчик, плавно переходящий в округлое тулово. Верхний срез венчиков плоский или закругленный. Подобная керамика широко распространена в Поволжье и Подонье [3].

Вторая группа керамики (рис. 1Б, *11—13*) украшена орнаментом из прочерченных параллельных линий, нередко сочетающихся с полосами, расположенными под углом. Иногда между двумя такими полосами заключены ромбы и прямоугольники. На ряде фрагментов прямые линии чередуются с ногтевыми вдавлениями и прямоугольными вдавлениями палочкой. Толщина стенок сосудов 0,4—0,6 см. Такой орнамент характерен для керамики воронежского варианта катакомбной культуры [4]. Он преобладает на посуде из поселения эпохи бронзы у с. Рамонь [5], у с. Сторожевое [6], у хут. Мостище [7], у с. Борщево [8]. Керамика, орнаментированная подобным образом, обнаружена и на памятниках, описываемых нами.

К третьей группе керамики принадлежат фрагменты сосудов, орнаментированные оттисками веревочки, располагающимися горизонтальными рядами. Иногда оттиски чередуются с узором из двойных ногтевых вдавлений, пальцевых защипов и рядов прямоугольных вдавлений, сделанных палочкой. Таким орнаментом обычно украшена вся верхняя часть сосуда. На некоторых фрагментах узор располагается по срезу венчика и по его внутренней стороне. Сосуды этой группы имеют форму горшков с почти прямым, плоским венчиком и округлым туловом. Подобная орнаментация оттисками веревочки, по мнению В. А. Городцова, типична керамике из погребений катакомбного времени в бассейне р. Северный Донец [9], известна она по посуде из поселений у хут. Мостище [10] и в бас-

---

[2] А. Н. Москаленко. Раскопки на Архангельском городище в 1952—1953 гг. КСИИМК, 1956, вып. 62.

[3] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 1955, вып. 46, стр. 30.

[4] Там же, стр. 85, рис. 16, *1, 2, 4, 6*.

[5] Сборы студентов Воронежск. гос. ун-та в 1959 г. Материалы хранятся в кабинете археологии ВГУ.

[6] П. Д. Либеров. Некоторые результаты разведок на Среднем Дону в сезон 1957 года. Тр. Воронежск. обл. краевед. музея, 1960, вып. 1, стр. 81.

[7] Там же, табл. II, рис. 16.

[8] Коллекция материалов с поселения у с. Борщево Воронежской обл. Фонды Воронежск. обл. краевед. музея.

[9] В. А. Городцов. Материалы археологических исследований на берегах реки Донца Изюмского уезда Харьковской губ. Труды XII АС, 1905, т. I, стр. 165.

[10] П. Д. Либеров. Некоторые результаты разведок на Среднем Дону в сезон 1957 года, табл. II, рис. 10.

сейне р. Оскол [11]. Четвертая группа фрагментов сосудов орнаментирована одинарными ногтевыми вдавлениями (рис. 1Б, *14—16*), расположенными параллельными рядами, в шахматном порядке и в елочку. Для этой группы характерны горшки с высоким или низким прямым венчиком, слегка отогнутым наружу. Такая керамика найдена на Костенковском поселении эпохи бронзы на Среднем Дону [12], на Кобяковском городище, в низовьях Дона [13]. В Тамбовской обл. она известна из Теньгушевского селища [14] и из поселения Перикс [15], в Мордовской АССР — из Давыдовского поселения [16]. Описанный нами орнамент из ногтевых вдавлений М. Е. Фосс называет «отступающей лопаточкой». Она считает, что этот орнамент характерен для более позднего времени, чем ямочно-гребенчатая керамика [17].

Пятая группа сосудов орнаментирована с помощью ромбического штампа (рис. 1Б, *17*). При орнаментации штамп ставился либо под углом к сосуду и тогда получались прямоугольные вдавления, либо перпендикулярно — в результате появлялись ромбические вдавления. Узор располагается горизонтальными рядами, иногда сочетается с двойными ногтевыми вдавлениями и с четырехугольными вдавлениями палочкой. Форма сосудов с таким декором не восстанавливается. Орнаментация ромбическим штампом особенно типична для керамики эпохи бронзы Тамбовщины [18].

Шестая группа обломков посуды по характеру орнаментации близка пятой группе (рис. 1Б, *18*, *19*). Это орнамент ромбическими вдавлениями, нанесенными специальным штампом, покрытым внутри мелкими зазубринами. Такими вдавлениями покрывалось тулово сосуда, а подчас и внутренний срез венчика, иногда сочетаясь с оттисками мелкозубчатого штампа. Таким орнаментом украшены миски и горшки с довольно сильно отогнутым наружу венчиком, плавно переходящим в округлое тулово.

Следующая, седьмая, группа фрагментов керамики орнаментирована рядами овальных вдавлений, которые расположены не только по всей внешней поверхности тулова сосуда, но и на внутренней стороне венчика (рис. 1Б, *20*, *21*). Такой орнамент встречается в сочетании с двойными и одинарными ногтевыми вдавлениями. У горшков этого типа венчик прямой и высокий или же невысокий, срезанный под острым углом. Тулово сосудов округлое.

Несколькими фрагментами на Архангельском поселении представлены сосуды, орнаментированные трубчатыми вдавлениями, расположенными параллельными горизонтальными рядами. О примерной форме сосудов этой группы можно судить лишь по одному фрагменту венчика. Край венчика отогнут наружу, срез его острый. Венчик плавно переходит в тулово. Такая керамика в бассейне Верхнего Дона известна на Елецком поселении, на селище у с. Рамонь [19], на поселении

---

[11] П. Д. Либеров. Разведки в пойме реки Оскол. КСИА 1961, вып. 83, стр. 99, рис. 39, *2*, *6*, *16*. Здесь такая керамика найдена в слоях катакомбного времени.

[12] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 91, рис. 19, *6*.

[13] Экспозиции отделов археологии Ростовского областного краеведческого музея и Таганрогского краеведческого музея.

[14] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье в эпоху поздней бронзы, стр. 80.

[15] Т. Б. Попова. Эпоха бронзы на Тамбовщине. СА, 1961, вып. 3, стр. 144, рис. 4, *15*, *16*.

[16] Материалы раскопок Давыдовского поселения 1954 г., рук. А. Е. Алихова. Хранилище ИА АН СССР.

[17] М. Е. Фосс. Неолитическая стоянка Бисерово Озеро. КСИИМК, 1959, вып. 75, стр. 31, рис. 12, *3*, 11.

[18] Т. Б. Попова. Указ. соч., стр. 147.

[19] Сборы студентов Воронежск. гос. ун-та в 1959 г. Материалы хранятся в кабинете археологии ВГУ.

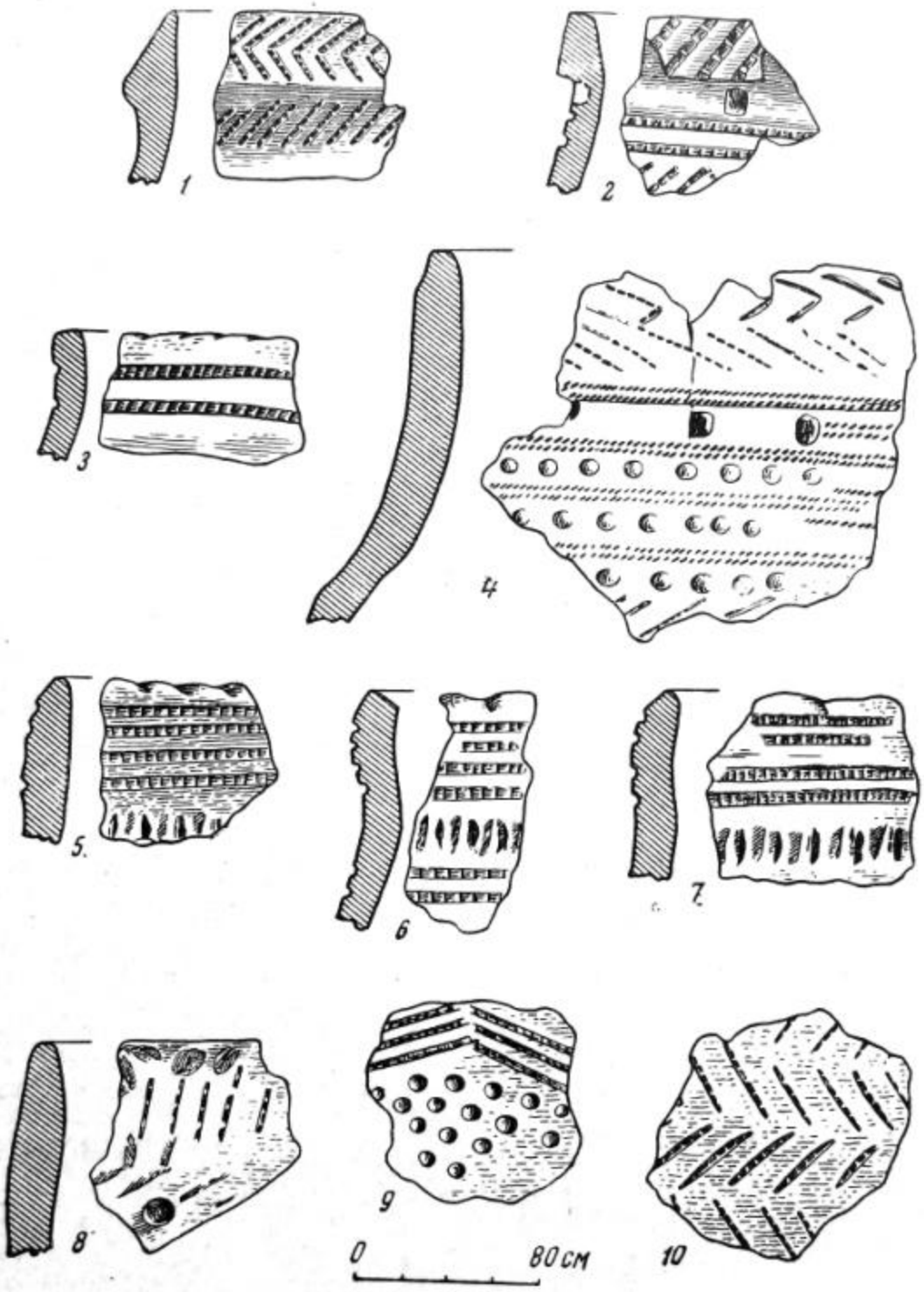


Рис. 1А. Керамика эпохи бронзы с городища у с. Архангельское

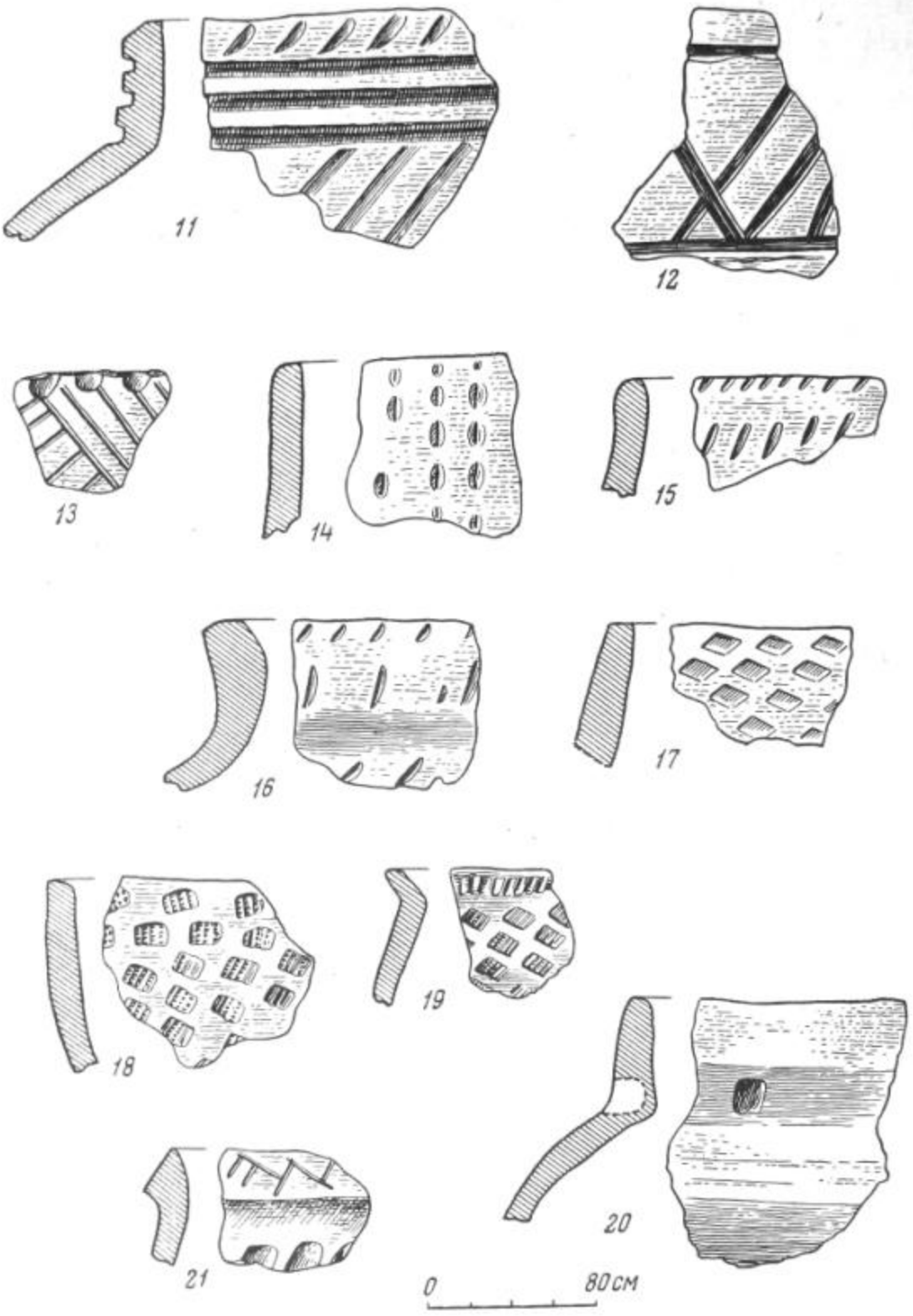


Рис. 16. Керамика эпохи бронзы с городища у с. Архангельское

у с. Сокольское [20] и еще на нескольких древних поселениях в Липецкой области [21]. Подобная керамика известна из Кобякова городища [22] и поселения у хут. Ляпичева [23]. В районе р. Оскол она найдена на Войновском поселении [24] и на дюнах в районе г. Валуйки [25], в лесной полосе встречалась на Верхнепаевском и Корнауховском поселениях в Мордовской АССР [26], у с. Перикс на Тамбовщине [27] и др.

На нашем поселении находки керамики немногочисленны, они орнаментированы круглыми вдавлениями в сочетании с пересекающимися насечками. Два фрагмента украшены параллельными рядами прямоугольных вдавлений палочкой. Такой орнамент широко распространен на керамике Воргольского поселения. На Дону подобная посуда была найдена на поселении у хут. Жукова [28], на Лукьяновском поселении [29], у хут. Ляпичева [30], в кургане с. Платава Воронежской обл. [31], но особенно часты такие находки в бассейне Северного Донца на территории бондарихинской культуры [32].

Кроме керамики, в культурном слое эпохи бронзы на Архангельском поселении найдена половина каменного сверленого топора-молотка (рис. 8, *3*), обломок кремневой стрелы (рис. 8, *4*) и три небольших скребка.

Описанные находки позволяют отнести Архангельское поселение эпохи бронзы ко второй половине II тысячелетия до н. э.

Воргольское поселение

Воргольское поселение расположено по мысу левого берега Воргола, притока Быстрой Сосны на территории современного села Нижний Воргол Елецкого района Липецкой обл. Длина мыса, на котором находится поселение, около 140 м, ширина 40—50 м. Две трети территории мыса отделены от остальной площади

---

[20] Материалы раскопок поселения у с. Сокольское, рук. В. П. Левенок, 1960 г. Фонд Липецкого областного краеведческого музея.

[21] Экспозиция «Эпоха бронзы в Липецкой области». Фонды Липецкого областного краеведческого музея.

[22] Экспозиции Ростовского областного краеведческого музея и Таганрогского краеведческого музея.

[23] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 97, рис. 22, *5*.

[24] П. Д. Либеров. Поселения у хуторов Войновки и Шведовки на р. Осколе. КСИА АН УССР, 1961, вып. 11, стр. 55, рис. 2, *9*.

[25] Сборы Г. Ф. Денисенко и А. Д. Пряхина 1960—1961 гг. Материалы хранятся в кабинете археологии ВГУ.

[26] Раскопки Верхнепаевского городища, рук. А. Е. Алихова, 1954 г. Хранилище ИА АН СССР.

[27] Раскопки поселения эпохи бронзы у с. Перикс, рук. Т. Б. Попова, 1957—1959 гг. Коллекции ГИМ, ф. 13.

[28] И. И. Ляпушкин. Из полевых изысканий разведочного отряда Волго-Донской экспедиции 1950 г. КСИИМК, 1953, вып. 50, стр. 133, рис. 57, *11*.

[29] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 90, рис. 18, *1*.

[30] Там же, стр. 96, рис. 21, *1*, *3*; стр. 97, рис. 22, *6*.

[31] А. Н. Москаленко. Курган эпохи бронзы близ с. Платавы Воронежской обл., табл. 1, рис. 4.

[32] В. А. Ильинская. Бондарихинская культура бронзового века. СА, 1961, вып. 1, стр. 29. Альбом к отчетам археологической экспедиции Харьковского Гос. ун-та за 1956—1958 гг. составлен Д. А. Шрамко. Хранятся в кабинете археологии ХГУ. А. Ф. Евминова. Поселения поздней бронзы верхнего течения р. Ворксы. КСИА АН УССР, 1961, вып. 11, стр. 84. П. Д. Либеров. Разведки в пойме реки Оскол, стр. 99, рис. 39, *1*.

большим валом и рвом, которые относятся к боршевскому времени. Мыс покрыт целинным покровом. Первые сборы подъемного материала на городище были проведены в 1959 г. студентами Воронежского университета. В 1960 г. городище шурфовалось археологической экспедицией ЛОИА АН СССР и Липецкого областного краеведческого музея под руководством В. П. Левенка [33]. В 1961 г. это городище раскапывалось археологической экспедицией ВГУ [34]. На городище выявлено два разновременных культурных наслоения — слой эпохи бронзы и слой более позднего времени. Нижние 10—20 см дают исключительно материалы эпохи бронзы, в верхней части культурного слоя наряду с керамикой эпохи бронзы встречается также керамика раннего железного века и боршевского типа.

В слое эпохи бронзы найдена заготовка кремневого топора, кремневая стрела с выемкой (рис. 8, *2*) и керамика (рис. 2, *1—8*; 3, *1—6*). Помимо этих находок, несколько лет назад учащимися 12-й средней школы г. Елец здесь был найден каменный топор.

Кремневая стрела обработана двуструйчатой ретушью, форма ее несимметричная. Подобные стрелы часто встречаются среди памятников эпохи бронзы Северного Кавказа [35] и на других территориях [36].

Вся керамика поселения эпохи бронзы сделана из плотного глиняного теста с большой примесью мелкого песка.

В изломе фрагменты сосудов черного цвета, их внешняя поверхность — красноватая. Толщина стенок сосудов — 0,2—0,4 см.

Наиболее многочисленная группа керамики орнаментирована прямыми прочерченными параллельными линиями (рис. 2, *1—4*) и рядами угловых вдавлений. Иногда линии в беспорядке пересекают друг друга. Такой узор сочетается с двойными пальцевыми вдавлениями и с оттисками трубочкой.

Вторая по численности группа керамики орнаментирована вдавлениями, сделанными прямоугольной палочкой, поставленной под углом. Они располагаются параллельными рядами или в елочку (рис. 2, *5—8*). Такой орнамент встречается вместе с круглыми вдавлениями, с прямоугольными прочерченными линиями и со сквозными отверстиями. Керамика данной группы представлена двумя типами горшков. Первые из них имеют невысокий отогнутый наружу венчик с острым срезом (рис. 2, *5—6*). Второй тип горшков отличается почти прямым венчиком с округлым или прямым верхним срезом (рис. 2, *7—8*).

Третью группу составляют фрагменты керамики, украшенные трубчатыми вдавлениями (рис. 3, *1*, *2*). Этот орнамент сочетается с прямыми прочерченными линиями и с рядами ногтевых оттисков. Сосуды с таким орнаментом имеют высокие несколько отогнутые наружу венчики с утолщением в верхней части. Венчики у них плавно переходят в тулово.

---

[33] В. П. Левенок. Отчет о работах Верхнедонской археологической экспедиции за 1960 г. Архив ИА АН СССР.

[34] А. Н. Москаленко. Отчет о работе археологической экспедиции ВГУ в 1961 г. Архив ИА АН СССР.

[35] В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тысячелетие до н. э.). МИА, 1960, № 93, стр. 99, 100.

[36] А. Д. Столяр. Раскопки курганов у хут. Попова в 1950—1951 гг. Труды Волго-Донской археологической экспедиции, т. I, МИА, 1958, № 62, стр. 382, рис. 23, *3*; И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг.). Памятники Нижнего Поволжья, т. I, МИА, 1959, № 60, стр. 119, рис. 38, *5*. Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, 1954, № 36, стр. 41, рис. 7. А. В. Добровольский. Поселение бронзового века Бабино.— З. КСИА АН УССР, 1957, № 7, стр. 42, рис. 2, *8*. Т. Б. Попова, Племена катакомбной культуры. Труды ГИМ, 1955, вып. 24, стр. 163, рис. 31, *6*, *12*. В. М. Раушенбах. Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз. «Археологический сборник». Труды ГИМ, 1960, вып. 37, стр. 35, рис. 4, *5*. Л. Нидерле. Человечество в доисторические времена. СПб., 1898, стр. 163, рис. 118.

Четвертая группа сосудов орнаментирована одинарными или парными ногтевыми вдавлениями (рис. 3, *2—4*), иногда в сочетании с трубчатыми оттисками. Сосуды этой группы имеют слегка отогнутый наружу венчик, плавно переходящий в тулово. Обрез венчика острый.

Несколькими фрагментами представлена керамика, орнаментированная оттисками веревочки, в виде параллельных горизонтальных рядов, иногда в сочетании с пересекающимися прочерченными линиями в виде ромбов или с продолговатыми вдавлениями. Горшки с подобным орнаментом имеют слегка утолщенный венчик с острым и прямым срезом.

Один фрагмент сосуда, найденный на Воргольском городище, украшен узором зубчатого штампа и ямочных вдавлений (рис. 3, *5*). В тесте этого сосуда наряду с примесью песка есть примесь толченой ракушки, что совершенно не характерно для керамики данного поселения. Сосуд имеет прямой высокий венчик с утолщением в нижней части. Венчик плавно переходит в тулово.

Таковы основные виды орнаментации керамики Воргольского поселения. Они близки узорам древней посуды Архангельского поселения. Однако орнамент сосудов Воргольского поселения имеет ряд своеобразных черт: здесь преобладает узор из прямоугольных вдавлений, нанесенных палочкой, поставленной под углом; кроме того, здесь имеют место несколько иные элементы орнамента (узор менее сложен), иное их сочетание; на Воргольском поселении совершенно отсутствует орнамент из оттисков ромбического штампа и овальных вдавлений, характерный для Архангельского поселения.

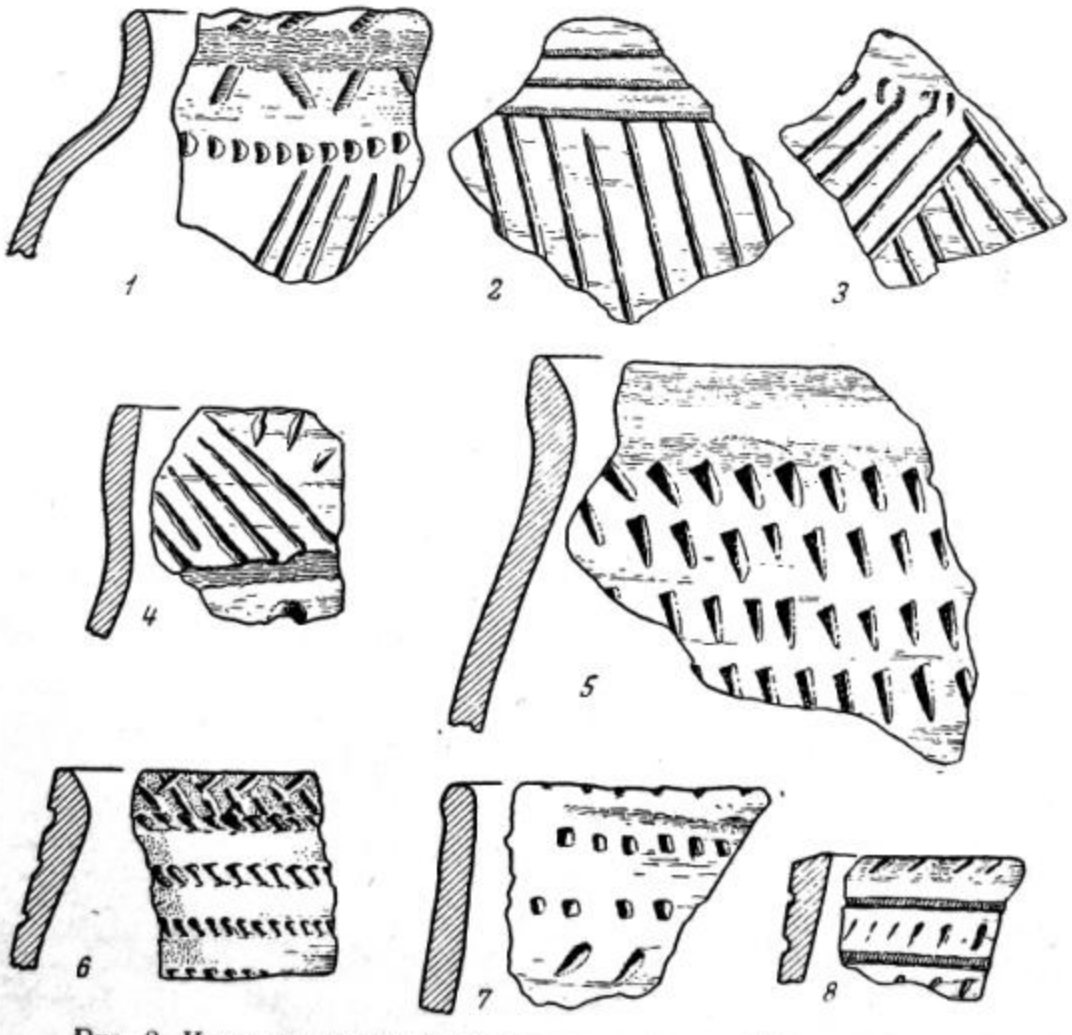


Рис. 2. Керамика эпохи бронзы с городища у с. Нижний Воргол

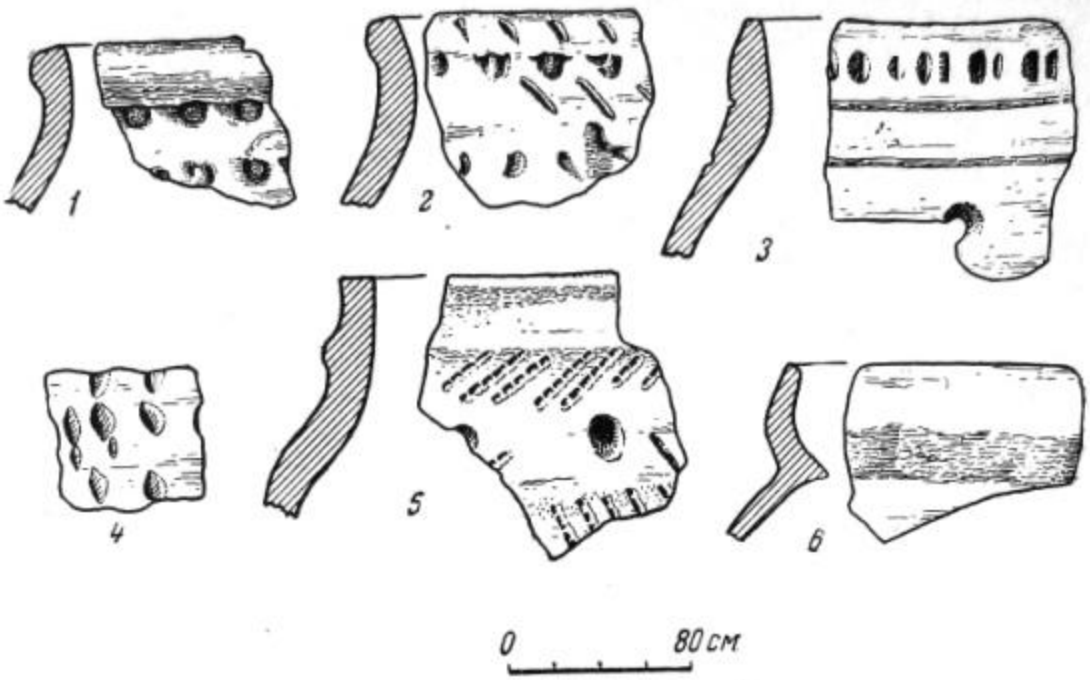


Рис. 3. Керамика эпохи бронзы с городища у с. Нижний Воргол

В целом же общий облик керамики позволяет отнести Воргольское поселение к заключительному этапу эпохи бронзы. Это же подтверждается и другим вещественным материалом из поселения. Незначительность культурного слоя указывает на то, что на поселении жили недолго.

Елецкое поселение

Елецкое поселение расположено на мысу левого высокого берега Быстрой Сосны в пределах современного г. Елец, на так называемой Кошкиной горе. Сейчас территория поселения застроена. При строительстве дороги мыс, на котором расположено поселение, был частично срезан. В 1958—1959 гг. поселение обследовалось студентами Воронежского университета. В результате шурфовки и осмотра обнажений удалось установить, что слой эпохи бронзы толщиной в 30—35 см перекрывается довольно мощными наслоениями позднего времени. В обнажении хорошо был виден профиль полуземлянки, стенки которой оплыли. Это было помещение, углубленное в материковую глину на 65 см и заполненное черноземом. На полу постройки сохранилась очажная ямка, заполненная золой.

В слое эпохи бронзы наряду с керамикой бронзового века встречено несколько фрагментов стенок и днищ, по форме приближающихся к керамике раннего железного века Подонья. Вся керамика эпохи бронзы вылеплена из плотной глины с примесью песка. В изломе фрагменты сосудов черного цвета, их внешняя поверхность красноватая или желтая, а внутренняя — желтая или серая. Толщина стенки 0,5—0,9 см. Керамика по типам орнамента разбивается на несколько групп.

Наиболее многочисленную группу составляет посуда, орнаментированная узкими или широкими прочерченными линиями, которые образуют пояски из углов и ромбов (рис. 4, *1—5*). Встречается орнамент из прямых прочерченных линий, расположенных в елочку (рис. 4, *4*), иногда он встречается вместе с одинарными и двойными ногтевыми вдавлениями (рис. 4, *5*), с вдавлениями палочкой, поставленной под углом. О форме сосудов, орнаментированных подобным образом, можно судить лишь по трем венчикам. У одного из горшков венчик довольно высокий, расширяющийся кверху. Тулово этого сосуда округлое (рис. 4, *1*).

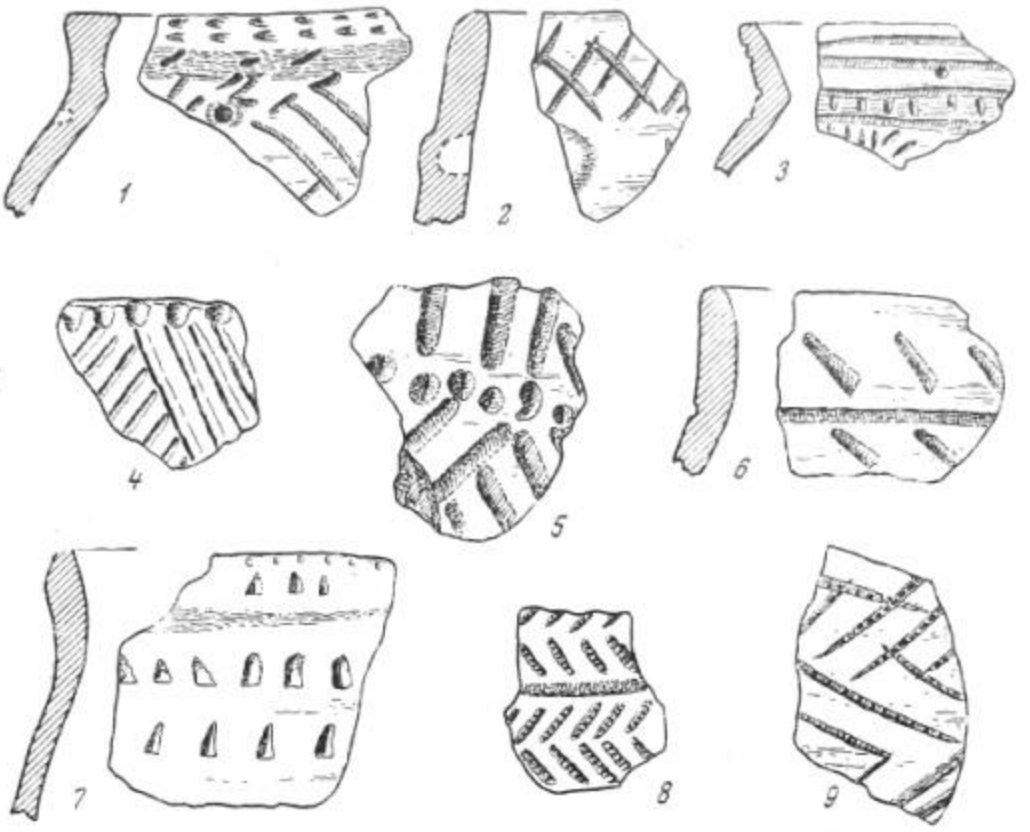


Рис. 4. Керамика эпохи бронзы с поселения у г. Елец

Венчик второго сосуда высокий, прямой (рис. 4, *2*). Третий закругленный и несколько отогнутый наружу венчик, с плавным переходом в округлое тулово, принадлежит небольшому сосуду (рис. 4, *3*).

Вторая группа керамики орнаментирована вдавлениями палочкой, поставленной под углом (рис. 4, *6—7*), образующими горизонтальные параллельные ряды. Так украшалось тулово сосуда, а иногда и шейка. Подобный орнамент встречается вместе с ногтевыми вдавлениями и с прямыми прочерченными линиями. Таким узором украшены горшки двух типов: с высоким, почти прямым венчиком (рис. 4, *6*) и с высоким венчиком, слегка утолщенным в верхней части (рис. 4, *7*).

Следующую группу составляют фрагменты керамики, орнаментированные оттисками крупнозубчатого и мелкозубчатого гребенчатого штампа, образующего елочку (рис. 4, *8—9*). Этот орнамент сочетается с горизонтальными прочерченными линиями и с вдавлениями изнутри.

В особую группу следует выделить фрагменты сосудов, орнаментированные при помощи штампов в виде розетки, прямоугольника или ромба (рис. 5, *4—6*). Всего лишь несколькими фрагментами представлена керамика, украшенная двойными ногтевыми вдавлениями (рис. 5, *1, 2*). Этот орнамент на одних фрагментах располагается горизонтальными рядами, на других—бессистемно. На некоторых фрагментах этой группы с внутренней стороны заметны следы сглаживания травой. Горшки имеют невысокий несколько отогнутый и расширяющийся кверху венчик, плавно переходящий в округлое тулово. Верхний срез венчика прямой (рис. 5, *2*). На нескольких фрагментах имеется орнамент из продолговатых углублений (рис. 5, *3*), из трубчатых вдавлений, из оттисков веревочки, нанесенных двумя рядами. Черепок с таким веревочным узором содержит в тесте толченые ракушки. Такая примесь в большинстве обломков керамики этого поселения отсутствует. На поселении найден обломок венчика сосуда, который сверху закрывался крышкой. По внешней его стороне расположен орнамент пересекающихся линий (рис. 5, *7*).

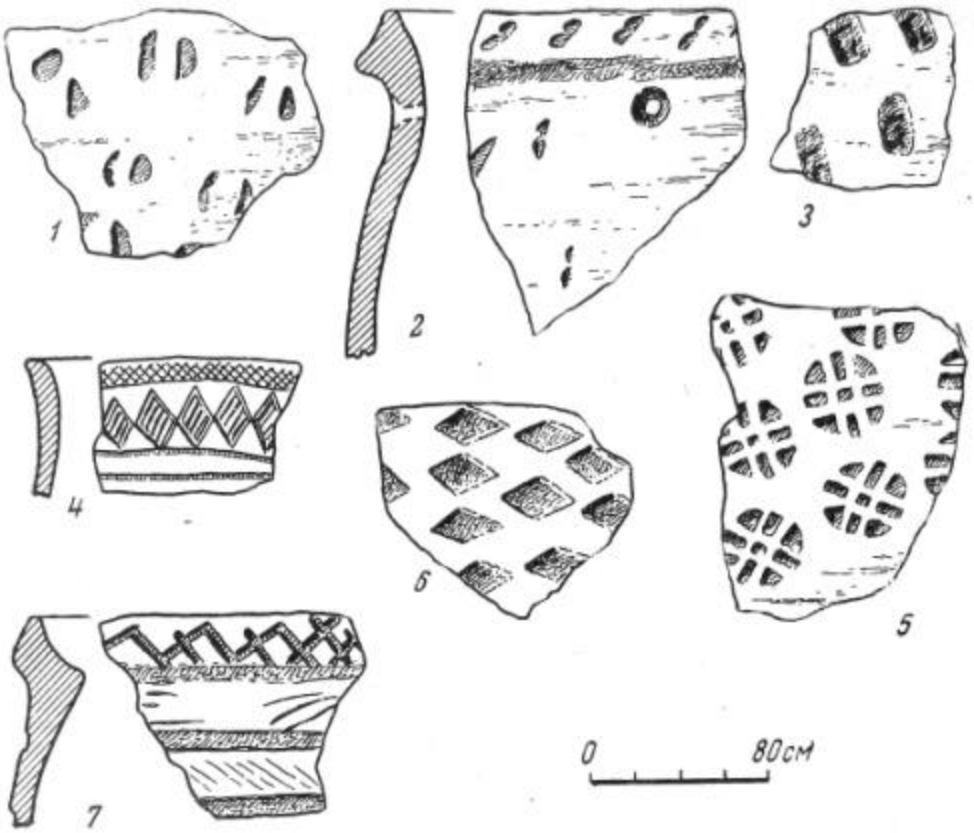


Рис. 5. Керамика эпохи бронзы с поселения у г. Елец

Таким образом, главным орнаментальным мотивом на сосудах Елецкого поселения являются прямые прочерченные линии. Керамика с таким узором находит аналогии в материалах с Архангельского поселения. Исключение составляет обломок керамики с орнаментом в виде розетки, аналогии которому нам не известны. По времени Елецкое поселение несомненно близко к Архангельскому.

Разведки по реке Воронеж

По р. Воронеж был обследован правый берег от Дома отдыха имени М. Горького (в черте г. Воронеж) до пос. Рамонь на границе с Липецкой обл. Правый берег р. Воронеж на этом участке высокий, изрезан глубокими поперечными балками и покрыт лиственным лесом.

На территории широко известного в археологической литературе славянского городища у Михайловского кардона [37] собрано несколько десятков обломков керамики эпохи бронзы. Два из них орнаментированы. На одном — орнамент «отступающей лопаточкой» (рис. 6, *1*), на другом — из продолговатых вдавлений с поперечными линиями (рис. 6, *2*). Сосуды были вылеплены из плотной глины с большой примесью песка. В изломе они черного цвета, внешняя поверхность — красноватая. Толщина стенок — 0,6—0,9 см.

Новое поселение эпохи бронзы открыто на мысу правого высокого берега р. Воронеж. Мыс удлиненный, со стороны плато укреплен довольно мощным валом и рвом более позднего времени. Территория поселения поросла лесом. Со стороны реки берег разрушается. В обнажении отчетливо виден культурный слой толщиной 55—60 см. Он сложен из чернозема с примесью супеси. Здесь обнаружена неглубокая яма хозяйственного назначения с округлыми боками.

[37] П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, 1948, № 8, стр. 107—110.

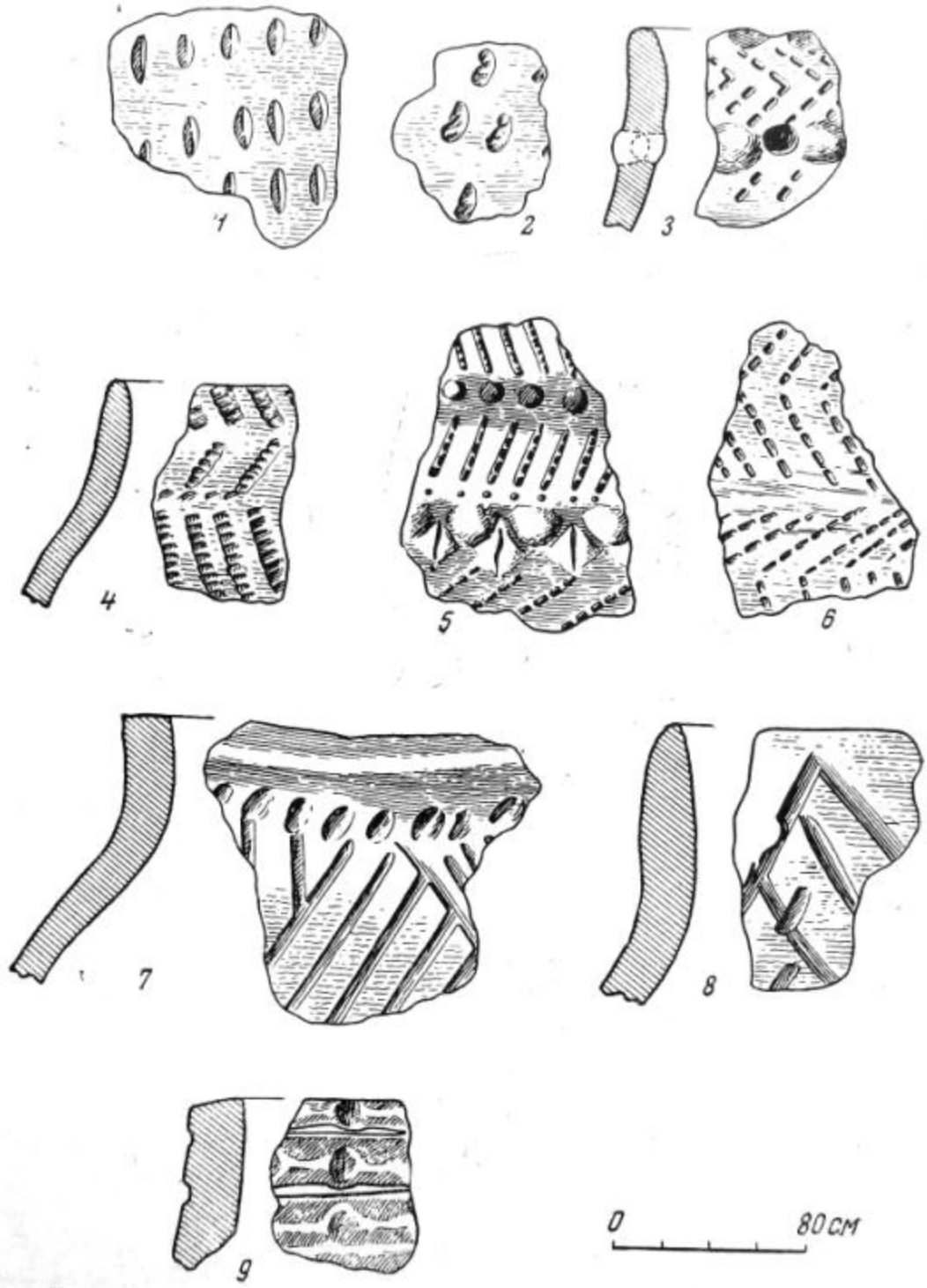


Рис. 6. Керамика эпохи бронзы с поселений по р. Воронеж

На поселении собрано много керамики эпохи бронзы и несколько фрагментов, относящихся к раннему железному веку. Керамика эпохи бронзы сделана из очень плотной, хорошо промешанной глины со значительной примесью песка. В изломе она черного цвета. Ее внешняя поверхность серая или черная. По орнаменту керамика может быть разделена на три группы.

Первая группа орнаментирована крупнозубчатым гребенчатым штампом (рис. 6, *3—6*), образующим горизонтальные ряды и елочку. Иногда орнамент елочкой встречается вместе с трубчатыми или с двойными ногтевыми вдавлениями по плечикам, по обрезу венчика и с глубокими ямочными вдавлениями с внутренней и внешней стороны. Эти горшки имеют высокие несколько отогнутые наружу округлые венчики.

Вторая группа керамики орнаментирована довольно широкими и глубокими небрежно прочерченными линиями (рис. 6, *7*, *8*), располагающимися в елочку и под углом друг к другу. Этот орнамент сочетается с оттисками палочкой под углом и с двойными ногтевыми вдавлениями. О примерной форме этих сосудов можно судить по двум венчикам. У одного сосуда венчик прямой, плавно переходящий в тулово (рис. 6, *7*). Другой сосуд имеет венчик, слегка отогнутый наружу (рис. 6, *8*).

Третья группа керамики орнаментирована горизонтальными рядами вдавлений, сделанных прямоугольной палочкой. Несколько особняком среди керамики с Егеревского поселения стоит один фрагмент венчика, украшенный тремя примыкающими друг к другу валиками с ногтевыми вдавлениями. Венчик высокий, край срезан наружу, в тулово переходит почти под углом (рис. 6, *9*).

Третье поселение эпохи бронзы открыто на высоком берегу Воронежа, недалеко от с. Чертовицкое. Со стороны плато мыс, на котором расположено поселение, отделен валом и рвом, по-видимому, эпохи раннего железа. Шурфовкой на мысу выявлен культурный слой толщиной в 25—35 см, он начинается сразу же под дерновым слоем и состоит из чернозема с небольшой примесью песка. На поселении собрана керамика эпохи бронзы и раннего железного века. Керамика эпохи бронзы орнаментирована прямыми прочерченными линиями и вдавлениями зубчатого штампа.

По типам орнамента керамика с этих трех поселений близка керамике Архангельского поселения. Это позволяет датировать их так же, как и Архангельское поселение, второй половиной II тысячелетия до н. э.

Разведки по реке Быстрая Сосна

По левому берегу Быстрой Сосны на первой и второй надпойменных террасах от с. Черкассы Елецкого района Липецкой обл. (недалеко от впадения р. Быстрая Сосна в Дон) до д. Святое Ливенского района Орловской обл. (по верхнему течению Быстрой Сосны) обнаружено 13 пунктов с керамикой эпохи бронзы. Берег на этом участке невысокий, он лишь кое-где перерезан небольшими поперечными балками. На большинстве пунктов собраны лишь единичные фрагменты керамики рассматриваемого времени. Это в большинстве своем стенки сосудов, не имеющие орнамента. Два поселения эпохи бронзы обнаружены на левых притоках Быстрой Сосны — одно на левом берегу р. Ельчик, другой — на правом берегу р. Ливенка.

Поселение напротив с. Черкассы расположено на левом берегу Быстрой Сосны. Размеры поселения 30 × 60 м. Здесь на поселении собрана славянорусская керамика XIII—XIV вв. и керамика эпохи бронзы. Последняя сделана из плотной глины с примесью песка и ракушки. Внешняя поверхность ее красноватая. На одном фрагменте имеется орнамент, состоящий из прямой прочерченной линии и ряда подтреугольных косых вдавлений (рис. 7, *1*).

Поселение у Ливенского карьера под Ельцом находится на окраине города на левом берегу Быстрой Сосны, оно тянется вдоль берега на 100—200 м при ширине в 50—60 м, покрыто пелинным покровом. При зачистке обнажения со стороны реки выявлен культурный слой толщиной в 25—30 см, состоящий из

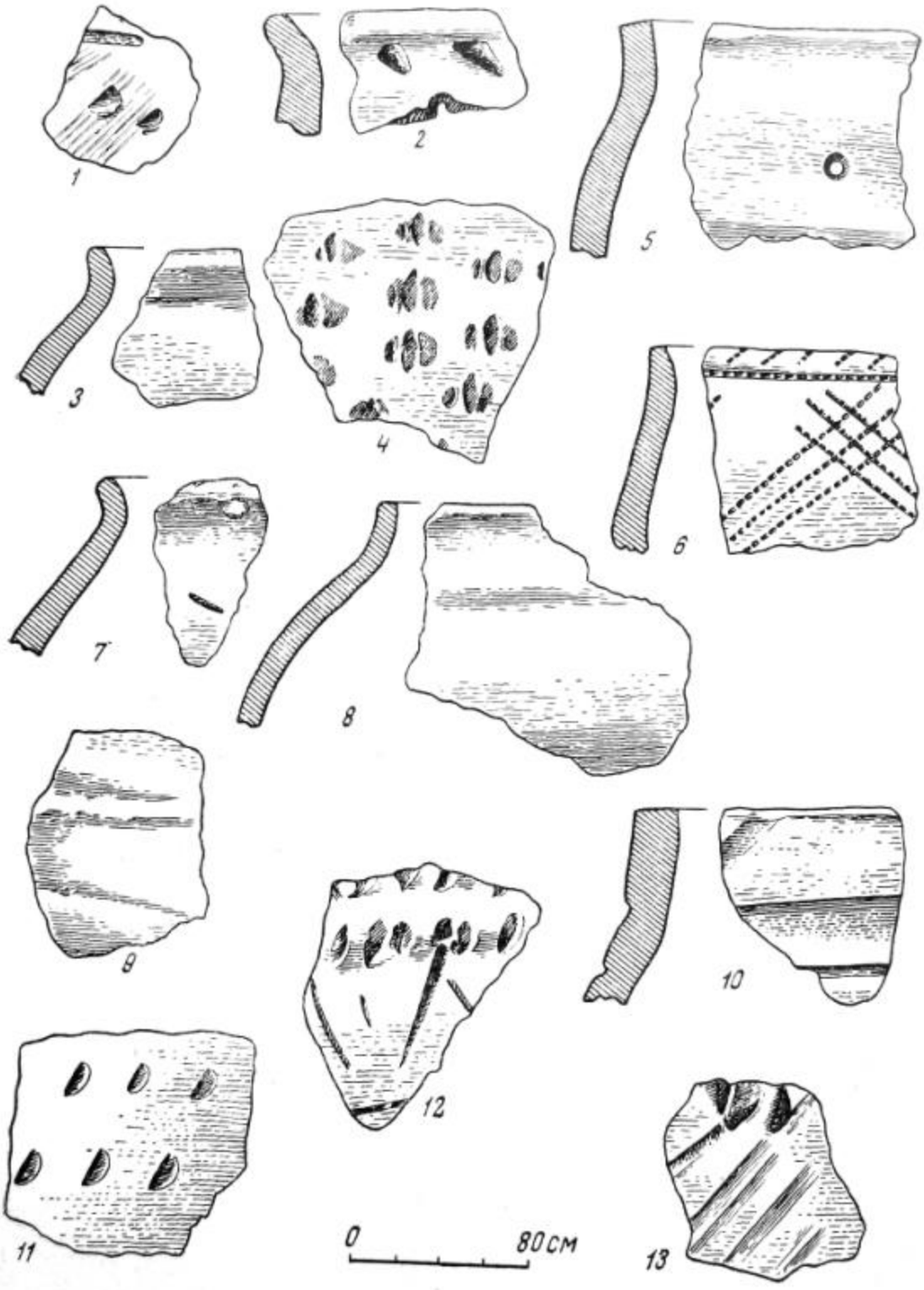


Рис. 7. Керамика эпохи бронзы с поселений по р. Быстрая Сосна

чернозема с небольшой примесью известняковой щебенки. Культурными остатками беден. В слое найдены неорнаментированные стенки сосудов эпохи бронзы. Тесто сосудов плотное, в глине заметна примесь песка.

Поселение, находящееся напротив с. Чернышовка, расположено на левом берегу Быстрой Сосны. Оно протянулось вдоль берега на 300—350 м, имеет ширину в сторону плато 150 м. Территория поселения в настоящее время распахивается. На пашне собрано несколько десятков фрагментов керамики эпохи бронзы. Они принадлежат горшкам со слегка отогнутым наружу венчиком, который плавно переходит в округлое тулово (рис. 7, *2*, *3*). Вылеплены они из плохо промешанной глины с примесью песка. В изломе керамика черного цвета, внешняя поверхность черепков серого или желтого цвета, внутренняя — желтая. На одном фрагменте сосуда обнаружен орнамент — подтреугольное вдавление и сквозные отверстия (рис. 7, *2*).

На левом берегу Быстрой Сосны, у с. Сведеревка было открыто два поселения эпохи бронзы. Первое поселение расположено на западной окраине этого села. Территория поселения частично распахивается. Определить размеры его не удалось. Собранная керамика представляет в основном стенки сосудов. Они вылеплены из довольно плотной глины с большой примесью песка. Толщина стенок 0,6—1 см. Один из фрагментов орнаментирован косыми продолговатыми вдавлениями, на другом фрагменте — орнамент из ямочек с неровностями (рис. 7, *4*).

Второе поселение расположено на восточной окраине села. Здесь собрано довольно много керамики эпохи бронзы, вылепленной из плотной глины с примесью мелкого песка. Поверхность их не орнаментирована.

Два поселения эпохи бронзы были открыты также на двух соседних мысах левого берега Быстрой Сосны, невдалеке от с. Крутое, находящегося на прилегающем плато. Одно из поселений мы условно называем западным, другое — восточным. Между ними по логу протекает небольшой ручей. Западное поселение занимает оконечность мыса между Быстрой Сосной и указанным ручьем. На распахиваемой поверхности собрана керамика эпохи бронзы. Вся она сделана из довольно плотной глины с примесью мелкого песка. Внешняя поверхность керамики красноватая и серая, без орнамента. На нескольких обломках прослеживаются следы от заглаживания травой.

Восточное поселение занимает почти весь мыс, примыкающий к ручью с восточной стороны. Его территория в два-три раза больше западного поселения. Мощность культурного слоя 30 см. Он состоит из чернозема с примесью известняковой щебенки. На пашне собрана керамика эпохи бронзы и более позднего времени. Ранняя керамика сделана из плотной глины с довольно большой примесью мелкого песка. В изломе фрагменты черные, внешняя их поверхность красноватая. Два фрагмента сосудов орнаментированы продолговатыми и округлыми вдавлениями.

Поселение на западной окраине д. Глушица находится на левом берегу Быстрой Сосны. Оно расположено на довольно большом мысу. Здесь была собрана керамика эпохи бронзы. Сосуды отличаются толстыми стенками, вылеплены из глины с примесью песка. Один фрагмент орнаментирован прямыми прочерченными линиями.

Другое однослойное поселение расположено на невысоком берегу р. Быстрая Сосна в 1 км восточнее д. Глушица. Среди фрагментов керамики преобладают неорнаментированные стенки. Тесто сосудов плотное с примесью песка и ракушки, со следами заглаживания травой. Кроме керамики, на поселении найден кремневый скребок (рис. 8, *1*) и несколько кремневых отщепов.

Поселение напротив д. Ильинка находится на левом невысоком и перерезанном поперечными балками берегу р. Быстрая Сосна. Здесь выявлен культурный слой толщиной 50 см и собраны кости животных и керамика эпохи бронзы. Обломки керамики принадлежат горшкам с невысоким, прямым венчиком, который плавно переходит в округлое тулово. Совершенно аналогичная по форме керамика встречена на западном поселении у д. Глушица.

Поселение у д. Маховщина находится на мысу, у подножия которого течет ручей. Скаты мыса пологие. Культурный слой залегает сразу под дерном, его мощность 30—35 см, это чернозем с небольшой примесью песка. Насыщенность

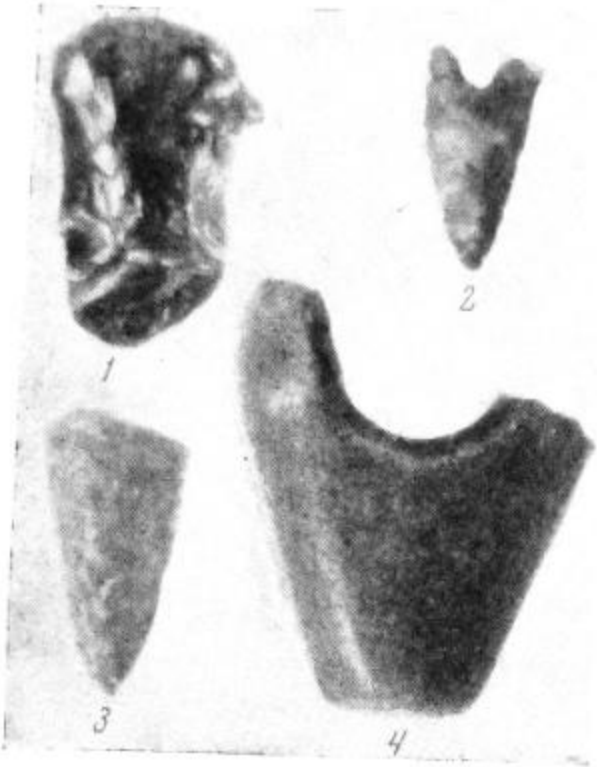


Рис. 8. Каменные орудия с поселений эпохи бронзы

1, *2* — из городища Архангельское; *3* — из городища Воргольское; *4* — из поселения на р. Быстрая Сосна

культурными остатками значительная: собрано много керамики эпохи бронзы и костей домашних животных. По венчикам удается определить несколько форм сосудов. Это прежде всего остроребериые горшки с невысоким, слегка отогнутым наружу венчиком, непосредственно переходящим в тулово. Срез венчика у этих сосудов округлый, по срезу расположен орнамент из косых вдавлений зубчатого штампа. Ниже идет горизонтальная линия, сделанная также зубчатым штампом и орнамент в виде пересекающихся ломаных линий (рис. 7, *6*). Второй тип сосудов — горшки с отогнутым наружу венчиком, плавно переходящим в круглое тулово (рис. 7, *7*). К третьему типу относятся сосуды с невысоким почти прямым венчиком, сразу же переходящим в округлое тулово (рис. 7, *8*). Четвертая форма сосудов — миски с округлым верхним срезом и пухлыми боками. Одна из мисок орнаментирована горизонтальным рядом косых насечек. Вся керамика сделана из плотной глины с примесью песка. В изломе фрагменты черные, их внешняя поверхность красноватая и серая, иногда со следами заглаживания травой.

Напротив д. Заячий Брод, вдалеке от впадения р. Исавка в р. Быстрая Сосна, на левом берегу Быстрой Сосны расположено небольшое поселение. Культурный слой, залегающий сразу же под дерном, имеет толщину 15—17 см. Поселение однослойное. Керамика представлена только неорнаментированными фрагментами стенок сосудов эпохи бронзы. В изломе они черного цвета, поверхность красноватая, с внутренней стороны заметны следы заглаживания травой.

Поселение эпохи бронзы на р. Ельчик обнаружено на левом невысоком берегу напротив д. Хмелинец. Вдоль берега оно простирается на 300—325 м, в сторону плато — на 200 м. Здесь собрана керамика эпохи бронзы, так называемая рогожная керамика раннего железного века и обломки славянорусской посуды XIII—XIV вв. Основная масса керамики сосредоточена в центральной части поселения. По составу теста и по обжигу керамика эпохи бронзы этого поселения сходна с керамикой ранее описанных Елецкого и Воргольского поселений. Орнамент обнаружен только на двух фрагментах: это монолитные валики (рис. 7, *9*) и прямые глубоко прочерченные линии (рис. 7, *10*).

Поселение на р. Ливенка находится на высоком мысу правого берега реки. Территория мыса от плато отделена довольно мощным валом и рвом, которые относятся к славянорусскому периоду. Мыс частично разрушен под действием воды. Размеры сохранившейся площадки — 25 × 35 м. Сразу же под дерном идет культурный слой толщиной в 40 см, он состоит из чернозема с небольшой примесью песка. Здесь найдена керамика эпохи бронзы и фрагменты стенок от славянорусских сосудов. Культурных остатков сравнительно немного. Керамика эпохи бронзы сделана из плотной глины с большой примесью песка. В изломе она черная, ее поверхность красноватая. Некоторые фрагменты орнаментированы параллельными рядами одинарных ногтевых вдавлений (рис. 7, *11*), двойными ног-

тевыми вдавлениями и удлиненными прочерченными линиями, расположенными под углом (рис. 7, *12*, *13*).

Итак, почти все вновь выявленные поселения эпохи бронзы по р. Быстрая Сосна и ее притокам расположены на высоких берегах. Для них характерна небольшая площадь, незначительная толщина культурного слоя и бедность культурными остатками. Это свидетельствует о том, что данные поселения существовали непродолжительное время. Судя по находкам керамики, они относятся к концу эпохи бронзы.

Территориально все описанные поселения эпохи бронзы находятся на стыке леса и степи. Поэтому керамический материал поселений в известной степени отражает, с одной стороны, влияние лесных культур эпохи бронзы, а с другой,— влияние культур бронзового века степной полосы — катакомбной, срубной и бондарихинской.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВУАК — Воронежская ученая архивная комиссия
ГИМ — Государственный Исторический музей
ЗРАО — Записки Русского Археологического общества
ИА — Институт Археологии АН СССР
ИАК — Императорская Археологическая комиссия
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР
ЛОИА — Ленинградское Отделение Института Археологии Академии наук СССР
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Музей археологии и этнографии в Ленинграде
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
СА — Советская археология
СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры
Тр. VIII АС — Труды VIII Археологического съезда
Тр. XII АС — Труды XII Археологического съезда
Тр. XIII АС — Труды XIII Археологического съезда
Тр. ИМАО — Труды Императорского Московского археологического общества
ESA — Eurasia Septentrionalis Antigua

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Курганы и поселения в урочище «Частые курганы» 7
История исследований 7
Раскопки курганов и поселений 11
Анализ вещевого материала из поселений эпохи бронзы . . . 26
Курганы у с. Кондрашовка 51
Поселение № 2 у хутора Сасовка II Колбинского сельсовета Острогожского района Воронежской области 55
Занятия и быт племен эпохи бронзы по археологическим данным . . 66
Синхронность курганов и поселений эпохи бронзы и аналогии . . . 69

Памятники катакомбной культуры 82

Об абашевской культуре на Среднем Дону 111

Заключение 157

Приложения 162

В. И. Гуляев. Памятники эпохи бронзы у с. Русская Тростянка . 162

Г. И. Корнюшин. Археологические памятники в Аннинском районе Воронежской области (материалы к археологической карте) 174

А. Н. Москаленко, А. Д. Пряхин. Новые данные о поселениях эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону 189

Список сокращений 206

Петр Дмитриевич Либеров

Племена Среднего Дона в эпоху бронзы

Утверждено к печати
Институтом археологии
Академии наук СССР

Редактор *Я. А. Мильнер*
Редактор издательства *Г. В. Моисеенко*
Художник *К. Н. Никохристо*
Технический редактор *В. Г. Лаут и Г. Н. Шевченко*
Корректор *Л. С. Агапова*

Сдано в набор 12/VI 1964 г.
Подписано в печать 13/VIII 1964 г.
Формат 60×90¹/₁₆, печ. л. 13+2 вкл. (0,5 печ. л.);
уч.-изд. л. 14,3 (14,0+0,3 вкл.) Тираж 1000 экз.
Т-12221 Изд. № 2266, Тип. зак. № 864.
Темплан 1964 г. № 109
Цена 86 коп.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»,
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
21	В подписи к рис. 9	*1—3* — находки керамики (штык 2); *4* — лепной сосуд и бронзовое шило (штык 2); *5* — железный наконечник стрелы (штык 3);	*2, 3, 5, 8,* — находки керамики (штык 2); *4,7* — лепной сосуд и бронзовое шило; *6* — бронзовый нож; *9* — железный наконечник стрелы (штык 3);
154	13 сн.	Т. И. Корнюшина	Г. И. Корнюшина